

Альбер Матъез

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Перевод с франц. К.И.Цидербаума

Переиздано изд-вом «Феникс» (Ростов-на-Дону) в 1995, дополнено вступительной статьей А.Егорова «Альбер Матъез: “пламенный историк пламенной революции”»

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

[http://vive-](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm)

[liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm)

Скан книги разделен по томам.

Ссылки на дополнительные материалы даны нами.

Мы не пытались дать исчерпывающий перечень тематических ссылок, поэтому любознательных читателей приглашаем самостоятельно изучить содержимое нашей библиотеки.

Рекомендуем несколько работ, посвященных вопросам, не затронутых А.Матъезом, в частности:

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75053125.htm>

О.Старосельская-Никитина. Очерки по истории науки и техники в период Французской буржуазной революции (полный текст монографии)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/strsl_science.htm

Ф.Бенуа. Искусство Франции в эпоху Революции и Первой Империи

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/art_benois.htm

Ф.Саньяк. Гражданское законодательство Французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/sagniac_loi.htm

А.Радиге. Французские музыканты эпохи Великой французской революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p71561551.htm>

Подборка материалов о Матъезе и ссылки на его работы в сети:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#amtz>

Предисловие автора

Том I. ПАДЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

- Глава 1. Кризис Старого порядка
- Глава 2. Возмущение дворян
- Глава 3. Генеральные Штаты
- Глава 4. Парижская революция
- Глава 5. Восстание провинций
- Глава 6. Лафайет – «первый министр»
- Глава 7. Преобразование Франции
- Глава 8. Финансовый вопрос
- Глава 9. Религиозный вопрос
- Глава 10. Бегство короля
- Глава 11. Война
- Глава 12. Низвержение трона

Том II. ЖИРОНДА и ГОРА

Книга 1. КОНЕЦ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

- Глава 1. Коммуна и Законодательное собрание
- Глава 2. Сентябрь
- Глава 3. Выборы в Конвент
- Глава 4. Вальми

Книга 2. ПРАВИТЕЛЬСТВО ЖИРОНДЫ

- Глава 1. Трехдневное перемирие

- Глава 2. Выступление против «триумвиров»
- Глава 3. Образование третьей партии
- Глава 4. Процесс короля
- Глава 5. Финансы и дороговизна
- Глава 6. Завоевание естественных границ
- Глава 7. Первая коалиция
- Глава 8. Измена Дюмурие
- Глава 9. Вандея
- Глава 10. Падение Жиронды

Том III. ТЕРРОР

- Глава 1. Восстание федералистов
- Глава 2. Первые шаги великого Комитета общественного спасения
- Глава 3. Кризис в августе 1793 года
- Глава 4. Эбертисты и начало террора
- Глава 5. Гондшоот и Ватиньи
- Глава 6. Учреждение революционного правительства
- Глава 7. Революционное правосудие
- Глава 8. Иностранный заговор
- Глава 9. «Снисходительные»
- Глава 10. От «умеренных» к «крайним»
- Глава 11. Падение партий
- Глава 12. Реорганизация революционного правительства
- Глава 13. Флерюс
- Глава 14. Термидор

Альбер Матъез:
«пламенный историк пламенной революции».

Имя Альбера Матъеза (1874—1932), к сожалению, мало известно современному российскому читателю. Работы Матъеза, опубликованные на русском языке крохотными тиражами более полувека назад, давно уже стали библиографической редкостью¹. О самом их авторе и его произведениях можно найти, да и то не без труда, лишь скудные упоминания в монографических исследованиях по истории Великой революции и в разнообразных историографических обзорах, посвященных самому грандиозному историческому событию нового времени². Более или менее пространно о Матъезе писали в нашей стране в 20—30-е годы, когда, соответственно, и увидели свет его произведения в русском переводе. Но и тут Матъезу «не повезло». Дело в том, что ряд статей, рецензий, предисловий к трудам Матъеза был написан академиком Н. М. Лукиным³, разделившим трагическую судьбу многих отечественных историков в годы сталинских репрессий⁴.

¹ Матъез А. Французская революция. Т. 1—3. М., 1925—1930; его же Как побеждала Великая французская революция. М., 1928; его же Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928; его же Новое о Дантоне. М., 1928; его же Термидорианская революция. М., 1931.

² См.: Ревуненков В. Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966; Дунаевский В. А. Советская историография новой истории стран Запада. 1917—1941 гг. М., 1974; Собоуль А. Классическая историография Французской революции//Французский ежегодник, 1976. М., 1978; Далин В. М. Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981; От старого порядка к революции. К 200-летию Великой французской революции. Межвузовский сборник. Под ред. проф. В. Г. Ревуненкова. Л., 1988; Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789—1799. Л., 1989; Блуменау С. Ф. Современная французская историография революции по Франции конца XVIII в.//Новая и новейшая история, 1990, № 2.

³ См.: Лукин Н. М. Новая работа по социально-экономической истории эпохи террора//Историк-марксист, 1928. Т. 10; его же О новой книге Матъеза «La terreur»//Историк-марксист, 1928. Т. 7; его же Предисловие к русскому переводу//Матъез А. Французская революция. Т. 2. М., 1929; его же Альбер Матъез//Историк-марксист, 1932. Т. 3.

⁴ Дунаевский В. А. «Дело» академика Николая Михайловича Лукина//Новая и новейшая история, 1990, № 6. С. 186—191.

Естественно, что все написанное «врагом народа» Лукиным автоматически попало в разряд запрещенных публикаций и было изъято из библиотек. Кроме того, «к началу 30-х годов между Матъезом и представителями советской историографии возникла глубокая брешь, которая так и оказалась непреодоленной до самой смерти французского историка (1932 г.)»⁵. Это, разумеется, тоже не способствовало популяризации творчества А. Матъеза в СССР.

Работы Матъеза в нашей стране постигла странная участь. Они не были «удостоены» сколько-нибудь серьезного внимания со стороны историков старшего поколения; затем, в конце 20-х — начале 30-х годов, напротив, интенсивно издавались, комментировались и широко использовались советскими исследователями и, в конце концов, надолго оказались забытыми или, по крайней мере, неостребованными как специалистами, так и рядовыми читателями. Проиллюстрируем сказанное несколькими конкретными примерами. Выдающийся русский историк, философ, социолог и общественный деятель, профессор Н. И. Кареев в своих известных воспоминаниях в числе знакомых историков называет А. Матъеза — «знатока Французской революции, редактора робеспьеристских «Annales Révolutionnaires», сделавшегося профессором в Безансоне»⁶. В специальном трехтомном труде, посвященном историкам Французской революции Н. И. Кареев вновь упоминает А. Матъеза, правда, говоря о нем не столько как об исследователе Революции, сколько как об издателе сочинений Робеспьера и об организаторе «Общества робеспьеристских исследований» (основанного в 1907 г.)⁷. Такая сдержанность и краткость характеристик Кареева тем удивительнее, что сам Матъез был чрезвычайно высокого мнения о русском ученом, названном им «старейшиной русских историков», «который посвятил свою долгую и прекрасную жизнь изучению нашего XVIII века и нашей Революции»⁸. Но факт остается фактом, Н. И. Кареев явно «проглядел» Матъеза. В отличие от чрезвычайно сдержанного отношения к Матъезу, проявленного Н. И. Кареевым, конец 20-х годов ознаменовался своеобразным «бумом» в отношении французского историка со стороны его русских коллег. В предисловии к первому тому его «Французской революции» профессор И. Н. Бороздин характеризовал Матъеза следующим образом: «В настоящее время, — писал он, — Матъез является едва ли не самым крупным

⁵ Дунаевский В. А. Советская историография... С. 267.

⁶ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 218—219.

⁷ Кареев Н. И. Историки французской революции. Т. 2. Л., 1924. С. 165, 170.

⁸ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое... С. 349.

знатоком французской революции, если не считать, разумеется, Олара»⁹. Тогда же, в своей рецензии на этот труд Матьеза, академик Н. М. Лукин назвал французского автора «одним из видных специалистов по истории Великой революции...»¹⁰. Высказав ряд критических замечаний по поводу книги Матьеза, Лукин, тем не менее, дал ей в общем положительную и довольно высокую оценку: «На каких-нибудь 200 страничках небольшого формата,— писал Лукин,— автор дает массу фактического, научно проверенного материала, притом в необыкновенно живой и увлекательной форме. Очень хорошо освещена роль народных обществ и их связь с рабочими массами; подчеркнута значение клуба Кордельеров, который обычно остается как-то в тени.; отмечены ранние контрреволюционные движения в провинции...»¹¹

Еще более комплиментарно в адрес Матьеза Лукин высказался в своей рецензии «Новая работа по социально-экономической истории эпохи террора», посвященной характеристике большого исследования французского историка «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора». Отметив «высокие научные достоинства его (Матьеза.— А. Е.) книги», Лукин продолжает: «С появлением ее в свет наша переводная литература по истории Французской революции обогатилась новым ценнейшим вкладом, без тщательного ознакомления с которым нельзя приступить к изучению эпохи террора»¹². Столь высокая оценка советским академиком труда французского профессора легко объяснима. Это объяснение в устах самого Лукина звучит следующим образом: «Матьез — не марксист, хотя добросовестное изучение экономической истории революции не раз подводит его, как и многих других, к чисто марксистским положениям. ...Помимо...отмеченного большого интереса к экономическим проблемам, в работе Матьеза приятно поражает повышенный интерес к движению народных масс. Можно сказать, что массы у него на первом плане, они являются настоящими творцами революции, они двигают ее вперед и приобретают все большее влияние на ход событий по мере своей организованности...Матьез признает, что все законодательство эпохи террора «было выражением борьбы классов»...Работа

⁹ Бороздин И. Н. Предисловие // Матьез А. Французская революция. Т. 1. Л.—М., 1925. С. 4.

¹⁰ Лукин Н. М. Рец. Проф. А. Матьез. Французская революция. I. // Лукин Н. М. Избранные труды. Т. 1. М., 1960. С. 489.

¹¹ Там же. С. 491.

¹² Лукин Н. М. Новая работа по социально-экономической истории эпохи террора. // Лукин Н. М. Избранные труды. Т. 1. С. 229.

Матъеза дает богатейший материал для классовой характеристики различных партий, боровшихся в Конвенте и за его стенами;...»¹³. Таким образом, именно то обстоятельство, что во многом Матъез испытал на себе влияние марксистской теории и, в какой-то мере это отразилось в его сочинениях, и привлекло к нему внимание советских исследователей¹⁴. Матъез,— справедливо отметил в свое время В. Г. Ревуненков,— «подходил к изучению проблем Великой французской революции с точки зрения теории классов и классовой борьбы. В отличие от других представителей буржуазной историографии Матъез не только не игнорировал экономические и социальные проблемы революции, но уделял им большое внимание»¹⁵.

Выяснив причины столь благосклонного внимания советских историков к А. Матъезу, скажем немного об этом виднейшем из специалистов по истории Великой революции.

Родом из крестьян, Альбер Матъез, благодаря своему изумительному трудолюбию и страстной увлеченности историей революции, очень быстро преодолел первые ступени университетской карьеры. Он окончил Высшую нормальную школу (знаменитую Эколь Нормаль), в которой «студентам предоставлялась большая самостоятельность. Месяцами им не давали никаких заданий. Они могли проявлять свою любознательность. Профессор должен был лишь возбудить интерес, вызвать увлечение наукой. Если профессора талантливый, а ученики способны — это самая эффективная методика»¹⁶. В талантливых профессорах и способных учениках Эколь Нормаль не испытывала дефицита. Достаточно сказать, что одним из преподавателей школы был блистательный профессор Фюстель де Куланж — известнейший историк того времени, а одним из выпускников — Жан Жорес — «великий социалистический трибун», по меткому определению Луначарского. Уже в 1904 году Матъез, которому только что исполнилось 30 лет, защитил докторскую диссертацию «Теофилактропия и декадный культ» и стал доктором гуманитарных наук. Учителем Матъеза был заслуженный профессор Сорбонны Альфонс Олар — «один из крупнейших представителей либерально-буржуазного направления в историографии Великой французской революции...»¹⁷. На первых порах Матъез шел по

¹³ Там же. С. 220—222.

¹⁴ См., Дунаевский В. А. Советская историография... С. 267

¹⁵ Ревуненков В. Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры.. С. 6.

¹⁶ Молчанов Н. Н. Жорес. М., 1969. С. 36.

¹⁷ Ревуненков В. Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. С. 3.

стопам своего учителя. «В тот период ожесточенной борьбы с клерикализмом в Третьей республике он занимался по преимуществу (до 1910 г.) религиозной историей революции». Н. И. Кареев, в частности, отметил такую работу Матъеза, как «Происхождение революционных культов», изданную им в 1904 г. и принадлежащую к числу солидных исследований по данной теме. «Тогда он, по собственному признанию...не прибегал еще к классовому истолкованию истории. «В этот начальный период идея о связи исторического движения с классовой борьбой еще не была у меня доминирующей... хотя уже тогда,— писал Матъез другу,— меня привлекала социальная борьба... и я отдавал предпочтение Робеспьеру, видя в нем наиболее социального из всех революционеров. Антиклерикальная политика привела меня к дантонистской демагогии, от нее к финансистам («коррупция», дело Ост-Индской компании), отсюда к нищете трудящихся классов («дороговизна»), от нее я перешел к экономическим и социальным проблемам (вантозские декреты, распределение собственности и т. д.)»¹⁸. Еще до защиты докторской диссертации Матъез стал убежденным сторонником социалистических идей, правда, еще весьма далеких от марксизма. Он глубоко верил в идеалы социализма и довольно враждебно относился к капиталистическому строю. Неудивительно, что «профессор с пикой» не смог долго мирно сосуществовать со своим недавним патроном — Альфонсом Оларом. Вскоре между ними последовал разрыв, вызванный как различием оценок ученика и учителя, так и боевым темпераментом неистового Матъеза. «В личной беседе с Матъезом,— вспоминал Р. Шнерб,— мы слышали от него такую оценку Олара: «Олар — историк? Я такого не знаю. Олар — журналист? Вот это другое дело!».

В 1907—1908 гг. Матъез основал Общество робеспьеристских исследований и начал издавать собственный журнал «Annales Révolutionnaires». Побывавший в Париже в 1924 г. Е. В. Тарле в письме к жене, О. Г. Тарле, упоминает о своей встрече с Матъезом: «Сегодня (4 сентября 1924 г.— А. Е.) опять виделся с Albert Mathiez'ом, редактором» «Annales Révolutionnaires», интересный исторический журнал по истории Великой французской революции. Представь себе, я их с Оларом примирил, они очень ссорились, я немного смягчил их обоюдный азарт. Ибо они оба до потешности петушатся, когда сердятся»¹⁹. Разрыв с Оларом, однако, не прошел для Матъеза бесследно: двери

¹⁸ Далин В. М. Указ. соч. С. 129—130.

¹⁹ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 211

Сорбонны были для него надолго закрыты. Вплоть до 1926 г. он был вынужден преподавать во второстепенных провинциальных университетах Безансона и Дижона. Видимо, чересчур пылкая ненависть к парламентской коррупции Третьей республики, к «торгашам справа и слева», социалистические убеждения Матьеа сделали вконец его персоной нон грата на историческом Олимпе официальной науки. Порой он испытывал острое чувство одиночества, в то же время выказывая твердую уверенность, что «время возьмет свое, и если меня не понимают сегодня, то поймут завтра»²⁰. В пору, когда А. Матьеа преподавал в Безансоне, у него было только 12 студентов. Но он не унывал. Матьеа читал публичный курс «Парламентская коррупция при терроре», привлекая много слушателей и легший в основу его известной книги. «Ее мишенью были не только дельцы — депутаты Конвента, но и парламентарии современной ему Франции»²¹. В годы Первой мировой войны Матьеа опубликовал в своем журнале ряд статей о социально-экономической политике Конвента, из которых впоследствии составила одна из лучших его книг — «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора».

Большое впечатление на Матьеа произвела Октябрьская революция 1917 г. в России. Он был склонен даже проводить «аналогии между 1917 и 1793 гг., между Лениным и Робеспьером, между большевиками и якобинцами...»²². Матьеа взялся написать работу, название которой говорит само за себя: «Большевизм и якобинизм». В 20-е годы он много и плодотворно работает. Его труды получают мировое признание, а сам опальный профессор приглашается для чтения курса лекций в прежде недоступную для него Сорбонну. Однако жить ему остается считанные годы. 26 февраля 1932 г. Альбер Матьеа скончался на кафедре во время занятий²³.

К числу наиболее значительных сочинений А. Матьеа, бесспорно, принадлежит его «Французская революция» в трех томах. Первый том — «Падение королевской власти» — охватывает шестилетний период, включающий как собственно Революцию, так и события двух предреволюционных лет (с 1787 по 1792 гг.). В этом томе, состоящем из 12-ти небольших глав, Матьеа рассматривает кризис «старого порядка», деятельность Генеральных Штатов, описывает революционные события в сто-

²⁰ Далин В. М. Указ. соч. С. 132.

²¹ Там же. С. 132.

²² Лукин Н. М. Ленин и проблема якобинской диктатуры // Лукин Н. М. Избранные труды. Т. 1. С. 383.

²³ Далин В. М. Указ. соч. С. 133.

лице, уделив, однако, немало внимания и муниципальной революции. Отдельные главы посвящены финансовому и религиозному вопросам. Заключает первый том описание событий 10 августа 1792 г., приведших к низвержению монархии во Франции. Несомненным достоинством первого тома «Французской революции» является то, что в ряде случаев Матьез убедительно и вместе с тем ярко рассказал о ключевых событиях Революции, начиная с созыва собрания нотаблей до штурма Тюильрийского дворца. Говоря о многих известных событиях и личностях, Матьез почти всегда высказывает собственное, оригинальное мнение. Так, рассуждая о деятельности генерального контролера финансов Шарля де Калонна (которого обычно историки самых разных направлений изображали в виде легкомысленного и расточительного жуира, ничтожного государственного мужа), Матьез называет его «министром-реформатором»²⁴, убедительно доказав, что во многом Калонн пытался, хотя и безуспешно, продолжить дело реформирования Франции, начатое бароном Тюрго.

Привилегированным сословиям, особенно дворянству, Матьез отнюдь не симпатизирует. «Благородство, — пишет он с иронией, — измерялось (до Революции. — А. Е.) степенью бесполезности»²⁵. И все же, стремясь к объективности, Матьез не сбрасывает со счетов роль дворянства в Революции. Так, по его мнению, собрание нотаблей (представителей высшего духовенства и дворянства) в Версале в феврале — мае 1787 г., которое не помогло Людовику XVI выпутаться из острейшего финансового кризиса, «нанесло удар короне, ...проложило путь революции»²⁶. Ведя речь о начальном этапе деятельности Генеральных Штатов, Матьез при всем своем критическом отношении к таким героям либерального дворянства, как Лафайет и Мирабо²⁷, тем не менее, говорит о том, что депутаты-дворяне (среди них был и Лафайет), став на пороге зала заседаний, воспрепятствовали королевским гвардейцам 23 июня 1789 г. разогнать Собрание²⁸. Разбирая вопрос о принятии Учредительным собранием нового избирательного закона, предусматривавшего деление граждан на «активных» и «пассивных», Матьез приходит ко вполне обоснованному выводу о том, что «место аристократии по происхождению заняла аристократия имущественная»²⁹. Рас-

²⁴ Матьез А. Французская революция. Т. 1. Л.-М., 1925. С. 36.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же. С. 44.

²⁷ Там же. С. 84—85; 100—101.

²⁸ Там же. С. 65.

²⁹ Там же. С. 123.

суждая же о введении ассигнатов, Матъез убедительно показывает, что «ассигнат являлся в одно и то же время политическим орудием и финансовым средством»³⁰.

В первом томе «Французской революции» Матъез немногими, но точно рассчитанными штрихами набрасывает запоминающиеся портреты деятелей Революции: «циничного авантюриста» Мирабо³¹, вождя Жиронды, журналиста-неудачника Бриссо³², «героя Старого и Нового Света» Лафайета³³. Здесь же впервые он называет имя Жоржа-Жака Дантона, причем в довольно неожиданном контексте. «Двор,— пишет Матъез,— располагал агентами в самом Клубе якобинцев (Виллар, Боннекаррер, Дефье и др.), в самом Клубе кордельеров (Дантон)»³⁴. Это, по-существу, первое обвинение в длинном перечне обвинений, брошенных Матъезом в адрес Дантона. Чуть ниже, описывая неудачную попытку Людовика XVI выехать из Парижа в Сен-Клу (18 апреля 1791 г.), Матъез и в этом случае склонен видеть злой умысел Дантона. «Волнения были организованы с этой целью (с целью задержать королевскую семью в Париже.— А. Е.) Дантоном»,— пишет он³⁵. Трибун хотел показать императорам и королям, считает Матъез, что король является пленником в собственном дворце и тем самым «подыграть» Людовику XVI, надеявшемуся на монархическую солидарность государей континента. В высшей степени сомнительное утверждение.

Говоря о первом томе сочинения Матъеза, стоит отметить и то, что французский историк дает в нем ряд ярких зарисовок зарождения и деятельности революционных клубов, многочисленных народных обществ в 1790—1791 гг. «В них,— пишет Матъез,— происходит политическое воспитание масс»³⁶. И с этим мнением трудно не согласиться.

Однако, наряду с отмеченными сильными сторонами труда Матъеза, следует сказать все же и о некоторых его слабых сторонах. Прежде всего это касается утверждения Матъеза о том, что «не в истощенной стране, а, напротив, в цветущей, полной жизненных сил предстоит разразиться революции»³⁷. Весь фактический материал первого тома полностью опровергает

³⁰ Там же. С. 145.

³¹ Там же. С. 100—101.

³² Там же. С. 194—195.

³³ Там же. С. 84—85.

³⁴ Там же. С. 174.

³⁵ Там же. С. 178.

³⁶ Там же. С. 173.

³⁷ Там же. С. 23.

это утверждение автора. Это и неудивительно, так как много раньше Матьеза французский историк Эме Шере показал, что «феодалная реакция», предшествовавшая революции, и, естественно, мало способствовавшая «процветанию» Франции, во многом обусловила падение старого порядка³⁸.

Не совсем прав Матъез и в своей оценке роли отдельных социальных слоев и групп французского общества в Революции. Так, по его мнению, оппозицию королевской власти составило прежде всего дворянство. «Буржуазия,— пишет он далее,— тоже пришла в движение, но плелась за дворянством»³⁹. Еще более ошибается Матъез, изображая народ как пассивную, инертную массу. «Народ,— пренебрежительно замечает он,— оставался равнодушным к спорам, которые были выше его понимания»⁴⁰. Кто же, в таком случае, совершил Революцию? Почти в духе XVIII столетия Матъез (вспомним знаменитое выражение просветителей: «Мнения правят миром») придает общественному мнению во Франции эпохи Революции то значение, которого оно тогда не имело и иметь не могло. «Над ним (т. е. над королем.— А. Е.) пишет Матъез,— высилась новая и анонимная власть, власть общественного мнения...»⁴¹.

Два важных исторических события начального этапа Революции: так называемая «ночь чудес» (4 августа 1789 г.) и антирабочий закон Ле Шапелье (14 июня 1791 г.) получают на страницах сочинения Матъеза довольно своеобразную интерпретацию. «Либеральные дворяне,— пишет историк,— более политичные, а также и более великодушные, чем буржуа, поняли, что надо найти выход из тупика»⁴². Таким образом, Матъез, существу, солидаризуется с теми историками, преимущественно консервативного толка, которые изображали «отмену феодального» строя 4 августа по предложению депутатов-дворян — жертвой благородного дворянства на алтарь Отечества. Нет нужды говорить о том, что подобная точка зрения весьма далека от истины. О законе 14 июня 1791 г. Матъез лишь упоминает (причем это упоминание занимает всего четыре строки!)⁴³, но при этом еще никак его не комментирует. То, что перед тем Матъез пишет о желании Байи (Жан Сильвен Байи некоторое время был председателем Собрания и до ноября 1791 г. исполнял

³⁸ См.: Шере Э. Падение старого порядка. 1787—1789. Т. 1. СПб., 1907.

³⁹ Матъез А. Указ. соч. Т. 1. С. 41.

⁴⁰ Там же. С. 37.

⁴¹ Там же. С. 12.

⁴² Там же. С. 76.

⁴³ Там же. С. 174.

обязанности мэра Парижа) воспрепятствовать проведению цеховых собраний, может легко дезориентировать читателя. Дело в том, что в таком контексте закон Ле Шапелье выглядит попыткой Собрания принять меры против прежних (цеховых) объединений рабочих, а не прогив объединений потенциально-возможных в будущем.

Второй том сочинения Матьеза «Жиронда и Гора» повествует о борьбе жирондистов с монтаньярами, начиная с 10 августа 1792 г. вплоть до падения Жиронды в результате народного восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. Этот том состоит из двух книг, первая из которых озаглавлена «Конец Законодательного собрания» и охватывает сравнительно небольшой промежуток времени (от падения монархии до созыва Конвента, т. е. с 10 августа 1792 г. по 20 сентября 1792 г.); книга эта включает в себя четыре главы. Вторая книга «Правительство Жиронды» состоит из десяти глав и посвящена подробнейшему анализу социально-экономической и внешнеполитической деятельности Жиронды с сентября 1792 по май 1793 года.

«Уверенной и сочной кистью большого мастера автор рисует нам Париж и провинцию после 10 августа 1792 г. Перед читателем проходят яркие картины борьбы революционной Коммуны с Законодательным собранием, сентябрьские дни, первые успехи на фронтах, созыв Конвента и обострение борьбы между Горой и Жирондой в связи с процессом короля, ухудшением финансового положения и продовольственным кризисом, изменой Дюмурье и Вандейским восстанием. Книжка заканчивается на революции 31 мая — 2 июня, означавшей не только падение Жиронды, но и устранение от власти крупнейшей буржуазии, и в то же время — первый сдвиг от парламентаризма к диктатуре»¹⁴. Хотя и не без некоторых оговорок (в частности, о неправомерности отождествления жирондистов с представителями крупнейшей буржуазии), можно согласиться с этой характеристикой Н. М. Лукиным сочинения Матьеза. Безусловно прав Лукин и там, где отмечает «совсем свежий материал», содержащийся во втором томе матьезовской «Французской революции». Работа А. Матьеза, пишет Лукин, представляет читателю «интересные данные о случаях таксации и экономического террора, имевших место уже осенью 1792 г. и в значительной мере объясняющих настроение собственников во время выборов в Конвент, любопытные факты, иллюстрирующие продолжение сентябрьских погромов в провинции; попытки оживления умиравшей лионской промышленности с помощью государ-

¹⁴ Лукин Н. М. Предисловие к русскому переводу // Матъез А. Французская революция. Т. 2. М., 1929. С. 7

ственных субсидий, интересные подробности об организации иностранных легионов и «революционной пропаганде...»⁴⁵. Как и в первом томе своего труда, А. Матъез не следует проторенными путями, пытаясь найти неповторимое «матъезовское» решение вставших перед ним проблем.

С поразительной «ощутимостью» Матъез воссоздает драматические события начала осени 1792 г. в Париже. Описывая так называемые «сентябрьские избиения», происходившие в Париже в первых числах сентября 1792 г., Матъез приводит слова Станислава Майяра — одного из «героев» этих кровавых дней: «Освободить», — произносил Майяр в случаях осуждения, и количество жертв увеличивалось». Может быть, свое отношение к событиям Революции, где неразрывно переплелось великое и ничтожное, героическое и преступное, сам Матъез точнее всего выразил, когда написал: «Возвышенное проявлялось наравне с низким и подлым».

Он приводит ряд замечательных и, в некотором смысле, уникальных подробностей о выборах в Конвент осенью 1792 г. «В Quingey, в департаменте Дубе, — пишет он, — владелец железоделательного завода Луво явился на первичное собрание, приведя с собою толпу рабочих, во главе с музыкантом, играющим на кларнете. Он выгнал из выборной залы своих противников и заставил назначить себя выборщиком»⁴⁶. Колоритный пример с Луво нужен Матъезу, однако, вовсе не для того, чтобы позабавить читателя. Он позволяет французскому историку сделать важный вывод о том, что «депутаты Конвента были избраны решительным меньшинством. Большая часть их, — отмечает Матъез, — принадлежала к буржуазии... На 750 депутатов приходилось всего-навсего два рабочих...»⁴⁷.

Матъез мало склонен к иронии, зато когда ему случается описывать забавные ситуации, он делает это легко и по-французски изящно. К примеру, описывая миссию к герцогу Цвейбрюкенскому эмиссара Дантона некоего Феликса Депорта в сентябре 1792 г. — «совершенно неопытного, но обладавшего большими аппетитами молодого человека», Матъез приводит цитату из письма министра иностранных дел Лебрена Депорту: «Мне восхваляли ваш гений и ваш патриотизм, — совершенно серьезно писал ему министр...» «Само собой разумеется, — заключает Матъез, — что Депорт, несмотря на своей гений, имел так же мало успеха, как и Ноэль»⁴⁸ (француз-

⁴⁵ Там же. С. 7.

⁴⁶ Матъез А. Французская революция. Т. 2. С. 36, 37, 52.

⁴⁷ Там же. С. 52.

⁴⁸ Там же. С. 76—77.

ский агент, неудачно пытавшийся добиться в Лондоне сохранения нейтралитета Великобритании в антифранцузской войне).

Во втором томе своего сочинения Матьез резко отрицательно оценивает социальную политику Жиронды, попутно убийственно-хлестко охарактеризовав одного из «столпов» жирондистской партии г-на Ролана, «этого высокомерного, трусливого и ограниченного старика»⁴⁹. Разоблачая антинародный характер Жиронды, Матьез писал, что вся социальная политика Ролана «сводилась к тому, чтобы противопоставить голодной толпе штыки»⁵⁰.

Как и прежде, Матьез без устали обличает «двуличного Дантона», выдавая его за «агента» жирондистских лидеров Бриссо и Кондорсе⁵¹. При этом он продолжает обвинять трибуна в связях с роялистами, «у которых он работал за деньги»⁵². «Ареал» обвинений Матьеза в отношении Дантона поистине беспределен. «Дантон...,— пишет Матьез,— ...был подкуплен Орлеанским домом»⁵³, в другом месте многозначительно заметив, что он «необъяснимым образом увеличил свое состояние»⁵⁴. В своем стремлении развенчать Дантона Матьез вконец теряет чувство меры, зачастую допуская довольно странные и логически необъяснимые высказывания: «Дантон слишком презирал человеческую жизнь,— уверяет Матьез,— чтобы жаждать крови (?)»⁵⁵. Надо, очевидно, сказать и о том, что яростная критика Дантона идет у Матьеза «рука об руку» с безудержным восхвалением Робеспьера, роль которого он склонен и преувеличивать и приукрашивать одновременно. «Более 25 лет Матьез занимался реабилитацией своего любимого героя (Робеспьера.— А. Е.),— писал по этому поводу А. З. Манфред,— ...он пытался представить Робеспьера историческим деятелем вне времени, образцом для подражания не только в прошлом, но и в настоящем»⁵⁶. Везде, где это только возможно, Матьез восхищался «логикой и искренностью Робеспьера»⁵⁷. «В эпоху Учредительного собрания,— пишет Матьез о своем кумире,— он при всяком

⁴⁹ Там же. С. 55.

⁵⁰ Там же. С. 139.

⁵¹ Там же. С. 19.

⁵² Там же. С. 28—29.

⁵³ Там же. С. 50.

⁵⁴ Там же. С. 111.

⁵⁵ Там же. С. 38.

⁵⁶ Манфред А. З. Робеспьер в историографии//Робеспьер М. Избранные произведения. Т. 3. М., 1965. С. 278.

⁵⁷ Матьез А. Французская революция... Т. 2. С. 117.

⁵⁸ Там же. С. 70.

удобном случае оказывал защиту слабым и обездоленным Он первый протестовал с неослабным жаром против системы цензовых выборов, потерпевшей, наконец, крушение под его настойчивыми ударами »⁵⁸

«Чрезмерный», бросающийся в глаза «робеспьеризм» Матьеза отметил В М Далин Матьез, по его словам, был историком, «в полном смысле этого слова отдавшим всю свою жизнь делу исторической реабилитации Робеспьера »⁵⁹ «Небольшая, но блестяще написанная работа»⁶⁰ Матьеза не свободна и от некоторых других недостатков К числу самых очевидных принадлежит тот, что Матьез «не дает четкой социальной характеристики двух основных партий (т е Горы и Жиронды — А Е.), борьба между которыми составляет главное содержание II тома »⁶¹ К менее важным недочетам работы Матьеза следует, вероятно, отнести его попытки модернизировать историю Великой революции, объявив, к примеру, юре из Мошана Пьера Дошвье «социалистом»⁶² или высказав предположение о том, «что существовало значительное число революционеров, предлагавших для ликвидации экономического кризиса ряд мер более или менее коммунистического характера »⁶³.

Некоторые события Революции проанализированы Матьезом недостаточно глубоко Так, проследив эволюцию внешней политики Жиронды, Матьез, тем не менее, не сумел объяснить, почему война, оборонительная со стороны французов, превратилась, в конечном счете, в войну захватническую⁶⁴ «Едва ли можно согласиться и с утверждением, что, начав войну с Англией, Франция бросила вызов всей «английской нации», — справедливо замечает Н М Лукин — Ведь английскую «нацию» представлял тогда олигархический парламент, а непримиримая позиция Питта (британского премьера — А Е). все же встречала известный отпор со стороны многочисленных радикально настроенных обществ, демонстративно выражавших свое сочувствие Французской республике»⁶⁵ Глубинные, социально-эконо-

⁵⁹ Далин В М Люди и идеи Из истории революционного и социалистического движения во Франции М, 1970 С 22

⁶⁰ Лукин Н М Указ соч С 7

⁶¹ Там же С 8

⁶² Матьез А Французская революция Т 2 С 64—65

⁶³ Там же С 64

⁶⁴ Лукин Н М Указ соч С 10—11

⁶⁵ Там же С 11, см так же Мортон А Л История Англии М, 1950 С 290—291, Татаринова К Н Очерки по истории Англии 1640—1815 М, 1958 С 418, Очерки истории Англии Средние века и новое время Под ред Г Р Левина М, 1959 С 175—178

мические причины Вандейского восстания также не попадают в поле зрения Матьеза; в качестве чуть не единственной причины крестьянского мятежа Матъез называет лишь объявление Конвентом нового рекрутского набора, «который послужил в сущности лишь последним толчком к восстанию»⁶⁶.

В третьем томе своего труда, в заголовок которого Матъез поставил слово «Террор», он рассматривает период господства монтаньяров от 31 мая — 2 июня 1793 г. до 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 г.). Книга, посвященная, по существу, якобинской диктатуре, состоит из 14-ти глав. В первых пяти главах Матъез подробно останавливается на характеристике федералистского восстания провинций против якобинского Конвента, образовании второго Комитета общественного спасения, августовском кризисе 1793 г., сентябрьском движении среди парижской демократии, положившем начало диктатуре Комитета общественного спасения, террористическом режиме, реорганизации армии Конвента, обусловившей первые серьезные победы Республики на фронте. В последующих главах автор прослеживает дальнейшую эволюцию революционного правительства, дает характеристику революционной юстиции (в отдельной 7 главе — «Революционное правосудие»), излагает борьбу робеспьеристского центра с его противниками справа и слева, завершившуюся разгромом дантонистов и эбертистов, говорит о военных успехах Республики весной — летом 1794 г. и о термидорианском перевороте, покончившем с «Неподкупным» и его сторонниками. На протяжении двухсот с небольшим страниц Матъез «сумел дать максимально сжатую, яркую и в то же время разностороннюю характеристику периода якобинской диктатуры, притом основанную на последних научных достижениях в истории великой революции»⁶⁷. Как и другие работы Матьеза, третий том «Французской революции» изобилует новыми интересными данными; выводы историка, основанные на прежде неизвестном материале, привлекают своей оригинальностью. Матъез, как всегда, стремится не повторять своих предшественников, изучавших историю Великой революции. Его интересуют прежде всего те проблемы Революции, которые оставались как бы «за скобками» внимания авторов, писавших до него. Матъез, первый

⁶⁶ Лукин Н. М. Указ. соч. С. 11; см.: Плавинская Н. Ю. Вандея // Новая и новейшая история, 1993, № 6. С. 209—212

⁶⁷ Лукин Н. М. О новой книге Матьеза «La terreur» // Лукин Н. М. Избранные труды. Т. 1. С. 492.

Предисловие автора

Если из этой книги, имеющей в виду широкие круги образованной публики, намеренно удален весь аппарат научности, это не означает, что она не стоит на уровне последних научных достижений. Специалисты увидят,— по крайней мере, мы надеемся на это,— что она основана на обширных документальных данных, иногда даже неизданных, подвергнутых независимой критике.

Но ученые изыскания — одно дело, история — другое. Первые отыскивают и собирают свидетельства прошлого, изучают их одно за другим, сопоставляют их между собою, чтобы выяснить истину. История восстанавливает и объясняет. Первые сводятся к анализу, вторая — к синтезу.

Здесь мы предприняли работу историка, то есть хотим набросать возможно более точную, ясную и живую картину того, чем была Французская революция в своих различных проявлениях. Прежде всего мы старались осветить развитие событий, объясняя их господствующими в ту эпоху идеями и борьбою интересов и сил, не игнорируя индивидуальных факторов во всех тех случаях, когда могли уловить их влияние.

Ограничивающие нас рамки не позволили нам сказать всего. Мы были вынуждены сделать известный отбор среди событий, но надеемся, что не упустили ничего существенного.

Этот первый том заканчивается падением трона 10-го августа 1792 года. Два следующие тома будут посвящены истории демократической республики с 10 августа по 9 термидора II года и истории буржуазной республики с 9 термидора до Империи.

Дижон, 5 октября 1921 г.

Альбер Матьез

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Перевод с франц. К.И.Цидербаума

Переиздано изд-вом «Феникс» (Ростов-на-Дону) в 1995,
дополнено вступительной статьей А.Егорова
«Альбер Матьез: “пламенный историк пламенной
революции”»

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и
Век Просвещения, 2009

**[http://vive-
liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm](http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm)**

Скан книги разделен по томам.

Ссылки на дополнительные материалы даны нами.
Мы не пытались дать исчерпывающий перечень
тематических ссылок, поэтому любознательных читателей
приглашаем самостоятельно изучить со держимое нашей
библиотеки.

Подборка материалов о Матьезе и ссылки на его работы в
сети:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#amtz>

Том II. ЖИРОНДА и ГОРА

Книга 1. КОНЕЦ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Глава 1. **Коммуна и Законодательное собрание**

Э.Гусейнов. Жиронда в период Законодательного собрания

<http://vive-liberta.narod.ru/journal/guseinov2.pdf>

Н.Фрейберг. Шометт, генеральный прокурор парижской Коммуны

http://vive-liberta.narod.ru/journal/chm_frb.pdf

Глава 2. **Сентябрь**

«Под шорох прусских виселищ» **[http://vive-](http://vive-liberta.livejournal.com/22860.html)**

[liberta.livejournal.com/22860.html](http://vive-liberta.livejournal.com/22860.html)

Глава 3. **Выборы в Конвент**

Глава 4. **Вальми**

КОММУНА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

есть недель, протекших с 10 августа по 21 сентября 1792 г., т. е. с момента взятия

Тюильрийского дворца и заключения Людовика XVI в Тампль до созыва Конвента, играют чрезвычайно важную роль в истории революции.

До сих пор депутатам Национального собрания еще ни разу не приходилось отстаивать своих полномочий. Даже при кризисе в июле 1789 г., окончившемся взятием Бастилии, парижские мятежники покорно подчинялись распоряжениям Учредительного собрания. Они хотели только поддержать Собрание и оградить его от агрессивных выступлений абсолютизма. Спустя два года, когда, после задержания Людовика XVI в Варенне, республиканцы требовали общенародного решения по вопросу о

сохранении за Людовиком престола, Учредительное собрание легко преодолело их сопротивление. Кровавое столкновение на Марсовом поле увенчало его победу, победу законности и парламентаризма.

Но восстание 10 августа, совершенно отличное от прежних, было направлено не только против короля. Оно явилось актом недоверия и угрозы против самого собрания, которое только что оправдало мятежного генерала Лафайета и формально отвергло петиции о низложении монарха. Создалось новое положение. Законной власти была противопоставлена власть революционная. Борьба этих двух властей заполнила шесть недель, предшествовавших созыву Конвента.

Эта борьба продолжалась и после 20 сентября в состязании двух партий, боровшихся за преобладание в новом Собрании. Партия монтаньяров в своих существенных чертах являлась партией прежней революционной Коммуны, между тем как партия жирондистов образовалась из депутатов, заседавших на левой стороне Законодательного собрания и составивших правую сторону Конвента.

Отметим теперь же, предваряя более подробное исследование, что эти две партии отличались радикально противоположными воззрениями по всем основным проблемам. Жиронда — партия, придерживавшаяся принципа законности, — отклоняла все исключительные, революционные меры, которые осуществлялись в свое время Коммуной и были унаследованы от нее монтаньярами. Такими мерами в области экономической были: регламентации, учеты, реквизиции, принудительный курс бумажных денег, — словом, ограничение свободы торговли; в области политической: взятие под подозрение всех противников установленного режима, ограничение свободы личности, создание исключительных форм юрисдикции, концентрация власти путем полной субординации местных властей, — короче говоря, политика общественного спасения. Эта программа была полностью реализована лишь по прошествии целого года при введении террора, но намечена и установлена уже Коммуной 10 августа.

Противоположность двух программ отражала коренные противоречия интересов и чуть ли не классовую борьбу. Коммуна и сменившая ее Гора представляли низшие классы (ремесленников, рабочих), страдавшие от войны и ее последствий: дороговизны, прекращения производства, неустойчивости заработной платы. Собрание и его наследница Жиронда представляли промышленную и земле-

дельческую буржуазию, стремившуюся защитить свою собственность от ограничений, обложений, конфискаций, возможность которых она уже предвидела. Драматическая борьба, принимавшая самые разнообразные формы, борьба, которую надо проследить в деталях, чтобы понять всю ее сложность.

По низложении монархии перед победителями возник целый ряд затруднений. Они должны были позаботиться о признании совершившихся фактов Францией и армией, предупредить или подавить возможное сопротивление, отразить нападение на внешние границы, создать на развалинах опрокинутой монархии национальное правительство. Трудные проблемы, разрешение которых породило жестокую междоусобицу.

Комиссары парижских секций, организовавшие в ночь с 9 на 10 августа в Городской думе революционную Коммуну, считали себя избранными непосредственно самим народом. По отношению к Собранию, возникшему в результате не прямых и ограниченных цензом выборов, дискредитированному предательством и угрозами, направленными против республиканцев, секретными переговорами его вождей с королевским двором, Коммуна являлась легальной организацией нового порядка. Сильная своим престижем, приобретенным кровавой победой над защитниками дворца, понимавшая огромное значение услуги, оказанной ею революции и Франции подавлением королевской измены, она не соглашалась ограничить свою деятельность узким кругом муниципальных полномочий. Она воплощала, по ее мнению, общественные стремления, она действовала во имя всей революционной Франции, и присутствие федератов рядом с парижскими революционерами при штурме Тюильрийского дворца знаменовало братскую солидарность столицы с нацией.

С трибуны Якобинского клуба Робеспьер советовал Коммуне, в самый вечер 10 августа, смело взять на себя ответственность за дальнейший ход событий. По его словам, было только одно средство извлечь всю возможную выгоду из победы: рекомендовать народу «поставить своих депутатов в совершенную невозможность наносить вред делу свободы», другими словами — учредить контроль над Собранием, т. е. упразднить его. Он старался доказать, что «народ поступил бы крайне неосторожно, если бы сложил оружие, не обеспечив своей свободы. Коммуна, добавлял он, должна принять неотложные меры, отправив своих комиссаров в 83 департамента, с тем,

чтобы они объяснили на местах положение дел. Этими словами он не только выражал принципиальное недоверие Собранию, но и предлагал Коммуне захватить диктатуру путем непосредственных сношений с департаментами.

Коммуна не нуждалась в увещаниях Робеспьера, чтобы предъявить свои притязания на диктатуру. Но, предъявив эти притязания, она не осмелилась провести их на практике во всей полноте. В разгаре борьбы она не отстранила от должности мэра Петiona, которого справедливо подозревали в нерадивости, и не осмелилась объявить роспуск Собрания, которое, как она знала, относилось враждебно к ее начинаниям. Эти маленькие люди, большей частью ремесленники, публицисты, адвокаты, содержатели пансионеров, не боялись рисковать своей жизнью, поднимая возмущение, но находились всецело под впечатлением парламентского престижа блестящих ораторов Жиронды. Все они были известны только в своих кварталах. Их темные имена ничего не говорили Франции. Разгоняя Собрание, они рисковали скомпрометировать ту цель, которой хотели служить. Они решились на компромисс: решили оставить Собрание при условии, что оно согласится быстро исчезнуть, создав в короткий срок граждан для избрания Конвента, другими словами — *нового Учредительного собрания, которое пересмотрело бы в демократическом духе уже пережившую себя монархическую конституцию.*

10 августа, в 11 часов, когда прекратилась пушечная пальба против побежденного дворца, делегация Коммуны, во главе с бывшим сборщиком пошлин гражданином Гюгэнемом, явилась в зал Законодательного собрания. «Народ, который послал нас к вам,— сказал Гюгэнэн,— уполномочил нас объявить вам, что он снова облекает вас своим доверием, но, вместе с тем, он поручил нам довести до вашего сведения, что может признать своим судьей в отношении исключительных мер, к которым привела его необходимость и борьба против притеснений, только весь французский народ, представленный на своих избирательных собраниях и являющийся нашим и вашим господином».

Собрание сделало гримасу, выслушав эту повелительную речь. Условное подтверждение его старых полномочий в этой новой форме ставило его в зависимость от рожденной народным возмущением власти

Ему пришлось все же признать законность этого воз-

мушения и придать ему соответствующую легальную форму. Оно утвердило революционную Коммуну, но подчеркнуло, что видит в ней лишь временную власть, которая должна исчезнуть вместе с обстоятельствами, ее породившими. Оно согласилось созвать Конвент, который должен был быть избран путем всеобщей подачи голосов без различения активных и пассивных граждан, но непременно путем двухстепенных выборов. Оно отрешило короля — временно, до созыва этого нового Учредительного собрания, но отказалось провозгласить полное ниспровержение монархии, которого требовали восставшие. Было очевидно, что Жиронда попытается спасти что возможно из монархической конституции. Отрешение короля заключало в себе, вместе с тем, как бы признание королевской власти. Путем нового голосования, которое было через два дня отменено, Собрание решилось даже по предложению Верньо пожаловать одному губернатору титул «королевского принца».

Король был отрешен от престола, но конституция еще оставалась в силе. Как и после Варенна исполнительная власть была разделена между шестью министрами, избранными не из числа депутатов Собрания — из уважения к принципу разделения властей — и назначенными открытым голосованием с целью устранить всякое недоверие. Ролан, Клавьер и Серван вновь получили портфели министерств внутренних дел, финансов и военного, отнятые у них 13 июня королем. К ним присоединили, по именному вызову, в качестве министра юстиции двучленного Дантона, на которого Бриссо и Кондорсе рассчитывали как на человека, способного удержать восстание в определенных границах; математик Монж, указанный Кондорсе, был назначен морским министром; журналист Лебрен, друг Бриссо, которого Дюмурье сделал начальником канцелярии, — министром иностранных дел.

Итак, вся власть была разделена между тремя инстанциями: Коммуной, Собранием и министрами, составившими Исполнительный совет — инстанциями, которые постоянно преступали границы своих полномочий. Обстоятельства, борьба против двойной опасности, внутренней и внешней, требовали диктатуры, но этой диктатуре не удалось принять определенную форму, воплотиться в каком-нибудь одном учреждении, одном человеке, одной партии или одном классе. Она осталась без соответствующего органа и без ясно выраженной индивидуальности.

Ее осуществление не было урегулировано каким-либо законом. Это была безличная диктатура, осуществлявшаяся поочередно разными конкурирующими властями, случайно, в зависимости от событий, диктатура хаотическая и изменчивая, подобно общественному мнению, от которого она заимствовала свою силу.

«Французский народ победил в Париже Австрию и Пруссию», — писала своему мужу жена будущего члена Конвента Жюльена из Дромы в самый день 10 августа, и она же воскликнула несколькими днями раньше, когда было получено известие о присоединении сардинского короля к коалиции: «Я боюсь савойцев не больше, чем австрийцев и пруссаков. Я боюсь только изменников». Это чувство разделялось всеми революционерами. Они боялись, что генералы последуют примеру Лафайета, поднявшего против Собрания городские власти Седана и Арденский департамент и пытавшегося увлечь свою армию в поход на Париж. Они предвидели сопротивление областей, находившихся под влиянием не присягнувших священников. Они знали, что большое число департаментских властей протестовало против 20 июня. Они не доверяли трибуналам и Орлеанской судебной палате, проявлявшей подозрительную медлительность при осуждении подсудимых, обвиненных в государственной измене. Собрание разделяло эти страхи. В самый день 10 августа оно делегировало 12 своих членов, по троё в каждую из 4 армий, «с полномочиями отрешать временно от должностей генералов, офицеров и чиновников военных и гражданских и даже, в случае надобности, подвергать их аресту, назначая временных заместителей на их должности». Таким образом, депутатам, назначенным комиссарами, вручалась значительная часть исполнительной власти, и эти комиссары Законодательного собрания были предвестниками проконсулов Конвента.

Вслед за тем Собрание предписало всем государственным чиновникам и пенсионерам, даже священникам, принести торжественную клятву защищать свободу и равенство или умереть на своем посту. 11 августа, по предложению Тюрио, оно возложило на муниципальные власти миссию расследовать преступления, направленные против безопасности государства, и вручило им право подвергать временному аресту подозрительных лиц. 15 августа, при известии об осаде Тионвилля, оно запретило отцам и матерям, женам и детям эмигрантов отлучаться из общин, в которых они проживали, с тем, чтобы исполъ-

зовать их в качестве заложников. Оно предписало опечатать бумаги бывших министров, против которых Коммуна уже выпустила приказы об аресте и возбудила ряд обвинений. Исполнительный совет, со своей стороны, отрешил от должности администрацию департаментов Роны и Луары, Мозеля и Соммы. Наоборот, те городские власти, которые при старом режиме были отрешены от должностей, временно или навсегда, за проявление гражданских чувств, как например, мэр города Меца Антуан ити, лионский муниципальный чиновник Шалье, были возвращены на свои места

Вскоре были опубликованы документы, найденные у управляющего королевскими имуществами Лапорта. Эти документы доказывали, что король не прекращал секретных сношений с эмигрантами, что он все время продолжал платить жалованье своим телохранителям, находившимся в Кобленце, что большая часть аристократических журналов и памфлетов получала субсидии из его личных средств

Все эти меры, значительная часть которых была принята под давлением Коммуны, казались недостаточными раздраженному общественному мнению. Томас Линде 13 августа выражал удивление, что генерал Лафайет не был отрешен немедленно от должности. Дело в том, что Жиронда, несмотря на очевидную измену этого генерала, колебалась устранить его; она вела с ним секретные переговоры и решилась возбудить против него обвинение только 19 августа, когда он перешел границу. Подозрения возрастали, усиленные этой необъяснимой снисходительностью. Приближалась эра конфликтов между Коммуной и Законодательным собранием.

Коммуна, отказавшаяся управлять всей Францией, неограниченно властвовала в Париже. Она не допускала никаких посредников между собой и Собранием. Она послала в Собрание Робеспьера, который потребовал от ее имени прекращения уже начатых выборов в административное собрание Парижского департамента. «Генеральный совет Коммуны, — сказал Робеспьер, — должен сохранить всю ту власть, которой его наделил французский народ в ночь с 9 на 10 августа для обеспечения общественного спасения и свободы. Назначение членов нового департамента при настоящих обстоятельствах ведет к созданию власти, которая будет соперничать с властью самого народа» Тюрю поддержал Робеспьера, но Делакруа добился менее радикального постановления!

новый департамент должен осуществлять свой контроль над действиями Коммуны лишь в отношении общественных податей и национальных имуществ. Коммуна подчинилась этому постановлению, но 22 августа Робеспьер представил от ее имени Собранию членов нового департамента, изъявивших его устами желание носить впредь скромное наименование комиссии по налогам. В ответ на это Делакура, совершенно изменивший свои воззрения после 12 августа, выразил резкий протест, заявив, что Коммуна не имеет права лишать департаментские власти их административных функций: «Это значило бы опрокинуть в один момент все департаменты королевства». Таковы были незначительные конфликты наряду с более серьезными.

Победа 10 августа стоила много крови. Секционисты и федераты потеряли перед дворцом огромное число убитыми и ранеными. Они хотели отомстить за них. Швейцарцы стали стрелять первыми, как раз в тот момент, когда национальная гвардия сделала попытку побрататься с ними. После битвы швейцарцы были истреблены в огромном количестве, те из них, которым удалось ускользнуть, укрылись в Собрании. Собрание могло спасти их лишь путем обещания предать их суду. Швейцарцев обвиняли не только в вероломстве. Уверяли, что инсургенты, павшие под их пулями, получили ужасные раны, причиненные обломками стекла, пуговицами, расплюснутым свинцом. 11 августа Сантерр объявил в Собрании, что он возьмет на себя ответственность за порядок лишь при условии безотлагательного учреждения военного трибунала для суда над швейцарцами. В принципе это требование было удовлетворено голосованием. Но раздраженная толпа требовала немедленного суда. Дантон должен был стать во главе швейцарцев, чтобы отвести их в тюрьму Аббатства.

Ему не удалось с первого раза пробиться сквозь ряды манифестантов. Швейцарцы принуждены были вернуться в помещение Собрания, чтобы укрыться от разъяренной толпы. Петион, в свою очередь, вмешался в дело. Он объявил, для того чтобы успокоить народ, об учреждении чрезвычайного трибунала для безотлагательного наказания не только швейцарцев, но и всех вообще врагов революции. В тот же вечер административный отдел городской думы послал Сантерру следующее сообщение: «Нам сообщают, милостивый государь, что существует проект обойти парижские тюрьмы, отбить всех заключен-

ных и учинить над ними скорый суд (sic!). Мы просим Вас немедленно принять меры к охране тюрем Шатлэ, Консьержери и Де-ла-Форс». Этот проект истребления заключенных был осуществлен через три недели после описанных событий. Марат в то время еще ничего не писал. Впоследствии он только схватил идею, которая уже носилась в воздухе.

Собрание могло бы избежать катастрофы, если бы ему удалось убедить толпу в искренности своего обещания учредить чрезвычайный трибунал для суда над контрреволюционерами. Необходимо было срочно организовать этот трибунал. Но Собрание колебалось и упустило время. Декрет, который оно вотировало 14 августа, оказался Коммуне недостаточным; на следующий день она послала в Собрание Робеспьера с изъявлением своего протеста. Декрет имел в виду лишь преступления, совершенные в Париже 10 августа. Его следовало распространить на подобные же преступления, совершенные во всей Франции, следовало привлечь к законной ответственности Лафайета. Робеспьер требовал, чтобы трибунал был сформирован из комиссаров, назначенных секциями, чтобы он обладал высшей судебной властью и чтобы его приговоры были окончательными. Собрание постановило, что судебные приговоры, относящиеся к преступлениям, совершенным 10 августа, не могут быть кассированы, но удержало свой прежний декрет, согласно которому эти преступления подлежали расследованию и суду обыкновенных трибуналов. Коммуна, считавшая эти трибуналы подозрительными и требовавшая их обновления, пришла в сильное раздражение. 17 августа она вновь потребовала специального трибунала, присяжные и судьи которого должны быть избраны самим народом в секционных собраниях. Один из членов Коммуны, Венсант Олливо, произнес в Собрании угрожающую речь: «Как гражданин, как народный судья, я предупреждаю вас, что сегодня в полночь загудит набат, и барабан забьет тревогу. Народ истомлен жаждой мести. Берегитесь, как бы он не учинил самосуда. Вы должны, не покидая своих мест, постановить, чтобы каждая секция назначила по одному гражданину для создания уголовного трибунала. Я требую, чтобы этот трибунал был помещен в Тюильрийском дворце. Я требую, чтобы Людовик XVI и Мария-Антуанетта, столь жадные до народной крови, были насыщены видом крови своих гнусных приверженцев». Собрание воспротивилось этому требованию. Еще в самый день 10 августа Верньо

воскликнул: «Париж — только секция государства!» На этот раз против насилия, учиняемого над национальным представительством, выразил протест Шудье, который обычно присутствовал на заседаниях Горы и принимал активное участие в восстании: «Все те, кто приходит сюда с трескучими фразами, вовсе не друзья народа. Я хочу, чтобы его просвещали, а не потворствовали ему. Теперь хотят учредить инквизиторский трибунал. Я протестую против этого всеми силами». Другой монтаньяр Тюрио присоединился к заявлению Шудье, но Собрание в конце концов подчинилось, хотя и очень неохотно. Благодаря его медлительности и сопротивлению, эти уступки не принесли ему никакой выгоды в моральном отношении. Оно становилось все более непопулярным.

Чрезвычайный трибунал был сформирован из судей и присяжных, избранных парижскими секциями. Робеспьер отказался от места председателя трибунала публичным письмом, в котором объявил, что так как большая часть политических преступников являются его личными врагами, он не может быть их судьей и обвинителем. Быть может, существовали и другие мотивы этого отказа, о которых он не говорил. Дело в том, что Жиронда, видевшая в Робеспьере, сумевшем подорвать доверие к ней, настоящего предводителя Коммуны, уже повела против него наступательную кампанию. Афиша «Опасности победы», получившая большое распространение в Париже и вдохновленная, по-видимому, Роланом, изображала его как «человека необычайно завистливого», который хотел «лишить Петиона популярности, занять его место и добиться среди общей гибели этой должности, постоянного объекта его безрассудных стремлений». Отказываясь от места председателя трибунала 17 августа, Робеспьер подчеркивал, в противовес этому вымышленному Жирондой обвинению в честолюбивых замыслах и стремлении к диктатуре, свою полную незаинтересованность.

Секции, в которых преобладала торговая буржуазия, не замедлили образовать оппозицию Коммуне. Ломбардская секция, под влиянием Луве, с 25 августа начала протестовать против узурпаций Коммуны, недоверия, выраженного ею Петиону и ограничения полномочий департамента. Она отозвала своих представителей из городской думы, и четыре другие секции последовали ее примеру: Мэзон Коммюн (Maison commune), Понсо (Ponceau) — 27 августа, Рынок невинных (Marché des innocents) и Хлебный рынок (Halle au blé) — 29 августа. Движение против

Коммуны перешло в провинцию и приняло форму кампании против Парижа. 27 августа монтаньяр Альбитт объявил в Собрании циркуляр департамента Северных берегов, предлагавший другим департаментам настаивать на созыве Конвента не в столице, а в каком-либо другом месте. Собрание не разделило негодования Альбитта; оно просто перешло к порядку дня. Проект перенести Конвент в провинцию имел, по-видимому, достаточное основание, так как монтаньяр Шабо 20 августа заклинал федератов остаться в Париже, «чтобы присматривать за национальным Конвентом», помешать ему восстановить королевскую власть и покинуть Париж.

Конфликт приобрел чрезвычайную остроту. Коммуна опечатаала бумаги директора кассы чрезвычайных расходов Амело, заведомого аристократа, и заключила его в тюрьму. Раздраженный Камбон поднял вопрос, «имеет ли право Парижская коммуна арестовывать, под предлогом взяточничества, администраторов и чиновников, непосредственно подчиненных контролю Национального собрания» (21 августа). В результате был отдан приказ о немедленном снятии печатей.

27 августа, день спустя после того как было получено известие о взятии Лонгви, Коммуна приказала произвести обыски у подозрительных граждан и отобрать у них оружие. Жирондистский журналист Жире-Дюпре, редактировавший газету Бриссо, пустил слух, что Коммуна готовится произвести обыск у всех граждан без различия. Коммуна вызвала Жире-Дюпре к себе и потребовала у него объяснений по поводу его злостной инсинуации. Жиронда увидела в этом инциденте средство избавиться от своей соперницы.

Ролан начал атаку на заседании 30 августа. Он заявил, что Коммуна упразднила городской продовольственный комитет, пользовавшийся его доверием, а потому он уже не может более отвечать за регулярное снабжение Парижа продовольствием. Шудье обвинял Коммуну в том, что она все дезорганизует и, по существу, является нелегальной организацией. Камбон выразился еще более резко. Ролан снова взял слово и сообщил Собранию жалобу инспектора государственных мебельных складов Ресту, у которого агент Коммуны отобрал со склада отделанную серебром пушку (эта вещь была перенесена в комитет секции дю Руль (du Roule)). Шудье взошел на трибуну и прочел повестку о вызове в суд Жире-Дюпре, подписанную за день перед тем. Гранженев

потребовал, чтобы прежний муниципалитет снова вступил в исполнение своих обязанностей; в заключение Гаде заставил Собрание вотировать без прений декрет о безотлагательном обновлении всего состава Коммуны. Шабо и Фоше настояли, тем не менее, на признании крупных заслуг перед отечеством этой нелегальной и дезорганизующей коммуны.

Жирондисты предприняли эту атаку в обстановке патриотической лихорадки, вызванной успешным продвижением неприятеля — 19 августа прусские войска, во главе с самим Фридрихом-Вильгельмом и под командой герцога Брауншвейгского перешли границу, в сопровождении небольшой армии эмигрантов, которые с первых же шагов начали осуществлять угрозы знаменитого манифеста. 23 августа Лонгви сдалась после 15-часовой бомбардировки. Не без основания подозревали в измене командира крепости Лаверна, которого неприятель оставил в живых. Вскоре стало известно, что осажден уже Верден и что роялисты округа Шатильон на Севре в Вандее восстали в количестве нескольких тысяч, по случаю рекрутского набора. Во главе с Бодри д'Ассон они овладели Шатильоном и двинулись на Брессюир. Патриоты отбили их с большим трудом, употребив в дело пушки и дав им три сражения, в которых революционеры потеряли 15 человек убитыми и 20 ранеными, а инсургенты — 200 убитыми и 80 пленными. Только что был открыт крупный, готовый вспыхнуть роялистский заговор в Дофинэ; кроме того, стало известно, что заволновались аристократы Бретани. Нашествие неприятеля могло послужить сигналом к общему восстанию клерикалов и аристократов.

Это трагическое положение не помешало все же жирондистам обрушиться на Коммуну 10 августа. Между тем как Коммуна целиком ушла в организацию национальной обороны, предприняла спешные работы по возведению укреплений около Парижа, где предполагалось создать военный лагерь, приглашала всех граждан работать на траншеях, как они работали в свое время на полях Федерации¹, между тем как она заготовила 30 тыс.

¹ 14 июля 1790 г., в первую годовщину падения Бастилии, в Париже (на Марсовом поле) было устроено торжественное празднество, на котором присутствовали делегаты от всех департаментов в количестве до 60 тыс. человек, и которое получило название праздника Федерации. Подготовка этого грандиозного праздника потребовала обширных земляных работ. (Прим. ред.)

пик и приступила 27 августа, среди общего энтузиазма, к новому набору солдат, для обеспечения которых огнестрельным оружием обезоруживала подозрительных граждан.— Собрание думало только о том, чтобы добиться реванша за свои прежние унижения, устранить своих политических соперников и подчинить начавшиеся выборы в Конвент своему исключительному влиянию. Негодование Коммуны с каждым днем возрастало и возросло бы еще больше, если бы Коммуна знала, что наиболее видные лидеры Жиронды, совершенно потерявшие головы, считали военное положение безвыходным и намеревались вместе с правительством покинуть Париж, чтобы ускользнуть одновременно и от пруссаков и «от анархистов». Так, Ролан и Серван подготавливали эвакуацию за Луару. Этот проект они составили уже давно. Еще 10 августа Ролан говорил Барбару, что следовало бы удалиться в район центрального плоскогорья и основать «Южную» республику. Другие советовали вступить в переговоры с пруссаками. Журналист Карра 25 июля поместил в своих широко распространенных «Патриотических анналах» странную статью, полную интриг и опасений. Он превозносил в ней герцога Брауншвейгского: «Величайший полководец,— писал он,— и величайший политик Европы... Если он явится в Париж, я готов спорить, что он прежде всего направится в Якобинский клуб и наденет там красный колпак»¹. Карра когда-то был в сношениях с прусским королем и получил от него в подарок золотую табакерку с его портретом. Перед тем, а именно, с 4 января 1792 г., он внушал якобинцам идею призвать на французский престол английского принца. Его восхваления герцога Брауншвейгского свидетельствовали лишь о том, что он считал поражение неизбежным и считал необходимым заключить с Пруссией мир. Такое мнение не было единичным в жирондистской партии: Кондорсе также восхвалял в мае месяце герцога Брауншвейгского в своей газете «Парижская хроника». Не подлежит сомнению, что среди жирондистов, которые так легко отважились на войну, господствовало настроение, которое можно назвать «пораженческим». После капитуляции Лонгви министры и несколько влиятельных депутатов собрались в саду министерства иностранных дел, чтобы выслушать Керсена, вернувшегося из Седана и предсказывавшего, что герцог Брауншвейгский через пят-

¹ Красный колпак носили тогда сторонники революции. (Прим. ред.).

надцать дней будет в Париже «с такою же вероятностью, с какою клин входит в дерево, когда по нему ударяют сверху». Бледный и трепещущий Ролан заявил, что надо удалиться в Тур или Блуа, взяв с собою казну и короля. Клавьер и Серван поддержали его. Но Дантон возмутился: «Я выписал, — сказал он, — свою мать, которой 70 лет. Я выписал моих двоих детей — они прибыли сюда вчера. Я желал бы, чтобы моя семья погибла вместе со мной, прежде чем пруссаки войдут в Париж, чтобы 20 тысяч пожаров сделали из Парижа в одно мгновение груды развалин. Ролан, берегись говорить о бегстве, берегись, чтобы народ не услышал тебя!»

Несомненно, доблесть Дантона была не бескорыстна и не без задней мысли. В Париже он был популярен и имел большое влияние на секции и клубы. В Блуа или в Туре он не был бы человеком, способным освободить или сдержать, в случае надобности, мятежные силы. Но у него была и другая причина противодействовать бегству жирондистов. Он никогда не прерывал контакта с роялистами, у которых работал за деньги. Он позаботился достать себе у Талона, бывшего управляющего государственными фондами, паспорт, с которым мог ускользнуть от полиции Коммуны и бежать в Англию. Через посредство врача Шевтеля, который был послушным орудием в его руках, он поддерживал сношения с маркизом Ларуари, организовавшим как раз в это время восстание в Бретани. Противодействуя удалению правительства в провинцию, он сразу убивал двух зайцев. Если бы неприятель одержал победу, если бы война закончилась восстановлением монархии, Дантон мог бы указать роялистам на свои сношения с Ларуари через посредство Шевтеля, на протекцию, которую он оказал Ламету, Адриену Дюпору, Талону и многим другим роялистам, и потребовать свою долю в победе реакции. Если бы, наоборот, пруссаков отбили, он мог бы похвастаться перед революционерами своим мужеством в крайней опасности, он сделался бы спасителем отечества!

Но каковы бы ни были его мотивы, ему не удалось бы помешать эвакуации столицы, если бы такие влиятельные люди, как Петион, Верньо и Кондорсе не поддержали его. Жиронда решила остаться в Париже и сокрушить Коммуну, используя патриотическое возбуждение, вызванное плохими вестями, привезенными Керсэном. Но она не приняла в расчет Дантона.

Вечером 28 августа, по окончании совещания, на ко-

тором он сумел отклонить малодушное предложение Ролана, он устремился на трибуну. Своим громовым голосом он заявил, что хочет говорить «как народный министр, как революционный министр». «Надо,— сказал он,— чтобы Собрание показало себя достойным нации. Судорожным движением опрокинули мы деспотизм, и только великим напряжением национальных сил мы заставим отступить деспотов. До настоящего времени мы вели только показную войну — войну, инсценированную Лафайетом; надо сделать ее более ожесточенной. Настало время сказать народу, что он всей массой должен броситься на врага. Когда корабль терпит крушение, экипаж бросает за борт все, что сулит ему гибель. Точно так же все то, что может повредить нации, должно быть отторгнуто ею, а все то, что может послужить ей на пользу, должно быть передано в распоряжение муниципальных властей, при условии удовлетворения претензий собственников». Из установленного таким образом, принципа он тут же вывел необходимые следствия: Исполнительный совет должен назначить комиссаров, «для того чтобы воздействовать на общественное мнение в департаментах», способствовать набору рекрутов, проведению реквизиций, приступить к надзору и чистке властей, выбросить за борт корабля революции все то, что может угрожать ему гибелью. Затем Дантон произнес хвалебный гимн Парижской Коммуне, которая закрыла въезд в столицу и арестовала изменников. «Если надо арестовать 30 тыс., пусть они будут арестованы завтра, и Париж завтра же соединится со всею Францией». В заключение Дантон потребовал декрета, разрешающего производить обыски у всех граждан, и предложил Собранию назначить нескольких депутатов для оказания комиссарам Исполнительного совета помощи при наборе рекрутов и производстве реквизиций.

Собрание вотировало без прений декрет, разрешающий производство обысков, но Камбон, при поддержке жирондистов, указал на неудобства, могущие возникнуть при параллельных действиях комиссаров Собрания с комиссарами Коммуны и Исполнительного совета. Потребовалось вмешательство Базира, чтобы Собрание согласилось делегировать шесть своих членов для производства набора

На следующий день, 29 августа, Дантон, как бы для того, чтобы подчеркнуть свою солидарность с Коммуной, отправился в Городскую думу и произнес речь о «прину-

дительных мерах, которые следовало принять при существующих обстоятельствах»¹. Обыски начались 30 августа в 10 часов утра и продолжались непрерывно в течение двух дней. Каждая секция командировала для этой цели 30 комиссаров. Все дома были обследованы один за другим. Обитателям домов было приказано не выходить на улицу до тех пор, пока их не посетят комиссары. 3 тысячи подозрительных граждан были отведены в тюрьму.

30 августа вечером обыски были в полном разгаре, когда Коммуна узнала, что вотируется декрет об ее роспуске и обновлении всего ее состава. Дарнодери, один из неизвестных членов Коммуны, красноречивыми словами выразил негодование своих товарищей и в заключение предлагал оказать противодействие декрету, губившему общественное дело, созвать народ на Гревскую площадь и, в сопровождении народной толпы, явиться в Собрание. Робеспьер, в свою очередь, восхваляя действия Коммуны 10 августа, громил ее врагов, «всех этих Бриссо и Кондорсе». Но в противоположность Дарнодери, он делал вывод, что Коммуна должна обратиться с воззванием к секциям, передать им свои полномочия и запросить их о средствах удержаться на своем посту или умереть.

На следующий день Тальен произнес в собрании защитительную речь от имени Коммуны. «Все, что мы сделали, санкционировано народом». И он гордо перечислил заслуги Коммуны: «Если вы хотите сразить нас, то разите и народ, который совершил революцию 14 июля, укрепил ее 10 августа и который сумеет ее удержать». Президент Делакура ответил, что Собрание рассмотрит петицию. 1 сентября не было произведено никаких попыток осуществить декрет о роспуске Коммуны. Вечером этого дня Робеспьер заставил Коммуну принять оправдательный адрес, представлявший собою резкую обвинительную речь против Жиронды, но вместе с тем предложил подчиниться закону и возвестить народу новую инвеституру. В первый раз Коммуна не последовала совету своего признанного вождя. Ее полномочный старшина Манюель воспротивился отставке членов Коммуны. Он напомнил совету его торжественную клятву умереть на своем посту и не покидать его до тех пор, пока отечество не будет в безопасности. Коммуна решила остаться на своем посту, и комитет надзора, подкрепленный присоединением Марата, уже подготавливал грозный ответ Жиронде.

¹ Баррьер, с. 18, и Буше и Ру, с. 17 (текст незнакомый гг. М. Турно и Андре Фрейбургу)

СЕНТЯБРЬ

тром 2 сентября в Париж пришло известие об осаде Вердена. Волонтер батальона Мэны и Луары при-

вез текст требования, адресованного герцогом Брауншвейгским коменданту крепости Бореперу. Волонтер добавил, что Верден, последний укрепленный пункт между Парижем и границей, не сможет защищаться более двух дней. Другой курьер сообщил, что уланы вошли в Клермон Аргоннский на пути в Шалон. Коммуна немедленно обратилась с воззванием к парижанам: «К оружию, граждане; к оружию, враг у порога! Немедленно собирайтесь под ваши знамена, соединимся на Марсовом поле. Пусть немедленно составится армия в 60 тысяч человек». По приказу Коммуны стали стрелять из вестовой пушки, барабаны забили тревогу, загудел набат, заставы

были закрыты, реквизированы все лошади, способные служить войскам, отправлявшимся на границу; всех здоровых мужчин призвали на Марсово поле, чтобы немедленно сформировать их в походные батальоны. Члены Коммуны разошлись по своим секциям. «Они опишут в живых красках своим согражданам,— гласил протокол заседания,— опасности, угрожающие отечеству, измены, которые нас окружают или грозят нам в будущем, захват французской территории; они помогут им понять, что последняя цель всех начинаний наших врагов заключается в возвращении к самому позорному рабству, и что мы согласимся скорее погибнуть под развалинами нашего отечества и обратить наши города в груды обломков, чем снова пережить это рабство».

Коммуна, на которую столько клеветали, еще раз опередила Собрание в исполнении патриотического долга. Когда ее депутация появилась в полдень у решетки собрания, чтобы отдать отчет в принятых Коммуною мерах, Верньо не мог не выразить ей глубокого уважения. Наградив парижан энергичной похвальной речью, он кинул несколько презрительных слов по адресу трусов, которые сеют тревогу, и пригласил всех добрых граждан отправиться в лагерь, расположенный под Парижем, чтобы закончить руками добровольцев начатые фортификационные работы, «так как на рассуждения уже не остается времени; надо рыть могилу нашим врагам, ибо каждый шаг, на который они продвигаются, приближает нас к нашей могиле». Собрание вняло этому призыву к согласию. По предложению Тюрио, оно вотировало декрет, сохранявший Коммуну и уполномочивавший секции усилить ее назначением новых членов. Вслед за этим было прочтено письмо Ролана, сообщавшего об открытии роялистского заговора в Морбигане.

Наконец, на трибуну взошел Дантон в сопровождении всех министров: «Все волнуется, все колеблется, все кипит жаждою боя. Часть народа отправится на границу, другая останется здесь рыть окопы, третья, вооруженная пиками, будет защищать наши города изнутри». Париж оказал огромную услугу всей Франции. Дантон попросил Собрание делегировать двенадцать своих членов для содействия Исполнительному совету при осуществлении великих мер общественного спасения. Следовало издать декрет, что всякий гражданин, отказавшийся лично послужить общему делу или сдать свое оружие, будет приговорен к смерти. Дантон заключил свою короткую и

бурную речь известными, прославившими его, словами: «Набат гудит, но это не сигнал тревоги, это угроза врагам отечества. Чтобы победить их, нужна смелость, смелость, и еще раз смелость, и Франция будет спасена». Он сел на свое место под оглушительный гром аплодисментов, и все его предложения были приняты без прений.

Благодаря Верньо, Тюрио и Дантону, согласие, казалось, было восстановлено, ввиду общей опасности, между всеми революционными властями. Но тень недоверия еще сохранялась в глубине сердец. Под гром пушек и звуки набата боязнь измены все возрастала. Казалось, весь Париж был опутан сетями предательства. С быстротой молнии распространялся слух о том, что подозрительные граждане, заключенные в тюрьмы, готовились поднять восстание, пользуясь поддержкой извне. Добровольцы, которые записывались на Марсовом поле, читали афиши Марата, прибитые к стенам несколькими днями раньше. В этих афишах им советовали не уезжать на фронт, не совершив прежде суда над врагами отечества, заключенными в тюрьмах. Они читали также еще совершенно свежие афиши, в которых, под заглавием «Отчет суверенному народу», Фабр д'Эглантин опубликовывал список важнейших преступлений короля и двора. Их нервы еще были взвинчены многочисленными похоронными церемониями, которыми каждая секция в отдельности, а затем и вся Коммуна в целом прославляли убитых 10 августа — жертв вероломства швейцарцев. Последняя такая церемония происходила в виду Тюильрийского дворца, на самом месте сражения, всего восемь дней тому назад, и сопровождалась бурными речами, закончившимися призывами к мести.

Эта месть была обещана парижскому народу, но обещание еще не было выполнено. Чрезвычайный трибунал, созданный после долгих колебаний и с большой неохотой, проявлял крайнюю медлительность. Он приговорил к смерти только трех агентов двора, вербовщика солдат Голлено д'Ангремона, у которого нашли списки рекрутов-роялистов, управляющего королевскими имуществами Лапорта, главного казначея секретных агентов и журналиста де Розой, приветствовавшего в своей «Парижской газете» успехи неприятеля. Но после 25 августа деятельность трибунала замерла. 27 августа он оправдал полицейского Доссонвилля, имя которого было найдено в списке д'Ангремона 31 августа; он оправдал также управляющего замком Фонтенбло Монморена, записка кото-

рого, найденная в бумагах Тюильрийского дворца, возбудила подозрение. Это последнее оправдание вызвало бурю протестов. Толпа освистала судей и угрожала смертью подсудимому, которого удалось спасти только с большим трудом. Дантон своею властью отменил приговор, приказал пересмотреть дело, отрешил от должности национального комиссара Бото-Дюмениля и арестовал его. «Смею думать,— резко писал Дантон общественному обвинителю Реалю,— что оскорбленный народ, негодующий на тех, кто совершил преступление против свободы, и проявивший волю, достойную вечной свободы, не будет более поставлен в необходимость учинить самосуд, но добьется справедливого приговора от своих представителей и судебных властей». Дантон находил естественным, что народ «учинит самосуд», если судьи и присяжные откажутся легально наказать его врагов.

Новый комитет надзора Коммуны, в котором теперь заседал бывший клерк Дантона Дефорж, уже занялся сортировкой заключенных в тюрьмах. Он отпустил на свободу виновных в небольших преступлениях, несостоятельных должников, пойманных в драке и т. п. Возбужденные речами своих представителей в Коммуне, секции, организуя рекрутский набор, разжигали жажду национальной мести против заговорщиков. Секция предместья Пуассоньер решила, что все священники и подозрительные личности, заключенные в тюрьмы, должны быть уничтожены перед отъездом добровольцев в армию. Это мрачное решение было одобрено секциями Люксембурга, Лувра и Фонтэн-Монморанси.

Оно было приведено в исполнение. В тот же день полудни неприсягнувшие священники по дороге в Аббатство были убиты сопровождавшими их конвойными — марсельскими и бретонскими федератами. Только один из них спасся, аббат Сикар, основатель института глухонемых, которого признали в толпе. Банда, состоявшая из лавочников и ремесленников, федератов и национальных гвардейцев, бросилась в Кармелитский монастырь, где было заключено много непокорных священников. Их убили выстрелами из ружей, пиками, саблями и палками. Затем, с наступлением ночи, пришла очередь заключенных в Аббатстве. Здесь вмешался комитет надзора Коммуны: «Товарищи, вам приказано судить всех заключенных в Аббатстве без различия, за исключением аббата Ланфан, которого вы должны отвести в безопасное место.— Панис, Сержан». Аббат Ланфан, бывший духовник короля,

имел брата который заседал в комитете надзора. Было симпровизировано подобие трибунала под председательством Станислава Майара. Майар, с тюремным списком в руках, допрашивал заключенных и совещался о форме их наказания со своими присяжными. «Освободить», произносил Майар в случаях осуждения, и количество жертв увеличивалось. Петион, отправившийся 3 сентября в Ла Форс, сообщает, что «те, кто судили, и те, кто выполняли приговоры, действовали с такою уверенностью, как будто были призваны законом к исполнению этих обязанностей». «Они хвастались,— говорит он,— своей справедливостью, умением отличать невинных от виновных, услугами, которые они оказали отечеству».

Бойня продолжалась в следующие дни в других тюрьмах; в Ла Форс в час ночи, в Консьержери утром 3 сентября, в башне Сен-Бернар, в Шатле, в Сен-Фирмен, в Сальпетриер 4 сентября и, наконец, в Бисетре. Опыянение убийством было так велико, что убивали без разбора уголовных преступников и политических, женщин и детей. Некоторые трупы, как например принцессы де Ламбаль, были страшно изуродованы. Число убитых, по приблизительным подсчетам, колебалось между 1100 и 1400.

Население относилось к этим ужасным сценам безучастно или с чувством удовлетворения. Г-жа Жюльен, жена депутата от департамента Дромы, писала своему мужу вечером 2 сентября: «Народ восстал, ужасный в своем бешенстве, и мстит за преступления трехлетних гнусных измен. Воинственный пыл, охвативший всех парижан, производит впечатление какого-то чуда. Отцы семейств, буржуа, войска, санкюлоты — все отправляются на фронт. Народ сказал: мы оставляем дома жен и детей среди врагов, очистим землю свободы. Если бы австрийцы и пруссаки были у ворот Парижа, я не отступила бы ни на один шаг. Я бы продолжала восклицать со спокойной уверенностью: победа за нами!» По экзальтации этой мирной буржуазки, ученицы Руссо, можно судить о настроении других классов.

Патриотическое возбуждение, близость врага, звон набата — усыпляли совесть. В то время как убийцы предавались своей ужасной работе, женщины проводили ночи в церквах за шитьем одежды для добровольцев и приготовлением корпии для раненых. В Коммуну и в секции непрерывно являлись граждане, предлагавшие отечеству самих себя или свое достояние. Многие брали на себя заботу о детях добровольцев, уходивших на фронт.

Азартные игры были запрещены постановлением мэрии. Свинцовые гробы шли на изготовление пуль. Все каретки были заняты изготовлением лафетов и артиллерийских повозок. Общий порыв производил грандиозное впечатление. Возвышенное проявлялось наравне с низким и подлым.

Власти предоставили события их течению. Командующий национальной гвардией Сантерр отвечал на требования, обращенные к нему Коммуной, что не может рассчитывать на повиновение своих солдат. Коммуна вознаградила убийц за потерянное время. Собрание послало в места совершения убийств бессильные делегации. Министр внутренних дел писал Собранию 3 сентября: «События вчерашнего дня должны быть преданы забвению. Я знаю, что народ, ужасный в своей мести, сохраняет в ней некоторое подобие правосудия». Жирондистские газеты, олицетворявшие собою почти всю прессу этого времени, оправдывали убийц или приводили в их пользу смягчающие обстоятельства.

Министр юстиции Дантон не сделал ничего для защиты заключенных. Помощнику Ролана Гранпре, умолявшему его принять какие-либо меры, он ответил, если верить словам г-жи Ролан: «Мне наплевать на заключенных: пусть с ними будет все, что угодно». Несколькими днями позже, когда Алкье, президент уголовного трибунала Сены и Уазы, пытался заинтересовать его судьбою заключенных Орлеанской судебной палаты, которых банда Фурнье увела в Версаль с целью убийства, Дантон, пожав плечами, ответил: «Не мешайтесь в дела этих людей, иначе вы можете нажать крупные неприятности». Всем известны слова, сказанные им герцогу де Шартр, будущему Луи-Филиппу, в первые дни Конвента: «В тот момент, когда вся мужская часть населения устремилась к армиям и оставила нас без всякой вооруженной силы в Париже, тюрьмы были набиты заговорщиками и всякого рода отверженными, которые ожидали только приближения неприятеля, чтобы истребить нас самих. Я, со своей стороны, постарался предупредить их. Я хотел, чтобы вся парижская молодежь явилась в Шампань, обогретенная кровью, которая обеспечила бы мне ее преданность. Я хотел проложить между ними и эмигрантами кровавый поток». Стоит ли еще упоминать, что секретарь Дантона Фабр д'Эглантин во всеуслышание оправдывал убийц и приводил их в пример для всей Франции.

28 августа, т. е. с того дня, как Ролан и жирондисты

сделали предложение покинуть Париж, Дантон открыто перешел на сторону Коммуны и проникся ненавистью к ее врагам. Истребление заключенных, по его замыслу, должно было не только запугать тайных сторонников внешнего неприятеля, но и заставить задуматься жирондистов. Начинались выборы. Это был удобный случай нанести удар политическим соперникам. Расчет Дантона разделялся всей его партией.

В день 2 сентября, на вечернем заседании Коммуны, Билло-Варенн и Робеспьер донесли о «заговоре в пользу герцога Брауншвейгского, которого одна могущественная партия хочет возвести на французский престол». Они намекали не только на двусмысленные выступления Карра, но и на выступления аббата Анжу в Якобинском клубе, в мае месяце, в пользу герцога Йоркского. Они помнили, конечно, многозначительные слова, произнесенные 17 июля самим Бриссо в Комиссии двенадцати, слова, которые нам передает Барер: «Я вам докажу сегодня вечером,— сказал Бриссо одному из своих коллег,— на основании нашей корреспонденции с Сен-Джемским кабинетом, что от нас самих зависит сблизить нашу конституцию с английской, сделав герцога Йоркского конституционным королем, вместо Людовика XVI». На следующий день после выступления Робеспьера в Коммуне у Бриссо был сделан обыск по ордеру комитета надзора, а через день были подписаны приказы об аресте Ролана и восьми жирондистских депутатов. На этот раз Дантон нашел, что дело зашло слишком далеко. Ведь он был обязан своим портфелем Бриссо и Кондорсе. Он отправился в городскую думу и после энергичного объяснения с Маратом добился отмены приказов об аресте. Дантон слишком презирал человеческую жизнь, чтобы жаждать крови. Когда удар был нанесен и цель достигнута, он делался доступен чувству милосердия. Он способствовал побегу Адриена Дюпора, Талейрана, Шарля Ламета и многих других. Он протестовал против бесполезных жестокостей. Допустив гибель Ролана и Бриссо, он сильно затруднил бы свое положение в министерстве, а он еще не хотел порывать с Собранием. Достаточно было запугать Собрание. Дантону доставляло своеобразное жестокое удовлетворение разыгрывать роль его покровителя.

В этот момент революционная Франция не отказывалась от совершенных ею убийств. Один и тот же дух, одно и то же возбуждение господствовали на всей ее территории. Известным циркуляром, подписанным Дантоном и

разосланным по департаментам, комитет надзора Коммуны оправдывал совершенное злодеяние и предлагал с 3 сентября последовать примеру Парижа: «Парижская коммуна спешит уведомить своих братьев в департаментах, что часть кровожадных заговорщиков, содержащихся в ее тюрьмах, уничтожена народом. Этот акт правосудия оказался неизбежным, чтобы сдержать путем террора легионы предателей, скрывающихся в стенах Парижа, в тот момент, когда народ уходил на врага. Мы не сомневаемся, что вся нация после стольких измен, приведших ее на край гибели, поспешит применить это необходимое средство общественного спасения...»

Циркуляр был излишен. Провинциалы не нуждались в примере Парижа. В некоторых местностях они его опередили. Два священника были убиты в департаменте Орн 19 августа, один священник в департаменте Об — 21 августа, судебный пристав в Лизье — 23 августа и т. д. Всюду, где проходили волонтеры, направлявшиеся к границе, аристократы должны были дрожать за свою жизнь. В Реймсе — 3 сентября, в Мо — 4, в Орне — от 3 до 6, в Лионе — 9, в Кане — 7, в Витто — 12 произошло избиение офицеров, священников, подозрительных личностей всякого рода, заключенных в тюрьмах. В собрании департамента Устья Роны, происходившем под председательством Барбару, весть о парижских убийствах вызвала шумные рукоплескания. «Патриотизм», новое божество, требовал человеческих жертв так же, как и старые боги.

Самыми опасными из заподозренных считались всюду неприсягнувшие священники, составлявшие главную массу жертв народной мести. Все три власти — Коммуна, Собрание и Исполнительный совет — сходились на том, что необходимо лишить непокорное духовенство возможности наносить вред делу революции и национальной обороны.

Учредительное собрание закрыло только часть религиозных общин. Оно не трогало тех из них, которые были посвящены делам милосердия или народного просвещения. 31 июля один депутат заявил, что эти общины «монархические тюрьмы, в которых священники служат тюремщикам», а 4 августа Собрание постановило, что дома принадлежащие уже упраздненным религиозным орденам, должны быть очищены к 1 октября и поступить в продажу. Оставались так называемые светские конгрегации, которые Учредительное собрание пощадило, — общины, в которых не произносилось торжественных

обетов, как, например, Оратория, руководившая целым рядом коллегей — Лазаритяне, Сульпиции, Эвдисты или светские конгрегации, как, например, Братство христианских школ или, наконец, женские: сестры Мудрости, Провидения, Креста, Доброго пастыря и т. п. Все они были 18 августа упразднены, и имущества их ликвидированы. Но монахини, работавшие в госпиталях, могли продолжать свою работу на правах частных лиц.

Еще более опасными, чем монахи и члены религиозных общин, казались патриотам неприсягнувшие священники, многие из которых удержались в своих прежних приходах. Под гром пушек 10 августа Собрание постановило, что все декреты, приостановленные королевским veto, должны немедленно войти в силу. Среди них был декрет 27 мая о заключении в тюрьму и высылке в колонии неприсягнувших священников, сеявших смуты. 10 августа вечером Коммуна послала в секции список подозреваемых епископов и священников. Они немедленно были заключены в Аббатство, Кармелитский монастырь, семинарию Сен-Маглуар, где и сделались добычей сентябрьских убийц. Но декрет 27 мая касался только священников, находившихся на государственной службе, на которых распространилось постановление Учредительного собрания о принудительной присяге. Чтобы добраться до остальных, весьма многочисленных священников, Собрание 14 августа обязало их принести присягу в верности свободе и равенству. Значительная часть священников подчинилась этому требованию, чтобы сохранить содержание и продолжать свое прежнее служение. Но декрет 27 мая имел в глазах революционеров еще один крупный недостаток. Он распространялся лишь на священников, против которых возбуждалось обвинение, подписанное 20 активными гражданами. Во многих местностях, население которых относилось сочувственно к неприсягнувшим священникам, собрать 20 подписей было делом совершенно невозможным. 19 августа Камбон и Ланжюинэ потребовали нового закона, который позволил бы нанести решительный удар всем уклонявшимся от присяги без всяких исключений. 23 августа жирондист Ларивьер напутствовал чрезвычайную комиссию, уполномоченную составить новый закон: «Если вы не можете выносить вида тиранических эмблем, я не понимаю, как вы можете так спокойно смотреть на фанатиков, порождающих внутренние смуты, на бедствия и несчастия, которые они ежедневно причиняют. Я требую, чтобы

немедленно был сделан доклад о способе их выселения в колонии, так как каждая минута промедления равнялась новому убийству» (шумные аплодисменты). У революционеров было важное основание скорее покончить с этим вопросом. Выборы в Конвент приближались. Первые собрания должны были состояться 26 августа, а собрания выборщиков — 2 сентября. Следовало поторопиться с изгнанием неприсягнувших священников из Франции чтобы они не могли как-нибудь повлиять на выборы. Маран, Делакруа, Камбон прямо высказывали свои опасения. Маран — 24 августа: «Аристократические священники, загнанные вначале страхом перед революцией, осмеливаются теперь возвращаться в свои приходы и продолжают свою работу, подготавливая нам плохих выборщиков. Необходимо назначить их высылку на 28 число». Делакруа: «Чтобы священники, проникнув в народные собрания, не оказали своего вредного влияния на выборы в Национальный конвент... изгоним, изгоним их скорее». Камбон, под бешеные аплодисменты трибун, предложил немедленно перевезти священников в Гвиану, сельское хозяйство которой нуждалось в рабочих руках. Делонэ поддержал его, но бывший протестантский пастор Ласурс заявил, что отправить священников в Гвиану значило бы послать их на верную смерть. Это замечание подтвердили епископ Фоше и Верньо, и Собрание предоставило священникам выбрать самим места их высылки. Декрет 26 августа давал им 15 дней на отъезд из Франции. По истечении этого срока всех оставшихся во Франции ожидала ссылка в Гвиану. Но священники старше шестидесяти лет или больные были формально исключены из числа приговоренных к высылке; кроме того, декрет не касался духовных лиц, не подлежавших принудительной присяге. Последние подвергались высылке лишь по обвинению, подписанному шестью местными гражданами. Тысячи священников (около 25 тысяч) отправились в чужие страны, причем немногие из них встретили горячий и сердечный прием. В Испании к ним относились почти с подозрением. Лучше всего их принимали в Англии.

Несмотря на огромные размеры этой принудительной эмиграции, римская церковь еще сохранилась во Франции. Священников, не подлежавших принудительной присяге и не присягнувших, старше шестидесяти лет или больных оказалось очень много. Сарлатский епископ продолжал жить в Сарлате и был даже его мэром до самого террора, когда его заключили в тюрьму. Риецкий епископ

удалился в свой родной город Отэн; Марсельский епископ де Беллой — в селение в окрестностях Парижа, откуда продолжал управлять своей епархией; Анжерский епископ Куэ де Лорри переселился в Нормандию; епископ Се-Папуля, Майе де ла Тур Ландри — в Париж; там он рукополагал священников; епископ Санлиса — в Креп-ан-Валуа и т. д. Большинство этих прелатов и неприсягнувших священников, оставшихся во Франции, поклялись в верности свободе и равенству, к большому негодованию своих эмигрировавших собратьев, считавших их чуть не отступниками. Но папа не решился их осудить.

Неизбежным следствием высылки неприсягнувших священников была секуляризация гражданского состояния, которую собрание вотировало на своем последнем заседании 20 сентября 1792 г. За недостатком конституционных священников во многих департаментах, подобно департаменту Северных Берегов, неприсягнувшие священники по-прежнему служили до 10 августа в своих старых приходах. В их руках были записи гражданского состояния. После их высылки некому было выполнять эти смешанные гражданские и религиозные функции. Пришлось передать записи гражданского состояния муниципальным властям. Этой меры уже давно добивались фельяны, или конституционные монархисты, вследствие недовольства верных последователей римской церкви, принужденных обращаться по поводу крестин, свадеб и похорон к официальным священникам, которых они считали отступниками. Многие из них предпочитали лишить своих новорожденных детей всякого гражданского состояния, чем обращаться к этим «самозванцам». Долгое время революционеры противились настояниям неприсягнувших и фельянов, так как боялись ослабить положение конституционного духовенства, отняв у него право регистрировать рождения, браки и смерти.

Но после массовой высылки неприсягнувших священников осуществление этой меры уже не могло увеличить числа последователей контрреволюционной церкви. Революционеры передали записи гражданского состояния в светские руки. Во многих местностях чиновниками гражданского состояния стали сами конституционные священники. Следует заметить, что это отделение гражданского акта от религиозного повлекло за собою ряд важных последствий. Государство все более утрачивало свой религиозный характер. Закон, передававший записи гражданского состояния в светские руки, разрешал

вместе с тем развод, запрещенный церковью.

Конституционные священники были, конечно, обрадованы этим неожиданным избавлением от соперников, но наиболее рассудительные среди них, в свою очередь, сильно призадумались. 11 августа Эрский епископ Тома Линде писал своему брату: «Скоро уже не будет ни королей, ни священников». Да и как падение земного короля могло не поколебать авторитета короля небесного? Тома Линде следующим образом пояснял свою мысль 30 августа: «Парижане кончат тем, что будут кричать, подобно англичанам: долой епископов. Теизм и протестантизм ближе к республиканским учениям. Католицизм всегда был связан с монархией, и в настоящее время он обходится очень дорого». Несколько недель спустя арденский епископ Лафон де Савин писал в том же духе Ролану: «Считаю своим долгом заметить вам, что гражданское переустройство духовенства равносильно его гибели. Основные принципы этого переустройства приведут к тому, что государство станет совершенно чуждо религиозным делам, что жалованье, назначенное католическим священнослужителям, будет рассматриваться как своего рода пенсия после отставки или компенсация за прежнее имущественное положение; что законы о веротерпимости покажутся несовместимыми с материальной поддержкой, оказываемой из общественных средств одному привилегированному культу, и с установленными законом иерархическими делениями...» Оба епископа рассуждали вполне здраво. Дни конституционного духовенства были действительно сочтены. Логика революционных принципов и течение событий толкали революцию на путь смелых решений, перед которыми она два года тому назад с ужасом отступила бы.

Отношение к конституционной церкви становилось все более решительным. Ей пришлось отдать все свое духовное влияние, свои проповеди и благословения на служение новому государству, но и этого оказалось недостаточно: она должна была отдать ему свои материальные излишки. Декрет 19 июня, вызванный докладом финансового комитета, назначал в продажу бывшие епископские дворцы с принадлежащими к ним садами. Епископам пришлось устраиваться на свой счет в меблированных комнатах. Десятая часть их оклада предназначалась для расходов на квартиру. Один из составителей декрета заметил, что «роскошь епископских дворцов не соответствует простоте духовного звания». Епископов

обирали и одновременно читали им нравоучения.

После 10 августа эти тенденции еще более усилились. 14 августа, по предложению Делакруа и Тюрио, Собрание утвердило декрет, согласно которому все бронзовые предметы и памятники, относящиеся к феодальному времени, находящиеся в церквах, должны быть превращены в пушки. Парижская коммуна, примеру которой последовали и другие коммуны, дала этому декрету самое широкое истолкование и, воспользовавшись им, отобрала у церквей большую часть их убранства. 17 августа, «желая», как гласит ее постановление, «служить общественному делу всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении», и «убежденная, что можно извлечь большие ресурсы для защиты отечества из множества идолов, обязанных своим существованием плутням священников и народной темноте», она изломала «все бронзовые распятия, налои, всех ангелов, чертей, серафимов, херувимов», чтобы употребить их на отливку пушек, и все церковные решетки, чтобы изготовить из них пики. 18 августа депутация от братства св. Сульпиция вручила Собранию серебряную статую св. Рока, причем один из членов депутации произнес речь, которую смело можно было бы отнести к эпохе террора: «Различные братства являлись при прежней власти звеньями жреческой цепи, способствовавшей закабалению народа. Мы разбили эти звенья и присоединились к великому братству свободных людей. Мы призывали святого Рока против политической чумы, так сильно опустошившей Францию; но он не внял нашему зову. Тогда мы подумали, что его молчание зависит от его формы. И вот мы принесли его вам, чтобы вы превратили его в звонкую монету. В этой новой форме он безусловно поможет истребить зачумленную расу наших врагов». Собрание последовало этому призыву. 10 сентября оно реквизирировало всю серебряную и золотую церковную утварь, за исключением дароносиц и чаш, и приказало обратить их в звонкую монету, предназначенную на содержание войск. Таким образом, конституционный культ с каждым днем терял свой внешний блеск, действовавший на воображение простого народа. Он приближался все более к евангельской нищете.

12 августа Коммуна запретила священникам носить религиозную одежду вне богослужений. Собрание еще раз последовало примеру Коммуны. Через шесть дней оно повторило запрещение носить церковную одежду, принципиально утвержденное еще 6 апреля.

Коммуна уже установила принцип, что религия частное дело каждого гражданина. 16 августа она предписала «всем религиозным сектам не мешать уличному движению при выполнении своих обрядов», другими словами, она запретила всякие процессии и уличные церемонии. Таким путем Коммуна обобщила декрет, которым Собрание три дня тому назад отменило указ Людовика XVI о процессии 15 августа. Предписание Коммуны не распространялось на священников, участвовавших в похоронной процессии в честь жертв 10 августа.

Не заботясь о логичности своих действий, Коммуна нашла возможным вмешаться во внутреннюю организацию конституционного культа. На следующий день после восстания она отменила плату за требы «по жалобе нескольких граждан на вымогательства конституционного духовенства», и в том же постановлении установила единую форму погребения и упразднила церковных старост и их столы. С этого времени всех граждан хоронили по одинаковому церемониалу, в присутствии двух священников. У дверей церкви уже не было траурных драпировок. Послушное Собрание 7 сентября, в свою очередь, постановило, что священники, получающие содержание от государства и принявшие в той или иной форме плату за совершенные ими требы, будут привлечены к суду трибуналов и лишены места и содержания.

Собрание одобрило браки священников и ставило их даже в пример. 14 августа депутат Лежон потребовал, чтобы епископ Нижней Сены Гратьен, призывавший в своей проповеди священников к воздержанию, был предан суду трибунала, и чтобы священникам было объявлено, что они потеряют свое содержание, если будут печатать сочинения, противоречащие естественным правам человека. Оба предложения были отосланы в законодательный комитет.

В этих мероприятиях можно проследить возникновение теории, пользовавшейся успехом в эпоху Конвента. Конституционное духовенство уже по одному тому, что оно конституционное, должно проникнуться истинным духом конституции. Естественные права человека не допускают вечных обетов. Отсюда запрещение священникам проповедовать почитание таких обетов, запрещение епископам не только увольнять, лишать сана или тревожить женатых священников, но и порицать их публично пером или словом. Конституционное духовенство должно подчиняться государственным законам даже в тех слу-

чаях, когда эти законы противоречат католическим догматам или церковной дисциплине. Другими словами, конституционное духовенство не должно иметь собственного устава.

В эпоху Конвента войдут в силу санкции. Постановление Исполнительного совета от 22 января 1793 г. запретило епископам предписывать священникам, чтобы они вели записи крещений, браков и погребений и производили церковные оглашения, а также — «требовать от них каких-либо, не предусмотренных гражданскими законами, обещаний перед вступлением в брачный союз». Другими словами, епископы должны были венчать без всяких объяснений всех, кто явится к ним за получением таинства: и разведенных, и священников, и атеистов. Приговоры трибуналов возлагали на священников обязанность венчать своих собратьев. Епископов сажали в тюрьму, если они препятствовали этим бракам. Декрет от 19 июля 1793 г. присуждал их за такое преступление к высылке. По этому поводу Делакруа воскликнул: «Епископы назначены выборными собраниями; они получают содержание от нации и должны поэтому подчиняться всем законам республики». А Дантон добавил: «Мы сохранили епископов для того, чтобы они подражали своим учителям: эти учителя отдавали цезарю то, что ему принадлежит. А нация выше всякого цезаря». Другими словами, нация главенствует даже в области религии. Она является источником всякого права, всякой власти, всякой истины. Тома Линде был прав, когда писал на следующий день после 10 августа, что падение короля предвещает гибель духовенства

ВЫБОРЫ В КОНВЕНТ

обрание и Коммуна легко пришли к соглашению по религиозному вопросу; зато по всем другим во-

просам они вели жестокую открытую и тайную борьбу.

Коммуна рассматривала падение монархии как окончательный переход к республике. Собрание боялось высказаться и откладывало решение.

Чтобы помешать восстановлению королевской власти, Коммуна старалась устранить от выборов всех, кого она подозревала в симпатиях к Людовику XVI. 11 августа она решила отпечатать список парижских избирателей, собравшихся в прошлом году в клубе св. Капеллы, чтобы подготовить выборы в Законодательное собрание. На следующий день она запретила печатание всех роялистских газет и распределила принадлежавшие им печатные

станки между патриотическими газетами. Собрание не осмелилось протестовать против этого насилия, имевшего важные последствия. Роялизм, лишенный печатных органов, не мог пропагандировать своих идей как раз в тот момент, когда открывалась выборная кампания. 13 августа Коммуна ввела в свои акты новое исчисление времени, датируя их I годом всеобщего равенства; она хотела таким образом отметить, что начинается новая эра.

Собрание проявляло крайнюю медлительность. 2 августа один из его членов Сер протестовал против уничтожения статуй королей, которые были удаляемы в Париже и во всех больших городах. Он мотивировал свой протест возможностью несчастных случаев; но другой депутат Маран выразил сожаление уже непосредственно по поводу статуи Генриха IV. Но все было тщетно. Тюрио провел постановление о превращении всех бронзовых статуй в пушки и в звонкую монету. 2 дня спустя Робеспьер потребовал сооружения на месте статуи Людовика XV памятника жертвам 10 августа.

Коммуна пошла еще дальше. 14 августа она послала в Собрание депутацию с требованием вычеркнуть имя короля из списка общественных должностных лиц, а на следующий день Жансонне добился постановления, чтобы судебные приговоры и законы провозглашались отныне от имени нации. Дюко приказал прикрыть «постыдное» изображение Людовика XVI, украшавшее зал заседаний, декларацией прав человека.

Коммуна решила установить на выборах открытое голосование по именному вызову, и Собрание согласилось с ней. Робеспьер протестовал в своей секции против применения двухстепенных выборов, и Коммуна поспешила исправить закон, постановив под его диктовку, что выборы избирательного собрания подлежат ратификации первичных собраний. 17 августа Коммуна приказала опубликовать список лиц, подписавших роялистские петиции от 8 тыс. и 20 тыс. человек, поданные после 20 июня. 22 августа она побудила министров заменить обращение «мсье» обращением «гражданин». Демократы Коммуны и клуба якобинцев потребовали для народа права санкционировать конституцию и законы и отзываться депутатов: они хотели применить буквально предписания «Общественного договора», учредив референдум и императивный мандат.

Республиканское движение быстро распространилось

по провинции. Волонтеры в Вогезах, узнав о низложении Людовика XVI, кричали: «Да здравствует нация без короля!» Рошельские судьи закончили свои поздравления Собранию воззванием: «Самодержавная нация и больше никаких властей!» Страсбургские якобинцы воскликнули: «Да здравствует равенство, и да не будет короля!» Парижские якобинцы в своем выборном циркуляре перевозили республику.

Стало очевидно, что стремление сохранить монархическую форму правления столкнулось с могучим потоком противоположного течения. Депутаты уступили его напору. 22 августа Камбон сказал: «Народ не хочет королевской власти, возврат к старому невозможен». Карра, желая показать, что не думает больше о герцоге Брауншвейгском, советовал своим читателям потребовать от будущих депутатов «клятвы», что они никогда не предложат ни короля, ни королевской власти, под страхом быть зарытыми живыми в землю по возвращении в свои департаменты» (1 сентября). Кондорсе, в свою очередь, провозгласил себя 3 сентября республиканцем, добавив, что перемена династии была бы безумием. На следующий день, 4 сентября, депутаты, возмущенные «гнусной клеветой», что они мечтают возвести на престол герцога Брауншвейгского или герцога Йоркского, дали клятву бороться всеми силами против короля и королевской власти и обратились к нации с республиканской прокламацией от своего имени.

Трудно судить, насколько искренни были эти запоздалые манифестации. Тот же Шабо, который 3 сентября называл «гнусной клеветой» предполагаемый проект возвести на престол иностранного принца, 20 августа, с трибуны якобинцев, советовал федератам остаться в Париже, чтобы следить за Конвентом и помешать ему восстановить королевскую власть и покинуть Париж. И этот же Шабо, несколькими днями позже, подал голос в парижском выборном собрании за герцога Орлеанского, назначенного депутатом в Конвент сверх списка избранных депутатов, несмотря на противодействие Робеспьера. Дантон и его друзья голосовали вместе с Шабо за герцога Орлеанского. Добивался ли последний чего-нибудь большего, чем полномочий депутата Конвента? Его корреспонденция показывает, что он намеревался провести в депутаты своего старшего сына, герцога Шартрского, будущего Людовика-Филиппа, хотя он и не достиг еще к тому времени установленного законом возраста. Но в

конце концов герцог Шартрский не решился, и его отец сам выступил кандидатом на выборах. Перед тем, как выступить перед парижскими избирателями, он обратился к Коммуне с просьбой дать ему новое имя, и Коммуна формальным постановлением назначила ему имя Эгалите (равенство), которое он принял «с глубокой благодарностью» (14 сентября). Современники думали, что Дантон, не отличавшийся склонностью к политической метафизике, был подкуплен орлеанским домом. Недавно были найдены рукописные заметки, в которых король Людовик-Филипп рассказывает, что после Вальми Дантон предложил ему свою протекцию и посоветовал приобрести популярность в армии: «Это очень существенно для вас, для всех ваших и даже для нас, в особенности же для вашего отца». Дантон закончил разговор следующим замечанием: «У вас много шансов стать королем». Республика представлялась ему лишь временной формой правления во Франции.

Но в данный момент над королевской властью был поставлен крест. Жирондисты, чувствуя, что Париж и другие большие города ускользают из-под их влияния, старались обеспечить за собой выборы в деревне. 14 августа жирондист Франсуа (де Невшато) провел в Собрании декрет о разделе общинных земель между всеми гражданами и о разделении поместий эмигрантов на маленькие части с возможностью выплаты за них в течение 15 лет равными долями, чтобы бедным людям легче было их приобрести. 15 августа были прекращены все судебные преследования, возбужденные по поводу бывших феодальных прав. 25 августа Собрание отменило, без всякого вознаграждения, все феодальные права, обладатели которых не могли предъявить подлинных документов, доказывавших их происхождение. Падение монархии сопровождалось падением феодализма. Крестьянину не приходилось сожалеть о низложении короля.

Выборные собрания, начавшиеся 2 сентября, заседали по нескольку дней, а иногда и по нескольку недель. Несмотря на разрешение участвовать в выборах пассивным гражданам, движение к избирательным урнам было очень незначительно. Бедные люди не любили терять время на утомительные операции, к которым было мало подготовлены. Роялисты, фельяны, аристократы и просто робкие люди воздерживались от подачи голосов — частью из осторожности, частью из добросовестности. К выборам допускали только после присяги в верности свободе и

равенству. В департаменте Уазы участников первичных собраний 1792 г. было меньше, чем в 1791 и 1790 гг. Двенадцать, по крайней мере, департаментов (Устье Роны, Канталь, Шарант, Коррез, Дром, Эро, Лот, Жер, Уазы, Верхние Пиринеи, Сены и Марны) подражали Парижу, установив открытое голосование по именному вызову. То же происходило и на первичных собраниях Манса. Часто выборные собрания сами производили чистку, изгоняли граждан, заподозренных в противогражданских чувствах. Буржуа и крупные собственники везде получили преобладание почти без сопротивления. Если не считать Парижа и некоторых других городов, ремесленники и рабочие уклонялись от выборов или их приводили на собрание, как послушное стадо. В Quingey, в департаменте Дубе, владелец железодельного завода Луво явился на первичное собрание, приведя с собою толпу рабочих, во главе с музыкантом, играющим на кларнете. Он выгнал из выборной залы своих противников и заставил назначить себя выборщиком. Это был не единственный случай. Депутаты Конвента были избраны решительным меньшинством. Большая часть их принадлежала к буржуазии, интересы которой были тесно связаны с интересами революции. Следовало бы подсчитать, в каком количестве фигурировали среди выборщиков приобретатели национальных имуществ. Такого подсчета не было сделано. На 750 депутатов приходилось всего-навсего два рабочих: оружейный мастер Ноэль Пуэнт, избранный департаментом Роны и Луары, и чесальщик шерсти Армовилль, избранный департаментом Марны.

Если оставить в стороне Париж, в котором вся постановка выборов была в руках партии Коммуны с Робеспьером во главе, на выборах не сказалось влияние еще мало известного в то время антагонизма между Собранием и Коммуной, Жирондой и Горой. В департаментах революционеры, чувствуя свою слабость, стремились скорее выступать единым фронтом, чем разъединяться. Будущий жирондист Бюзо был выбран в департаменте Эр одновременно с будущими монтаньярами Робером и Тома Линде, с которыми он жил тогда в полном единомыслии. Выборщики заботились прежде всего о том, чтобы в Конвент попали люди, способные защитить революцию от внутренних и внешних врагов. Странников монархии не было вовсе. Так как жирондисты были более известны, так как в их руках была пресса и трибуна Собрания, так как они были еще сильны в Якобинском клубе, их

выбрали в большом числе. Бриссо воспевал победу в номере своей газеты от 10 сентября. Но выборщики не имели в виду голосовать за какую-нибудь партию. Они не давали своим депутатам наказа отомстить за раны, которые нанесла их самолюбию Коммуна 10 августа.

Жирондисты, к сожалению, оказались неспособными пожертвовать своей оскорбленной гордостью. Петион был сильно задет неудачей, понесенной им на парижском выборном собрании, которое предпочло ему Робеспьера. Г-жа Ролан, руководившая своим старым мужем, страдала от мысли, что Дантон занял преобладающее положение в Исполнительном совете. Бриссо, Карра, Луве, Гаде, Жансонне, Кондорсе — все вожди партии ненавидели Робеспьера за то, что он противился их воинственной политике, разоблачил их колебания и маневры до и после восстания, предъявил им обвинение в намерении примириться с двором и неприятелем и руководил дерзкой, узурпировавшей их полномочия, Коммуной; они мечтали получить реванш.

Частная переписка г-жи Ролан обнаруживает всю глубину ее ненависти и страха. Она была убеждена, что алмазы из короны, украденные в действительности ворам-профессионалами в Гард-Мебль, были похищены Дантоном и Фабром д'Эглантинем. Она презирала и ненавидела Дантона, хотя он только что заставил отменить приказ Коммуны об аресте ее мужа. Она видела единственное спасение в создании департаментской гвардии, которая стояла бы гарнизоном в Париже и защищала бы Собрание. «Мы далеко не в безопасности, писала она Банкалю, и если департаменты не пошлют свою гвардию в распоряжение Собрания и Совета, вы потеряете тот и другой. Спешите же выслать нам гвардию под предлогом защиты от внешних врагов, против которых отправлены все способные носить оружие парижане, и пусть вся Франция поможет сохранению двух властей, ей принадлежащих и ей дорогих». Эти слова дают возможность судить о происхождении той гибельной политики, которая, подняв департаменты против Парижа, привела через несколько месяцев к федералистской агитации и гражданской войне.

Г-жа Ролан была, к сожалению, услышана, в особенности теми, кто, испугавшись взятия Лонгви, проектировал перевести общественные власти в департаменты центра и юга. 4 сентября Камбон, придерживавшийся в то время политики жирондистов и всегда относившийся

к Коммуне с недоверием, даже и после своего присоединения к монтаньярам грозил Парижу мстью южан: «Если бы эти презренные клеветники сделались, благодаря нашей слепоте и слабости, хозяевами положения, поверьте мне, господа — благородные граждане юга, поклявшиеся сохранить свободу и равенство в своей стране, пришли бы на помощь угнетенной столице (шумные аплодисменты)... Если бы, по несчастью, свобода была побеждена, и им пришлось бы отступить, не имея возможности излить на новых тиранов свою ненависть, жажду мести и смерти, я не сомневаюсь, что они дали бы в своих недоступных врагам домах священный приют всем несчастным, которым удалось бы ускользнуть от топора французских Сулл». Итак, по мнению Камбона, если бы помощь департаментов, которую он призывал, оказалась недостаточной, пришлось бы снова вернуться к проекту южной республики, проекту, уже обсуждавшемуся несколько дней тому назад на тайных совещаниях Керсена и Ролана. Камбон приводил в доказательство своих угроз слухи о диктатуре, которые он всюду собирал. Эти убийственные обвинения делали свое вредное дело.

Проект эвакуации Парижа, вынесенный на трибуну пылкими словами Камбона, был настолько порочен, что привел в волнение даже Анахарсиса Клоотса. Он не задумался отмежеваться от этого проекта, хотя и боялся в то время Коммуны. «Французам, писал он в «Патриотических анналах» 10 сентября, никогда не придет в голову прятать нас в южных горах, — это значило бы ускорить нашу гибель, это значило бы привлечь на нас внимание всех тиранов Европы, в частности мадридского султана... Париж — город французов; завоевание столицы совершенно разрушило бы весь политический организм». Эта статья поссорила Клоотса с супругами Ролан, а вскоре и с другими жирондистами.

Чтобы добиться учреждения департаментской гвардии, супруги Ролан всеми средствами старались терроризировать Собрание в последние минуты его существования. Они вызывали в нем ужас к Коммуне, которую изображали какой-то бандой убийц и бандитов. 17 сентября Ролан заявил Собранию, что кража в Гард-Мебль является следствием «огромной махинации» и без всякого перехода обрушился на собрание парижских выборщиков, предложившее накануне аграрный закон, т. е. общий передел земель. Он утверждал, что убийцы еще не удовле-

творены, и намерены возобновить свои подвиги: «В некоторых афишах народу советуют подняться снова, если он не растерял еще своих кинжалов. Я знаю авторов этих афиш и тех, кто дает на них деньги». Эта последняя инсинуация намекала, несомненно, на Дантона, который был коллегой Ролана по министерству. И вся эта обвинительная речь, построенная на ложных или искаженных фактах, имела целью подготовить Собрание к следующему заключению: «Необходимо, господа, создать многочисленную гвардию, которая находилась бы в вашем полном распоряжении». Ролан закончил трагическим заявлением об угрожающей ему смертельной опасности. На следующий день он возобновил свою попытку.

К несчастью, вожди Жиронды последовали совету этого высокомерного, трусливого и ограниченного старика. Ласурс 17 сентября в официальном докладе от имени Комиссии двенадцати превзошел Ролана своими мрачными пророчествами. «Существует,— сказал он,— проект помешать Конвенту собраться... Я выдам вам этот гнусный проект... В виде крайней меры предполагают сжечь или разграбить Париж, чтобы нельзя было создать вооруженный лагерь». Он видел в революционерах союзников или агентов герцога Брауншвейгского. Верньо, обычно более рассудительный подтвердил справедливость рассказа Ласурса. Он обвинял комитет надзора Коммуны, призывал к ответу убийц и провел декрет, согласно которому члены Коммуны отвечали своей головой за жизнь заключенных в тюрьмы. Петион, в свою очередь, осуждал фанатичных и вероломных патриотов, подготавливавших, по его словам, новые убийства. На следующий день, по докладу Гаде, был вотирован новый декрет, который увольнял, на этот раз окончательно, всех членов революционной Коммуны, назначал ее пере выборы и восстанавливал мэра Петиона во всех его административных правах, отнятых у него после восстания. Приказы об аресте могли быть отдаваемы впредь только мэром и администраторами полиции. Набат и вестовая пушка могли быть приведены в действие только по формальному приказу законодательного корпуса. В шестинедельном поединке между Коммуной и собранием Собранию принадлежало последнее слово.

Его конечная победа объясняется не только результатом выборов в конвент, который так обрадовал, «воодушевил» г-жу Ролан, но, главным образом, реакцией, происшедшей в настроении парижского населения, а затем и

всей Франции после зверского избиения заключенных. Жирондисты молчавшие во время убийств и предавшие забвению несколько месяцев тому назад жестокости Авиньонского погреб¹, постарались усилить эту реакцию и использовать ее. 10 сентября Бриссо заявил в своей газете, что убийства явились следствием монтаньярского заговора, имевшего, по его словам, своей конечной целью проведение аграрного закона, т. е. дележа земель и имуществ. По его почину и по примеру Ролана, жирондистские журналисты, многие из которых, подобно Луве, получали субсидии из средств министерства внутренних дел, предназначенных на пропаганду, стали призывать собственников к объединению против монтаньяров, Жиронда выставляла себя с этих пор партией порядка, стремящейся к сохранению социальных отношений. Она взяла под свою защиту бывших фейянов. Секция Ломбарда, вдохновленная Луве, и секции Мэль (Mail) и Марэ (Maraais) (все эти три секции состояли из крупных коммерсантов) взяли под свою защиту подписавшихся под роялистскими петициями, т. е. те 8 тыс. и 20 тыс. человек, которых Коммуна объявила под подозрением и которые были исключены из числа избирателей. 8 сентября секция Ломбарда заявила Собранию, что она намерена создать из всех добрых граждан всех парижских секций «священную, охранительную конфедерацию» для обеспечения неприкосновенности личности и собственности. По формальному требованию подписавших петицию, Собрание постановило, чтобы подлинники петиций 8 тыс. и 20 тыс. были уничтожены. Реакция была настолько сильна, что сама Коммуна 19 сентября поклялась защищать собственность.

Угрожало ли что-нибудь праву собственности на самом деле? Были ли опасения жирондистов справедливы? Чтобы ответить на этот вопрос, надо посмотреть, как обстояло тогда дело с социально-экономическим вопросом.

С началом войны положение ремесленников и рабочих и всех вообще потребителей заметно ухудшилось. Производство предметов роскоши прекратилось. Курс

¹ Во время борьбы за присоединение к революционной Франции папского города Авиньона был совершен ряд жестокостей враждующими сторонами. Так, Журдан Головорез (преступный тип и авантюрист, приставший к революции; позднее, в 1793 г., он был судим и казнен) сбрасывал людей в глубокий погреб, служивший складом мяса в прежнем папском дворце. Таким образом погибло более 70 человек.

бумажных денег упал в Париже в августе на 41% и почти настолько же в Марселе, Лилле, Нарбонне, Бордо. Заработная плата поднималась недостаточно быстро, чтобы компенсировать подъем цен на съестные припасы.

Несмотря на ожидавшийся хороший урожай, превосходивший урожай 1791 г., рынки были плохо снабжены съестными припасами. Зерно скрывали, хлеб был редкостью и очень дорог. Политика аристократов, — говорили революционеры. Фермеры предпочитали хранить хлеб и не отдавать его за бумажные деньги. Они знали, что сильная прусская армия приближается к Парижу. Будущее представлялось им полным случайностей, и они решили быть настороже и заготовить себе запасы. Они могли сделать это легче, чем когда-либо прежде, так как революция освободила их от десятины и соляного налога и дала им возможность сделать некоторые сбережения. Им уже не приходилось продавать хлеб по какой угодно цене, чтобы внести налоги и арендную плату. Кроме того, собственникам ферм не было никакого расчета получать ренту бумажными деньгами, и они просили фермеров не торопиться и обождать с уплатою денег. Огромные закупки для армии и флота также способствовали исчезновению съестных продуктов и подъему цен. Хлеб, употреблявшийся в армии в прежнее время, состоял наполовину из пшеницы, наполовину из ржи. Чтобы заинтересовать солдат в революции, Законодательное собрание 8 сентября постановило изготавливать солдатский хлеб из чистой пшеницы. Благодаря этому потребление пшеницы сильно увеличилось. Дороговизна жизни возрастала до того момента, когда развитие революции открыло народу более широкие перспективы и возможности.

Революционная Коммуна представляла интересы маленьких людей. 11 августа она решила ходатайствовать перед собранием об издании строгих законов против спекулянтов звонкой монетой. Она требовала отмены декрета Учредительного собрания, вводившего свободный курс бумажных денег и звонкой монеты. «Смертная казнь, — гласит протокол, — казалась ей не слишком суровой мерой против людей, спекулирующих на народных бедствиях». Но Собрание, состоявшее из богатых людей, притворилось глухим. Депутация граждан, возобновившая 13 августа ходатайство Коммуны, также не имела успеха. Но Коммуна нашла все же средство помочь неимущему классу: она организовала работы по рытью траншей для парижского лагеря, оплачивая эту работу

по 42 су в день. Ремесленники занялись военными работами. Молодые люди записывались волонтерами.

Другие города не располагали такими ресурсами. В Туре после закрытия шелковых фабрик множество рабочих впало в нужду. Они заволновались в начале сентября, требуя таксы на хлеб. 8 и 9 сентября они осадили директорию департамента и заставили ее установить твердую цену на хлеб в 2 су, т. е. вдвое ниже курса. Директория подала ходатайство о перевыборах в избирательный корпус и протестовала против таксы, способной, по ее словам, превратить рынки в пустыню.

В Лионе смуты носили более серьезный характер; 30 тыс. виноградарей остались без работы. Чтобы помочь им в нужде, друг Шалье — Додье, бывший председателем секции еврейского квартала, предложил в конце августа приступить, по примеру Парижа, «к розыскам скупленной муки и зерна», продать их по твердой цене и назначить специальный трибунал для наказания скупщиков всякого рода. Его целью было «искоренить гнусное корыстолюбие и жадность скупщиков, поощряемых слабостью или моральным соучастием судей-аристократов». Центральный клуб, узнав, что Парижская коммуна водрузила постоянную гильотину, потребовал от властей такой же меры, чтобы воздействовать на спекулянтов деньгами и булочников, выпекающих плохой хлеб и грозящих прекратить работу. Муниципалитет отказался удовлетворить требование центрального клуба. В ночь с 25 на 26 августа толпа народа завладела гильотиной и водрузила ее на площади Терро против городской думы. Мятежники захватили тюрьму. В драке были серьезно ранены два заключенных, фабрикант фальшивых ассигнаций и булочник, обвинявшийся в продаже плохого хлеба. Постепенно приобретала ясные очертания идея установить террор для устрашения скупщиков и использовать гильотину для разрешения экономических затруднений. В ожидании ее осуществления лионские якобинцы прибегли к методу прямого воздействия. В сентябре один из них, комиссар полиции Бюсса, сделавшийся впоследствии судьей окружного трибунала, председателем которого был Шалье, составил таксу на продукты и другие предметы потребления, содержащую около 60 статей. Собралась толпа угрожающе настроенных женщин, и муниципалитет ратифицировал таксу, сохранившую силу в течение трех дней.

В деревнях царило такое же беспокойство, как и в

городах, так как в эту эпоху они были наводнены множеством поденщиков, принужденных покупать себе хлеб.

11 августа 1792 г. значительный транспорт хлеба, предназначенный для снабжения департаментов Гар и Эро, был остановлен толпою на Южном канале, близ Каркассонна. Национальная гвардия, вызванная департаментом Од для восстановления порядка, приняла сторону мятежников. В следующие дни толпа еще возросла, 6 тысяч человек собрались по звону набата. 17 августа, под влиянием слуха, что власти вызвали регулярные войска, колонна мятежников направилась в Каркассонн, завладела пушками и ружьями, собранными в городе, убила генерального прокурора-синдика Вердые и, в заключение, выгрузила зерно и сложила его в Каркассонне. Для восстановления порядка потребовалось 4 тыс. солдат.

Приблизительно в это же время пришлось расположить значительные вооруженные силы вдоль Сены, чтобы помешать прибрежным жителям захватывать транспорты хлеба, шедшие из Гавра или Руана к Парижу.

Выведенные из терпения местные власти почти всюду должны были принять меры регламентации, подобные тем которые применялись при старом режиме. Так, департамент Верхней Гаронны постановлением от 14 августа предложил муниципалитетам следить за скупщиками зерна, в особенности «за теми, которые раньше не занимались этим видом торговли, теперь же нахлынули в деревни, делая закупки хлеба». Это означало отменить свободу торговли хлебом, так как отныне ее можно было производить лишь с разрешения или под надзором властей. Указ департамента Верхней Гаронны возлагал на власти обязанность устанавливать личность производящих закупки без разрешения и представлять их в трибунал «дабы они были наказаны по всей строгости законов», — законов, которых еще не существовало. Они должны были также арестовывать всех «неблагоданмеренных, проникающих на рынки и скупающих тайком зерно не для собственного потребления, но с целью перепродажи, и поднимающих, таким образом, цены на съестные продукты». 14 сентября тот же департамент Верхней Гаронны установил принудительный курс бумажных денег.

Этих примеров достаточно, чтобы судить о тревоге, охватившей коммерсантов и собственников за последствия революции 10 августа. Они чувствовали, как вокруг них нарастала глухая ненависть пролетариата. Кроме

того, их постоянно подвергали обложению. Волонтеры соглашались поступать в солдаты лишь при условии, чтобы в момент отъезда им выдавали своего рода премию, которую оплачивали бы богатые люди. Они требовали, сверх того, денежной помощи своим женам и детям. Муниципалитеты добывали необходимые для этого суммы путем сборов, более или менее добровольных. Находили естественным, чтобы богатые, остававшиеся дома, вознаграждали тех, кто жертвовал собою, защищая их добро. Но богатые доказывали на основании законов, что они не обязаны платить эти бесконечные контрибуции, которые на них налагали. Они ожидали только сигнала и предложения, чтобы запротестовать и отказаться.

В момент всеобщего возбуждения, вызванного новостью о взятии Вердена, когда уже начались избиения в тюрьмах, в ночь со 2 на 3 сентября, революционная Коммуна в поисках средств на содержание созданной ею армии волонтеров решила потребовать у Законодательного собрания декрета о том, что фермеры обязаны обмолотить свой хлеб, подлежащий, в случае нужды, реквизиции. Дантон, по своему обыкновению, воспользовался идеей Коммуны и на следующий день, 4 сентября, заставил своих коллег по Исполнительному совету, за исключением Ролана, подписать прокламацию, которой предлагалось принять чрезвычайные меры, чтобы побудить собственников продавать свой хлеб военным агентам и снабжать их путем реквизиции необходимыми перевозочными средствами. Цены должны были фиксировать административные органы. Таким образом, вводилась не только принудительная продажа, но и таксация цен.

Немного времени спустя Законодательное собрание было принуждено декретами от 9 и 16 сентября распространить принципы, положенные в основание снабжения армии, на снабжение продовольствием гражданского населения. Муниципалитетам было предложено мобилизовать рабочих для молотбы зерна и обработки земли, а административным органам — снабжать провиантом рынки путем реквизиций у частных торговцев. Списки торговцев были при этом даны. В случае неподчинения декрету о реквизиции они подлежали наказанию до года принудительных работ, а все зерно их отбиралось в казну. Но установить твердые цены для снабжения провиантом гражданского населения так и не решились. Эти законы не содержали в себе ничего нового, так как многие муниципалитеты и административные органы уже принимали

указанные в них меры по собственному почину и собственной властью. Так, 3 сентября дистрикт Шомона предложил всем коммунам своего округа обмолотить хлеб нового урожая и отвезти его на рынки.

Комиссары, которых Исполнительный совет направил в департаменты, чтобы содействовать рекрутскому набору, следить за подозрительными личностями и поддерживать дух национальной обороны, уехали 5 сентября, захватив с собой прокламацию 4 сентября, предписывавшую реквизиции продовольствия. Деятельность этих комиссаров не замедлила вызвать резкую критику.

Большая часть их была назначена Дантоном из членов Коммуны. Исполнительный совет вручил им самые широкие полномочия. Они имели право «реквизировать у муниципалитетов, дистриктов и департаментов все, что найдут необходимым для спасения отечества» — формула чрезвычайно гибкая, допускавшая самое широкое истолкование. В департаменте Ионны Шартрэ и Мишель сочли необходимым «ввиду недовольства жителей дистриктов Сан, Вилльнев-на-Ионне, Жуаньи и Оксерр администраторами Ионнского департамента и директориями дистриктов» образовать комиссию надзора из 15 членов, уполномоченных следить за деятельностью администраторов дистриктов, принимать всякого рода жалобы и протесты населения против действий трибуналов и заносить их в протокол. Эта чрезвычайная комиссия надзора, члены которой были назначены местным клубом, работала под председательством негоцианта Вилльтара и помещалась с 10 сентября в одной из зал департаментского управления. Ее члены принесли присягу в присутствии Шартрэ и Мишеля «доносить под общей солидарной ответственностью на всех, кто чинит препятствия общественному делу». Они серьезно отнеслись к своей миссии и осуществляли ее еще в конце октября при видимом одобрении самих властей. Мне неизвестно, прибегали ли комиссары, работавшие в других департаментах, к подобного же рода мерам. Во всяком случае, некоторые из них относились с предубеждением к чрезвычайным мерам, считая их недопустимым превышением власти.

Департамент Верхней Соны отказался принять комиссаров Данжу и Мартена, задержал их и отправил этапным порядком в Париж под конвоем национальной жандармерии. Эти комиссары, по-видимому, не совершили никакого злоупотребления властью, так как Исполнительный совет 5 октября приказал их освободить и потребо-

вал объяснений от департамента.

В департаменте Эр комиссары Моморо и Дюфур распространили, в целях оправдания реквизиций, декларацию прав собственного сочинения, в которой значилось: «1) нация признает промышленную собственность; она гарантирует ее неприкосновенность; 2) нация гарантирует также неприкосновенность того вида собственности, который неправильно называют собственностью на землю, впредь до издания новых законов по этому предмету». Этот намек на аграрный закон, на недолговечность поземельной собственности вызвал что-то вроде мятежа против комиссаров. Муниципалитет Берная арестовал их 8 сентября и представил в Эрское собрание выборщиков. Председатель собрания Бюзо приказал освободить комиссаров, посоветовав им быть осторожнее и ограничиться выполнением своих прямых обязанностей.

Через несколько дней после этого события комиссары Губо и Селлье были арестованы в Кальвадосе муниципалитетом Лизье, обвинившим их в возмущении населения и в превышении полномочий.

Департамент Финистер задержал Гермера, которого Исполнительный совет послал в Брест и Лориан, «чтобы разыскать в арсеналах оружие, назначенное для вооружения волонтеров». Гермер произносил речи, направленные против Ролана, Гаде и Верньо, восхвалял Робеспьера и распространял памфлеты Марата. Он был лишен свободы в течение нескольких месяцев. Потребовался особый декрет Конвента от 4 марта 1793 г., чтобы заставить власти Финистера освободить его.

Само собою разумеется, Жиронда использовала эти инциденты, чтобы усилить свою кампанию против Коммуны и Горы. Ролан воспользовался случаем нанести удар Дантону за спиной злосчастных комиссаров. 13 сентября он послал Собранию письменную жалобу на злоупотребления комиссаров властью. Они якобы распространяли тревогу, произвели в Анси-ле-Фран самовольный обыск в поисках серебра. Они явились на выборное собрание департамента Сены и Марны, которое под их влиянием допустило открытое голосование, назначение священников коммунами и дало обет отлить пушку калибром в голову Людовика XVI, чтобы, в случае неприятельского нашествия, послать врагам голову этого предателя. Собрание было сильно взволновано, и на следующий день Верньо провел декрет, ограничивавший полномочия комиссаров организацией рекрутского набора и запреща-

ший им производить реквизиции и отрешать от должностей. Все уже произведенные ими увольнения были аннулированы, а местные власти получили предписание арестовывать комиссаров в случае их неповиновения. 22 сентября приказом Исполнительного совета все комиссары были отозваны обратно, и Ролан в особом циркуляре выразил им общественное порицание за то, что они сеяли смуты и посягали на неприкосновенность личности и имущества.

Вся жирондистская пресса с удивительным единодушием выставляла членов Коммуны и монтаньяров «анархистами» и сторонниками аграрного закона,— Бриссо в своей газете,— 17 сентября, Карра в «Патриотических аяналах» — 19-го. «Всякий, кто говорит об аграрном законе,— писал последний,— о дележе земель, является настоящим аристократом, врагом общества, злодеем, заслуживающим уничтожения». И он добавлял, что подобная проповедь может запугать собственников и затруднить продажу имущества, принадлежащих эмигрантам. Кералио в одном из номеров «Хроники» (от 22 сентября) резко обвинял Моморо и его сподвижников, «желающих унижить людей, доведя их до скотского состояния, и сделать землю общественным достоянием». Клоотс, банкир-космополит, выдвигал против возмутителей целый ряд обвинений: «Безрассудные или вероломные люди стремятся заронить страх в души собственников. Они хотели бы посеять раздор между французами, добывающими себе средства к существованию обработкой земли, и французами, занимающимися индустриальным трудом. Этот проект дезорганизации исходит из кобленцской лавочки». Бриссо выражался более определенно, называя дезорганизаторов агентами пруссаков.

Были ли страхи жирондистов преувеличены, притворны или искренни, во всяком случае они имели под собой некоторое фактическое основание. Нет никаких доказательств, что комиссары Исполнительного совета подражали Моморо и отличали, по его примеру, индустриальную собственность от собственности поземельной, угрожая последней отдаленной и мифической опасностью. Но не подлежит сомнению, что существовало значительное число революционеров, требовавших углубления социальной революции и предлагавших для ликвидации экономического кризиса ряд мер более или менее коммунистического характера и более или менее значительные ограничения права собственности.

Кюре из Мошана Пьер Доливье, требовавший в петиции, поданной Собранию после серьезного возмущения в провинции Бос весной 1792 г., амнистии для крестьян, арестованных за убийство мэра Симоно в Этампе, осмелился противопоставить в этой петиции естественное право праву собственности, первобытную справедливость — справедливости законной: «Не восходя к истинным принципам, обосновывающим правомерность и необходимость существования собственности, можно утверждать, что те, кого мы называем собственниками, являются таковыми лишь в силу закона. Действительной собственницей земли может быть только сама нация. Предположим, что нация могла и должна была допустить обычай, устанавливающий частную собственность и право ее передачи; возникает вопрос: могла ли она это сделать, лишив себя права верховного распоряжения продуктами и отказав во всех правах, даже самых неотъемлемых тем, кто не имеет собственности?». Но можно было бы привести и другое соображение, гораздо более убедительное, чем все рассуждения Доливье. Чтобы подойти к нему, надо подвергнуть самостоятельному исследованию все, что входит в идею истинного права собственности, а этого Доливье не сделал. Руссо сказал в одном из своих сочинений: «Тот, кто ест не заработанный им хлеб, крадет его». Язык якобинского священника кажется чрезвычайно смелым. Доливье производит впечатление социалиста. Но этот социализм берет свое начало не только в свободомыслящей философии и естественном праве; в известном смысле он очень архаичен. Строго говоря, Доливье предлагает только использовать в интересах нации права, которые короли уже давно осуществляли на всей территории королевства. Нация наследует Людовику XVI. Социализм Доливье ставит себе скромную цель оправдать применение (и только в случаях крайней нужды) прежних таксаций и регламентаций, отмененных Учредительным собранием. Он кажется новым, благодаря новым способам выражения мысли, но он чрезвычайно консервативен в своей юридической форме, своем евангельском духе, своей цели и своих средствах.

Надо заметить, что все проявления социализма того времени вызваны стремлением разрешить продовольственный кризис.

Один муниципальный чиновник в Лионе, по имени Ланж, которого Мишле, как и Бабефа, считает пред-

вестником новейшего социализма, предложил летом 1792 г. систему общей национализации всех продовольственных продуктов. Его брошюра носит заглавие: «Простые и легкие средства изжить хлебный голод и фиксировать правильную цену на хлеб». Ланж исходит из принципа, что цены на съестные продукты должны регулироваться не претензиями собственников этих продуктов, а платежными средствами их потребителей. Государство должно закупить у хлеборобов весь урожай, установив твердую цену, которая гарантировала бы их от колебаний курса. Акционерная компания фермеров с капиталом в один миллиард двести миллионов, находящаяся под контролем государства и управляемая земледельцами и потребителями, располагающими определенным количеством акций, собирает жатву в 30 тыс. общественных магазинов и фиксирует среднюю цену на хлеб, одинаковую для всей Франции. Ланж подошел к вопросу не только теоретически, он дал систему, тщательно разработанную в мельчайших деталях. Акционерная компания должна быть одновременно компанией страхования от града, пожаров и убытков всякого рода. В предшествовавшем году Ланж уже заявил о своих социалистических убеждениях.

Разрушительные идеи распространялись преимущественно священниками. Летом 1792 г. в Париже объявился аббат Жак Ру, викарий церкви св. Николая на полях. 17 мая 1792 г. он произнес горячую речь о способах спасти Францию и свободу: «Требуйте, — говорил он, — смертной казни для скупщиков съестных припасов, для тех, кто торговлей деньгами, фабрикацией неполноценной звонкой монеты, дискредитирует наши бумажные деньги, невероятно взвинчивает цены на съестные припасы и быстро ведет нас к контрреволюции». Он добивался суровых полицейских мер в области торговли съестными припасами и мечтал о создании общественных магазинов, в которых цены на товары были бы вне конкурса. В его идеях не было ничего общего с коммунизмом, он требовал лишь террористических мер против злоупотреблений правом собственности.

Деревня уже была затронута этой пропагандой. В департаменте Шер кюре Птижан из Эпине 10 августа говорил своим прихожанам: «Имущество будет общим; будет только один подвал и одна житница, откуда каждый может взять все, что ему необходимо». Он советовал устроить склады при подвалах и житницах, откуда все

сообща могли бы заимствовать средства к существованию, чтобы таким образом можно было обойтись без денег. Радикальное средство борьбы с денежным кризисом! Он предлагал также своим прихожанам «добровольно отказаться от собственности и согласиться на раздел всех имуществ». В заключение он убеждал их не платить больше налогов. Его «зажигательная» проповедь привела к тому, что 23 сентября 1792 г. он был арестован, а 18 декабря 1792 г. заочно приговорен уголовным трибуналом своего департамента к шести годам лишения свободы. Этот срок был заменен после апелляции одним годом тюрьмы.

Один туманный, но плодовитый публицист Николай де Боннвилль, основавший в 1790 г. газету «Железная глотка», объединивший в «Социальный кружок» «Друзей истины», среди которых проповедывал аббат Фоше, и находившийся, несомненно, в сношениях с фанатичными германскими франк-масонами, переиздал после 10 августа странную книгу «О духе религий», первое издание которой появилось на следующий день после вареннского инцидента и прошло незамеченным. На этот раз книга попала на хорошо подготовленную почву. Среди описаний общины будущего в ней обсуждалась необходимость аграрного закона, хотя и в темных, но весьма определенных по общему смыслу выражениях «Иегова! Иегова! Честные люди приносят тебе свое вечное поклонение. Твой закон¹ есть предмет вечного культа. Твой закон внушает ужас гордецам. Твое имя, веление и Закон Франков... закон аграрный». 39-я глава имела заглавие: «О средствах подготовки общего передела земли». В ней было написано: «Единственно возможное средство достигнуть великого социального сообщества заключается в разделении переходящей по наследству земли на определенной величины равные части между детьми покойного и в дележе остатка земли между остальными родственниками. Фиксируйте отныне наследственную долю для каждого: из детей или внуков покойного в пять или шесть арпанов, и пусть остальные родственники таким же образом разделят между собой остаток наследства. Вы все еще будете очень далеки от справедливости и от признания равных и неотъемлемых прав всех людей».

Итак, аграрный закон, которого так боялись жирондисты, не был ни мифом, ни призраком. Безвестные револю-

¹ Подчеркнуто в тексте, так же как и продолжение.

ционеры, большей частью священники, грезил о новой революции, более глубокой, чем та, которая была осуществлена, революции, издержки которой пришлось бы нести классу буржуа и собственников. Контрреволюционеры уже давно внушали этому классу, что за уничтожением привилегий рождения логически и неизбежно должно последовать уничтожение привилегий богатства. И разве факты не доказывали справедливости этого рассуждения? Без всякого вознаграждения были уничтожены феодальные права, не имевшие документального подтверждения, причем в самый момент дискуссии, 14 июня 1792 г., один депутат, по имени Шерон, употребил ловкий маневр, чтобы отклонить эту, внушавшую ему опасения меру: «Нельзя не признаться,— сказал он,— что многие земельные владения были узурпированы. Я предлагаю, в виде расширения уже примененного в декрете принципа, чтобы все земельные владения, документальное подтверждение которых не может быть воспроизведено, были национализированы». Аргумент подействовал, и Собрание утвердило декрет только после 10 августа. Но вот на богатых наложили контрибуцию, право собственности было ограничено реквизициями и твердыми ценами. Как же можно было не прийти к мысли, что аграрный закон является серьезной опасностью, тем более, что жирондисты, еще сходявшие в то время за революционеров, раздражались проклятиями по адресу коммунистов? Страх перед аграрным законом охватил многие департаменты. В Ло избирательное собрание обратилось с воззванием к крестьянам, чтобы отговорить их от дележа поместий, принадлежавших эмигрантам.

Законодательное собрание потребовало от всех чиновников, магистратов и выборщиков присяги в верности свободе и равенству. *Администраторы департамента Марны* выразили опасение, как бы, принося присягу в верности равенству, они тем самым не выразили согласия на общий раздел имуществ. Многие собрания выборщиков, как, например, в Эр, в Кантале, в Эндр, протестовали против пропаганды аграрного закона и требовали сохранения собственности. Монтаньяр Тома Линде, эрский епископ, 20 августа 1792 г. писал своему брату Роберту: «Революция заведет нас далеко. Берегись аграрного закона».

Согласимся же с жирондистами, что их опасения имели некоторые основания. Но были ли они правы, мешивая монтаньяров с коммунистами?

У коммунистов не было никакой партии. Это были изолированные личности, ничем не связанные друг с другом. Уроженец Лиона Ланж был почти не известен в самом Лионе. Известность Жака Ру не вышла еще за пределы узких улочек мрачного квартала Гравильеров. Когда он попытался после 10 августа пройти депутатом в Конвент, он получил только 2 голоса и должен был удовольствоваться муниципальным шарфом. Доливье и Птижан были еще менее известны. Одни только Моморо и Боннвилль составили себе некоторую репутацию. Моморо был одним из самых влиятельных членов клуба Кордельеров. Вскоре он получил назначение в новую директорию Парижского департамента. Позднее он стал одним из вождей гебертизма. Боннвилль руководил журналом и типографией. Но смелый в своих писаниях, он был крайне робок в практической деятельности. Все его деловые отношения, все его дружеские связи влекли его к жирондистам. Впоследствии он, выполняя поручения Ролана, записался в ряды его приверженцев и атаковал монтаньяров в своем «Бюллетене друзей истины». Этот теоретик аграрного закона внушал жирондистам только доверие и симпатию. Бриссо, называвший его своим другом, рекомендовал его выборщикам для проведения в депутаты Конвента.

Коммуна поклялась охранять неприкосновенность личности и собственности. У нее не могло быть никаких точек соприкосновения с Моморо. Что же касается вождей монтаньяров, то все их симпатии и интересы побуждали их удовлетворять запросам своей клиентуры — санкюлотов; они были готовы на самые радикальные меры, чтобы ослабить продовольственный кризис и воздействовать на дороговизну жизни. Но нет никаких доказательств, чтобы ими руководили какие-нибудь коммунистические соображения. Они решились предпринять реквизиции, так как не видели другого выхода из положения, но долго сопротивлялись введению твердых цен, которого требовали народные агитаторы. Они хотели принять меры предосторожности против злоупотреблений правом собственности и подчинить его общественным интересам, но никогда не думали уничтожить его.

В июле 1792 г. Марат указывал на богатство и социальное неравенство как на источник порабощения пролетариата: «Прежде чем думать о свободе,— говорил он,— надо подумать о том, чтобы остаться живым». Он с негодованием восстал против наглых плутократов,

съедавших за одним обедом пропитание сотни семей. Во всех его сочинениях проступает особый, искренний и мягкий тон, когда он говорит о тяжелой судьбе бедняков, хорошо ему знакомой. Он осуждает скупщиков и грозит им народным правосудием, но было бы тщетно искать в его горячих речах изложения социальной системы.

Гебер, «Отец Дюшен» которого только что начал распространяться, неоднократно указывает богатым, что без санкюлотов, волонтеров и федератов они давно уже пали бы под ударами пруссаков. Он упрекает их в жадности, но в эту эпоху так же далек от всяких планов экономической реформы, как и Марат.

Робеспьер уже давно был признанным вождем монтаньяров. В эпоху Учредительного собрания он при всяком удобном случае оказывал защиту слабым и обездоленным. Он первый протестовал с неослабным жаром против системы цензовых выборов, потерпевшей, наконец, крушение под его настойчивыми ударами; он протестовал против закона о военном положении, требовал народного вооружения; он воскликнул по поводу отмены права первородства: «Законодатели, вы ничего не сделали для свободы, если ваши законы не имеют в виду сгладить **осторожными**, но действительными средствами крайне неравномерное распределение богатств!» Он хотел ограничить право наследования, и один коммунист, такой же неоспоримый, как Бабеф, возлагал на него все свои надежды (в письме к Купэ из Уазы от 10 сентября 1791 г.). Весьма знаменательно, что Робеспьер воспроизвел целиком в своей газете «Защитник конституции» всю петицию кюре из Мошана против Симоно и приложил к ней сочувственные комментарии. Он выразил при этом сожаление, что люди, извлекавшие выгоду из революции, презирают бедняков. Он нападал с холодной яростью на олигархию буржуазии. Но он формально отрицал коммунизм. Он называл аграрный закон «нелепым страшилищем, избранным злыми людьми для глупых людей», как будто бы защитники свободы настолько безрассудны, чтобы задумать проект одновременно опасный, несправедливый и непрактичный». В этом отношении Робеспьер никогда не менялся. Он всегда смотрел на коммунизм как на невозможную и безрассудную мечту. Он хотел ограничить право собственности, предупредить злоупотребления этим правом, но никогда не думал уничтожить его.

Что же касается Дантона, то на первом же заседании Конвента он устремился на трибуну, чтобы обличить ко-

миссаров Исполнительного совета, этих Моморо и Дюфу-ров, возбудивших возмущение среди собственников своими разрушительными проповедями. Во всем Конвенте не было ни одного явного коммуниста.

Но можно ли сказать, как это неоднократно легкомысленно утверждали, что между жирондистами и монтаньярами не было никакого принципиального разногласия, что их разделяло только соперничество отдельных личностей и концепция той роли, какую столица должна сыграть в общественной жизни? Мысль в корне неверная. Разногласия между жирондистами и монтаньярами были очень глубоки. Это был почти классовый антагонизм. Жирондисты, как это заметил Дону, заключали в себе «большое число собственников и просвещенных граждан»; они признавали иерархические деления общества и хотели их сохранить и упрочить. Они испытывали инстинктивное отвращение к грубому и некультурному народу. Право собственности было для них каким-то неприкосновенным абсолютом. Они считали народ неспособным к управлению государством и сохраняли за своим классом монополию этого управления. Все, что могло воспрепятствовать деятельности буржуазии, казалось им злом. Они исповедовали, подобно Ролану, экономический либерализм в наиболее полном его виде. Самое совершенное государство было, по их мнению, то, которое предоставляло наибольшую свободу отдельному индивидууму.

Монтаньяры, наоборот, являлись представителями маленьких людей, страдавших от военного кризиса, опрокинувших трон и добывших себе политические права путем восстания. Менее сильные в теории, чем жирондисты, но ближе стоящие к действительной жизни, они понимали, что тяжелое положение, переживаемое Францией, требовало исключительных средств. Праву собственности они легко противопоставляли право на существование, индивидуальным интересам — интересы общественные. Они не понимали, что под предлогом уважения к принципам можно противопоставить классовые интересы интересам отечества. Они были готовы прибегнуть, в случае нужды, к ограничению индивидуальной свободы и собственности.

Жирондисты ненавидели Париж не только за то, что он сначала вызвал их, а потом отверг, но, главным образом, за то, что он впервые ввел политику общественного спасения, формулировал и пустил в обращение меры диктатуры, всей своей тяжестью обрушившиеся на их

класс. Не столько страх, сколько инстинкт самосохранения восстанавливал их против монтаньяров.

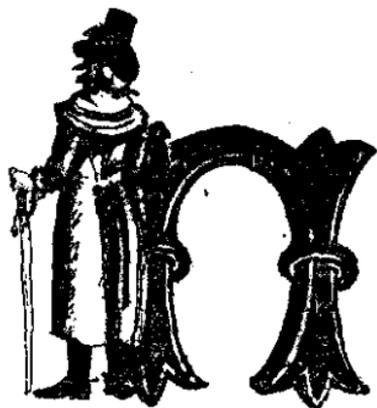
Эта фундаментальная оппозиция двух партий нашла себе выражение в появившихся почти одновременно в октябре месяце произведениях Бриссо и Робеспьера.

Бриссо писал в своем «Воззвании ко всем республиканцам Франции» по поводу якобинцев: «Дезорганизаторами мы называем тех, кто хочет все уравнивать: земли, имущества, цены на съестные припасы, различные услуги, оказываемые обществу, и т. п., кто хочет, чтобы солдат получал такое же вознаграждение, как и законодатель, кто хочет уравнивать даже таланты, знания, добродетели, так как сам не имеет ни тех, ни других». И Бриссо, взяв, таким образом, под свою защиту всех, включил в ряды дезорганизаторов Марата, Шабо, Робеспьера, Колло д'Эрбуа. Он не указал лишь на Дантона.

Робеспьер в первом номере «Писем к своим доверителям» изложил программу диаметрально противоположную: «Королевская власть уничтожена,— пишет он,— дворянство и духовенство исчезли, начинается царство равенства». И он тут же обрушивается на ложных патриотов, «которые хотели учредить республику только для себя самих», которые соглашались управлять государством лишь в интересах богатых людей и чиновников». Этим ложным патриотам он противопоставляет истинных, «которые стремятся основать республику на принципах равенства и общего интереса». «Заметьте,— говорит он еще,— эту вечную склонность соединять идею мятежа и разбоя с идеей народа и бедности».

Никто не мог бы ошибиться в истинном смысле этих речей. Соперничество Жиронды и Горы, порожденное проблемой войны, обостренное проблемой низложения монархии, после 10 августа уже перестало быть чисто политическим соперничеством. Начинаясь классовая борьба. Но Бодо понимал хорошо, что для многих монтаньяров, к которым он принадлежал, политика сближения и сотрудничества с массами была лишь тактикой, вызванной требованиями войны. Большая часть монтаньяров была буржуазного происхождения, подобно жирондистам. Классовая политика, которую они проповедовали, не исходила целиком из народной гущи. Это была политика, вызванная обстоятельствами, плебейский способ, как говорит Карл Маркс, расправляться с королями, священниками, дворянами, со всеми врагами революции. Но этого уже достаточно, чтобы радикально противопоставить ее политике жирондистов.

ВАЛЬМИ

аждение королевской власти, так же как и разыгравшийся годом раньше вареннский инцидент¹, неизбежно должно было увеличить трения между революционной Францией и монархическими державами, находившимися еще в мире с ней.

Англия отозвала из Парижа своего посла лорда Гоуэра (Gower). 23 августа, перед самым своим отъездом, он вручил Исполнительному совету довольно резкую ноту, в которой король Георг, подтверждая свой нейтралитет, выражал «заботу о положении их христианнейших вели-

¹ Имеется в виду неудачная попытка Людовика XVI бежать за границу; король был узнан и арестован в пути, в гор. Варенне (22 июня 1791 г.). (Прим. ред.).

честв и королевской семьи» в форме, до некоторой степени оскорбительной и угрожающей по отношению к новым хозяевам Франции. Несколько дней спустя, 2 сентября, английский поверенный в делах Линдсэй (W. Lindsay) также потребовал свои паспорта и уехал в Лондон. Гранвилль уведомил нашего посла Шовелена, что он не будет более принят при дворе.

Императрица российская Екатерина изгнала нашего поверенного в делах Жене.

Стало известно, что оба гессенских курфюрста присоединили свои войска к войскам Австрии и Пруссии, и каждый день можно было ожидать, что империя объявит нам войну.

Избиение швейцарских солдат, защищавших Тюильрийский дворец, вызвало по ту сторону Юрских гор сильный взрыв негодования против французов. Бернское правительство собрало войска и под предлогом, что нейтралитету свободного города Женевы угрожают войска, сконцентрированные Монтестью на Изере, послало в этот город свой гарнизон, вопреки всем договорам, регулировавшим его отношения с Францией. Можно было опасаться, что Берн увлечет за собой и другие кантоны.

11 августа испанский посол в Париже Ириарте (Irigarte) потребовал свои верительные грамоты обратно, а испанское правительство вскоре же сообщило Австрии, что приступает к военным маневрам вдоль Пиренеев.

Все державы, не исключая и самых незначительных, позволяли себе проявлять неуважение к нам и даже бросали нам открытый вызов.

Князь епископ Люттихский, член Священной Германской империи, отказался принять Поцци д'Обиньяна (Pozzi d'Aubignan), которого мы послали к его двору в качестве полномочного министра.

В докладе от 23 августа министр Лебрэн был вынужден констатировать, что мы сохраняем удовлетворительные отношения только с Данией и Швецией, и выразить удовольствие по поводу того, что голландский посол все еще пребывает в Париже; впрочем, и он был вскоре отозван.

Кольцо сжималось вокруг революционной Франции, отвергнутой монархической Европой.

Коммуна и монтаньяры спокойно относились к создававшемуся положению. 21 августа прокурор Коммуны Манюэль объявил Собранию, что венецианский посол в ближайшую ночь покидает Париж, в сопровождении

11 лиц. «Должно ли Собрание,— спрашивал он,— отпустить послов иностранных держав, не заручившись предварительно уверенностью, что французские послы, аккредитованные при различных европейских дворах, будут пользоваться соответствующим их званию уважением?» Он советовал, таким образом, задержать слуг короля в качестве заложников и проводить предупредительную политику репрессий.* Собрание не рискнуло принять определенного решения. Фактически оно передало ведение дипломатических сношений Исполнительному совету.

Совет сначала был склонен к решительным мерам. 24 августа, на следующий день после отъезда лорда Гоуэра, он решил отозвать нашего посла в Лондоне — Шовелена. Но 6 сентября он отказался от своего решения и удержал Шовелена на его посту. За этот промежуток времени взятие Лонгви и Вердена охладило его пыл.

Сам Дантон, воспротивившийся эвакуации Парижа, предложенной Роланом и Серваном, одобрил, тем не менее, политику уступок и торговых сношений с монархическими державами и даже принял в ней активное участие. 28 августа он настоял на посылке в Лондон для секретных торговых сношений с Питтом одного из своих друзей, бывшего аббата Ноэля, сделавшегося журналистом в 1789 г., и назначенного Дюмурье весной 1792 г. начальником отделения по иностранным делам. Ноэль взял с собою в Лондон двух родственников Дантона — его двоюродного брата Рекордэна и другого родственника Мерже. Все время он аккуратно переписывался с Дантоном. Инструкции последнего предписывали ему какой угодно ценой сохранить нейтралитет Великобритании. Он был уполномочен уступить Великобритании остров Тобаго, возвращенный Франции недавним Версальским договором¹. Он должен был успокоить ее по поводу намерений Исполнительного совета в отношении Голландии. Тотчас же после своего прибытия в Лондон Ноэль, к которому вскоре присоединился другой секретный агент,— также тесно связанный с Дантоном,— Бенуа, потребовал денег, больших денег, чтобы купить содействие Англии. Лебрен посоветовал ему распространить в английском обществе идею, что наступил благоприятный для Великобритании момент завладеть Луизианой и испанскими колониями в Америке. Франция не станет этому препятствовать и даже выразит свое официальное согла-

¹ Здесь имеется в виду договор 1783 г. (Прим. ред.)

сие. Но Питт презрительно отказался вступить в переговоры с Ноэлем.

Еще более наглядным примером растерянности министров может служить другая секретная миссия, которую Лебрен возложил в это же время на другого агента Дантона — Феликса Депорта, совершенно неопытного, но обладавшего большими аппетитами молодого человека, послав его ко двору герцога Цвейбрюкенского. 3 сентября Депорту предложили завязать секретные переговоры с Пруссией, чтобы отклонить ее от участия в коалиции. «Мне восхваляли ваш гений и ваш патриотизм, — совершенно серьезно писал ему министр, — «вам предоставляется случай выказать в полном блеске и тот и другой, склонив к столам Франции наиболее страшного ее противника». И далее, в той же депеше Лебрен утверждал, что герцог Брауншвейгский, — этот «герой», как он его называл, вслед за Карра и Кондорсе, — вел с нами войну скрепя сердце, и что при его содействии можно добиться мира не только с Пруссией, но и с Австрией. Само собою разумеется, что Депорт, несмотря на свой гений, имел также мало успеха, как и Ноэль.

Гораздо более, чем на эти тайные интриги, жирондисты рассчитывали для предотвращения внешней опасности на всемогущее, по их мнению, действие революционных принципов за границей. Тщетно Робеспьер предостерегал их, еще задолго до объявления войны, от этой опасной иллюзии. Они наивно воображали, что иностранные народы ждут только сигнала, чтобы последовать примеру французов и, в свою очередь, освободиться от своей знати, священников и «тиранов».

По примеру французской революции, которая была делом буржуазии, воспитанной философами, они рассчитывали, что главными деятелями европейской революции будут писатели и мыслители. 24 августа Мари-Жозеф Шенье, в сопровождении нескольких литераторов, явился в Законодательное собрание и потребовал, чтобы Собрание признало «союзниками французского народа» тех иностранных публицистов, которые своими произведениями уже подорвали «основы тирании и подготовили пути к свободе». Он предложил даровать им право французского гражданства с тем, чтобы «эти благодетели человечества» могли быть избраны депутатами. «Если выбор народа проведет этих знаменитых людей в Национальный конвент, какое внушительное и торжественное

зрелище представит собою это собрание, призванное к решению столь великих судеб! Составленное из людей, собранных со всех концов земли, не будет ли оно похоже на «Всемирный конгресс?» Два дня спустя предложение Шенье, несмотря на робкую оппозицию Ласурса, Тюрио и Базира, прошло по докладу Гаде в виде декрета. Права гражданства получили: англичане — Пристли, известный химик, Иеремя Бентам, знаменитый философ утилитаризма, Клэрксон и Вильберфорс, красноречивые защитники черной расы, Яков Мак-Кинтош и Давид Вильямс, опровергнувшие памфлеты Берка против революции; американцы — Вашингтон, Гамильтон, Томас Пэн; немцы — Шиллер, Клопшток, Камп, Анахарсис Клоотс; швейцарец Песталоцци; итальянец Горани; поляк Тадеуш Костюшко; голландец Конейль Поов. Соответственно желанию Шенье, Пристли, Клоотс и Томас Пэн были избраны в Конвент; первый отказался от своего назначения, но остальные два заняли свои места.

Уже с давнего времени революционеры восторженно принимали иностранных выходцев, укрывавшихся во Франции от мести аристократов. Их принимали не только в клубы, но и в национальную гвардию, на административные должности, в избирательные органы и даже в бюро министерства по иностранным делам. Эти политические эмигранты образовали после объявления войны ядро иностранных легионов, которые должны были освободить после победы свои первоначальные отечества. В центральной армии был лютихский легион, в северной армии — бельгийский. После 10 августа организовался батавский легион, потом аллоброгский, составленный из савойцев, женеццев, невшательцев и жителей кантона Во и, наконец, германский легион, начальник которого, полковник Домбаш, служил в свое время под начальством Фридриха Великого.

Исполнительный совет содержал за границей многочисленных секретных агентов, пропагандировавших революционные идеи. Он субсидировал лондонские газеты и распространял в Швейцарии, Бельгии, Германии, Италии, Испании бесконечное множество брошюр. Эмигранты каждой нации имели свои клубы и специальные комитеты, которые издавали газеты для их соотечественников. Так, испанец Марчена (Marchena), друг Бриссо, издавал в Байонне на французском и испанском языках «Газету свободы и равенства».

Жирондисты надеялись вызвать массовое дезертир-

ство в австрийских и прусских войсках. 2 августа Гаде провел декрет, согласно которому неприятельским дезертирам назначалась пожизненная пенсия в 100 ливров, переходившая после смерти к их женам, и награждение в 50 ливров. Этот декрет получил широкое распространение на наших северных и восточных границах и был переведен на несколько языков. Предполагалось, что неприятельские армии разбегутся сейчас же после вступления на французскую территорию. На аванпостах собрали несколько десятков бедняков, среди которых оказалось немало шпионов, находивших более удобным устраивать свои дела под защитой трехцветной кокарды и красного колпака. Это удавалось им с тем большею легкостью, что с самого объявления войны не было принято никаких мер против неприятельских подданных. Между тем как Пруссия и Австрия изгнали или заключили в тюрьму всех французов, австрийские и прусские подданные передвигались по Франции совершенно свободно и пользовались даже особым покровительством, если проявляли хоть сколько-нибудь свои гражданские чувства.

Вера в действенность пропаганды была настолько сильна, что считавшийся реалистом Дюмурье послал 24 августа Лебрёну составленный им план осуществления революции в Швейцарии с помощью эмигрантов, основавших в Париже Гельветийский клуб. Савойские эмигранты, во главе с врачом Доппе, основателем аллоброгского легиона, убедили Исполнительный совет, что завоевание Савойи будет простой военной прогулкой. 8 сентября маленькая армия Монтеस्कью получила секретный приказ атаковать сардинского короля, с которым в то время мы были еще в мире. 15 сентября министр Лебрён оправдал задним числом эту внезапную предупредительную атаку, ссылаясь на то, что сардинский король допускал стечение в своем королевстве французских эмигрантов, что он сосредоточил свои силы у Монмелиана, позволил австрийцам пройти через его территорию (?) и отказался принять наших дипломатических агентов. Собрание встретило доклад Лебрёна шумными аплодисментами.

Австрийцы и пруссаки употребили с пользой трехмесячную отсрочку, которую им великодушно предоставили наши великодушные политики. Между тем как последние, пренебрегая полученными приказами, оставались в бездействии и занимались в свободное время составлением заговоров со двором или фейянами, пропуская удобный

случай захватить безоружную Бельгию, австрийцы и пруссаки смогли компенсировать задержку в мобилизации и концентрации своих сил.

30 июля методичный Брауншвейг выступил с главной армией, состоявшей из 42 тыс. пруссаков и 5 тыс. гессенцев, из Кобленца и направился вверх по Мозелю к французской границе. С правой стороны его прикрывал корпус эмигрантов в 5 тыс. человек и австрийский корпус Клерфэ в 15 тыс. человек. С левой стороны другой австрийский корпус, в 14 тыс. человек, под командой Гогенлоэ-Киршберга, направлялся к Тионвиллю и Мецу. Кроме того, в Бельгии, против Лилля, концентрировалась двадцатипяти тысячная австрийская армия и 4 тыс. эмигрантов под командой герцога Саксен-Тешенского.

За границей не сомневались, что герцог Брауншвейгский к началу сентября будет в Париже. Разве французская армия не была дезорганизована массовой эмиграцией ее офицеров? Разве она не была парализована враждой между кадровыми солдатами в белых штанах и голубыми волонтерами?¹ Последние сами выбирали своих офицеров. Могли ли эти штатские люди, назначенные офицерами и не имевшие никакой подготовки, заставить солдат повиноваться себе? Могло ли избрание возместить недостаток опыта и компетентности? Самые старые волонтеры прослужили под знаменами не более года. Они рассеются с криками об измене при первом же ударе, как это имело место в начале войны, в схватках при Торнау и Монсе. Эмигранты повсюду распускали слухи, что имеют сторонников во всех крепостях. Они повторяли, что огромное большинство их прежних вассалов и слуг оставалось в глубине души роялистами, и что они сейчас же поднимутся против тирании якобинского меньшинства, как только увидят белые кокарды. Кампания будет очень непродолжительна — простая увеселительная прогулка.

Первые успехи коалиции подтвердили эти надежды. Пруссак перешли границу 16 августа. Они осадили Лонгви, комендант которой Лаверн, после некоторого подобия сопротивления, сдался и был оставлен на свободе. Затем осадили Верден, дистрикт которого отрицательно отнесся к событиям 10 августа. Комендант крепости Борепер, подполковник батальона Мэны и Луары, был патриот и хотел защищаться. Городские роялисты убили

¹ Волонтеры получили новую форму (голубого цвета), которая удержалась во французской армии до наших дней (Прим. ред.).

его и распространили слух, что он сам покончил с собой. Верден сдался 1 сентября. Городские дамы посетили лагерь победителей.

Австрийцы Гогенлоэ-Киршберга 4 сентября обложили Тионвилль. Комендант крепости Феликс Вимпфен, бывший член Учредительного собрания, охотно прислушивался к предложениям неприятеля, которые передавал ему еврей Годшо. Но решительное поведение войск и населения лишило его возможности капитулировать.

Если бы герцог Брауншвейгский проявил большую самоуверенность после взятия Вердена и немедленно выступил в поход на Шалон, он не встретил бы на своем пути никаких серьезных препятствий. Но герцог Брауншвейгский относился с презрением к своему противнику и не торопился.

Исполнительный совет потерял 15 дней в нерешительности и колебаниях. Когда Лафайет, покинутый своими войсками, 19 августа был вынужден бежать, Совет назначил на его место Люкнера. Это был старый хитрый немец, которого патриоты справедливо подозревали в интригах с Лафайетом. Его почти тотчас же возвели в звание генералиссимуса. 21 августа его перевели в Шалон и ограничили его деятельность исключительно организацией волонтеров нового набора, стекавшихся со всех концов Франции. Для надзора за ним приставили двух агентов Совета — Лакло и Билло Варенна, которые тотчас же обвинили его в неспособности и недоброжелательстве. 13 сентября он был отозван в Париж.

Командующим Центральной армией был назначен Келлерман, Рейнской — Бирон, Северной — Дюмурье. Эти три армии, вытянутые в одну линию вдоль границы, не покинули своих позиций. Бирон имел около 25 тыс. человек за Лотером, Келлерман — 28 тыс. в Лотарингии у Меца и Тионвилля. Северная армия была разделена на две группы: большая группа расположилась в Северном департаменте от Дюнкирхена до Мобежа, другая, силою в 19 тыс. человек, около Седана. Позади, между Реймсом и Шалоном, были сконцентрированы для прикрытия Парижа национальная гвардия и волонтеры.

Политические соображения преобладали над соображениями стратегическими. Опасаясь восстания в Париже, Серван и Исполнительный совет хотели во что бы то ни стало остановить герцога Брауншвейгского. Они предписали Дюмурье немедленно принять командование над седанской группой и соединиться с Келлерманом на

Аргоннской возвышенности. Но Дюмурье мечтал завоевать Бельгию и выставил ряд возражений: Он прибыл в Седан только 28 августа и даже тогда предлагал еще Сервану занять Бельгию, поднявшись вверх по Маасу. И только 1 сентября, в день взятия Вердена, он окончательно решил покинуть Седан и занять аргонские проходы. Герцог Брауншвейгский находился ближе к ним и мог бы предупредить Дюмурье или, во всяком случае, серьезно затруднить его поход, беспокоя его с фланга. Но неприятель не двигался, и 3 сентября Дюмурье достиг Гранпре. Вызвав подкрепление из Фландрии, он баррикадировал лесные дороги и стал ожидать Келлермана, который должен был присоединиться к нему, придя из Меца через Бар-ле-Дюк.

Герцог Брауншвейгский атаковал французскую линию только 12 сентября. Он разбил ее с севера у Круа-о-Буа. Дюмурье, вместо того, чтобы отойти с боем к Шалону, как хотел Серван, отступил на юг к Сен-Менегулю. Дорога на Париж была открыта. Но 19 сентября Келлерман с мецевской армией наконец, присоединился к Дюмурье. Теперь у французов было 50 тыс. против 34 тыс. пруссаков.

Герцог Брауншвейгский не преследовал Дюмурье во время его отступления от Гранпре к Сен-Менегулю. Всегда медлительный и расчетливый, он намеревался выбить французов из их позиций путем остроумного маневра на Вьенн-ле-Шато и Шалад. Но прусскому королю надоели все эти задержки. Он приказал герцогу Брауншвейгскому немедленно атаковать санкюлотов. В полдень 20 сентября прусская пехота развернулась, как на параде, перед Ивронской горой и пригорком Вальми, который занимала армия Келлермана. Прусский король ожидал беспорядочного бегства карманьолов. Но они держались очень твердо. Правда, взрыв трех ящиков со снарядами вызвал некоторое смятение во второй линии. Но Келлерман, взмахнув своей шапкой, надетой на острие шпаги, воскликнул: «Да здравствует нация!» Этот клич пронесся от одного батальона к другому. Прусская пехота остановилась. Герцог Брауншвейгский не рискнул возобновить атаку. День закончился артиллерийским поединком, в котором французы показали свое превосходство. Около шести часов вечера начался ливень. Обе армии укрылись на свои позиции. И та и другая понесли незначительные потери: пруссаки — 200 чел., французы — 300.

Победа при Вальми не была стратегической победой,

так как прусская армия осталась нетронутой и по-прежнему находилась между Парижем и французской армией. Это была моральная победа. Презренные санкюлоты выдержали неприятельский огонь. Пруссаки и австрийцы должны были отказаться от иллюзии легко и быстро победить санкюлотов.

Эти погрязшие в традициях люди наивно думали, что за пределами монархического строя может быть только анархия и полное бессилие. Революция впервые показала себя им со своей творческой, организующей стороны. Они испытали глубокое волнение, которое Гёте, присутствовавший в прусском лагере, выразил, как говорят, в следующих знаменательных словах: «С этого места и с этого дня начинается новая эра в истории мира». Великому поэту и философу истина открылась внезапно. Старый строй, покоившийся на догмате и авторитете, уступал место новому, основанием которому служила свобода. Вместо профессиональных армий, обязанных своим существованием пассивной дисциплине, появилась новая армия, одушевленная чувством человеческого достоинства и национальной независимости. С одной стороны, божественное происхождение королевской власти, с другой — права человека и народов. Победа при Вальми показала, что в этой столь неосторожно начатой борьбе права человека не обязательно должны потерпеть поражение.

Герцог Брауншвейгский, крайне неохотно продвинувшийся в Шампань, предпочел бы ограничиться методическим завоеванием всех пограничных крепостей, чтобы устроить себе в них спокойные зимние квартиры. Он не торопился возобновить наступление. Его солдаты были измучены тяжелыми походами по размягченной дождями почве. Шампанский виноград распространял среди них эпидемию дизентерии. К тому же припасы для войска поступали крайне нерегулярно, так как приходилось делать большой крюк от Вердена через Гранпре. И, наконец, крестьяне, лотарингцы и шампанцы, вместо того чтобы принять союзников как благодетелей, сопротивлялись их реквизициям, убегали в леса, убивали оставших солдат. Было очевидно, что широкие массы населения ненавидят эмигрантов и с содроганием приняли бы восстановление феодализма. Герцог Брауншвейгский докладывал королю, что его положение крайне рискованно и что следует отказаться от похода на Париж. Советники короля Лючезини, Манштейн, не сочувствовавшие союзу

с австрийцами, добавляли к словам герцога, что война с Францией не принесет ничего, кроме расходов и потерь, и что пруссакам придется только вытаскивать каштаны из огня для императора.

Дюмурье, со своей стороны, старался возобновить возможно скорее свои проекты относительно Бельгии. Он всегда думал, что для Пруссии и Франции было бы одинаково выгодно заключить союз против Австрии. Он не сделал ничего, чтобы превратить моральную победу при Вальми в победу стратегическую. Вместо того, под предлогом обмена секретаря прусского короля Ломбара, взятого в плен 20 сентября, на вареннского мэра Жоржа, задержанного противником в качестве заложника, он послал 22 сентября агента Исполнительного совета Вестермана в прусский лагерь и открыл с пруссаками секретные переговоры, которые продолжались несколько дней. Дюмурье надеялся отвлечь Пруссию от союза с Австрией. Герцог Брауншвейгский и прусский король, зная честолюбие и продажность Дюмурье, надеялись, в свою очередь, подкупить его и сделать своим орудием для монархической реставрации во Франции или, в крайнем случае, для освобождения Людовика XVI и его семьи. 23 сентября Манштейн, флигель-адъютант Фридриха-Вильгельма, обедал с Дюмурье и Келлерманом в главной квартире в Данпьерр на Ове. Он вручил им ноту, озаглавленную: «Существенные пункты для изыскания средства разрешить мирным путем все недоразумения, возникшие между французским и прусским королевствами»: «1) Прусский король и его союзники желают видеть представителя французской нации в лице ее короля, чтобы иметь возможность вступить с ним в переговоры. Речь идет не о том, чтобы вернуть Францию к старому порядку, но чтобы создать правительство, способное работать на благо всего французского королевства. 2) Король и его союзники желают прекращения всякой пропаганды. 3) Желательно, чтобы король получил полную свободу».

Лишь только Манштейн ушел, Дюмурье и Келлерман получили уведомление о провозглашении республики. Прежние основания для переговоров утратили всякую силу. Но все же удалось добиться перемирия, и Вестерман с прусскими предложениями отправился в Париж. Исполнительный совет, в котором все еще заседал Дантон, рассмотрел эти предложения 25 сентября. Он принял решение продолжать переговоры с пруссаками и просил Манюеля, оставшегося прокурором Коммуны, объединить

извлечения из постановлений Коммуны, обеспечивавших Людовику XVI и его семье приличное существование в Тампле. Коммуна, удивленная требованием Манюеля, доложила о нем Конвенту. Конвент, после небольших дебатов, во время которых Манюель необдуманно обозвал Вестермана агентом прусского короля, предоставил решение вопроса Исполнительному совету. Вестерман поехал обратно в лагерь Дюмурье с протоколами постановлений Коммуны, которые должны были успокоить Фридриха-Вильгельма относительно судьбы Людовика XVI, и с письмом Лебрена, настаивавшего на предложении пруссакам не только сепаратного мира, но и союза с Францией, при условии признания ими республики.

В ожидании Вестермана, Дюмурье продолжил перемирие и обменивался учтивостями и визитами с неприятельскими генералами. 27 сентября он послал Фридриху-Вильгельму кофе и сахар, которых не доставало в прусском лагере, в сопровождении любезного письма «доблестному Манштейну». В этом письме он все же заявил, что пруссакам надлежит признать республику и вести переговоры с Конвентом. Фридрих-Вильгельм не был склонен к такому решительному шагу. Он сухо ответил Дюмурье, что его подарки излишни: «Смею Вас просить более не утруждать себя», и 28 сентября заставил герцога Брауншвейгского подписать резкий манифест, в котором объявлялось всему миру об «ужасных сценах», предшествовавших заключению французского короля, о неслыханных убийствах и дерзости мятежников и, наконец, о «последнем преступлении Национального собрания», т. е. о провозглашении республики.

Получив этот манифест, Дюмурье, в свою очередь, пришел в сильное раздражение. Он ответил на него прокламацией, обращенной к войскам, в которой говорил: «Довольно перемирий, друзья, атакуем этих тиранов и заставим их раскаяться в том, что они пришли осквернить свободную нацию». Фразы для галерки. Дюмурье не атаковал пруссаков и продолжал поддерживать с ними сношения. Фридрих-Вильгельм, имевший всего лишь 17 тыс. здоровых солдат, воспользовался этим благодушным настроением. 30 сентября он выступил из лагеря и беспрепятственно совершил отступление, которое могло бы превратиться в полное поражение. Дюмурье медленно и вежливо следовал за ним, не пытаясь задержать его в Аргоннских ущельях и даже диктуя своим офицерам ложные движения, чтобы не подпустить их близко к неприятелю.

В эти первые дни существования Конвента все улыбалось жирондистам. Нападение было отбито, и наши войска вскоре могли перейти в наступление на других границах. Жирондисты, которые выказали особенное малодушие перед лицом опасности, пожинали теперь плоды этих неожиданных успехов. Но они думали только о том, чтобы вооружиться против своих политических противников. Бриссо сказал впоследствии, что наши успехи «вызвали муки и отчаяние у агитаторов». Таким образом, победа не только не сгладила борьбу партий, но еще более ее усилила.

Альбер Матьез

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Перевод с франц. К.И.Цидербаума

Переиздано изд-вом «Феникс» (Ростов-на-Дону) в 1995, дополнено вступительной статьей А.Егорова «Альбер Матьез: “пламенный историк пламенной революции”»

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Скан книги разделен по томам.

Ссылки на дополнительные материалы даны нами.

Мы не пытались дать исчерпывающий перечень тематических ссылок, поэтому любознательных читателей приглашаем самостоятельно изучить содержимое нашей библиотеки.

Подборка материалов о Матьезе и ссылки на его работы в сети:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/refl.htm#amtz>

Том II. ЖИРОНДА и ГОРА

Книга 2. ПРАВИТЕЛЬСТВО ЖИРОНДЫ

Глава 1. **Трехдневное перемирие**

Глава 2. **Выступление против «триумвиров»**

Глава 3. **Образование третьей партии**

Глава 4. **Процесс короля**

«Часовая стрелка революции подошла к полдню». 21 января 1793 года: казнь или убийство? http://vive-liberta.narod.ru/discuss/process_louis_dcsss.htm

К.Беркова. Процесс Людовика XVI http://vive-liberta.narod.ru/biblio/berk_louis_1.htm

Глава 5. **Финансы и дороговизна**

В.Марков. Рукопись Жака Ру «Речь о причинах несчастий французской республики» http://vive-liberta.narod.ru/journal/roux_markow.pdf

Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г. http://vive-liberta.narod.ru/journal/soltan_marat.pdf

С.Коротков. Финансовая политика Французской революции: характер и итоги http://enlightment2005.narod.ru/arc/cambon_tarle_korotkov.pdf

Глава 6. **Завоевание естественных границ**

Глава 7. **Первая коалиция**

Р.Авербух. Политика европейских держав в 1787-1791 гг. http://vive-liberta.narod.ru/journal/aver_dipl.pdf

Глава 8. **Измена Дюмурье**

Глава 9. **Вандея**

Глава 10. **Падение Жиронды**

А.Гордон. Падение жирондистов http://vive-liberta.narod.ru/biblio/gord_girond.htm

Ж.-П.Марат. Памфлеты <http://enlightment2005.narod.ru/arc/marat1.pdf>

Ж.-П.Марат. Письма <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82064711.htm>

В.Маркова. Народное движение в Лионе http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_1.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_2.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mark_lion_3.pdf

ТРЕХДНЕВНОЕ ПЕРЕМИРИЕ

овое Учредительное собрание — Конвент совмещал в себе по идее все власти. Только он имел право истолковывать желания нации. Парижская коммуна должна была ступать перед ним. Прошло время соперничества между национальным представителем и мятежным муниципалитетом. Начиналась эпоха суверенной законности.

От одной Жиронды зависело превратить бесплодную борьбу партий в плодотворное соревнование всех революционеров во имя общественного блага. Коммуна, понимая, что она дискредитировала себя сентябрьскими убийствами, развила усиленную деятельность, выразила порицание своему комитету надзора и переизбрала его, привела в порядок всю свою отчетность перед тем как

исчезнуть, — короче говоря, постаралась доказать провинции, что ее оклеветали, изображая ее анархической и дезорганизующей властью.

Марат, констатируя поражение монтаньяров на выборах, объявил 22 сентября в своей газете, что намерен следовать «по новому пути». Он выражал доверие конвенту, обещал заглушить свои подозрения и действовать в согласии с защитниками народа.

Марат, по его собственным словам, подчинялся только тактике всей своей партии. Дантон за несколько дней до созыва Конвента разыскал Бриссо и попытался заключить с ним примирение и соглашение: «Он задал мне, — говорит Бриссо, — несколько вопросов относительно моей республиканской доктрины; он опасался, по его словам, вместе с Робеспьером, что я захочу основать федеративную республику, что таково намерение всей Жиронды. Я разубедил его». Монтаньяры сделали первый шаг к примирению, и их действия показывают, что они действительно пытались сдержать свои обещания.

Когда Конвент собрался — это было 21 сентября 1792 г., на следующий день после битвы при Вальми, два дня спустя после триумфального вступления Монтеスキю в Савойю, — Париж поразил своим спокойствием новых депутатов, представлявших себе столицу, по описаниям Ролана и провинциальных журналистов, очагом убийств и анархии. «Нам нужен внутренний мир, — писал 23 сентября Жанбон Сен-Андре муниципалитету Монтобана, — и, в особенности, чтобы добрые граждане не поддавались лицемерным патриотам, как это случилось в Лионе, население которого, в своем ослеплении, установило разорительные для торговцев цены на продукты, вследствие чего торговцы удалились из этого несчастного города, обреченного, благодаря своей несчастной ошибке, на все ужасы голода». Сент-Андре, фигурировавший впоследствии среди самых крайних монтаньяров, не возбуждает подозрений. И тем не менее он осуждает фанатиков, лицемерных патриотов — лионских борцов за твердые цены, друзей Шалье.

Жирондистам, казалось бы, было очень легко управлять в этой атмосфере доверия и согласия. Прежние их политические противники протягивали им руку и давали свидетельство своей искренности.

Но жирондисты, опьяненные победой наших армий, оправдывавшей их внешнюю политику, сильные своим большинством, достигшим в новом Собрании, по словам

Бриссо, двух третей всех мест, не удовлетворились тем, что господствовали в Исполнительном совете, полностью завладели канцелярией Собрания и поместили своих сторонников во все крупные комиссии. Увлеченные страстною, мстительной злобой, они с головой окунулись в политику репрессий. Перемирие, заключенное между Дантоном и Бриссо, длилось не более трех дней, но и за три дня был принят ряд памятных решений.

Конвент организовался 20 сентября, когда Законодательное собрание еще заседало. Он выбрал своим председателем Жерома Петюна, 235 голосами из 253, и учредил канцелярию, назначив секретарями Кондорсе, Бриссо, Рабо де Сент-Этьенн, Верньо, Камюса. Выбор весьма знаменательный! Петюн был отомщен за пренебрежение парижских выборщиков, которые предпочли ему Робеспьера. Все секретари были жирондистские вожди, исключая Камюса, которого считали фейяном. 24 сентября Бантаболь обвинил его перед якобинцами в том, что он подписал роялистскую петицию от 20 тысяч. Избранием Камюса жирондисты засвидетельствовали свое примирение с прежними роялистами.

На следующий день, 21 сентября, Конвент имел свое первое заседание. Франсуа де Невшато приветствовал его от имени умирающего Законодательного собрания и призывал к дружной работе: «Поводы к раздорам должны быть устранены». При этом он осуждал проекты федеративной республики, уже беспокоившие Дантона и Робеспьера: «Вы должны сохранить между всеми частями государства единство управления, центром и связью которого являетесь вы».

Выступивший вслед за ним Манюель предложил поместить председателя Конвента, которого он назвал президентом Франции, в один из дворцов и окружить его почестями. Шабо тотчас же выразил протест, напомнив, что члены Законодательного собрания поклялись бороться с королями и королевской властью. Франция хочет уничтожить не только имя короля, но и все то, что может вернуть королевскую власть. Конвент должен немедленно объявить народу, что подчиняет свои постановления его санкции. Тальен поддержал Шабо: «Я с удивлением слышу здесь споры о каком-то церемониале».

Предложение Манюеля было единодушно отклонено. Это решение означало, что Конвент не намерен подражать Америке и заместить короля президентом, облеченным исполнительной властью.

Кутон, развивая идею Шабо, потребовал, чтобы новая конституция, которую Конвент должен выработать взамен монархической конституции, была утверждена народом: «Я с ужасом прислушивался к разговорам об учреждении триумvirата, диктатуры, протектората»,— добавил он. «Эти слухи несомненно являются средством вызвать смуту, изобретенным врагами революции». В заключение он потребовал, чтобы все члены Конвента клятвенно подтвердили свое отвращение и к королевской власти, и к диктатуре, и к триумvirату. Его речь была покрыта шумными аплодисментами.

Базир, желая превзойти Кутона, потребовал закона, угрожающего смертной казнью «всякому, кто осмелится предложить учреждение какой-либо личной и наследственной власти». Руйе и Матье одобрили его предложение. Дантон, в свою очередь, предложил, чтобы устранить «пустые призраки диктатуры, сумасбродные идеи триумvirата, все эти нелепости, изобретенные с целью запугать народ» — декрет об утверждении будущей конституции первичными собраниями. Отвергая всякие преувеличения, другими словами, отмежевываясь от Моморо, он предложил, кроме того, издать для успокоения собственников декрет о вечном сохранении всякой земельной, имущественной и промышленной собственности. Слово «вечное» показалось слишком сильным Камбону, который уже подозревал Дантона в демагогии. Он посоветовал не издавать столь непреложного декрета, и после небольшой дискуссии Конвент принял редакцию Базира: «1. Не может быть другой конституции, кроме той, которая утверждена народом. 2. Личность и собственность находятся под охраной нации».

Собрание единодушно отвергло и диктатуру и аграрный закон. Так же единодушно оно отменило королевскую власть.

Предложение исходило от Колло д'Эрбуа. Епископ Грегуар поддержал его, воскликнув: «Династии всегда были хищной породы, они пожирали народную кровь». Инстинктивным движением все депутаты встали и заявили о своей ненависти к королевской власти. Один только Базир, напомнив предварительно, что он первый поднял голос против Людовика XVI и объявив, что намерен голосовать за отмену королевской власти, хотел предостеречь Собрание от голосования в обстановке энтузиазма. Его прервал ропот остальных депутатов. Грегуар с силой ответил ему: «Короли в мире моральном то же,

что уроды в мире физическом. Дворы — это мастерские преступления, очаги разврата, логовища тиранов. История королей — мартиролог наций». Декрет об отмене королевской власти был принят единогласно среди изъятий восторга со стороны депутатов и публики на трибунах.

Декрет был с большой торжественностью возвещен Парижу еще во время заседания Конвента, при свете факелов в сумерках наступавшего вечера. Монж, в сопровождении других министров, явился в Собрание и поздравил его с провозглашением республики. Он заявил о готовности всех министров умереть, в случае нужды, достойными республиканцами за свободу и равенство. В тот же день Ролан сообщил административным органам великую, долгожданную новость в особом циркуляре: «Благоволите, господа, провозгласить республику; тем самым вы провозгласите и братство». Повсюду торжественно провозглашали республику и отмену королевской власти. Слова «республика» не было в декрете, его вписали только на следующий день при проверке протокола первого заседания. Но это слово уже горело в сердцах и управляло действительностью.

Неприятель отступал. Победенные роялисты молчали. Республика предстала в ореоле славы, спасительницей революции и отечества.

В этот день, 21 сентября, Ролан обращался с призывом к братству. Казалось, перемирие между партиями установилось надолго. 22 сентября заседание Конвента открылось в обстановке полного согласия. Депутация от секций города Орлеана явилась с жалобой на орлеанский муниципалитет, покровительствовавший богатым и осуждавший 20 июня. Депутация добавила, что секции постановили переизбрать муниципалитет, но муниципалитет отказал им в повиновении. Монтаньяр Дантон и жирондист Мазюйе предложили послать в Орлеан трех членов Конвента, чтобы исследовать дело на месте и принять все надлежащие меры. Конвент принял это предложение. Кутон, расширяя вопрос, объявил подозрительными все административные и муниципальные органы и потребовал их переизбрания. Жирондист Луве горячо поддержал его и предложил переизбрать также и судей. Несколько депутатов высказались в том же смысле. Но Билло-Варенн неожиданно предложил упразднить всех судей и заменить их простыми арбитрами. Представитель умеренных Шассе воскликнул на это: «Я требую, чтобы оратора

призвали к порядку. Он хочет все дезорганизовать и бросить нас в пучину анархии». Обсуждение с этого момента приняло более страстный характер. Скрытая вражда стала явной. Монтаньяры и жирондисты начали нападать друг на друга. «Вы разрушаете административные органы и трибуналы,— сказал Ласурс,— вы хотите все обратить в развалины». Леонар Бурдон возразил ему, что прежде всего надо изгнать роялистов из администрации. Конвент постановил переизбрать все административные, муниципальные и судебные органы, за исключением тех, которые уже были переизбраны после 10 августа. Собрание приветствовало это решение шумными аплодисментами.

Но вскоре прения возобновились. Поводом послужило предложение Тальена, требовавшего, чтобы каждый гражданин мог быть судьей, независимо от того, значится ли он в списке юристов. Ланжюинэ, Гупилло потребовали отсрочки, но Дантон горячо возразил им: «Все законники принадлежат к мятежной аристократии. Если народу придется выбирать из числа этих людей, ему некого будет почтить своим доверием. Мне думается, что, проводя на выборах принцип исключения, следовало бы выключить именно законников, присвоивших себе эту гибельную для народа привилегию. Пусть народ выбирает по своему вкусу талантливых людей, заслуживающих его доверия... Те, кто сделал себя судебским сословием — подобны священникам: они всегда обманывали народ. Правосудие должно руководствоваться простыми законами разума».

Шассе снова заговорил об анархии и дезорганизации: «Назначая в трибуналы людей, не обладающих специальными знаниями, мы поставили бы на место законов произвол судьбы. Угождая, таким образом народу, мы отдали бы его судьбу в руки людей, узурпировавших его доверие. Это — угодничество перед народом,— повторяю я». Задетый Дантон ответил личным выступлением против оратора: «Вы не угождали народу во время пересмотра». Шассе, бывший член Учредительного собрания, принадлежал к числу тех, кто, за спиной Барнава и братьев Ламетов, настаивал, после Вареннского инцидента, на пересмотре конституции в монархическом духе. Слова Дантона вызвали продолжительный ропот. Мазюе потребовал, чтобы его призвали к порядку. Председатель Петион ограничился тем, что выразил Дантону порицание. Прения продолжались в очень повышенном тоне. В резуль-

тате жирондисты были побеждены, а предложение Дантона — принято.

Не этот ли удар возбудил тревогу в жирондистах и заставил их нарушить перемирие? Весьма возможно, так как уже на следующий день, 23 сентября, Бриссо писал в своей газете, что монтаньяры хотят уничтожить все существующие власти, что они угодничают перед народом и стремятся всех уравнять. Выбор судей из числа всех граждан, без различия, казался жирондистам очень серьезной угрозой. Держать в своих руках правосудие — значит распоряжаться и охраной собственности. Не завладеют ли трибуналами монтаньяры? Бриссо первый подал сигнал к тревоге, хотя и утверждал впоследствии, что Робеспьер нарушил мирное соглашение, заключенное между ним и Дантоном.

Бриссо не был одинок в своем выступлении: в этот же день на сцену выступил и Ролан. В длинном докладе Конвенту он обвинял анархистов, продавшихся герцогу Брауншвейгскому, и старался убедить Конвент в необходимости окружить себя значительной вооруженной силой, чтобы обеспечить свою безопасность и свободно продолжать совещания. «Я нахожу, что эта сила должна состоять из людей, не имеющих иного назначения, кроме военной службы, и регулярно ее отбывающих; только наемные войска отвечают этим условиям». На следующий день Ролан снова поднял шум по поводу незначительного происшествия — ареста курьера на Шалонской дороге. Жирондист Керсен, пользуясь текстом письма Ролана, потребовал в пылкой речи чрезвычайных мер для прекращения всяких эксцессов и насилий. «Настало время, — говорил он, — воздвигнуть эшафоты для тех, кто совершает убийства, и для тех, кто их вызывает. Назначьте четырех комиссаров для создания соответствующего закона и обяжите их завтра же представить его Собранию. Нельзя долее медлить с отмщением за права человека, нарушаемые всем, что происходит во Франции». Завязались горячие прения. Монтаньяры — Билло-Варенн, Базир, Тальен — утверждали, что Керсен и Ролан сгущают краски: «Законы существуют, — сказал Тальен, — уложение о наказаниях содержит постановления против убийств. Их применение входит в обязанности трибуналов». Но Верньо возразил, что отклонить проект Керсена — значило бы «объявить во всеуслышание, что убийства дозволены, что прусские эмиссары могут работать внутри страны, восстанавливая отцов против детей».

Гаррон де Кулон заявил в еще более сильных выражениях, что не существует ни одного закона, направленного против тех, кто вызывает преступления, против возбуждающих народ агитаторов. «Каждый день стены покрываются зажигательными афишами, призывающими к мятежу, содержащими проскрипционные списки и клеветнические наговоры на лучших граждан и намечающими новые жертвы». Колло д'Эрбуа выразил удивление, что уже на третий день заседаний Конвента выражается такое оскорбительное недоверие и предлагаются кровавые законы. Ланжюинэ возразил ему, что парижские граждане находятся в состоянии «оцепенения и ужаса». Но это утверждение настолько противоречило действительности, что Собрание возропало. На трибуну взошел Бюзо. Он сидел в Учредительном собрании рядом с Робеспьером и слыл демократом среди тех, кто еще не знал, что красота и ласки г-жи Ролан, салон которой он часто посещал, увлекли это пустое сердце и беспокойный ум. Бюзо вынес на трибуну все озлобление четы Роланов.

Он начал с напоминания о сентябрьских убийствах. «Если бы эти сцены были известны отдаленным провинциям во всей их ужасной действительности, быть может, законодатели, наши выборные собрания поручили бы нам заседать где-нибудь в другом месте». Затем он попытался поддержать предложение Керсена, восхваляя Ролана и оскорбляя монтаньяров — «это сборище людей, ни принципов, ни цели которых я не знаю». Мало издать закон против подстрекателей к убийствам, надо еще окружить Конвент достаточно сильной стражей, чтобы департаменты могли быть спокойны за своих депутатов. Только при этом условии члены Конвента могут голосовать вполне независимо, не делаясь рабами нескольких парижских депутатов.

Бюзо сильно аплодировали. Базиру, который хотел ему возразить, помешали говорить, объявив прения законченными. Конвент постановил назначить комиссию для исследования общего положения республики и, в частности, столицы, для составления проекта закона против подстрекателей к убийствам и для изыскания средств доставить Конвенту охрану из 83 департаментов.

Жребий был брошен. Жиронда объявила Парижу войну.

Монтаньярам оставалось только принять вызов. Уже накануне один из них — Шабо — оспаривал на заседании клуба якобинцев резкую статью Бриссо, появившуюся

утром этого дня. Он предлагал потребовать у Бриссо объяснений относительно употребленного им выражения «дезорганизирующая партия». Но клуб, по-видимому, еще не хотел начинать враждебных действий. На этом же заседании он выбрал своим президентом Петиона.

Но 24 сентября, после заседания Конвента, якобинцы резко изменили свою тактику. Шабо обвинил «сект обманщиков» в намерении создать федеративное правительство. Фабр д'Эглантин напомнил о нападках Роланда Бюзо на Париж. Председествовавший Петион, желая защитить Бюзо, подлил только масла в огонь. Фабр заявил протест против несправедливых оскорблений, нанесенных парижским депутатам. Департаментская стража — мера инквизиторского недоверия — может вызвать гражданскую войну. Но верный примирительным тенденциям своего друга Дантона, Фабр закончил речь призывом к согласию. Петион присоединился к этому заключению. Но Билло-Варенн, выступивший после Фабра, не удовольствовался отражением атаки жирондистов и предъявил им, в свою очередь, обвинение. Он напомнил все их ошибки и обвинял их в утаивании своих истинных намерений: «Теперь, когда враг продвигается, и у нас не хватает сил задержать его, вам предлагают кровавый закон и обвиняют самых честных людей в сношениях с неприятелем, обвиняют нас, неустанно боровшихся с наступающим врагом. И кто же нас обвиняет? Люди, которые вызвали это наступление; без сомнения, они обвиняют нас в своих собственных изменах». Колло поддержал Билло. Жирондист Гранженев пытался возразить, защищая Бриссо против Шабо. Тотчас же началось волнение. Заседание закончилось угрозой брошенной Барбару: «800 марсельцев идут походом на Париж и вскоре придут. Этот отряд состоит из людей, вполне самостоятельных в отношении материальных средств; каждый из них получил от своих родителей два пистолета, саблю, ружье и ассигнацию в тысячу ливров». Удивительное действие партийного духа! Этот же самый Барбару, призывавший теперь марсельцев на помощь Конвенту, был председателем выборного собрания в департаменте Устья Роны, а это собрание, как он сам сообщает в своих мемуарах, встретило аплодисментами известие о парижских убийствах.

И в клубе и в Конвенте положение окончательно выяснилось. Обе партии стали на дыбы, возбуждая друг друга призраком проданного отечества.

В этот момент в Якобинском клубе было еще много жирондистов. Петион, бывший председателем клуба, все более склонялся в сторону Жиронды, несмотря на то, что всегда заявлял себя беспартийным. Жирондисты могли бы попытаться отстоять клуб у своих соперников. Но они держались в отношении клуба пренебрежительной тактики самоустранения, по совету Бриссо. Последний отказался явиться по приглашению якобинцев, чтобы дать объяснения относительно своей статьи, и 10 октября был почти единогласно исключен из числа членов клуба. Он ответил на это резким памфлетом, в котором советовал провинциальным клубам порвать всякую связь с центральным клубом. Некоторые клубы, например, марсельский, бордоский, последовали его совету, другие — в Шалоне, Мансе, Валоне, Нанте, Лориане, Байонне, Перпиньяне, Анжере, Лизье — ограничились только угрозой отделиться. Широкие массы революционеров остались верны парижским якобинцам. Жирондисты вышли из состава клуба¹, и монтаньяры могли господствовать безраздельно. Клуб заменил им партийную организацию. Они совещались в нем совершенно свободно и открыто.

Жирондисты, которые все настойчивее выдавали себя за людей порядка и хорошего тона, предпочитали публичным собраниям, слишком шумным и нескромным, по их мнению, частные совещания, тайные собрания вокруг хорошо сервированного стола или в элегантном салоне, среди раздушенного женского общества. Они могли бы соединить своих сторонников в новом клубе. Фейяны так и поступили после избития республиканцев на Марсовом поле. Но фейяны потерпели плачевное поражение, и Бриссо, пытавшийся собрать вокруг себя остатки их партии, защищался от обвинений в фейянтизме, как от незаслуженного оскорбления. Наиболее видные депутаты его партии — Гаде, Жансонне, Верньо, Дюко, Кондорсе, Фоше — имели обыкновение встречаться почти каждый день перед заседаниями в салоне г-жи Доден, жены богатого администратора Индийской компании, проживавшей в том же доме, что и Верньо, на Вандомской площади, № 5. Эти же депутаты и кроме того, Бюзо, Барбару, Гранженев, Арди, Салль, Деперре, Лидон, Лесаж, Мольво встречались также у Дюфриш-Валазе, на улице Орлеан, Сент-Оноре, № 19. Часто обедали также у Клавьера,

¹ 5 октября в составе членов клуба осталось всего 115 депутатов (Buche et Roux, t. XIX, p. 234).

Петиона, у одного ресторатора в Пале-Рояле, у г-жи Ролан. Обеды у г-жи Ролан, происходившие регулярно два раза в неделю в министерстве внутренних дел, объединяли сливки партии, лидеров. Здесь-то и готовились крупные выступления Жиронды.

В те времена, когда все, что напоминало интригу или заговор, вызывало общее осуждение, тайные собрания жирондистских вождей не могли не унижить их в глазах общественного мнения. Монтаньяры, обсуждавшие все вопросы совершенно открыто в своем клубе, легко могли обвинить своих соперников в хитростях и интригах. И Бриссо с давних пор приходилось защищать своих друзей и самого себя от обвинений в стремлении образовать новую партию или заговор: «У Гаде слишком гордая душа, — писал он в своем памфлете против якобинцев, — Верньо слишком высоко ставит свою беззаботность, всегда сопровождающую талант и его обособляющую. Дюко слишком умен и честен, Жансонне слишком глубокомыслен, чтобы сражаться под знаменами какого-нибудь вождя». Бриссо играл словами. Без сомнения, жирондисты не организовали партии, подобной нашим активным группам. У них не было ни председателя, ни вождей. Они подчинялись исключительно моральной дисциплине. Но вопрос был не в этом. Жирондистов обвиняли в том, что они встречались до заседаний, конфиденциально распределяли между собою роли, старались внушить Собранию заранее установленный и разработанный план. Такое обвинение показалось бы странным в наши дни, но в то время оно было очень серьезно, так как народный представитель пользовался тогда совершенно особым престижем и считался как бы жрецом общественного блага. Предполагалось, что он должен следовать только указаниям своей совести и что гарантия общественного благополучия заключается в его полной независимости.

Остальные депутаты не принимали участия в собраниях жирондистских вождей. Они чувствовали себя оскорбленными и вскоре заметили, что сотрапезники г-жи Ролан и г-жи Доден не довольствуются преобладанием на трибуне Собрания, но приберегают для себя и своих друзей все наиболее значительные места в его комитетах и канцелярии. 11 октября был организован комитет по выработке конституции. Из девяти членов этого комитета по крайней мере, семь были друзьями г-жи Ролан: Томас Пэн, Бриссо, Петион, Верньо, Жансонне, Барер, Кондорсе. Восьмой Сизэйс считался умеренным, вполне пре-

данным партии. Девятый был Дантон.

На следующий день Кутон, всегда державшийся в стороне от политических партий и относившийся с недоверием к Коммуне, взошел на трибуну якобинцев, чтобы комментировать результаты голосования: «В Конвенте существуют две партии...— сказал он: — одна состоит из фанатиков и имеет тенденцию к анархии, другая — из тонких, ловких и крайне честолюбивых интриганов, требующих республики. Они требуют ее, подчиняясь ясно выраженному общественному мнению, но в то же время хотят создать аристократию, упрочить свое влияние, располагать по своему усмотрению всеми местами и должностями, в особенности же казною республики... Все места находятся под контролем этой партии. Обратите внимание на состав комитета по выработке конституции; он-то, в особенности, и открыл мне глаза. Эта партия хочет свободы для одной себя, и именно на нее и надо направить всю силу удара».

И Кутон, сделавшийся монтаньяром, несмотря на то; что называл еще монтаньяров фанатиками, объявил, что всякий, отделившийся от якобинцев, является лжебратом и заслуживает проклятий отечества. Он прибавил, что департаментская гвардия предназначается исключительно для содействия жирондистам: «Суверенитет народа будет уничтожен, и из магистратов народится новая аристократия». Многие другие депутаты последовали примеру Кутона. Жирондисты недостаточно остерегались подозрительности и обидчивости своих коллег, не посвященных в тайны их совещаний. Они подавали слишком много поводов к обвинению в организации секты или синдиката, пользуясь терминологией нашего времени. Но это была еще самая незначительная из совершенных ими ошибок.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ «ТРИУМВИРОВ»

Ссорьба между виновниками 10 августа и теми, кто не мог его предотвратить, заполнила первые восемь месяцев существования Конвента. Она сразу достигла крайнего напряжения. 25 сентября жирондисты решили перейти в наступление и смелым ударом удалить из Собрания двух главных монтаньярских вождей, которых они более всего ненавидели и боялись: Робеспьера и Марата. Они хотели таким образом поразить оппозицию в самое сердце и обеспечить себе безраздельное господство в послушном Собрании.

Наступление начал пастор Ласурс, который уже пытался привлечь Робеспьера к ответу перед верховным судом накануне 10 августа: «Я не хочу, чтобы Париж, управляемый интриганами, сделался во Франции тем же,

чем в Римской империи был Рим. Париж должен пользоваться одной восьмьдесят третьей властью, так же как и всякий другой департамент». И Ласурс дал волю своей ненависти к «этим людям, которые постоянно возбуждали народ против членов Законодательного собрания — действительных защитников свободы... людям, желавшим довести Францию до состояния анархии с помощью разбойников, присланных герцогом Брауншвейгским, и путем этой анархии добиться власти, которой они всегда жаждали». Ласурс не называл имен, но когда Осселен, пытаясь защитить парижских депутатов, к числу которых он сам принадлежал, потребовал, для устранения подозрений, чтобы все члены Конвента предали олигархию и диктатуру анафеме, молодой Ребекки, марсельский депутат, прервал его следующими словами: «Партия, которую только что обвиняли, партия, намеревающаяся учредить диктатуру, есть партия Робеспьера; в Марселе это знают все. Мой коллега Барбару может засвидетельствовать мои слова. Мы для того и присланы сюда, чтобы бороться с этой партией». Так неожиданно обнаружились замыслы Жиронды.

Дантон, понимая огромную политическую опасность таких выступлений, задевающих отдельные личности, раскапывающих их прошлое и способных сделать непримиримыми врагами вождей обеих партий, опасаясь, кроме того, подробного расследования своей собственной деятельности и своего образа жизни, попробовал ослабить взаимные обвинения путем одновременного теоретического осуждения и диктатуры и федерализма. Чтобы внушить Собранию доверие, он начал с того, что отказался от всякого общения с Маратом, «человеком», мнения которого имеют для республиканской партии такое же значение, какое имели для аристократической партии мнения Руайо». «Упорно и давно меня обвиняют в том, что я являюсь автором произведений этого человека... но не будем из-за нескольких фанатиков обвинять целую депутацию». Покончив с «другом народа», Дантон сделал Собранию двойное предложение, способное удовлетворить обе враждующие партии. Он потребовал смертной казни для всякого, провозглашающего диктатуру или триумвират, и такого же наказания для всех, намеревающихся раздробить Францию. Он сошел с трибуны, закончив свою речь патриотическим призывом к единению: «Австрийцы с содроганием узнают об этой священной гармонии, и с этого момента, клянусь вам, наши враги

мертвы». Собрание шумно аплодировало ему.

Бюзо, опасаясь немедленного голосования предложения Дантона, пытался убедить Собрание, что его собственный проект об учреждении департаментской гвардии внушен идеей согласия и единства. Робеспьер, со своей стороны, произнес длинную высокомерную речь, перечисляя оказанные им отечеству услуги: «Я смотрю на себя не как на обвиняемого, но как на защитника патриотизма... Никогда не будучи честолюбивым, я всегда боролся с честолюбцами». Он возмущался клеветой жирондистов, обвинявших его в том, что он совещался перед 10 августа с королевой и принцессой де Ламбаль. Он признался, что подозревал своих противников «в желании сделать из республики грудку федеративных республик», когда они обвиняли героев 10 августа и лживо превращали их в сторонников аграрного закона. Он предлагал своим противникам выставить против него хотя бы одно обоснованное обвинение и закончил свою речь требованием немедленного голосования обоих предложений Дантона.

Барбару решил принять вызов Робеспьера. Пытаясь доказать, что Робеспьер стремился к диктатуре, он сослался на свой разговор с Панисом за несколько дней до восстания: «Гражданин Панис указал нам на Робеспьера как на человека добродетельного, достойного быть диктатором Франции». Это своеобразное доказательство вызвало ропот Собрания. Панис возразил Барбару: «Откуда он взял подобное обвинение? Кто его свидетели?» — «Я, сударь», — прервал Ребекки. — «Вы его друг, я вас отвожу», — ответил Панис и добавил: — «Да и как мы могли думать о диктатуре в тот момент, когда все патриоты готовились к смерти, когда нашей единственной заботой, нашей единственной мыслью была осада Тюильрийского дворца, и когда мы были совершенно убеждены в недостаточности наших сил... Разве я стал бы думать об учреждении диктаторской власти в ту минуту, когда Парижу угрожала неминуемая гибель».

Чувствуя, что обвинение Робеспьера принимает затяжной характер, другие жирондисты, между ними Буало и Камбон, сделали диверсию и подняли старый вопрос о более реальной диктатуре Парижской коммуны. Бриссо напомнил, что Коммуна во время сентябрьских убийств отдала приказ о производстве у него обыска. Это послужило Панису поводом оправдать комитет надзора: «Пусть только представят себе наше положение: мы были окру-

жены толпой, раздраженной предательствами двора... Многие граждане сообщали нам, что Бриссо уезжает в Лондон с письменными доказательствами дворцовых козней; я не верил, конечно, этому обвинению, но не мог отвечать за Бриссо своей головой. Мне приходилось умерять возбуждение лучших граждан, пользовавшихся доверием самого Бриссо. Я счел за лучшее послать к нему комиссаров с братскою просьбой сообщить содержание его бумаг, убежденный, что это сообщение докажет его невиновность и рассеет подозрения; так это и случилось в действительности...» Это объяснение показалось правдоподобным. Возбужденное жирондистами обвинение, относившееся к тому же к старым делам, провалилось.

Марат потребовал слова. Жирондисты ответили криками: «Долой с трибуны!» Марат спокойно и презрительно бросил им: «У меня в этом Собрании много личных врагов.» — «Все, все!» — закричали жирондисты. Не обращая внимания на крики, он продолжал: «Я взываю к совести моих врагов и советую им не набрасываться с пустыми криками, свистом и угрозами на человека, посвятившего себя их же спасению и благу отечества». Эти слова возымели действие, и Марат получил возможность говорить. Обратившись прямо к обвинению в диктаторских замыслах, он с удивительной смелостью и искусством защищал Робеспьера и Дантона: «В целях восстановления справедливости, я должен заявить, что мои коллеги Робеспьер и Дантон и все остальные всегда относились с неодобрением к идеям трибунала и диктатуры. Если кто и виновен в распространении этих идей, то только я. Я считаю себя первым, а быть может, и единственным политическим писателем во Франции, предлагавшим после революции военного трибуна, диктатора или триумvirат как единственное средство искоренить изменников и заговорщиков». Он сослался в свою защиту на свободу печати и, не отрекаясь от своих убеждений, не унижая себя запирательством, снова изложил свою теорию диктатора — «сильного и мудрого человека, облеченного властью лишь для борьбы с преступлением и связанного с отечеством неразрывною цепью». С большим искусством он предостерег Собрание от происков тех, кто хочет посеять в нем раздоры и отвлечь его от занятий серьезными делами.

Речь Марата произвела сильное впечатление своей искренностью, и Верньо возбудил ропот Собрания, когда, поднявшись вслед за Маратом на трибуну, попытался

нанести ему оскорбление: «Для меня, как для представителя народа, является большим несчастьем выступать на этой трибуне вслед за человеком столь кровожадным, исполненным клеветы и злобы, человеком, против которого был издан обвинительный декрет и который дерзко пренебрег законами». Это мелодраматическое негодование показалось неуместным. Верньо перебили, и Петиюну пришлось вмешаться, чтобы сохранить за ним слово. Верньо прочел знаменитый циркуляр комитета надзора Коммуны, предлагавший департаментам последовать примеру сентябрьских убийств в Париже. В самый момент составления этого циркуляра Робеспьер донес Коммуне о мнимом заговоре жирондистских вождей, имевшем целью выдать Францию герцогу Брауншвейгскому. «Это неправда», — перебил Робеспьер. «У меня есть доказательства», — возразил Ласурс. Вместо того чтобы потребовать немедленного расследования дела, Верньо не стал настаивать: «Я искренне обрадовался бы опровержению этого обвинения: оно доказало бы мне, что и Робеспьер мог быть оклеветан». Верньо закончил свою страстную обвинительную речь против Коммуны, потребовав примерно наказания для лиц, подписавших циркуляр комитета надзора, в числе которых были Панис, Сержан и Марат.

Жирондист Буало прочел статью Марата, в которой он призывал к новому восстанию и советовал учредить диктатуру. Множество депутатов потребовали, чтобы Марата отправили в тюрьму Аббатства. Уже собрались приступить к голосованию обвинительного декрета, когда Марат совершенно спокойно заявил, что он был автором объявленной Буало статьи, но что эта статья была написана уже давно, в минуту сильного возмущения. С тех пор он изменил свое мнение, проникся уважением к Конвенту, доказательством чего может служить другая недавняя статья, в которой он намечает «свой новый путь». Чтение этой статьи произвело значительный эффект. В заключение Марат вынул из кармана пистолет и приставил его ко лбу: «Считаю долгом заявить, что если обвинительный декрет будет принят, я разможу себе голову у подножия трибуны. Таковы плоды трех лет тюрьмы и мучений, перенесенных для спасения отечества! Таковы плоды моих бессонных ночей, моей работы, нужды, страданий, опасностей, которых я избежал! Прекрасно! Я останусь среди вас и безбоязненно встречу вашу ярость».

Жирондисты проиграли сражение. Они не смогли одолеть Робеспьера и содействовали популярности Марата, дав ему случай открыть свое истинное лицо перед Конвентом и всею Францией. В заключение прений Кутон предложил провозгласить единство республики. Темой для споров послужила только редакция постановления: оно получило окончательное выражение в знаменитой формуле: «Французская республика едина и неделима». Эта формула обозначала отказ от федерализма, от проекта ввести во Франции конституцию Соединенных Штатов, проекта, который приписывали жирондистам. Кутон потребовал смертной казни для всякого, кто предложит диктатуру. Марат присовокупил: «и для всякого интригана, который провозгласит себя неприкосновенным». «Если вы вознесетесь над народом, он изорвет ваши декреты». Марат добивался отмены парламентского иммунитета. Камбон и Шабо протестовали против предложения Кутона во имя свободы мнений, неотъемлемого права мысли. Собрание согласилось с их доводами. Оно осудило федерализм, но отказалось осудить идею диктатуры.

На этом историческом заседании 25 сентября Дантон выказал себя замечательным политиком, в совершенстве владевшим искусством вести собрание, обращая попеременно к рассудку и чувствам участвующих. Именно ему была обязана Жиронда крушением своего плана. С тех пор она питала к нему затаенное чувство недоброжелательства, не проявляя это чувство никакими агрессивными действиями. Она хорошо понимала, что ей не удастся справиться с Горой без содействия Дантона.

Дантону хотелось бы, чтобы Конвент, в первую очередь обновил министерство, составив его из новых людей, незаинтересованных в прежних раздорах. Закон Учредительного собрания о несовместимости министерского портфеля со званием депутата оставался все еще в силе. Дантон заявил на первом же заседании, что выбирает депутатский мандат. Его примеру последовал и Ролан. Жалованье министра было значительно выше жалованья депутата. Мог ли Ролан показать себя менее бескорыстным, чем презираемый жирондистами агитатор? После некоторых колебаний, обусловленных тем, что его избрание в департаменте Соммы оспаривалось, Ролан подчинился народному выбору в патетической речи, украшенной изречениями, вроде следующего: «Легко быть великим, забывая о самом себе, и сильнее всех тот, кто не

боится смерти». Наметив обязанности своего преемника, он рекомендовал Конвенту одного из своих прежних служащих — Паша, достоинства которого описал в напыщенной речи: «Этот новый Абдолоним¹ должен занять место, на котором его мудрость сможет принести наибольшую пользу». Но Ролан подал в отставку только для вида. Его друзья в Собрании считали его уход «общественным бедствием» и добивались, чтобы Собрание специальным голосованием пригласило его остаться при исполнении своих обязанностей. Во время оживленной дискуссии, завязавшейся по этому поводу 27 сентября, увлекшийся Дантон промолвил: «Если вы пригласите Ролана, то пригласите также и г-жу Ролан, так как весь свет знает, что Ролан работал в своем департаменте, а нация нуждается в министрах, способных действовать не по указке своих жен». Собрание прекрасно знало, что Дантон говорит правду. Поднялся продолжительный ропот. В просвещенном XVIII веке нападать на женщину считалось некрасивым приемом, и почти вся пресса беспощадно осудила Дантона. Но Дантон и не выдавал себя за человека из общества. Общий ропот только усилил резкость его выражений. Он нанес Ролану новый тяжелый удар, заявив, что этот добродетельный старик после взятия Лонгви добивался эвакуации Парижа. Это было еще никому не известно, и протоколы заседания отмечают, что слова Дантона вызвали сильное движение. Дантон предложил в заключение заместить без дальнейших задержек Ролана Пашем. Но случилось как раз обратное. На следующий день муж г-жи Ролан заявил в длинном нравоучительном и беззастенчивом послании, что сохраняет портфель министерства за собой. «Я остаюсь, так как существуют опасности; я не боюсь ни одной из них, так как дело идет о спасении отечества». И он бросился в вероломную и безрассудную атаку против современных Сулл и Риенци², смело утверждая существование проектов диктатуры и триумvirата. Его письмо было встречено

¹ Абдолоним — обедневший потомок Сидонских царей, вынужденный довольствоваться скромной профессией садовника, — был восстановлен на троне предков Александром Македонским (IV в. до начала нашей эры).

² Сулла — римский диктатор, совершивший с помощью армии государственный переворот в интересах финансовой и земельной аристократии (82 г. до Р. Х.) и прославившийся беспощадными преследованиями своих политических противников (проскрипции) и конфискации их имущества. Риенци — римский «трибун» XIV в., глава народного восстания против знати. (Прим. ред.)

громом аплодисментов и разослано по департаментам.

Серван, покинувший министерство военных дел для командования сформированной в Пиренеях армией, был замещен Пашем, но Паш был истинный революционер, чуждый всяким интригам, а тем более заговорам. Он жестоко обманул ожидания жирондистов и оправдал похвальную речь, в которой Дантон, по собственному побуждению, восхвалял его патриотизм. Что же касается самого Дантона, то 9 сентября он был окончательно замещен в министерстве юстиции незначительным литератором Гара, тесно связанным с жирондистскими вождями.

Последним казалось недостаточным поместить в Исполнительном совете преданных им, как они думали, людей. Они хотели еще утолить свою месть, осуществить ряд репрессий.

Уже Ролан, в письме от 30 сентября, в котором он брал свою отставку обратно, поместил одну многозначительную фразу: «Я глубоко убежден, что истинный патриотизм не может существовать там, где нет моральных устоев». Моральные устои были слабым местом Дантона, недостатком его вооружения.

Министр, уходящий в отставку, должен был дать, по тому времени, не только моральный, но и финансовый отчет в своей деятельности. И это не была пустая формальность. Мемуары министров служили оправдательными документами. Когда отчеты Дантона сделались, по докладу Малларме, 10 сентября предметом дискуссии, Камбон, всегда относившийся враждебно к Коммуне, выступил с обличительной речью: «Я замечаю, что действия министра юстиции нарушают обычный порядок отчетности, согласно которому расходы министров должны быть оплачиваемы по мере надобности и по особым указам, и, следовательно, у министров не должно оставаться никаких сумм на руках». Камбон не ограничился этим выговором, он предложил в заключение обязать министров представить отчет не только в экстраординарных расходах, как это сделал Дантон, но и в расходах секретных — чего он не сделал. Призванный к ответу Дантон отговорился тем, что дал отчет в своих секретных расходах Исполнительному совету. Камбону шумно аплодировали. Дантон сошел с трибуны при гробовом молчании. Конвент предложил ему отчитаться вновь перед Исполнительным советом в расходовании тех 200 тысяч ливров, которые были выданы в его распоряжение на секретные

расходы. Ввиду его бездействия, Ролан 18 октября представил Собранию свой собственный отчет, с комментариями, которые метили прямо в Дантона: «У меня нет никаких секретов, я хочу, чтобы мое управление осуществлялось совершенно открыто; поэтому прошу Собрание прочесть этот отчет». Ребекки заявил: «Я требую, чтобы все министры дали такой же отчет, как Ролан». Дантону снова пришлось взойти на трибуну и оправдываться. Он запутался в объяснениях и закончил признанием: «...Когда неприятель овладел Верденом, когда отчаяние охватило даже самых лучших и самых мужественных граждан, Законодательное собрание сказала нам: не жалейте ничего, не щадите денег, чтобы поддержать доверие и поднять дух всей Франции. Мы так и сделали, мы были вынуждены к экстраординарным расходам, и, правда, на большую часть этих расходов мы не имеем законных оправдательных документов. Наша деятельность была стеснена обстоятельствами, все делалось с величайшей поспешностью; вы хотели, чтобы министры действовали сообща, мы так и сделали, и вот наш отчет». Послышался ропот. Камбон спросил Ролана, проверил ли он счета секретных расходов Дантона. Ролан ответил, «что он искал следы этих счетов в протоколах Совета, но так и не нашел». Сильное возмущение охватило Собрание. Камюс предложил «обвинительный декрет против министров, расхищавших государственные средства». В результате декрет, принятый по предложению Ларивьера, предписал Исполнительному совету в 24 часа представить «решение, которое он должен был принять с тем, чтобы установить счет сумм, выданных в его распоряжение на секретные расходы».

Совет не мог представить решения, которого не существовало. Он попробовал отделаться молчанием. Но когда Дантон 25 октября попытался говорить, жирондисты заглушили его голос своими криками и снова потребовали отчета. 30 октября новый декрет предложил министрам подчиниться распоряжению Конвента. 7 ноября Монж, Клавьер, Лебрен пошли на уступки. Они заявили, что 6 октября Дантон и Серван подробно ознакомили их со своими секретными расходами, но что они не считали себя обязанными вести соответствующие счета. Камбон и Бриссо не сложили оружия. Они возобновили свою критику, и Конвент отказался принять счет Дантона. Правда он отказался и возбудить против него обвинение. Но с этих пор при всяком удобном случае жиронди-

сты припоминали Дантону историю с отчетом. К сожалению, у них были в руках хорошие карты для того, чтобы обвинять его в нечестности. Дантон протезировал подозрительным поставщикам, вроде знаменитого аббата д'Эспаньяка. Он принял секретарем в министерство юстиции разорившегося поэта Фабра д'Эглантина, который, чтобы поправить свои дела, сделался поставщиком в армии и давал пищу критике Паша, так как не выполнял своих договоров, забирая многочисленные авансы. Дантон необъяснимым образом увеличил свое состояние. Он вел широкий образ жизни, скупал национальные имущества в департаменте Об, владел тремя домами в Париже и его окрестностях. Он был уязвим. Жирондистские газеты, памфлеты Бриссо, мемуары г-жи Ролан полны ясных намеков на его продажность. Ролан принял на службу в полицию одного авантюриста, по имени Рош-Маркандье, бывшего секретаря Камилла Демулена, и поручил ему очернить Дантона и его друзей в очень резком периодическом памфлете «История хищников», в котором не все было вымыслено. Из усталости, презрения, из тактических соображений или боязни ухудшить свое положение, Дантон не отвечал на эти яростные атаки. Он был сильно дискредитирован в глазах многих членов Конвента и не мог принести всю ту пользу, которую надеялся извлечь из своей политики примирения и объединения не только для себя, но и для республики. Умалая заслуги Дантона, жирондисты еще более отенили достоинства Робеспьера.

ОБРАЗОВАНИЕ ТРЕТЬЕЙ ПАРТИИ

гдаваясь политике репрессий против монтаньяров, жирондисты, по необходимости, должны были со-

действовать пробуждению консервативных сил. Как в области политической, так и в области социальной их поправление совершилось очень быстро. Они ополчились, прежде всего, против учреждений надзора и репрессий, созданных революцией 10 августа для борьбы с роялистскими заговорами и агентами неприятеля.

25 сентября Верньо в резкой форме привлек к ответу комитет надзора Коммуны, и через пять дней комитет представил Собранию свою защиту. Перейдя, со своей стороны, в наступление, он предъявил ряд обличительных документов: письмо управляющего королевскими имуществами Лапорта, требовавшего у королевского каз-

начая Септейля 1^{1/2} миллиона ливров, чтобы подкупить ликвидационный комитет Законодательного собрания и устроить королевскую гвардию на государственное содержание; расписки, показывавшие, что весьма значительные суммы в 500 тысяч и 550 тысяч ливров были розданы как раз накануне 10 августа; документы, доказывавшие, что «Логограф» Дюпора и Ламетов и другие газеты получали субсидии из королевских средств, и т. п. Робер Линде, Талльен поддержали комитет надзора, но жирондисты, при содействии депутатов-дельцов, вроде Ревбелля, Мерлена из Тионвилля и др., добились постановления, чтобы все бумаги комитета надзора были переданы комиссии, составленной из 24 членов Конвента. Тщетно Панис, Марат, Билло-Варенн протестовали против назначения этой комиссии и отобрания документов у комитета надзора. 24 члена комиссии были избраны на том же заседании, преимущественно из правых депутатов. Помимо других полномочий, они получили право выдавать ордера на аресты. Тотчас же после избрания члены комиссии выбрали своим председателем Барбару. Он разделял их намерение показать, что комитет надзора Коммуны руководствовался недостаточно обоснованными доносами, производил аресты невинных, тревожил мирных людей. Комиссия 24 только формально следовала инструкциям комитета надзора и продолжала возбужденные им преследования. Она выдала несколько ордеров на аресты, но сейчас же освободила арестованных, производя расследование лишь для видимости. Так, она приняла на веру оправдания некоего Дюрана, бывшего агентом Монморена и двора при якобинцах и Дантоне. Она не сделала ничего, чтобы проверить его показания, не устроила ни очной ставки, ни экспертизы почерка. Она бросила в корзину полученный ею 4 октября донос на английского банкира Бойда, в котором сильно подозревали агента Питта во Франции и против которого впоследствии были возбуждены очень серьезные обвинения. Она не потревожила даже членов ликвидационного комитета Законодательного собрания, сильно скомпрометированных бумагами Лапорта, и не предприняла ничего, чтобы вывести на чистую воду дело «Логографа», в котором были замешаны главные вожди фейянов, и т. п.

Атакуя и парализуя комитет надзора Коммуны, жирондисты имели в виду не только отомстить за свои личные обиды. Они обезоруживали органы революционных репрессий, чтобы внушить доверие своим недавним про-

тивникам фейянов. Они протезировали им и старались убедить в своих добрых намерениях. Вследствие этого аристократы и богачи, бежавшие в августе из Парижа, в середине октября во множестве возвращались обратно.

Чрезвычайный трибунал, созданный 17 августа для борьбы с роялистскими заговорами и преступлениями против отечества, добросовестно выполнял свой долг: за недостатком улик, он оправдал несомненных роялистов, из которых некоторые, как, например, королевский нотариус Жибе, стояли близко ко двору и, наоборот, строго наказал воров из Гард-Мебль, на которых ему донесли. Но жирондисты не пощадили трибунал. Один из них на заседании 26 октября назвал его кровавым трибуналом. Трибунал попробовал оправдаться, но 28 октября Ланжюинэ отказал ему в помещении в печати его оправданий. 15 ноября министр Гара обвинил трибунал в превышении полномочий, что послужило Бюзо предлогом потребовать его упразднения: «Это революционное орудие следует уничтожить по окончании революции». Тальен возразил ему: «Вы не можете уничтожить трибунал, который держит в руках нити заговоров 10 августа, трибунал, который должен судить преступления жены Людовика XVI, трибунал, который оказал столько услуг отечеству». Барер провел декрет о том, что приговоры трибунала могут быть кассированы, а через пятнадцать дней, по докладу Гарран де Кулона, было объявлено упразднение трибунала. Это важное событие обозначало новое осуждение политики и деятелей 10 августа и способствовало безнаказанности врагов революционного режима, развивавших усиленную деятельность. Верховный суд был упразднен уже ранее, и, таким образом, не оставалось ни одного трибунала для суда над преступлениями против безопасности государства. А между тем война с внешними врагами все еще продолжалась и готовилась гражданская война.

Жирондисты пытались завладеть Коммуной, пользуясь перевыборами, назначенными Законодательным собранием. Быть может, это и удалось бы им, если бы они проявили немного более быстроты и решительности. 9 октября Петион, без конкурентов, был переизбран в мэры 13 899 голосами из 15 474. Но он отказался. Выборы затянулись, так как баллотировка отличалась большою сложностью, мэр и муниципальное бюро избирались

отдельно и до Генерального совета¹, а жирондистские кандидаты отказывались один за другим. Д'Ормессон-фейьян, которого поддерживали жирондисты, был избран 21 ноября после трех баллотировок 4 910 голосами против 4.896, полученных монтаньяром Люлье. Он отказался. Врач Шамбон, протезируемый Бриссо, был избран, в свою очередь, 30 ноября 8.358 голосами против 3.906, полученных Люлье. Он принял назначение и в 1814 г. объяснял свое согласие желанием послужить с большей пользой роялистскому делу под маской республиканца. Благодаря Шамбону жирондисты удержали за собой мэрию, но муниципальное бюро и Генеральный совет ускользнули от них. Хотя они и добились от Конвента декрета, запрещающего открытое голосование, новая Коммуна, собравшаяся к концу ноября, отличалась столь же революционным характером, как и прежняя, от которой она заимствовала к тому же значительную часть своего состава. В муниципальном бюро, избранном в начале декабря, монтаньярские элементы усилились еще более. Шометт, председательствовавший в Коммуне 10 августа, был избран прокурором-синдиком; его заместителями были выбраны Реаль и Гебер. Люлье, потерпевший неудачу на выборах в мэрию, был избран генеральным прокурором-синдиком Парижского департамента.

Главною заботой жирондистов была департаментская гвардия, которой они хотели окружить Конвент. Но им не удалось осуществить эту идею. Доклад, представленный Бюзо 8 октября, не имел успеха. Большинство воспротивилось голосованию исключительной меры, направленной против Парижа, спокойствие которого представляло резкий контраст с яростными атаками группы Ролана.

Бюзо, отличавшийся наравне с упорством хитростью и гибкостью, не настаивал на голосовании своего проекта. Он предпочел обойти сопротивление. 12 октября он заявил Собранию, что некоторые департаменты, в том числе и департамент Эр, избравший его своим депутатом, набирают контингенты федератов и намереваются послать их в Париж для защиты своих представителей. Закон еще не существовал, но уже приводился в исполнение.

Жирондистские департаменты, действительно, послали федератов в Париж. 19 октября прибыли федераты из

¹ Муниципальное бюро состояло из мэра и 16 администраторов, заведывавших различными отделами городского управления. (Прим. ред.).

департаментов Устья Роны, призванные Барбару, и, два дня спустя, их представитель угрожал у решетки Собрания «агитаторам, жаждущим трибунала и диктатуры». 3 ноября федераты обошли улицы Парижа с песнею, кончавшейся припевом:

Голову Марата, Робеспьера и Дантона
И всех тех, кто их защищает,

Толпа, к которой примкнуло множество уличных зевак, отправилась в Пале-Рояль, громко требуя смерти Марата и Робеспьера и восклицая: «Долой процесс Людовика XVI!». Распространился слух, что федераты намерены освободить короля из Тампля с помощью многочисленных вернувшихся эмигрантов.

К середине ноября в Париже находилось около 16 тыс. федератов, прибывших из департаментов Устья Роны, Соны и Луары, Кальвадоса, Эр, Ламанша, Ионны и т. д. Они хотели служить в качестве гвардии Собрания вместе с парижанами. Если бы у последних не хватило хладнокровия, если бы они ответили на манифестации федератов контрманифестациями, то разразилась бы буря, которая послужила бы жирондистам долгожданным предлогом перевести Конвент в какой-нибудь другой город. Робеспьер в большой речи, произнесенной 29 октября, предостерегал якобинцев от «ловушки интриганов». Он советовал им быть терпеливыми и сохранять хладнокровие. Марат давал такие же советы. 23 октября он смело направился в казармы марсельцев, где проявил внимательное отношение к их нуждам, и, найдя, что они размещены недостаточно хорошо, обещал предоставить им все, что нужно. Пока что он предложил троим из них пообедать с ним за компанию. Парижское население не только не ответило на провокацию федератов, но постаралось даже своим ласковым отношением рассеять их предубеждения.

Военный министр Паш оказал Коммуне и секциям могущественную поддержку, объявив в открытом письме от 1 ноября, что не вызывал в Париж никаких вооруженных сил: «Я не знаю причин, которые делали бы их пребывание здесь необходимым; первый приказ, который они получают от меня, будет приказ об отъезде». Паш не поколебался осудить тех, кто посеял семена ненависти и раздора между парижанами и федератами. Он сделал несколько попыток отправить последних на фронт. Докладчик военного комитета Летурнер разделял его взгля-

ды и 10 ноября предложил издать декрет о прекращении выдачи жалования тем волонтерам, которые не покинут столицы в течение пятнадцати дней. Но Бюзо при содействии Барера, ссылаясь на необходимость поддержания порядка, добился от Собрания разрешения волонтерам остаться в Париже. Расчеты жирондистов, тем не менее, не оправдались. Сношения с парижанами рассеяли предубеждения провинциалов, и они незаметно перешли в партию Горы. К концу декабря они образовали общество федератов 83 департаментов, нечто вроде военного клуба, находившегося под влиянием якобинцев.

В первые дни после прибытия федератов окрыленные новыми надеждами жирондисты сделали последнюю попытку устранить монтаньярских вождей. 29 октября Ролан передал Собранию полицейскую записку Роша-Маркандье, косвенно обвинявшую Робеспьера в диктаторских замыслах. Робеспьер ответил презрительной речью, под крики правых депутатов, поощряемых председателем Гаде. Затем на трибуну поднялся романист Луве и прочел бесконечный, старательно подготовленный, обвинительный акт, в котором риторика тщетно боролась с отсутствием доказательств: «Робеспьер, я обвиняю тебя в том, что ты клеветал на истинных патриотов... в то время, когда всякая клевета равнялась проскрипции... Я обвиняю тебя в том, что ты всегда выставлял себя предметом поклонения, терроризировал всякими средствами — интригами и запугиванием — собрание выборщиков Парижского департамента и явно добивался верховной власти...» Но, чувствуя сам слабость своих доказательств, Луве ограничился требованием, чтобы поведение Робеспьера было расследовано специальной комиссией. В виде компенсации он потребовал обвинительного декрета против Марата, о котором не сказал ничего существенного. Конвент не хотел принимать никакого решения до тех пор, пока Робеспьер не ответит своему обвинителю, и восемь дней спустя жалкое обвинение Луве было разбито вдребезги. Конвент, вначале настроенный враждебно, мало-помалу был покорен логикой и искренностью Робеспьера и перешел к порядку дня.

Бюзо также постигла серьезная неудача. Проект закона, которым он хотел обуздать монтаньярскую прессу, под предлогом борьбы с провокацией и убийством, обсуждался 30 октября. Беллелю пришла неудачная мысль внести в текст закона поправку, угрожавшую арестом всякому, кто стал бы призывать к неповиновению законам

или возмущению против общественных должностных лиц. Эта поправка показалась слишком неопределенной, допускающей произвольное истолкование и вызвала ропот. Даже жирондист Дюко не удержался от восклицания: «Эту статью следует отослать великому инквизитору!». Беллель имел неосторожность признаться: «Это закон на случай». Бывший член Учредительного собрания Лепеллетье из Сен-Фаржо произнес обстоятельную речь, заслужившую шумные аплодисменты: «Проект закона, — сказал он, — является покушением на свободу печати». «Свобода или смерть!» — крикнул Дантон. Тщетно Барбару пытался спасти положение, предложив декретировать, что Конвент покинет Париж, если сочтет свою безопасность необеспеченной, — его предложение показалось чрезмерным и необоснованным даже самому Петиюну. Жирондистам не удалось добиться голосования чрезвычайных мер, направленных против монтаньяров.

Влияние жирондистов на Собрание уменьшалось с каждым днем. Их постоянные доносы, яростные нападки за прошлые преступления скрывали, казалось, тайные замыслы, враждебные общественному благополучию. У депутатов, державшихся в стороне от политических партий, но полных предубеждения против Коммуны, все чаще возникала мысль, не сделались ли они жертвой обмана.

24 октября Фабр д'Эглантин констатировал в Якобинском клубе перемену, происшедшую в настроении Собрания: «В первые дни, — сказал он, — весь Конвент объединился против парижской депутации, но мы добились своего рода равновесия в соотношении сил благодаря тому, что многие попытки дали сомнительные результаты». Фабр не преувеличивал. 18 октября жирондисты едва не утратили председательское место в Конвенте. Из 466 голосов Гаде получил всего 218 голосов, Дантон же, которого противопоставили ему монтаньяры, — 207 голосов. Гаде был избран при вторичном голосовании 336 голосами.

Клоотс, в течение долгого времени сопутствовавший жирондистам и посещавший обеды г-жи Ролан, публично отказался от своих прежних друзей в брошюре, озаглавленной: «Ни Марат, ни Ролан», но касавшейся исключительно жирондистов. Он передавал слова Бюзо, произнесенные за столом у Роланов: «Республика должна быть не больше моей деревни», и обвинял Ролана в пропагандировании федерализма. Обвинения Клоотса имели боль-

шое значение, так как в сентябре он объявил себя решительным противником аграрного закона.

Возникновение третьей партии, занимавшей среднее положение между жирондистами и монтаньярами, следует отнести к 5 ноября. В этот день Робеспьер отвечал на обвинения Луве. Список ораторов, желавших принять участие в прениях, был разделен на три части. Некоторые ораторы хотели говорить за порядок дня, т. е., другими словами, отклоняли обвинения Луве. Другие требовали слова к порядку дня, т. е. не желали высказываться по существу дебатов. Наконец, третьи просили слова против порядка дня, т. е. поддерживали обвинения Луве.

Часть жирондистской прессы не одобряла выступления Луве. Кондорсе в своей газете «Хроника» отказывался верить Ролану, ежедневно открывавшему новые страшные заговоры.

Камилл Демулен отметил в № 25 своей «Трибуны патриотов», вышедшем в начале ноября, образование третьей партии, выделившейся из Жиронды: «Я должен сообщить читателю, что с некоторого времени в Конvente образовалась третья партия, заслуживающая более точного определения... Ее можно было бы назвать партией «флегматиков». Петион, Барер, Рабо, Кондорсе и, я думаю, также Лакруа и Верньо составляют, по-видимому, ядро этой партии... настоящие ажиотеры, расположившиеся между Бриссо и Робеспьером, подобно аббату д'Эспаньяку, маневрирующему между повышением и понижением...»

Это было важное событие. Жиронда утратила свое безраздельное господство в Конvente. 15 ноября она потеряла председательское место, доставшееся в этот день епископу Грегуару, одному из «независимых», произнесшему сильную речь против неприкосновенности короля (он был избран 246 голосами из 352).

Жиронда могла бы удержаться у власти, если бы отказалась от своей мстительной политики и согласилась бы стать на страже общественных интересов, олицетворявшихся теми «независимыми», которых Камилл Демулен презрительно называл «флегматиками»; но была ли она способна к подобному возрождению, которое могло еще спасти ее пошатнувшееся положение? Двусмысленная роль Жиронды в процессе короля заставила, в конце концов, заподозрить ее патриотизм и республиканизм.

ПРОЦЕСС КОРОЛЯ

Тюильрийском дворце среди бумаг королевского казначея были найдены документы, уличавшие Людовика XVI в том, что он продолжал оплачивать содержание своего расформированного и отправленного в Кобленц конвоя, основал в Париже агентство для подкупов и шпионажа и субсидировал аристократические газеты. Учрежденный 17 августа чрезвычайный трибунал по уголовным делам осудил несколько низших агентов — Лапорта, Коллено д'Ангремона, Казотта, Де Розой. Но Жиронда, с 10 августа хозяйничавшая в Собрании, не сделала ничего для подготовки процесса низложенного монарха. Она не позаботилась объединить все новые документы, произвести обыски и дознания у сообщников тех, кто уже был осужден, и пропустила удобный момент составить прочную цепь доказательств.

После созыва Конвента Жиронда не проявляла уже никакого усердия. Когда Бурбогг 16 октября выразил удивление, что Собрание не приступает к рассмотрению важного вопроса об ответственности короля, Барбару, председательствовавший в комиссии 24, в распоряжении которой находились все документы, ответил ему, что это дело требует обдуманного и серьезного отношения, и предложил поручить законодательному комитету выработать формы ведения этого сложного процесса. Манюель выразил опасение, что и эта мера окажется преждевременной, и предложил спросить предварительно мнения первичных собраний по поводу отмены королевской власти. Леарди поддержал его, и Дантону пришлось напомнить, что отмена королевской власти является одной из основ конституции, и что народ может выразить свое суждение о ней лишь по рассмотрении всей конституции в целом. Жиронда, по-видимому, хотела выиграть время. Процесс короля внушал ей опасения. Она делала вид, что боится заслужить неодобрение народа. Вместо того, чтобы действовать прямо, открыто высказать соображения, по которым она считала процесс несвоевременным, Жиронда укрывалась за процессуальными тонкостями, давая, таким образом, повод ко всякого рода обвинениям.

Для революции было очень важно ускорить решение этого вопроса, судить монарха под впечатлением 10 августа и победы при Вальми. «Весь мир был бы поражен внезапностью события и приведен в замешательство раскатами грома», — пишет один историк. Но Жиронда, пытавшаяся предотвратить восстание 10 августа, по-видимому, сомневалась в революции и в себе самой. Она запуталась в противоречиях. Желая погубить монтаньяров, как соучастников сентябрьских убийств, она лишила себя возможности просить пощады для короля.

Законодательный комитет, приступивший к делу 16 октября, долго изучал вопрос о судебной процедуре в процессе Людовика XVI. К концу месяца он назначил, наконец, докладчика Майля, расположенного, как говорили, к монтаньярам. Жиронда, чувствуя, что законодательный комитет уходит из-под ее влияния, поспешила предупредить Майля. 6 ноября Валазе представил от имени комиссии 24 скороспелый и слабо разработанный доклад о преступлениях короля. Он приводил в нем несколько давно известных и незначительных фактов из деятельности короля и самодовольно распространялся о коммерческой переписке королевского казначея Септейля с

иностранными банкирами и негоциантами по поводу покупки и продажи различных продуктов: муки, кофе, сахара, рома. Он видел в этих коммерческих операциях доказательство того, что Людовик XVI спекулировал на дороговизне жизни и присоединил, таким образом, к преступлениям короля против отечества новое неожиданное преступление — скупку съестных припасов. Сам Петион не мог не признать, что доклад разработан недостаточно, и Собрание согласилось с его мнением.

Майль руководствовался, по-видимому, совсем иными побуждениями, нежели Валазе. Представленный им 7 ноября основательный и ясный доклад являлся значительным шагом вперед в деле Людовика XVI. Возражая тем, кто для того, чтобы оградить короля от суда, ссылался на конституцию 1791 г., он указывал, что король не в праве пользоваться защитой конституции, которую сам же нарушил, и которая с созывом Конвента утратила всякую силу. Ведь нельзя же противопоставлять конституцию нации, возвратившей себе свои права. Людовик XVI после 10 августа стал простым гражданином, ответственным перед уголовными законами, как и всякий другой гражданин. Но его нельзя было предать суду обычного трибунала, так как конституционная неприкосновенность короля теряла силу лишь пред лицом всей нации. Нацию же представлял только Конвент. Только он мог судить первого из государственных чиновников. Не могло быть и речи о том, чтобы передать ведение процесса специальному трибуналу. Принцип разделения властей был в данном случае неприменим. Конвент, уполномоченный создать новую конституцию для Франции, совмещал в себе всю полноту народного самодержавия. Передать ведение суда над королем специальному трибуналу значило бы посягать на всемогущество Конвента, отрицать его авторитет, создавать ему затруднения и препятствия. Возражение, что депутаты не могут судить короля, так как являются одновременно обвинителями и судьями, отпадало: в деле Людовика XVI каждый француз был судьей и стороной. «Не искать же судей на другой планете!» — воскликнул один член Конвента. Майль предложил в заключение назначить трех комиссаров, чтобы собрать все доказательства преступлений Людовика и составить обвинительный акт. Это значило, что для законодательного комитета доклада Валазе как бы не существовало.

Дискуссия, начавшаяся 13 ноября, тянулась несколь-

ко дней с многочисленными перерывами. Жирондистские вожди избегали высказываться по вопросу о неприкосновенности. Они предоставили говорить за себя второклассным ораторам: Мориссону, утверждавшему, что за отсутствием действующих законов процесс невозможен; Фоше, доказывавшему, что казнь Людовика XVI сыграла бы на руку врагам революции, вызвав реакцию из сочувствия к королю; Рузе, смело напомнившему, что Людовик XVI отменил в своих владениях крепостное состояние, назначал министров-философов и созывал Генеральные штаты. Сен-Жюст ответил им уничтожающей речью. Он утверждал, что короля нельзя судить с точки зрения права. Дело идет не о судебном процессе, а о политическом акте. Людовик XVI — не обвиняемый по суду, а враг. К нему можно применить только один закон, — закон, основанный на праве народов, другими словами, закон военного времени. «Людовик боролся с народом и побежден. Он — варвар, военнопленный, чужеземец; вы убедились в его вероломных намерениях; вы видели его армию: он принадлежит к числу убийц Бастилии, Нанси, Марсова поля, Турнэ, Тюильрийского дворца; какой враг, какой чужеземец принес вам больше зла!»

Речь Сен-Жюста произвела особенно сильное впечатление, так как была произнесена человеком, едва вышедшим из юношеского возраста и еще вчера никому не известным. Собрание уже намеревалось вотировать заключительные требования Майля и провозгласить себя судебной палатой, когда молчавший до тех пор Бюзо выступил с неожиданным предложением. Он резко потребовал, чтобы Собрание отменило декрет от 13 ноября, в котором постановило решить вопрос об ответственности Людовика XVI перед судом: «Вы говорите только об одном Людовике, не касаясь его семьи. Я же, как республиканец, желаю уничтожения всего рода Бурбонов». Другими словами, Бюзо хотел включить в обсуждение процесс Марии-Антуанеты и Филиппа-Эгалите, члена партии монтаньяров. Этот коварный маневр имел целью сорвать дискуссию и под маскою непримиримого республиканизма спасти Людовика путем расширения обвинения.

Странное дело, и это наводит на размышление, — Дантон поддержал предложение Бюзо, и оно было поставлено на голосование. Обсуждение уже не ограничивалось более вопросом о неприкосновенности особы короля, оно охватило и сущность и форму процесса.

Разоблачения, сделанные Теодором Ламетом в его мемуарах, объясняют нам поведение Дантона. Теодор Ламет покинул Лондон в середине октября и, не пугаясь страшного наказания, которым ему угрожал закон об эмигрантах, прибыл в Париж, чтобы переговорить с обязанным ему Дантоном о средствах спасти Людовика XVI. Дантон обещал сделать все от него зависящее, чтобы помешать суду над королем, так как «если процесс начнется, то король неминуемо будет присужден к смерти» (слова Дантона).

Но расчет Бюзо и Дантона не оправдался вследствие неожиданного события, случившегося 20 ноября — обнаружения железного шкафа. Это был потайной шкаф, сделанный слесарем Гаменом по поручению короля в стене дворца. Ролан, осведомленный Гаменом, который воображал, что его отравили роялисты, совершил в своем самонении величайшую неосторожность. Он вскрыл этот шкаф без свидетелей и сам принес в Собрание заключавшиеся в нем бумаги, возбудив, таким образом, подозрения, что он предварительно рассортировал документы и удалил те из них, которые касались его друзей жирондистов. В железном шкафу была найдена переписка короля с Мирабо, с начальником тайной полиции Талоном, с королевским духовником епископом де Клермоном, с Дюмурье, Лафайетом, Талейраном и другими. Якобинцы разбили бюст Мирабо, украшавший залу их заседаний, а Конвент велел завесить его изображение. Против Талона, выполнявшего при Питте секретную миссию, которую на него возложил Дантон, был издан обвинительный декрет, но Талон был за пределами досягаемости. Арстовали его агентов и родных, Дюфрена Сен-Леон, Сен-Фуа, но с процессом их не торопились, так как пришлось бы привлечь к делу много влиятельных лиц, в частности — Дюмурье. Бриссо поспешил выгородить Дюмурье в своей газете, а несколько дней спустя Рюль оправдал его с трибуны Собрания.

С каждым днем становилось труднее предотвратить процесс Людовика XVI. 21 ноября Собрание назначило новую комиссию из 12 членов, чтобы обследовать документы железного шкафа. Эта комиссия была избрана по жребию, и влияние жирондистов было в ней значительно слабее, чем в прежней комиссии 24. Затем дало себя знать и заинтересованное тайной общественное мнение. 2 декабря делегаты 48 парижских секций протестовали у решетки Собрания против волокиты в вопросе о суде над

королем: «Не откладывайте дела из-за пустых опасений. Чего вы боитесь теперь, когда наши армии идут от триумфа к триумфу? Разве злодеяния вероломного Людовика недостаточно выяснены? Не давайте заговорщикам времени собраться с силами». Коммуна, поддерживая секции, пустила в ход тяжелое обвинение против Ролана, который имел-де возможность похитить часть документов, найденных в Тюильрийском дворце, и распространял в департаментах, за счет республики, множество пасквилей, позоривших Париж. Монтаньяры переходили от обороны к наступлению.

Жиронда должна была отказаться от надежды утопить процесс короля в общем процессе Бурбонов. 3 декабря сам Барбару потребовал, чтобы Людовика предали, наконец, суду. Робеспьер использовал мысль Сен-Жюста, расширив ее и подкрепив политическими соображениями: «Король вовсе не подсудимый, а вы не судьи. Вы должны быть только государственными людьми и представителями нации. Вам не придется оправдывать или осуждать человека; вам предстоит осуществить меру общественного спасения, акт, совершая который, нация должна сыграть роль провидения. Низложенный король способен играть двоякую роль в республике: или нарушать спокойствие государства и подкапываться под свободу, или способствовать их укреплению... Какое же средство диктуется здоровой политикой, чтобы укрепить нарождающуюся республику? Глубоко запечатлеть в сердцах презрение к королевской власти и привести в замешательство всех сторонников короля». Затем Робеспьер указал на успехи реакции, приписывая их умышленной медлительности в процессе короля, и прямо обвинил Жиронду в роялистских замыслах: «Какие иные средства могли бы употребить те, кто желает восстановления королевской власти?»

Атака была настолько сильна, что Жиронда еще раз отступила и решила пустить в ход хитрость. Верный своей демагогической тактике коварный Бюзо потребовал на следующий день, чтобы Конвент для устранения подозрений издал декрет, угрожающий смертью «всякому, кто предложит восстановить во Франции короля или королевскую власть... Добавляю: под каким бы наименованием он это ни сделал — и требую поименного голосования». Этими словами он намекал, что в Конвенте имеются люди, желающие восстановить королевскую власть под новым наименованием, и в то же время оправдывал медлительность Жиронды. В самом

деле: зачем было торопиться с казнью монарха, если эта казнь могла только сыграть на руку тем, кто намеревался возродить королевскую власть в форме диктатуры? Мерлен из Тионвилля имел неосторожность, под предлогом уважения к народному суверенитету, внести поправку в предложение Бюзо: «Если только такое требование не будет исходить от первичных собраний». Гаде воспользовался случаем уточнить и развить инсинуацию Бюзо. Он увидел в предложении Мерлена доказательство тому, что существовал проект «заменить один деспотизм другим», т. е. провозгласить нового деспота, под эгидой которого все, способствующие его возвышению, могут быть уверены в безнаказанности своих прежних преступлений и в возможности совершать новые». Таким образом, всей Горе было предъявлено обвинение в скрытом роялизме. Процесс короля отступил на второй план; более важным казалось возвести на эшафот роялистов, скрывавшихся под красным колпаком. Робеспьеру, продолжавшему требовать немедленного суда над Людовиком XVI, Бюзо возразил, что те, кто пытаются ускорить ход процесса, имеют, конечно, основание помешать разоблачениям короля. Он превращал, таким образом, Робеспьера в сообщника Людовика XVI. Бюзо праздновал победу. Его предложение было принято.

Но 6 декабря монтаньяры взяли реванш. Конвент постановил пополнить комиссию 12, уполномоченную классифицировать документы железного шкафа, девятью новыми членами, выделенными в равном числе от комиссии 24, законодательного комитета и комитета общественной безопасности, с тем, чтобы эта новая комиссия 21 в кратчайший срок составила обвинительный акт против Людовика XVI. Кроме того, Конвент постановил, чтобы все вопросы в ходе процесса решались поименным голосованием. Это требование формулировал Марат, поддержанный Кинеттом. Огромное преимущество для партии смерти! Конвенту приходилось голосовать на глазах и под давлением трибун. Прений не было. Ни один жирондист не осмелился признаться, что боится открытого голосования.

9 декабря Гаде сделал новую попытку. Он предложил созвать первичные собрания «для отозвания депутатов, виновных в измене отечеству». Но Приер из Марны, поддержанный Барером, сумел отклонить это предложение, хотя Конвент уже приступил к его голосованию с большим энтузиазмом. Если бы предложение Гаде было

принято, Жиронда держала бы в своих руках всех депутатов, голосовавших вместе с Горой, под угрозой отозвания их первичными собраниями.

10 декабря Робер Линде представил от имени комиссии 21 доклад о преступлениях Людовика XVI. Это была своего рода история революции, в которой разоблачалось двусмысленное поведение короля во все критические моменты. На следующий день состоялся допрос короля, порученный Бареру. Король, отвечая на поставленные ему вопросы, ссылаясь на забывание или ограничивался простым отрицанием, или же, наконец, прятался за ответственностью своих министров. Валазе предъявил ему приложенные к обвинению документы за его подписью. Король отказался признать их подлинность. Он отрицал свое участие в устройстве железного шкафа, не узнавал ключа от шкафа, доставленного его камердинером Тьерри. Эта очевидная ложь разрушила то благоприятное впечатление, которое произвело сначала простодушие и внешнее спокойствие короля.

Чем больше опасностей грозило Людовику XVI, тем больше изощрялись жирондисты, стремясь предотвратить или отсрочить неизбежный исход. 16 декабря Бюзо предложил, чтобы раз навсегда воспрепятствовать восстановлению королевской власти, изгнать всех Бурбонов, в особенности же орлеанскую ветвь, «пользующуюся наибольшими симпатиями и потому особенно опасную для дела свободы».

Маневр был смел и остроумен. Если бы Гора отклонила предложение Бюзо, она подала бы повод к обвинению в орлеанизме. Если бы она пожертвовала Филиппом Эгалите, она тем самым признала бы, что республике опасен не только Людовик XVI и что жирондисты оказались лучшими защитниками свободы, чем монтаньяры. И, наконец, какой смысл в смерти Людовика XVI, если роялистская опасность сохраняется в лице Эгалите?

Раздраженные монтаньяры ответили ожесточенной защитой. Шабо привел остроумный аргумент. Филипп Эгалите был представителем народа; изгнать его — значило бы нарушить суверенитет народа и нанести удар Конвенту. Сен-Жюст разоблачил тайную мысль Жиронды: «Они стараются связать судьбу Орлеана с судьбою короля для того, чтобы спасти обоих или, по крайней мере, смягчить приговор над Людовиком Капетом». Якобинцы и парижские секции открыто выступили против предложения Бюзо, несмотря на то, что Робеспьер настаи-

вал на его голосовании, чтобы оградить монтаньяров от упреков в орлеанизме.

26 декабря Людовик вторично предстал перед Конвентом. Его адвокат, де Сез, прочел защитительную речь, хорошо построенную, изящную, добросовестную, но далеко не блестящую. В первой части речи он старался доказать — и это не представляло труда, — что все в процессе короля было необычно и противозаконно; во второй части оспаривал собранные обвинения улики, пытаясь оградить короля от личной ответственности. В патетическом заключении он превозносил добродетели короля и напомнил благие начинания первых лет его царствования. Отважный Ланжюинэ хотел использовать впечатление от речи защитника и добиться отклонения обвинительного декрета. Но его выступление было неудачно. Он выразился иронически о «заговорщиках, которые выказали себя превосходными актерами в памятный день 10 августа». Монтаньяры назвали его роялистом, и он отказался от своих слов.

Подобно тому, как в вопросе о неприкосновенности жирондисты не хотели компрометировать себя какой-либо определенной политикой, точно так же они не осмелились открыто выступить и против смертной казни. Они предоставили своим более мужественным статистам опасную честь предложить изгнание или тюремное заключение, а сами укрылись за безопасной идеей обращения к народу, которую старались оправдать теоретическими и практическими соображениями. Верньо ссылаясь на конституцию 1791 г., на принцип неприкосновенности короля. Один только народ может лишиться короля этого преимущества. Но Верньо забывал, что народ не участвовал в создании конституции 1791 г. Салль доказывал, что смерть короля выроет пропасть между французами и другими нациями и возбудит негодование даже в тех народах, которые примирились с республикой благодаря нашим победам. «В наших дебатах — сказал Бриссо, — мы слишком мало считаемся с Европой». Бриссо и Салль забыли, что несколько месяцев тому назад они призывали к войне, ссылаясь на быстрые успехи революционных идей. Да и зачем было прибегать к идее обращения к народу, если жирондисты были уверены, что смерть Людовика XVI поднимет Европу против республики? Почему они не сказали прямо, что жизнь короля необходима для безопасности Франции? Что за странная идея подвергать плебисциту вопрос о возможности европейской войны?

Но Жиронда рассчитывала не только на прения и голосования, чтобы добиться спасения короля. Министр иностранных дел Лебрен уверял нейтральные державы, что Конвент будет милосерд и великодушен. 28 декабря он заявил Собранию, что его переговоры с Испанией увенчались успехом: ему удалось добиться ее нейтралитета и обоюдного разоружения на границе. Он добавил, что обязан своим успехом политике испанского короля, живо интересующегося судьбой своего кузена, экс-короля Франции. В заключение он ознакомил Собрание с письмом испанского поверенного в делах Окарица, приглашавшего Конвент совершить акт великодушия ради сохранения мира. Это неудачное письмо было написано в поучительном тоне, оскорбившем недоверчивое и гордое Собрание. Его сдали без обсуждения в дипломатический комитет.

Английские либералы, с которыми жирондисты находились в переписке, Ланддоун, Фокс, Шеридан обратились 21 декабря к Палате общин с просьбой оказать давление на Конвент в пользу французского короля. Два дня спустя один из друзей Дантона Франсуа Робер развивал в Якобинском клубе мысль, что в политическом отношении было бы полезно отложить казнь Людовика Капета.

Мы знаем теперь из мемуаров Теодора Ламета, из писем агента Питта, Майля, из показаний Талона и мемуаров Годой, что был сделан ряд энергичных попыток добиться поддержки европейских правительств и купить голоса в пользу Людовика XVI. В 1801 г. Талон заявил перед судом консульства, что «Дантон обещал спасти всю королевскую семью путем декрета о высылке». «Но иностранные державы, за исключением Испании, отказались пойти на материальные жертвы, которых требовал Дантон».

Угрозы иностранным вмешательством и попытки подкупить Собрание не имели успеха. Робеспьер в блестящей речи, произнесенной 29 декабря, вскрыл те опасности, которые могло навлечь на страну обращение к народу. Как! В самом разгаре войны, когда роялисты составляют заговоры на западе, нам предлагают обратиться к первичным собраниям! Но кто пошел бы на эти собрания? Конечно, не рабочие, поглощенные своими ежедневными заботами и неспособные следить за долгими и сложными дебатами. И пока французы занимались бы спорами и дразгмами на всем протяжении своей территории, враг неуклонно продвигался бы вперед. Словно угадывая на-

мерения своих противников пустить в ход подкуп, Робеспьер обрушился на мошенников, смущающих народ, и произнес знаменитые слова: «Добродетель всегда была в меньшинстве на земле». Отвечая на аргументы дипломатического характера, он заметил, что чем больше революция обнаружит робости, тем больше она будет подвергаться угрозам и нападениям: «Победа решит вопрос, мятежники ли вы или благодетели человечества, а победу должна обеспечить сила вашей воли!»

Гора не ограничилась опровержением жирондистского тезиса по поводу обращения к народу. Чтобы поколебать авторитет жирондистов в глазах беспартийных депутатов, она сообщила Конвенту о сношениях трех жирондистских вождей — Гаде, Жансонне и Верньо — с двором накануне 10 августа. Это сообщение было сделано 3 января депутатом Гаспареном, другом художника Боза, служившего посредником между жирондистами и камердинером короля Тьерри. Боз, вызванный к решетке Собрания, подтвердил версию Гаспарена.

На следующий день, 4 января, Барер, желая, быть может, устранить подозрения, возникшие против него в связи с документами, обнаруженными в железном ящике, нанес последний удар идее обращения к народу; его критика имела тем большее значение, что он всегда отрекался от монтаньяров и, в данном случае, выразил своим мягким голосом сожаление в необходимости быть заодно с Маратом: «Можно, — сказал он, — требовать народной ратификации для какого-нибудь закона, но процесс короля не есть закон... Этот процесс является актом общественного спасения или мерой общественной безопасности, но акт общественного спасения не подлежит ратификации народа».

Голосование началось 14 января; оно производилось поименно, и каждый депутат имел право мотивировать свое мнение. По вопросу о виновности решение Конвента было единодушно (за исключением нескольких воздержавшихся). По вопросу обращения к народу жирондисты были побиты 424 голосами против 287. Несколько членов их партии — Карра, Буайе-Фонфред, Кондорсе, Дону, Дебри, Дюко, Ла-Ревельер, Мерсье, Пэн — вотировали вместе с монтаньярами. Странники обращения к народу принадлежали преимущественно к представителями западных департаментов. При решающем голосовании по вопросу о наказании 361 депутат высказались за смертную казнь без всяких оговорок, 26 — также за смерть, но

при условии обсуждения вопроса об отсрочке, 334 — за оковы, тюремное заключение или условную смерть. Абсолютное большинство выразилось цифрой 361. У 26 депутатов, выразивших пожелание, чтобы был обсужден вопрос об отсрочке, спросили, ставят ли они свое окончательное решение относительно смертной казни в зависимость от обсуждения вопроса об отсрочке. Депутат Майль, который первый предложил эту оговорку, буквально повторил свои слова. Остальные заявили, что голосовали за смерть, независимо от ходатайства об отсрочке. Общее количество голосов за смертную казнь возросло, таким образом, до 387.

Майля заподозрили в том, что он получил от испанского министра Окарица 30 тысяч франков за свою оговорку, которую думал истолковать соответственно результатам голосования. Из жирондистов Верньо, Гаде, Бюзо, Петион голосовали как Майль; Дюко, Буайе-Фонфред, Карра, Ласурс, Дебри, Инар, Ла-Ревельер голосовали за смертную казнь.

Бюзо, Кондорсе, Бриссо, Барбару предложили отсрочить выполнение приговора во внимание к внешнему положению республики. Барер возразил им, что отсрочка поставила бы вновь на очередь обращение к народу, ослабила бы революцию перед лицом иностранных держав, продолжила бы внутренние междоусобия. Предложение было отклонено 380 голосами против 310.

Раздраженные жирондисты провели 20 января, по предложению Гаде, декрет о возбуждении судебного преследования против виновников сентябрьских убийств. Но этот декрет был отменен уже на следующий день под влиянием возмущения, которое вызвало убийство члена Конвента Ле-Пеллетье из Сен-Фаржо королевским телохранителем Пари.

Убийство Ле-Пеллетье, совершенное за день до казни короля, успокоило робких цареубийц. Оно явилось трагическим ответом на измышления жирондистов, которые в течение трех месяцев называли монтаньяров убийцами. «Это убийцы, которых убивают», — писал Сент-Андре. Монтаньяры устроили пышные похороны «мученику свободы». Вскоре бюст Ле-Пеллетье украсил залы их заседаний и их гражданские празднества.

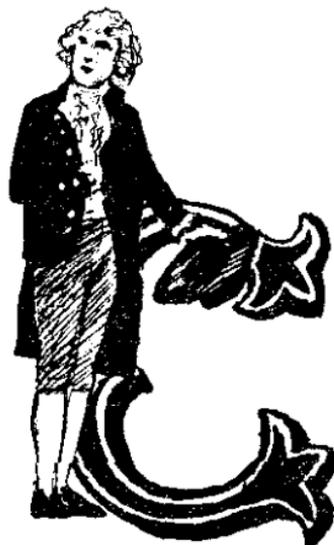
За исключением убийства Ле-Пеллетье, совершенного в припадке бессильного отчаяния, роялисты не предприняли ничего серьезного для спасения короля. Брошюры, злободневные пьесы, покушения на дерево свободы, та-

инственный заговор барона Батца, намеревавшегося освободить короля в тот день, когда его поведут на эшафот, более реальный заговор, организованный за несколько месяцев в Бретани авантюристом маркизом де ла Руари, который умер, не успев привести своего проекта в исполнение, бесплодные интриги Дюмурье, проживавшего в Париже с 1 по 24 января,— это было все.

Убийство Ле-Пеллетье и казнь Людовика XVI открывают новый период в истории Конвента: «Царство политических мошенников кончилось»,— писал Леба своему отцу в самый день 21 января. И он же, поясняя свою мысль, писал 19 февраля: «Я лично думаю, что этот акт (казнь короля) является спасительным для республики и свидетельствует об энергии Конвента...» Все представители, вотировавшие за смерть короля, были теперь лично заинтересованы в том, чтобы помешать реставрации, так как иначе им пришлось бы дорого заплатить за свой приговор. Они с удвоенной силой устремились в борьбу с монархической Европой. «Теперь представители должны проявить силу воли»,— сказал Леба 21 января,— «надо победить или умереть; все патриоты понимают необходимость победы». Он же писал накануне: «Мы брошены на произвол судьбы; пути позади нас разрушены: мы должны волей-неволей идти вперед, и теперь более чем когда-либо можно сказать: жить свободным или умереть!»

Смерть Людовика XVI разрушила традиционный мистический престиж королевской власти. Бурбоны могли теперь вернуться во Францию: они потеряли тот божественный ореол, которым прежде окружали их народные массы.

ФИНАНСЫ И ДОРОГОВИЗНА

социальная политика Жиронды еще в большей степени, чем двусмысленное поведение ее в процессе короля, лишила ее популярности среди широких масс населения. Это была чисто отрицательная политика. Она заключалась в защите собственности, понятой в узком и абсолютном смысле.

Жирондисты рассчитывали разрешить экономический кризис с помощью внешних побед, но расчеты их не оправдались. Незначительные контрибуции, взятые Кюстином с рейнских городов, были только каплей в море расходов. 13 ноября Камбон объявил, что на ноябрь месяц предусмотренные расходы составляют 28 млн., фактические расходы — 138 млн.; дефицит — 116 млн. Яков Дюпон в этот же день заявил, что из 300 млн. поземель-

ного налога и налога на движимое имущество, полученных в 1791 г., теперь поступило всего 124 млн. В декабре 1792 г. доход казны составлял 39 млн., а одни только военные расходы достигали цифры в 228 млн. Откуда было взять средства для покрытия этих непомерных расходов, увеличивавшихся с каждым днем?

Если бы Жиронда не руководствовалась классово-политической политикой, она возложила бы военные расходы на вновь приобретенные состояния, обратилась бы к займам, провела бы новые налоги. Она приложила бы все усилия, чтобы приостановить эмиссию ассигнаций, имевшую своим следствием быстрое вздорожание жизни. Марат, Сен-Жюст, Шабо, Яков Дюпон тщетно рекомендовали эту политику финансового оздоровления, — никто их не слушал.

Главным финансистом Собрания был в этот момент и еще долгое время после него Жан Камбон, ненавидевший Коммуну и анархистов и прибегавший для разрешения затруднений к самому легкому средству — печатанию бумажных денег. 13 ноября он предложил, в противовес требованиям Якова Дюпона, уменьшить существующие налоги, отменить налог на движимое имущество и патенты и сократить поземельный налог до 40 млн. Правда, в виде компенсации он хотел упразднить бюджет культов, вся тяжесть которого пала бы, таким образом, на низший класс населения, так как народ в то время еще не мог обойтись без священников.

Яков Дюпон и монтаньяры добивались, чтобы ассигнации были изъяты из обращения путем сокращения длительных отсрочек, предоставленных приобретателям национальных имуществ, и выкупа ассигнаций на полученные таким образом средства; чтобы государственный долг погашался квитанциями министерства финансов, имеющими силу лишь при покупке имущества эмигрантов; чтобы были объявлены принудительные прогрессивные займы, введена уплата поземельного налога натурой. Эта антиинфляционная программа даже не подверглась серьезному обсуждению.

Большая часть церковных имуществ, оцененных в 2¹/₂ млрд., была уже продана. Оставались имущества эмигрантов, которые оценивались приблизительно в 2 миллиарда, леса, стоившие 1 200 млн., имущества мальтийского ордена — 400 млн. Это составляло более 3 млрд. запаса. К 5 октября 1792 г. под церковные имущества было выпущено 2 598 млн. ассигнациями; 617 млн. посту-

пили обратно и были погашены. В обращении к этому времени было около 1 972 млн. ассигнациями. 17 октября Камбон провел декрет о новой эмиссии, увеличившей общую сумму находившихся в обращении ассигнаций до 2 400 млн. Вскоре последовали и другие эмиссии. Уже Законодательное собрание принуждено было к моменту объявления войны прекратить уплату долгов прежнего режима, за исключением небольших обязательств, не превышавших 10 тыс. ливров, на погашение которых отпускало до 6 млн. в месяц. Рантье, так сильно пострадавшие за революцию, были принесены в жертву военным нуждам. Но рантье проживали преимущественно в Париже, и жирондисты мало о них беспокоились. Они предпочитали служить интересам торговли и земледелия.

Бумажные деньги делали свое дело. Рабочие терпели нужду. В деревнях они зарабатывали в среднем 20 су в день, в Париже — 40. Хлеб местами, например в Монпелье, стоил 8 су фунт, и все другие продукты питания соответственно поднялись в цене.

Городские жители с трудом доставали хлеб даже и по такой высокой цене. А между тем хлеба было достаточно. Урожай был хорош; все свидетельства сходятся в этом отношении. Но землевладельцы и фермеры не спешили вывозить свое зерно на рынки, чтобы обменять его на бумажные деньги, к которым относились с недоверием. Великое потрясение 10 августа, процесс короля, угрозы аграрного переворота, до крайности преувеличенные жирондистской прессой, война с внешними врагами, — все эти необычайные события, развертывавшиеся с такой быстротой, внушали собственникам глухую тревогу. Они ревниво оберегали свою муку, представляющую более реальное богатство, чем какие бы то ни было денежные знаки.

Муки не было в обращении. Большие города страдали от недостатка хлеба. К концу сентября Руан располагал запасом муки только на три дня, и его муниципалитет был вынужден реквизировать зерно с военных складов. Он попросил у Конвента разрешения сделать заем в 1 млн., чтобы закупить хлеб за границей. Заем был разрешен 8 октября и размещен между обывателями, платившими не менее 500 ливров квартирной платы. Лион, в котором 30 тыс. станков остались без работы ввиду прекращения продажи шелковых тканей, был вынужден в ноябре заключить заем в 3 млн. Даже поденные рабочие в деревнях с трудом доставали себе хлеб, так как фермеры

предпочитали хранить его в снопах, не обмолачивая. Зерна в обращении не было, и поэтому цены резко колебались по департаментам. Сетье¹ в 220 ливров стоил в начале октября 25 ливров в департаменте Об, 43 — в департаменте Эн, 53 — в департаменте Нижних Альп и в Авейроне, 26 — в департаменте Эр, 58 — в департаменте Эро, 42 — в департаменте Жер, 34 — в департаменте Верхней Марны, 47 — в департаменте Луары и Шер. Каждая область замкнулась в себе и ревниво оберегала свои запасы. Если в Руане был голод, это значило, что Гавр перехватил предназначавшийся ему транспорт хлеба.

Законы, изданные под впечатлением кризиса, сопутствовавшего взятию Вердена, давали возможность сломить злую волю собственников посредством учета зерна и реквизиций. Но министр, уполномоченный применять эти законы, Ролан был ортодоксальным экономистом², считавшим всякое вмешательство власти ересью, всякую регламентацию и реквизицию — нападением на собственность, преступной уступкой анархии. Он не только не применял соответствующих законов, но даже умалял их престиж своею горячей критикой, парализовал их, прежде чем отменить.

Законодательство, впрочем, не соответствовало своему назначению; оно не учредило центрального органа для распределения хлеба между производящими и потребляющими департаментами. Департаменты управлялись как маленькие республики и часто закрывали свои границы. Это было причиной быстрого повышения цен.

Жирондисты не принимали никаких мер для облегчения участи простонародья. Они считали свободную конкуренцию всеисцеляющим средством. Если продукты питания повышались в цене, рабочие должны были сами позаботиться об увеличении своего заработка. Но рабочие были не организованы и не могли произвести достаточного давления на своих хозяев. Им приходилось выпрашивать прибавку к заработной плате как подаяния. Они обращались с просьбами к общественным властям. Они не могли представить себе, чтобы новые, избранные ими власти были еще более безучастны к их нужде, чем

¹ Сетье — мера, содержащая 12 четвериков. Ливр в старой Франции — не только денежная единица, но и мера веса=500 г. (Прим. ред.)

² «Ортодоксальной» экономической теорией, разделявшейся тогда идеологами буржуазии, было учение физиократов. (Прим. ред.)

старые, которые в аналогичных случаях все же оказывали поддержку.

В городах кризис ощущался особенно остро. Народные муниципалитеты изошрялись в поисках паллиативов.

Парижские работы по сооружению укрепленного лагеря, предпринятые после 10 августа, преследовали скорее благотворительную, чем военную цель. Но эти работы производились за счет казны. Жирондисты под предлогом экономии заменили 25 сентября сдельную работу поденной, а затем понизили заработную плату. Рабочие запротестовали, ссылаясь на дороговизну. Коммуна поддержала их. В ответ на это жирондисты, в особенности Руйе и Керсен, заявили, что лагерные мастерские являются «очагом интриг и заговоров, местом свидания вероломных агитаторов». 15 октября Конвент декретировал прекращение работ и роспуск рабочих.

В Лионе, в котором кризис был значительно серьезнее, чем в Париже, прокурор Коммуны Нивьер-Шоль, друг Шалье и монтаньяр, ходатайствовал в ноябре перед фабрикантами об открытии фабрик. Не достигнув успеха, он попросил 21 ноября у Конвента аванс в 3 млн., чтобы пустить в ход некоторое количество станков за счет нации. Три комиссара, посланные Конвентом в Лион, — Вите, Алкье и Буасси-д'Англа, — хотели поддержать его просьбу, но заявили, что сумма слишком велика. Конвент не отпустил никаких средств.

Будучи правящей партией, Жиронда оставалась безучастной к жалобам рабочих. Она оправдывала свое бездействие или враждебность тысячи раз повторенным с трибуны и в прессе аргументом: авторы жалоб — «анархисты» или люди, ими обманутые. Бриссо объяснял дороговизну хлеба деятельностью «агитаторов»; в этом отношении он только повторял слова Ролана, вся социальная политика которого сводилась к тому, чтобы противопоставлять голодной толпе штыки.

Рабочие с полным правом могли противопоставить свою нужду неслыханной роскоши новых богачей. В эту эпоху отовсюду приходили жалобы на поставщиков, а честный Паш разоблачал постыдные сделки своего предшественника Сервана с известным аббатом д'Эспаньяком, протеже Дантона и Дюмурье, с евреем Яковом Веньямином, с Лайаром, Фабром д'Эглантинем, Серфбьером и др. «Революция, — воскликнул Камбон 1 ноября, — коснулась всех, исключая финансистов и партизан! Это хищное племя стало еще хуже, чем при прежнем режиме. У нас

есть комиссары, распоряжающиеся денежными выдачами, военные комиссары, грабительства которых не поддаются описанию. Я вздрогнул от ужаса, когда узнал, что для Южной армии закуплено свиное сало по 34 су за ливр». Конвент арестовал несколько поставщиков, но большинство из них, с д'Эспаньяком во главе, тотчас же было освобождено. Этот пример безнаказанности новых поставщиков только усилил народное недовольство.

В начале осени в деревнях и городах вспыхнули серьезные волнения, которые имели место в Лионе, куда Собрание послало трех комиссаров, чтобы сформировать наемную жандармскую роту и произвести аресты; в Орлеане, где в конце сентября был убит носильщик и разграблены семь домов в момент отбытия транспорта зерна в Нант; в Версале, Этампе, Рамбуйе в октябре; во всей провинции Бос и почти во всех других провинциях в ноябре. 22 ноября дровосеки в Вибрайе в департаменте Сарты сговорились с рабочими стекольного завода в Монмирайе и отправились вместе с ними в соседние местечки, чтобы установить твердые цены на съестные продукты. В следующие дни банды, предводительствуемые местными властями, наводнили департаменты Сарты, Эр, Эр и Луары, Луары и Шер, Эндрю и Луары и Луары. 28 ноября толпа таксаторов в 3 тыс. человек, возглавляемая конным отрядом, явилась на рынок Вандома. В тот же день в Мансе департаментская администрация и муниципалитет установили твердые цены. То же самое произошло в Ножан-ле-Ротру, Ферте-Бернар, Бру, Клуа, Мер Боннетабль, Сен-Кале, в Блуа. В Блуа цена на хлеб была установлена в 20 су за буассо¹, весом в 12 ливров, рожь — 16 су, ячмень — 12 су, коровье масло — 10 су за ливр, дюжина яиц — 5 су. Таксаторы украсили шапки дубовыми ветвями и плясали вокруг деревьев свободы с криками: «Да здравствует нация! Цена на хлеб будет понижена!» В начале декабря толпа в 10—12 тыс. человек направилась в Тур, но, получив обещание, что муниципалитет и департамент поддержат ее требования, рассеялась.

Три комиссара, посланные Конвентом в департамент Эр и Луары, — Биротто, Мор и Лекуант-Пюраво, были окружены 29 ноября на большом рынке Курвилля воору-

¹ Буассо (равная приблизительно 13 литрам) старинная мера сыпучих тел, варьировавшаяся (по размеру) по различным провинциям. (Прим. ред.)

женной толпой в 6 тыс. человек, угрожавшей бросить их в реку или повесить, если они не утвердят таксу не только на хлеб и ячмень, но и на свечи, мясо, полотно, обувь и железо. Комиссары повиновались, но, когда они вернулись в Париж, жирондисты встретили их оскорбительным презрением. Петион кричал об анархии и аграрном законе. Он утверждал, что всякая таксация неизбежно ведет к голоду, и требовал немедленных и решительных репрессий. Несмотря на противодействие Бюзо и Робеспьера, требовавших, чтобы репрессии были поручены гражданским комиссарам, которые попытались бы сначала применить меры кротости, Конвент решил поставить во главе войск генерала. Кроме того, он выразил порицание трем депутатам, подчинившимся требованиям бунтовщиков, и в результате репрессия, столь же энергичная, как и в прошлом апреле, восстановила порядок в провинции Бос.

Могли ли городские и сельские рабочие не вспылать ненавистью к Жиронде с ее классово-политикой? Но замечательно то, что и сама Гора едва не возбудила подозрений у безвестных вождей, защищавших народные требования. Когда уполномоченный генеральный старшина Сены и Уазы Гужон явился 19 ноября от имени избирательного собрания своего департамента в Конвент и потребовал не только таксации продуктов питания, но и учреждения центрального административного органа по продовольствию, его предложение встретило лишь слабый отклик на скамьях Горы. Файо горячо поддержал создание центральной комиссии по продовольствию. Но монтаньяры боялись вручить своему злейшему врагу — министру внутренних дел Ролану — такое могущественное оружие, и Тюрио, пытаясь отклонить предложение, ссылаясь от их имени в Якобинском клубе на пример Террэ¹ и Неккера.

Ни один монтаньярский депутат не требовал таксы, ее не требовал Файо, сказавший 19 ноября: «Если бы богачи, так мало преданные революции, могли закрыть свои житницы на 8 дней, французы очутились бы в окопах... Что же это за республика, в которой жизнь бедняков находится в руках богачей?» Не требовал ее и Беффруа, горячо опровергавший 8 декабря либеральные теории

¹ Террэ — контролер финансов при Людовике XV, которому народная молва приписывала организацию «голодного заговора». (Прим. ред.).

Тюрго и Адама Смита; даже Левассер (из Сарты), сказавший 2 декабря: «Когда город осажден, магистрат имеет, конечно, право принудить жителей, владеющих несколькими ружьями, поделиться ими со своими согражданами, чтобы содействовать общей защите, и в то же время, если гражданам угрожает голодная смерть, неужели магистрат не в праве принудить земледельцев продать излишек их запасов!». Не требовал ее даже Робеспьер, развивавший в этот же день следующие принципы: «Пища, необходимая человеку, так же священна, как и сама жизнь. Все, что необходимо для сохранения жизни, является общим достоянием. Только излишек может быть предметом частной собственности». Монтаньяры ограничились требованием сохранить сентябрьскую регламентацию и потерпели поражение. Конвент согласился с жирондистскими ораторами — Феро, Серром, Крезе-Латушем, разоблачавшими политику анархистов и утверждавшими, что голод является следствием учетов и реквизиций, запугавших земледельцев. «Если не защитить их от произвольных обысков, — сказал Крезе-Латуш, — нельзя будет продать имущества эмигрантов, являющиеся единственным обеспечением новых ассигнаций». Этот аргумент решил судьбу голосования.

Якобинцы сохраняли во все время кризиса благоразумный и осторожный нейтралитет. Когда Коммуна и парижские секции 29 ноября потребовали таксы, они отказались высказать свое мнение. Неудивительно, что народные вожди прониклись недоверием к ним. Аббат Жак Ру, представитель мелких ремесленников, секции Гравилье в Париже, в сильной речи, произнесенной 1 декабря о «суде над Людовиком последним, о преследовании ажиотеров, скупщиков и изменников», атаковал весь Конвент в целом, осуждая его за «сенаторский деспотизм», как он выражался. «Деспотизм, пышно распутившийся под управлением немногих, сенаторский деспотизм так же страшен, как и скипетр короля, поскольку он имеет тенденцию поработить народ, причем народ и не подозревает своего порабощения до тех пор, пока не почувствует себя раздавленным и униженным теми законами, которые, казалось, исходили от него самого». Жак Ру призывал Конвент обуздать скупщиков и снизить цены. Его речь имела такой успех, что секция Обсерватории решила читать ее два раза в неделю в течение месяца.

Жак Ру не был одинок. Вместе с ним выступал и разжигал страсти молодой почтовый чиновник Жан Варле,

обладавший небольшим состоянием и успешно окончивший коллеж Гарнура. С 6 августа 1792 г. он предлагал законы против скупщиков и требовал принудительного курса для революционных денег. Несколько времени спустя он поместил в двух шагах от Собрания, на террасе Фейянского клуба вращающуюся трибуну, с высоты которой обращался к толпе. Очень скоро его проповедь, проповедь «апостола свободы», как он себя называл, приняла антипарламентарный характер. Как и Жак Ру, он обвинял членов Конвента монтаньяров и жирондистов в создании олигархии политиков, использовавших исключительно в свою пользу народный суверенитет. В конце декабря якобинцы лишили его слова, и он ушел из их клуба, упрекая их в том, что они не просвещали народ и не посещали братских обществ, организованных ремесленниками. Теперь он называл себя «апостолом равенства». Уже мятежники провинции Бос говорили, что все депутаты Конвента богаты и нажили эти богатства расхищением казны.

Пропаганда Варле и Жака Ру — «бешеных» — быстро развивалась в парижских секциях, о чем свидетельствуют все более многочисленные и угрожающие петиции и памфлеты, направленные против Ролана, которого они считали виновником дороговизны. *Один из этих памфлетов выставлял г-жу Ролан второй Марией-Антуанетой: «Умертвить, говорю я, мечом голода добрый французский народ — идея приятная, в которой она находит большое удовольствие, а честный Конвент, такой же кровожадный, как и она, отпускает этому чудовищу, этой второй Галигаи¹, 12 млн. для покупки хлеба за границей, хотя во Франции, как говорят все отчеты, и нет недостатка в хлебе».

Таксаторы — «бешеные» уже не были изолированы, как в предшествующий период. Они сносились друг с другом из разных городов и стремились, по-видимому, согласовать свои действия. Лионцы находились в постоянном контакте с парижанами. Один из них, Додье, предложивший в августе учредить специальный трибунал для наказания скупщиков, в октябре явился в Париж и представил докладную записку, которую Конвент немедленно отклонил. Другой, Гиден, национальный комиссар при трибунале дистрикта, представил в декабре лионской

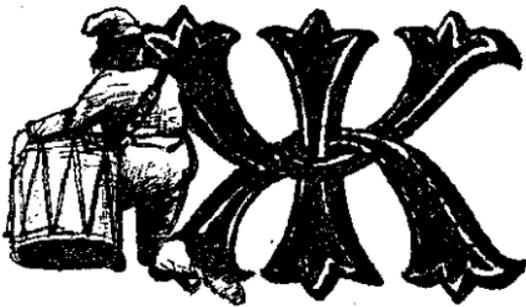
¹ Галигаи — фаворитка Марии Медичи, французской королевы, жены Генриха IV. (Прим. ред.).

коммуне проект постановления в 25 статьях, запрещающий торговлю зерном, учреждающий национальное продовольственное управление, национализирующий мельницы и регламентирующий выпечку хлеба. Лионские якобинцы одобрили его предложение и делегировали в январе нескольких своих представителей в Париж, чтобы потребовать от Конвента таксации всех продуктов первой необходимости.

В Орлеане некий Табуро, секретарь секции Госпиталя, сыграл такую же роль, как в Лионе Додье и Гиден, в Париже — Варле и Жак Ру. После волнений в Бос он был подвергнут судебному преследованию. Но в тот день, когда мировой судья хотел его арестовать, 200 человек собрались для его защиты, и ему удалось скрыться.

Не подлежит сомнению, что «бешеные» еще не имели в то время своих газет. Сильвэн Марешаль оказывал им от времени до времени поддержку в «Парижских Революциях». Марат относился к ним враждебно, Эбер выжидал и шадил Гору. Но за «бешеных» был незримый инстинкт толпы, а продолжение или, скорее, ухудшение экономического кризиса сыграло им на руку. В условиях борьбы с Жирондой монтаньяры вынуждены были сделать им уступки, дать им удовлетворение. 6 января 1793 г. один из них, депутат Дюруа, констатировал перед Конвентом полное крушение экономической политики Ролана: «Цены на продукты питания несколько не понизились. К сожалению, они, наоборот, повысились, и ваш декрет от 8 декабря не произвел того действия, какого вы ожидали. Хлеб, который исключительно дорог в моем департаменте (Эр), стоил раньше 30 ливров, а теперь — 36». Даже жирондисты защищали Ролана очень слабо. 22 января 1793 г. он подал в отставку, и можно было предвидеть, что его экономическая политика невмешательства едва ли его переживет. Конвент назначил на его место осторожного Гара, озабоченного тем, чтобы как-нибудь не скомпрометировать себя, и всегда готового примкнуть к более сильной партии. Дороговизна сыграла большую роль в падении Жиронды.

ЗАВОЕВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

иронда держалась у власти благодаря военным успехам. Как только счастье ей изменило, и победы превратились в поражения, она погибла. Битва при Вальми сопровождалась целой серией побед, перенесших наше оружие с неслыханной быстротой к Альпам и Рейну. Вступив в Савойю в ночь с 21 на 22 сентября, с 17 тыс. человек, большей частью волонтеров, Монтеस्कью без сопротивления овладел редутами Шапорейлан, замком Де-Марш, крепостью Монмелиан. «Поход моих армий,— сообщал он 25 сентября Конвенту,— сплошной триумф. Население деревень и городов выбегает нам навстречу; трехцветная кокарда водружается всюду..» Это было не завоевание, а освобождение.

Испуганные женевские аристократы просили помощи

у Цюрихского и Бернского кантонов, приславших им подкрепление в 1 600 человек. Исполнительный совет под влиянием Клавьера, изгнанного женевскими аристократами десять лет тому назад, предписал Монтестью потребовать, чтобы свободный город отослал бернцев и цюрихцев обратно. Конвент, по предложению Бриссо и Гаде, утвердил приказ Исполнительного совета, несмотря на протесты Тальена, Барера, Дантона, Гарран де Кулона и самого Петиона. Но Монтестью обманул ожидания жирондистов. Вместо того, чтобы занять Женеву, он вступил в переговоры. Женевские аристократы обещали отослать швейцарцев. Это не соответствовало желаниям Клавьера. Конвент отказался ратифицировать подписанный Монтестью договор, предъявил ему 9 ноября обвинение и принудил его эмигрировать. Женева сохранила свою независимость, но революция в ней была лишь отсрочена. Д'Ансельм с армией департамента Вар, состоявшей из 9 батальонов нового набора и 6 тыс. марсельских национальных гвардейцев, выступил в поход через восемь дней после своего начальника Монтестью. При поддержке флота адмирала Трюге он без боя вступил 29 сентября в Ниццу, на следующий день овладел крепостью Вилльфранш и нашел там многочисленную артиллерию, большие запасы провианта, один фрегат и один корвет.

На Рейне также велось наступление. Кюстин, командовавший в Ландау, обнаружив, что австрийцы и пруссаки, занятые в Аргоннах, оставили свои склады без достаточной охраны, выступил с 14 300 человек, из которых две трети были волонтеры, 25 сентября после горячего боя занял Шпейер, взял 3 тыс. пленных и вернулся с большою добычей. Ободренный своим успехом, он через несколько дней снова выступил в поход, 5 октября занял Вормс и 19 октября подошел к Майнцу с 13 тыс. человек и 45 полевыми орудиями, но без всяких осадных орудий. Сильная крепость имела трехтысячный гарнизон, снабженный в достаточном количестве артиллерией и продовольствием. Но у Кюстина были сообщники в городе, буржуазия которого 5 октября отказалась от службы на крепостном валу и надела трехцветную кокарду. После вторичного требования Майнц капитулировал. Главный инженер крепости Экмайер сейчас же перешел на французскую службу. Через два дня карманьолы вступили в Франкфурт.

Если бы Кюстин был хорошим тактиком, то вместо того, чтобы удаляться от Рейна, он спустился бы вниз по

реке и занял бы Кобленц, отрезав, таким образом, путь к отступлению прусским войскам, которые в этот момент эвакуировали Лонгви под давлением войск Келлермана.

Упустив удобный случай, Кюстин тщетно настаивал, чтобы Келлерман, преследуя пруссаков, соединился с ним. Келлерман, ссылаясь на усталость своих войск, отказался идти к Триру. Исполнительный совет послал его в альпийскую армию и назначил на его место Бернонвилля, который выступил в поход слишком поздно, с 6 по 15 декабря сражался около Трира с Гогенлоэ и отступил в беспорядке обратно на Саар. 2 декабря Кюстин потерпел первый удар во Франкфурте. Гессенцы неожиданно атаковали город, и восставшие против французов горожане открыли им городские ворота. Кюстин советовал эвакуировать Майнц, но Исполнительный совет приказал ему оставаться там и послал подкрепления, взятые из армии Бирона в Эльзасе.

Бельгия была завоевана одновременно с Савойей и средним Рейном. После Вальми австрийцы Сакс-Тешена должны были снять осаду Лилля, который они тщетно пытались терроризировать сильной бомбардировкой, продолжавшейся с 29 сентября по 5 октября. Дюмурье, получивший 11 октября поздравления Конвента и, устами Дантона, — якобинцев, вступил 27 октября в Бельгию в направлении от Валансьена к Монсу, с нашей лучшей армией, состоявшей преимущественно из линейных войск. 6 ноября он столкнулся около Монса с австрийцами Клерфэ и Сакс-Тешена, которые наскоро возвели редуты на лесистых холмах. Разгорелась жаркая битва, в особенности в центре, около деревни Жемаппы. К вечеру австрийцы, которых было вдвое меньше, чем французов, отступили, оставив на поле сражения 4 тыс. убитых и 13 пушек. Дюмурье не осмелился преследовать их; поражение австрийцев не превратилось в разгром. Тем не менее оно произвело очень сильное впечатление во Франции и в Европе. «Битва при Вальми была только местной битвой, сражение при Жемаппе — генеральное сражение, первая крупная победа французов за долгое время, как бы Рокруа¹ республики» (А. Шюкэ). Битва при Жемаппе имела гораздо более важные результаты, чем битва при Вальми. Менее чем за месяц австрийцы были изгнаны из всей Бельгии, из Брюсселя — 14 ноября, из Льежа —

¹ Победой при Рокруа (1643 г.) Франция была спасена от вторжения испанцев.

28-го, из Антверпена — 30-го, из Намюра — 2 декабря. Но вместо того, чтобы преследовать австрийцев, отступавших за Роер, уничтожить их и выручить Бернонвилля и Кюстина, сражавшихся с пруссаками, т. е. действовать согласно предписаниям Исполнительного совета, Дюмурье внезапно остановился.

Дюмурье вел открытую борьбу с военным министром Пашем и национальным казначейством, сильно интересовавшимся его финансовыми операциями. Он был окружен легионом спекулянтов, с которыми совершал незаконные сделки; среди них был знаменитый аббат д'Эспаньяк и брюссельский банкир Симон. Положение оказалось настолько скандальным, что Камбон провел декрет об аресте д'Эспаньяка и главного военного интенданта Малюса. Но Дюмурье открыто вступился за своих агентов и подал в отставку. Чтобы успокоить его, послали в Бельгию комиссаров, в их числе Делакруа и Дантона. Малюса и д'Эспаньяка освободили и замяли скандал. Жиронда уже не могла держать своих генералов в повиновении. Она хотела воспользоваться их популярностью для борьбы с монтаньярами и потому не решалась навязывать им свою волю.

Заклучить ли мир? Удержать ли завоеванные земли? Жирондисты одно мгновение колебались. Некоторые из них понимали, что для сохранения завоеванных земель придется продолжить и распространить войну. 2 сентября при чтении письма Монтескью, сообщавшего, что Савойя выразила желание образовать 84-й департамент, несколько жирондистов, Банкаль, Луве, Ласурс, поддержанные Камиллом Демуленом, высказались против всяких завоеваний. «Франция достаточно обширна», сказал Банкаль. «Не будем уподобляться королям, присоединяя Савойю к Франции», прибавил Камилл Демулен. Делакруа перебил его соображением практического характера: «Кто оплатит издержки войны?» Луве ответил под громкие аплодисменты всего собрания: «Издержки войны? Вы получите полное вознаграждение в навсегда обеспеченном пользовании свободой, в зрелище счастья освобожденных вами народов». Но такое великодушие пришлось не по вкусу Дантону: «Даруя свободу соседним народам, мы имеем право сказать им: у вас не должно быть королей, так как, пока вы окружены тиранами, их коалиция может поставить в опасность нашу собственную свободу. В нашем лице французская нация создала великий комитет общего восстания народов против королей»

всего мира». Собрание не захотело высказаться по существу вопроса, но было, по-видимому, склонно к созданию независимых братских республик.

Демократизация завоеванных стран казалась большинству дипломатического комитета авантюристической политикой, от которой следовало отказаться. 24 октября жирондист Ласурс в большом докладе от имени комитета с силой оспаривал мнение Дантона и всех тех, кто подобно ему хотел оказать помощь и поддержку савойскому народу лишь под условием, что он откажется от королевской власти и феодализма. «Не посягаем ли мы на свободу народа, отказывая ему в выборе той или иной формы правления?» Ласурс осуждал Ансельма за то, что он муниципализировал Ниццское графство, учредив в нем новые административные органы и новые трибуналы: «Дать законы — значит завоевать».

Мнение Ласурса совпадало с мнением правительства 30 октября Лебрен писал нашему агенту в Англии Ноэлю: «Франция отказалась от завоеваний; это заявление должно успокоить английское правительство относительно вступления Дюмурье в Бельгию». 11 ноября, после сражения при Жемаппе, он повторил ему: «Мы не хотим вмешиваться в чужие дела и навязывать другим народам ту или иную форму правления. Пусть бельгийцы избирают себе форму правления по своему вкусу; мы им не станем мешать».

Робеспьер и многие якобинцы разделяли мнение дипломатического комитета и Исполнительного совета Шабо под громкие аплодисменты Якобинского клуба описал затруднения, связанные с завоеваниями Бантаболь 12 декабря вызвал бурю восторгов среди публики на трибунах, выступив с требованием мира: «Не будем продолжать войну, в которой мы же окажемся одуроченными». Робеспьер потребовал в «письмах к своим доверителям», чтобы «были поставлены разумные пределы нашим военным предприятиям», и указал на «опасность возобновления вместе с бельгийцами тяжелой и кровавой борьбы, которую нам пришлось уже вынести против наших собственных священников».

Но в Исполнительном совете и дипломатическом комитете были два влиятельных человека, посвятивших себя, по личным соображениям, политике завоеваний женевец Клавьер и уроженец Клеве, прусский подданный Анахарсис Клоотс. Оба они были политическими эмигрантами. И тот и другой жаждали освободить свою родную

страну от ига тиранов, своих прежних преследователей, и не видели иного средства добиться этой цели, кроме присоединения своей родины к Франции. В 1785 г. Клоотс писал в своих «Чаяниях галлофила», вышедших из печати на следующий год: «Версальский двор должен поставить себе целью отодвинуть границы Франции к устью Рейна. Эта река такая же естественная граница Галлии, как Альпы, Пиренеи, Средиземное море и океан». 29 сентября он потребовал аннексии Савойи.

За Клавьером и Клоотсом стояла могущественная партия, образованная многочисленными политическими эмигрантами, явившимися во Францию в поисках свободы и денег: савойцы — с врачом Доппе, основателем аллобродского клуба и легиона, и аббатом Филибером Симоном, депутатом от Нижнего Рейна в Конвенте; женевцы и швейцарцы — с Клавьером, Дессоназом и Греню; невшатальцы — с Каstellла, Жан-Поль Маратом, Руйе, основателем гельветического клуба; голландцы — с банкирами Коком, Ван-ден-Ивером, Аббема; лютихцы — с Фабри, Бассанжем, Фионом, Рансонне; бельгийцы партии «статистов», эмигрировавших в Дуэ, — с молодым графом Бэтьюн-Шаростом; бельгийцы партии «фонкистов»¹, эмигрировавшие в Париж, — с банкирами Проли и Валькирсом; немцы, бежавшие из рейнских земель, преимущественно в Страсбург, — с капуцином Евлогием Шнейдером, книгопродавцом Котта, негоциантом Бемером, врачом Ведекиндом и т. д. Эти интеллигентные и активные эмигранты были членами разных клубов, в особенности клуба кордельеров, в котором они образовали впоследствии ядро партии эбертистов. Многие из них занимали административные и военные должности. Победы, одержанные с такой быстротой осенью 1792 г., были в значительной степени результатом их деятельности.

Пришел момент после победы при Жемаппе, когда жирондисты дипломатического комитета и Исполнительного совета дали себя увлечь и, в свою очередь, одобрили завоевательную политику эмигрантов. Это был решительный поворот во внешней политике Франции. Оборонительную войну сменила уже не война в целях пропаганды, а завоевательная война. Переход этот совершился незаметно, под влиянием целого ряда соображений дипло-

¹ Статисты (statistes) — аристократическая партия, опиравшаяся на дворянство и католическую церковь, фонкисты — демократическая партия. (Прим. ред.)

матического, военного, административного и финансового характера.

То, что руководители Исполнительного совета и дипломатического комитета проявили сначала осторожность и воздержались от политики расширения территории, объясняется смутной надеждой, которую они питали на быстрое заключение мира путем разъединения коалиции. Неудачный исход предпринятых после Вальми переговоров с пруссаками не обескуражил их. 26 октября 1792 г. Валанс и Келлерман встретились, по их приказу, в Обанже с герцогом Брауншвейгским, Лючезини, Гогенлоэ и князем Рейсским. Они предложили пруссакам за признание республики союз Франции, австрийцам в обмен на Баварию — Голландию и срытие укреплений Люксембурга. Но Фридрих-Вильгельм 1 ноября дал знать французскому агенту Мандрильону, что он до открытия переговоров требует эвакуации французских войск с территории империи и гарантий, обеспечивающих судьбу Людовика XVI и его семьи. Австрия, по совету Кауница поставила следующие условия мира: освобождение королевской семьи и отправка ее к границе Франции, выделение специальных владений для французских принцев, восстановление папской власти в Авиньоне, вознаграждение немецким князьям, пострадавшим от декретов 4 августа. Всякая надежда на близкий мир исчезла.

Мало того, Испания, по-видимому, тоже готовилась вступить в войну. Бриссо и Лебрен уже подумывали об организации восстания в южно-американских колониях, при содействии креола Миранда, служившего в армии Дюмуре. Война с помощью пропаганды, революционная война, казалась неизбежным продолжением оборонительной войны.

Завоеванные страны сильно отличались друг от друга своей социальной структурой, языком, цивилизацией. Можно ли было применять к ним общие принципы управления?

Савойя, по языку и цивилизации ближе всего подходившая к Франции, была задержана в своем экономическом развитии таможенными пошлинами, отделявшими ее одновременно от Франции и Пьемонта. Ее буржуазия ненавидела режим полицейской и военной тирании сардинского короля. Ее крестьяне, принужденные эдиктами Виктора-Амедея выкупать феодальные права, завидовали французским крестьянам, освободившимся от феодальных повинностей без всякого выкупа. С прибытием фран-

цuzов Савойя покрылась клубами, непосредственно выражавшими желание народа «броситься в лоно французской республики и составить с французами один братский народ». Аллоброгское национальное собрание, собравшееся 20 октября в Шамбери и состоявшее из делегатов всех коммун, низложило Виктора-Амедея, лишило его потомство прав на корону, отменило дворянство и феодальный режим, конфисковало имущества духовенства и объявило 22 октября желание страны присоединиться к Франции. Народ единодушно отдавал себя под защиту республики.

Бывшее епископство Базельское, оккупированное с момента объявления войны, находилось в аналогичном с Савойей положении. В большей части его сеньерий и общин жили народности, говорившие на французском языке и с 1789 г. стремившиеся уничтожить феодальный режим. Жители Порантрю, столицы бежавшего князя-епископа, посадили в октябре дерево свободы и основали клуб. Делемонт, Сент-Урсан, Сейнележье поступили так же. Часть населения требовала присоединения к Франции, другая предпочитала образовать независимую республику.

В Ницце — стране итальянского языка, друзей Франции было гораздо меньше, чем в Савойе. Когда подошли войска Ансельма, все лавки закрыли окна ставнями. В отместку солдаты разграбили город, и этот грабеж, допущенный Ансельмом, еще более увеличил число врагов Франции. Для учреждения клуба и временной администрации пришлось обратиться к многочисленной Марсельской колонии Ниццы. Желание присоединиться к Франции, заявленное 21 октября, выражало, без сомнения, волю очень небольшой части населения.

В рейнских странах, говоривших на немецком языке, искренних друзей Франции или, вернее, революции можно было найти только в городах, в особенности в Майнце, среди профессоров университета, юристов, либеральных церковников и купцов, собиравшихся преимущественно в литературных салонах для чтения парижских газет. Деревенские округа, разделенные на многочисленные светские и церковные сеньерии, из которых не все принимали участие в войне с Францией, были настроены индифферентно или враждебно. В противоположность Монтескью, Дюмурье и Ансельму, не трогавшим население, Кюстин сейчас же после своего вступления в Шпейер наложил контрибуции на привилегированных лиц, следуя

формуле: «мир хижинам, война дворцам». Во Франкфурте такими привилегированными оказались банкиры, а городские власти Вормса, также обложенные контрибуцией, оказались малообеспеченными ремесленниками, и, таким образом, Кюстин частично потревожил самое буржуазию Лебрен приветствовал этот способ ведения войны, при котором армия жила за счет завоеванной страны. Он даже рекомендовал Кюстину послать в Париж хорошие издания из библиотек занятых городов, «в особенности же Гуттенбергскую библию». Уже начинала выявляться хищническая политика Директории и Наполеона.

Кюстин прекрасно понимал, что его громкие воззвания, сопровождавшиеся посадкой деревьев свободы, сами по себе еще неспособны примирить общественное мнение с французами. Он решил дать немцам более существенное удовлетворение. Не осмеливаясь собственной властью отменить десятину, барщину, права сеньеров, привилегии всякого рода,— он попросил Конвент сделать соответствующее постановление, так как не рассчитывал на самостоятельное выступление местного населения. «Городские власти, прево, судьи,— писал он 4 ноября, все административные органы, состоящие из агентов мелких деспотов, которые угнетают эту несчастную страну, употребили все усилия, чтобы поднять у народа свой кредит»

Поведение Дюмурье в Бельгии представляло резкий контраст с деятельностью Кюстина на Рейне. Дюмурье хорошо знал страну, которую посещал в 1791 г по поручению Лафайета, когда восстание против Австрии носило еще победоносный характер. Он знал, что бельгийцы, которых было тогда около двух с половиной миллионов, разделялись на две партии: статистов, или аристократов, цепко державшихся за старые феодальные вольности и опиравшихся на очень богатое, фанатичное и могущественное духовенство, и фонкистов, или демократов, которые подвергались преследованиям первой партии, так как были настроены враждебно по отношению к духовенству и добивались коренной реформы старых учреждений. Он знал, что Люттихское церковное княжество, являвшееся членом Священной империи¹ и имевшее население в

¹ «Священная Римская империя германской нации» — конгломерат в виде весьма слабо связанных между собой государств (с 1648 г только немецких), существовавший со времен Оттона III (конец X века) до 1806 г. В конце XVIII в. империя была весьма непрочной конфедерацией немецких государств под номинальным главенством австрийской династии. (Прим. ред.)

500 тыс. человек, изобиловало демократами, твердо решившимися свергнуть феодальный режим. Он посоветовался с комитетом объединенных бельгийцев и люоттихцев, состоявшим преимущественно из фонкистов, и задался целью соединить Бельгию и Люоттих в одну независимую республику, щадя, по возможности, их национальное самолюбие. Эмигранты, сопровождавшие армию Дюмурье, созвали население завоеванных городов по церквям для назначения временных властей, которые провозгласили разрыв сношений с Австрией. Всюду образовались клубы. Но когда генерал Ла-Бурдоннэ захотел последовать примеру Кюстина и наложить на жителей Торнау контрибуцию, Дюмурье сделал ему строгий выговор: «Присваивая Франции общественные контрибуции Бельгии, вы возбуждаете недоверие к нашим операциям и сообщаете им оттенок подлой продажности. На развалинах австрийского деспотизма вы создаете военную тиранию». По его требованию Бурдоннэ был отозван и замещен Мирандой.

Дюмурье щадил бельгийцев. Он заставлял свой обоз уплачивать дорожные пошлины и не посягал на действующие бельгийские законы. Хотя он и разрешил производить реквизиции, но прибегал к ним крайне неохотно, предпочитая делать закупки и уплачивая за них звонкою монетою, а не ассигнатами. Путем займов он добывал необходимые для армии средства у представителей церкви. С помощью двух миллионов, занятых у гентского духовенства, он пытался создать бельгийскую армию и увеличить таким образом свои силы.

Во всех оккупированных странах образовались более или менее крупные ячейки из местных жителей, скомпрометировавших себя тем, что записывались в клубы и занимали места в новых административных органах. Эти сообщники французов опасались возвращения изгнанных князей. Французы советовали им образовать республики, но как эти маленькие республики смогли бы удержаться после заключения мира и ухода карманьолов¹. «Можем ли мы сохранить свободу, не будучи французами? — говорили делегаты Ниццы в Конвенте 4 ноября. — Нет. Мы натолкнулись бы на неустранимые препятствия: наше

¹ Карманьола — революционная песенка, под которую одновременно танцевали; затем — короткая куртка, которую носили пьемонтские рабочие, среди которых возник танец карманьола. Карманьола (в смысле костюма) была занесена в Париж марсельскими федератами и вошла в моду как революционный костюм. (Прим. ред.).

положение таково, что мы должны быть либо французами, либо рабами». Они отдали богатства своих церквей, имущества своих монастырей. Что подумает Европа о французском народе «если он, истощив источники наших доходов приманкой свободы, оттолкнет нас от себя и предаст на бедствия нищеты и милость неумолимых тиранов?» Революционеры прирейнских областей выражали такие же опасения.

Призывая народы к восстанию, республиканская Франция взяла на себя ряд обязательств морального свойства, от которых не могла отказаться. Пропаганда логически приводила к поддержке восстаний, а лучшей поддержкой могла быть только аннексия.

Поощряемые клубом в Ландау, жители Бергцабернского округа герцогства Цвейбрюкенского, сохранявшего нейтралитет, посадили дерево свободы, отменили феодальные права и просили о присоединении к Франции. Восстание распространилось по всему герцогству, и герцогу пришлось послать войска для ареста зачинщиков. 19 ноября Рюль изложил эти события Конвенту и спросил, намерен ли Конвент оставить на милость деспотов патриотов, применявших его принципы: «Я требую, чтобы вы объявили всем народам, желающим побрататься с нами, что они могут рассчитывать на помощь французской нации». Множество ораторов — Дефермон, Лежандр, Ревбель, Майль, Биротто, Карра, Дентцель, Трейляр, Л. Бурдон, Сент-Андре поддержали Рюля. Тщетно Бриссо и Ласурс старались выиграть время, откладывая решение до рассмотрения доклада дипломатического комитета о поведении наших генералов в неприятельских странах. Конвент с энтузиазмом принял проект декрета, предложенный Ла-Ревельером-Лепо: «Национальный конвент от имени французской нации обещает братскую помощь всем народам, желающим вернуть себе свободу, и уполномочивает исполнительную власть предложить генералам оказывать поддержку этим народам и защищать граждан, которые пострадали или могут пострадать за дело свободы».

Этот памятный декрет, провозглашая солидарность революционеров всего мира, являлся, в силу этого, угрозой всем престолом и всем властям прошлого и мог вызвать всемирную войну, уже не войну державы против державы, но войну социальную, предпринятую и поддерживаемую свободной нацией, защитницей и покровительницей всех других еще угнетаемых наций. Революция,

отказавшаяся сначала от завоеваний и милитаризма, была вынуждена силой вещей взяться за оружие. Подобно старым религиям, она собиралась распространять свое евангелие с мечом в руке.

Первая аннексия последовала очень скоро. 27 ноября епископ Грегуар в большом докладе предложил ратифицировать желание савойцев. Он оправдывал эту меру не только неотъемлемым правом каждого народа свободно избирать себе национальность, но и соображениями практического характера: наши границы были бы сокращены и упрочены; экономия в служебном персонале таможни; савойцы с помощью французских капиталов могли бы использовать свои естественные богатства и т. п. Малодушным патриотам, боявшимся, что присоединение Савойи может бесконечно продлить войну, Грегуар гордо ответил: «Оно не прибавит ничего к злобе угнетателей, ненавидящих французскую революцию, оно усилит наше могущество и поможет нам прорвать их ряды. Впрочем, жребий уже брошен; мы отдались на волю судьбы, все правительства — наши враги, все народы — наши друзья». Аннексия была утверждена единогласно, за исключением жирондиста Пеньера, пытавшегося протестовать на заседании, и Марата, протестовавшего в своей газете. Хитрый Бриссо приберет, впрочем, запасный выход своим друзьям, потребовав, чтобы декрет был объявлен «статьей конституции», т. е. подлежал бы вместе со всей конституцией ратификации народа. Его прервал ропот Собрания и ему пришлось взять свою поправку обратно. Но Дантон поддержал его: «Я думаю, что подобный договор может приобрести вечную силу лишь по одобрении его всей французской нацией». При содействии Барера поправка прошла. Аннексия Савойи получила, таким образом, временный характер. Ловкий способ удовлетворить жителей Савойи, оставляя за собой возможность в неопределенном будущем вступить в переговоры с их прежними господами!

Но в этот момент большинство членов Конвента поддалось порыву энтузиазма епископа Грегуара. На сцену выступила политика расширения территории.

26 ноября Бриссо, руководивший дипломатическим комитетом, писал Сервану: «Я думаю, что наша свобода не будет обеспечена до тех пор, пока хотя бы один Бурбон останется на престоле. Долой мир с Бурбонами, пора подумать об экспедиции в Испанию. Я непрестанно напоминаю о ней министрам». Он хотел поднять восстание не

только в Испании и ее колониях, но и в Германии и во всей Европе: «Мы можем успокоиться только тогда, когда вся Европа будет в огне... Если мы отодвинем наши границы до Рейна, если Пиренеи будут разделять два свободных народа, наша свобода получит прочный фундамент». Бриссо прикрывал красным колпаком старую монархическую политику естественных границ.

Жирондистская политика расширения территории стояла в тесной связи с политикой социального консерватизма. Клавьер, как говорит М. Шюкэ, боялся мира. 5 декабря он писал Кюстину: «Приходится оставаться в состоянии войны; возвращение солдат увеличило бы всюду смуты и погубило бы нас». Такого же мнения держался и Ролан: «Приходится отправлять тысячи людей, которых мы держим под ружьем так далеко, как только их могут занести их ноги; в противном случае они вернулись бы и перерезали нам горло», признался он однажды.

Но такая политика обходилась очень дорого. «Чем далее мы продвигаемся в неприятельскую страну,— ворчал 10 августа Камбон,— тем более разорительной становится война, особенно с нашими философскими принципами и нашим великодушием. Положение таково, что надо принять определенное решение. Все повторяют, что мы несем нашим соседям свободу. Мы несем им не только свободу, но и нашу звонкую монету и наши запасы продовольствия; ведь они не берут ассигнатов». Камбону поручили составить проект декрета о поведении генералов в оккупированных странах. Проект был готов 15 декабря. В основу его был положен принцип, что целью революционной войны является уничтожение всех привилегий: «Всякое привилегированное лицо, всякий тиран является нашим врагом в той стране, в которую мы вступаем». Лишь благодаря тому, что этот принцип был забыт, что Кюстину слишком поздно дали разрешение уничтожить феодальный режим, жители прирейнских областей, сначала полные энтузиазма, неожиданно охладели, и стала возможна Сицилийская вечерня во Франкфурте¹. Если бельгийский народ оставался пассивным или враждебным, то виной этому был Дюмурье, не устранивший вовремя угнетавшего его ига. Без сомнения, было

¹ «Сицилийская вечерня» — восстание на острове Сицилия в 1282 г. во время пасхальной вечерни, сопровождавшееся массовым избиением находившихся на острове французов. Потом это слово стало нарицательным. (Прим. ред.)

бы очень хорошо, если бы народы оккупированных областей последовали примеру французов и сами покончили бы с феодализмом. Но пока это, к сожалению, невозможно, приходится объявить себя «революционной властью» и разрушить порабащивший их режим. Франция должна осуществить в их пользу и вполне открыто свою революционную диктатуру: «Было бы бесполезно скрывать нашу цель и наши принципы; тираны уже знают их... Когда мы вступаем в какую-либо страну, наше дело ударить в набат». Пусть же французские генералы немедленно отменяют десятину и феодальные права, все виды рабства. Пусть же они уничтожат все существующие власти и назначат выборы временных властей, среди которых уже не будет врагов республики, так как в выборах примут участие только те граждане, которые присягнут в верности свободе и равенству и откажутся от привилегий. Прежние налоги должны быть отменены, но имущества, принадлежащие казне, князьям, светским и церковным общинам, вообще всем сторонникам тирании, должны быть секвестрованы для обеспечения ассигнатов с принудительным курсом. Если новые власти сочтут необходимым наложить контрибуции, то эти контрибуции не должны задевать трудящихся классов: «Только таким путем мы заставим народ полюбить свободу: ему ничего не придется платить, он будет всем управлять». 20 октября Анахарсис Клоотс предлагал аналогичные меры, но не имел никакого успеха. За два месяца идеи продвинулись далеко вперед. На этот раз Камбон стяжал громкие аплодисменты, и предложенный им декрет был немедленно вотирован.

Декреты 19 ноября и 15 декабря резюмируют внешнюю политику Жиронды. Они дополняют друг друга. Первый обещает покровительство угнетенным народам, второй ставит предварительное условие этого покровительства: народы должны принять революционную диктатуру Франции.

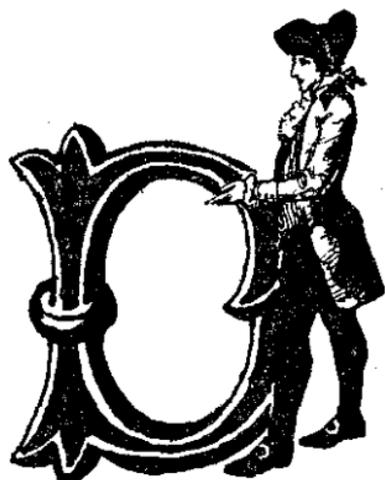
Чтобы обеспечить этой политике успех, формулировавшее ее правительство должно было навязать ее народам, которые ее не просили, неприятельским державам, территориальную неприкосновенность которых она нарушала, и, наконец, нейтральным державам, которым она угрожала в их жизненных интересах. Другими словами, Жиронде необходимо было создать послушное орудие из французской армии, орудие к тому же настолько могущественное, чтобы оно могло преодолеть сопротивление всей Европы.

Была ли всемирная война, в зародыше содержащаяся уже в обоих декретах, неизбежным следствием общего хода событий? Несомненно, что Жиронда пыталась один момент добиться мира путем переговоров с Пруссией и Австрией. Но для успешного окончания этих переговоров ей следовало занять определенную и решительную позицию в процессе Людовика XVI. Если бы она, с первого же дня, указала на заинтересованность нации в помиловании короля и во всеуслышание заявила, что процесс короля может помешать заключению мира, если бы она в первый же день провозглашения республики мужественно предложила перевезти королевскую семью к границе, тогда, быть может, ей и удалось бы благополучно заключить переговоры. Мир стал бы возможен на основах status quo. Ведь и Австрия и Пруссия мечтали только о том, чтобы с честью выйти из затруднительного положения и заняться своими делами в Польше, которой угрожала Россия. Но у Жиронды не хватило мужества заплатить за мир настоящей ценой. Ей пришлось бы не только потребовать помилования короля, но и отказаться от революционной пропаганды, которую она так поощряла. Она не осмелилась порвать связь со своим прошлым и поддалась опьянению быстрых побед.

Гора, которая годом раньше, под влиянием Робеспьера, мужественно высказывалась против войны, а теперь пыталась умерить аннексионистские порывы Жиронды, предостерегала от губительных последствий новой политики и протестовала, в лице Марата, против аннексии Савойи, не формулировала все же в конкретной и ясной форме свою оппозицию политике завоеваний. • Да и как она могла это сделать, упорно настаивая в то же время на процессе Людовика XVI и принимая в свои ряды перебежчиков из Жиронды, вроде Анахарсиса Клоотса, адвоката политических эмигрантов и апостола аннексий?

Резюмируя, можно сказать, что борьба партий, наравне с развитием внешних событий, препятствовала заключению мира и углубляла войну.

ПЕРВАЯ КОАЛИЦИЯ

секретами 19 ноября и 15 декабря Конвент надеялся укрепить позицию Франции в оккупированных областях путем привлечения к делу свободы широких масс угнетенного населения. Но события не оправдали его ожиданий. Население испугалось «революционной власти», которую ему навязали. Оно увидело в ней только новое средство для расхищения его богатств, орудие произвола и господства, дерзкое покушение на его независимость.

Большая часть временных властей, учрежденных в Бельгии после ее завоевания, состояла из прежних статистов. Они решили водрузить в Брюсселе брабантские цвета. На запрещение, последовавшее со стороны французских властей, они ответили крупными манифестация

ми. Манифестация 7 декабря закончилась серьезной схваткой. Когда был опубликован декрет 15 декабря, множество фанкистов присоединилось к протесту статистов. 21 декабря администрация Геннегау обратилась к Конвенту с адресом, в котором заявила, что провозглашенная французами революционная власть всегда будет в ее глазах «узурпаторской властью,— властью, основанной на насилии». Сопrotивление было почти единодушно, так как в деле были замешаны материальные интересы. Никто не хотел принимать ассигнатов, и многие, кроме того, потерпели материальный ущерб от секвестра имуществ казны и церкви.

Это неожиданное сопротивление заставило некоторых министров например Лебрена и Ролана, и некоторых депутатов, находившихся под влиянием Дюмурье, например Бриссо, Гаде, Жансонне, задать себе вопрос: не лучше ли было бы вернуться к прежнему и отменить декрет 15 декабря. Но комиссары бельгийской армии, в особенности Камюс, Дантон и Делакруа, поддержанные Камбоном и Клавьером настаивали на немедленном применении декрета с употреблением, в случае надобности, вооруженной силы. Это разногласие между руководителями внешней политики отняло много драгоценного времени и дало оппозиционерам возможность собраться с силами. Дипломатический комитет, под руководством Бриссо, задерживал целый месяц назначение агентов, которых Исполнительный совет намеревался послать в Бельгию, чтобы приступить к выборам и секвестрам. Эти агенты покинули Париж только во второй половине января. Но Камбон обошел все препятствия, обратившись непосредственно к Конвенту, который согласился с его мнением 31 января.

Декрет 15 декабря был осуществлен, но с применением вооруженной силы. Квази-народные собрания объявили, под охраной штыков, присоединение городов и деревень к Франции. Созвать, по примеру Савойи, общее собрание населения всей Бельгии не решились. Присоединение к Франции провозглашалось постепенно, одним городом за другим, в течение всего марта, среди угрожающего брожения, выражавшегося в покушении на наших солдат в Брюгге и в распространявшихся всюду мятежных воззваниях. 17 февраля посланные в Бельгию комиссары уведомили Конвент, что при первой же неудаче наших войск «все находящиеся в Бельгии французы переживут Сицилийскую вечерню, причем бельгий-

ские патриоты, дрожащие за свою собственную жизнь, не смогут оказать им никакой поддержки».

Население рейнских земель, разделенных между двадцатью различными государствами и сеньериями, владения которых вклинивались друг в друга, не отличалось особым патриотизмом. Но оно сильно страдало от бедствий, причиненных войной. Крестьяне жаловались на таксы, реквизиции, барщину. Священники угрожали им муками ада за нарушение присяги прежним князьям, возвращение которых они предсказывали. Никто не хотел принимать ассигнаты. Все боялись, что присоединение к Франции повлечет за собой введение обязательной военной службы, к которой они испытывали глубокое отвращение. Верными Франции оставались только сильно скопрометированные члены клубов в городах, но и между ними постоянно происходили разногласия, как, например, в Майнце.

Декрет 15 декабря мог быть осуществлен только силой. Комиссары Конвента Ревбель, Мерлен из Тионвилля, Османн нарушили нейтралитет герцогства Цвейбрюкенского, которое 8 февраля было оккупировано генералом Ландремоном. Герцог бежал, но его министра д'Эсбека бросили в военную тюрьму г. Меца, а затем перевезли в Париж, где к нему вскоре присоединились князья Лейнингенского княжества. Члены клубов с отрядами солдат отправились по деревням, чтобы руководить выборами. На выборах многие воздерживались от голосования. Местами комиссары встречали сопротивление, которое подавлялось арестами и массовыми высылками за Рейн. Но, несмотря на это, целые деревни отказывались принести присягу. Когда дошли слухи об отступлении французов из Бельгии, произошел ряд местных восстаний. Созванный при таких условиях Рейнский конвент, собравшийся в Майнце 17 марта, провозгласил на четвертый день своего существования, после речи Фостера, присоединение страны к Франции.

Другие завоеванные территории были присоединены к Франции при аналогичных условиях. Порантрю, объявленный в декабре рауракской¹ республикой, был превращен 23 марта, несмотря на оппозицию немецких окру-

¹ Раураки (гаугас) — древне кельтское племя, жившее некогда в области между Вогезами и горной цепью, которая связывает их с северной Юрой, иначе говоря, в большей части нынешнего французского департамента Верхнего Рейна и швейцарских кантонов Базеля и Берна (Прим ред)

гов и даже некоторых французских деревень, в департамент Мон-Террибль.

Ницца была присоединена декретом 31 января 1793 г. На возражения, сформулированные Дюко, Ласурс, разделивший теперь политические воззрения Камбона, ответил, что Альпы являются естественной границей республики, и что рейд Вилльфранша необходим нам на случай разрыва с Англией. Население Ниццы относилось к нам все более и более враждебно. В пригороде Соспелло произошло в марте восстание. Деревни были тоже ненадежны. наших курьеров убивали. Призывники образовали банды — les Barbets — и терроризировали окрестности городов.

Даже Савойя, единодушно высказавшаяся в октябре за присоединение к Франции, стала проявлять признаки утомления и охлаждения.

Таковы были горькие плоды империалистической политики в оккупированных областях. В нейтральных странах она уничтожила все зарождавшиеся к нам симпатии и дала монархическим правительствам повод к особенно строгому надзору и все более настойчивому преследованию книг и газет, заподозренных в распространении французских идей. Некоторые малодушные иностранные писатели, сначала приветствовавшие революцию, публично отреклись от нее: Клопшток, Виланд, Кернер, Штольберг, Шлоссер в Германии, Артур Юнг, Ватсон в Англии, Альфьери, Пиндемонте в Италии. В предлогах недостатка не было, но чаще всего они ссылались на сентябрьские убийства и казнь Людовика XVI. Тем же, которые, несмотря ни на что, остались верны своим прежним убеждениям, как, например, Фихте и Рейхгардт в Германии, Вордсворт, Кольридж, Годвин, Роберт Бернс в Англии, приходилось молчать, скрываться под анонимами или подвергаться всякого рода преследованиям.

Питт, увидевший в завоевании Бельгии угрозу независимости Голландии, все более отклонялся от политики нейтралитета, которой по его указаниям, следовал двор и часть его коллег по кабинету. 13 ноября он поручил объявить штатгальтеру, что в случае нападения французов на Голландию английское правительство выполнит все свои союзные обязательства. Нападения, в собственном смысле слова, не произошло, но 16 ноября Исполнительный совет провозгласил свободу навигации по Шельде и, подтверждая свои слова действием, отправил француз-

скую эскадру к устьям реки, к Антверпену. Это было насилие, предусмотренное Мюнстерским трактатом. Сторонники войны в Англии приобрели ценный предлог для обвинения Франции: она нарушила нейтралитет Голландии, гарантированный трактатами. Декрет 19 ноября, обещавший поддержку и помощь восставшим народам, послужил вторым доводом против Франции.

Английские либералы приветствовали французские победы. Их политические общества — Общество революции 1688 г., Общество друзей народа, Общество конституционной реформы — отправили в Конвент делегации с восторженными адресами, покрытыми тысячами подписей, которые были собраны преимущественно в фабричных районах. Отвечая двум делегациям, явившимся к решетке Собранин 28 ноября, председатель Конвента Грегуар произнес неосторожные слова: «Тени Пима, Гемпдена и Сиднея¹ покоятся на ваших головах; не подлежит сомнению, что близок момент, когда французы отправятся поздравлять национальный Конвент Великобритании». Все сторонники монархии в Англии, а их было очень много, увидели в этих словах доказательство того, что Франция вела пропаганду в их стране и готовила в ней революцию.

Питт созвал палаты на чрезвычайную сессию 13 декабря. Тронная речь потребовала голосования мер защиты против неблагонадежных лиц внутри страны и вооружений для противодействия агрессивной политике Франции. Секретный агент Лебрена Маре, принятый Питтом 2 и 14 декабря тщетно пытался объяснить, что декрет 19 ноября не имеет того значения, какое ему приписывают, и касается только воюющих с Францией наций. Питт отнесся к его словам с недоверием, так как Лебрен настаивал на продолжении переговоров с нашим послом Шовеленом, в котором двор после 10 августа уже не признавал официального представителя Франции. Затем Лебрен допустил неловкость. Отдавая 19 декабря отчет в характере наших отношений с Англией, он пытался отделить английское министерство от английской нации и угрожал обратиться к нации с призывом, направленным против министерства. Питт горячо реагировал на оскорбление и угрозу. 27 декабря он легко провел чрезвычайный билль против иностранцев, проживающих в

¹ Деятели Великой английской революции XVII в., боровшиеся королевским абсолютизмом

Англии, подвергавший их полицейскому надзору, стеснявший их в свободе передвижения и допускавший их высылку. Лебрен выразил протест против нарушения торгового договора 1786 года, гарантировавшего французам, проживающим в Англии, такие же права, какими пользовались англичане во Франции. Питт отклонил протест и наложил эмбарго (запрещение) на груз хлеба, предназначенный для Франции.

При известии о казни Людовика XVI лондонский двор облачился в траур, и Шовелен получил приказ немедленно покинуть Англию. 13 января Конвент, по докладу Керсена, постановил вооружить 30 кораблей и 20 фрегатов. Но в последнюю минуту Лебрен и дипломатический комитет сделали попытку сохранить мир. Маре вернулся в Лондон и попытался добиться приема у Питта. По словам агента Питта, Майльса, Маре был уполномочен обещать от имени Франции, что она откажется от своих рейнских завоеваний и удовлетворится независимостью Бельгийской республики. Франция готова была отказаться даже от аннексии Савойи. Но Питт не захотел принять Маре и в то же время не решался объявить войну. 1 февраля Бриссо провел в Конвенте декрет о войне с Англией и Голландией.

На этот раз войну уже нельзя было приписать интригам монархистов. Питт и Гранвилль не дали себя увлечь своим политическим симпатиям. Конфликт был совершенно иного рода. Он напоминал прежние торговые войны — войны, которые велись для сохранения европейского равновесия. Как и во времена Людовика XIV и Людовика XV, коммерсанты из Сити, представителем которых был Питт, не хотели допустить, чтобы Антверпен достался Франции. С другой стороны, члены Конвента смотрели на войну с Голландией как на средство овладеть Амстердамским банком. Бриссо был прав, когда говорил своим соотечественникам, что бой начинается не на жизнь, а на смерть. Эта борьба уже не была войной против королей, дворян и священников, но войной нации против нации. Короли, при благоприятных условиях, могли вступить в переговоры с революционной Францией, но английская нация решила бороться до конца.

Разрыв с Испанией имел совсем другой характер. Главной причиной его было оскорбленное чувство семейной и монархической чести. Король Карл IV и его недостойная супруга были настроены мирно, так как казна их пустовала, и война нарушила бы их спокойствие

Карл IV безуспешно пытался спасти своего кузена Людовика XVI путем переговоров с Францией о взаимном разоружении. После 21 января французский поверенный в делах Бургуен получил предупреждение премьер-министра Годоя, любовника королевы, воздержаться от ответного визита. Бургуен переслал ему ноту Лебрена, требовавшего объяснений по поводу начатых Испанией вооружений, и получил обратно свои паспорта. 7 марта, по докладу Барера, Конвент единогласно вотировал войну. «Одним врагом больше для Франции,— сказал Барер, одним триумфом больше для свободы». Члены Конвента говорили с королями языком римского сената.

Бурбонский двор в Неаполе отказался признать нашего дипломатического агента Макко. Его представитель в Константинополе очернил в глазах султана нашего посланника Семонвилля, которого республика намеревалась послать на место эмигрировавшего Шуазель-Гуфье. Тулонский флот немедленно подошел к Неаполю. Фердинанд IV, король обеих Сицилий, представлял собою такое же ничтожество, как и его кузен, правивший в Испании. Его жена Мария-Каролина, сестра Марии-Антуанеты, афишировала свою связь с премьер-министром Актоном. Королевская чета затрепетала при виде французского флота, появившегося 17 декабря 1792 г. Она подчинилась всему, чего от нее требовали. «Еще один Бурбон в числе побежденных. Короли здесь в порядке дня»,— воскликнул председатель конвента Трейляр, когда гренадер Бельвилль доставил торжествующие депеши Макко.

Папа заключил в тюрьму двух французских художников, Шинара и Ратера, воспитанников нашей римской школы, под предлогом, что они принадлежат к франкмасонам и произносят непристойные речи. Тогда нашему флоту был отдан приказ крейсировать у берегов церковной области. Папа поспешил освободить художников. Но секретарь Макко Гюгон де Бассвиль, отправившийся в Рим, чтобы поддержать мужество наших соотечественников, был убит 13 января простонародьем, пытавшимся на следующий день сжечь гетто, обитатели которого считались сообщниками французов. Конвент усыновил ребенка Бассвиля и отдал приказ жестоко отомстить за его убийство. Но тулонский флот только что потерпел крупную неудачу в Сардинии, где пытался высадить войска у Маддалена, и месть пришлось отложить.

Этот инцидент, случившийся через месяц после Сицилийской вечерни во Франкфурте, ясно показал, что в новой

войне революционная Франция может рассчитывать только на свои силы. Народы еще не созрели для восстания. Франции приходилось расплачиваться за свое интеллектуальное превосходство над другими нациями. Когда военные операции возобновились, она осталась без союзников. Она была довольна и тем, что ей удалось сохранить нейтралитет швейцарцев, скандинавов и итальянских государств. Одна против всех наиболее могущественных держав Европы, она никогда еще, даже во времена Людовика XIV, не вела такой грандиозной борьбы, так как при Людовике XIV, в эпоху наиболее критическую для Франции, она все же имела на своей стороне Испанию. Но тогда ей приходилось бороться за честь королевского дома. Теперь же ей предстояло защищать не только свою независимость, но и свое национальное достоинство, свое право на народовластие и прежде всего, огромные преимущества, которые она извлекла из своей революции.

ИЗМЕНА ДЮМУРЬЕ

стественные границы, завоеванные осенью 1792 г., были утрачены весной 1793 г., в течение нескольких недель. К концу марта, после поражения при Неервиндене, была эвакуирована вся Бельгия, а несколько дней спустя та же участь постигла и оккупированные нами области на левом берегу Рейна. К началу апреля наши владения за северо-восточной границей ограничивались крепостью осажденного Майнца. Чем объяснить эту внезапную перемену счастья после стольких блестящих побед?

Вследствие ошибки Дюмурье, отказавшегося направить свои войска к Рейну, армия Кюстина оказалась отрезанной от бельгийской армии обширной территорией, занятой австрийцами и пруссаками. Последние продви-

гались в виде угла между двумя главными французскими армиями, вдоль всего Мозеля от Кобленца до Люксембурга. Они занимали, таким образом, чрезвычайно сильную центральную позицию, позволявшую им маневрировать по внутренним линиям.

Державы, входившие в коалицию, воспользовались предоставленным им Дюмуре отдыхом, чтобы усилить свои действующие армии и укрепить свой союз. Фридрих-Вильгельм, жаждавший отомстить за неудачу при Вальми, отдал своим генералам приказ завязать более тесное сотрудничество с австрийцами.

Победы французской армии в предшествовавшую фазу войны объясняются их численным превосходством и поддержкой части бельгийского и прирейнского населения. Этого двойного преимущества теперь уже не было. Благодаря хищениям протезируемых Дюмуре поставщиков, волонтеров плохо кормили и одевали; многие из них воспользовались правом, которое им предоставлял закон, и разошлись по домам. Освободив французскую территорию от неприятеля, они считали свою миссию законченной. Французские армии не обладали теперь ни моральным, ни численным превосходством над противником.

1 декабря они насчитывали около 400 тыс. человек. К 1 февраля 1793 г. осталось только 228 тыс. Больше всего пострадала бельгийская армия. «В некоторых батальонах, — сказал Дюбуа-Крансе 7 февраля, — осталось не более 100 человек волонтеров». В некоторых ротах было по пяти человек. Оставались только бедняки или профессионалы, предававшиеся грабегам и мародерству и плохо подчинявшиеся дисциплине.

Если бы, по крайней мере, правительство и командование действовали согласно! Но никогда еще не было более острого соперничества и разногласия между управлявшими государством людьми. Учрежденный 1 января 1793 г. слишком многолюдный (24 члена) Комитет общественной обороны обсуждал свои дела публично, в крайне беспорядочной обстановке. Подчиненный ему Исполнительный совет не мог прийти ни к какому решению. Дела бесконечно затягивались. Генералы, сильные своими прежними победами, отказывались подчиняться. Кюстин, всегда отличавшийся послушанием, последовал теперь примеру Дюмуре и, в свою очередь, писал Лебрёну письма о бездарности Паша. Лебрён предоставлял ему говорить, не призывая его к повиновению и соблюдению при-

личий. Дюмурье долгое время сидел в Париже и в течение всего процесса короля, с 1 по 26 января, занимался всякого рода интригами. Камбон, которого он пробовал обойти, остался непоколебим, но Дантон, Клоотс и жирондистские вожди оказали ему самую горячую поддержку. Дантон не задумался примкнуть к противникам Паша, хотя и выражал лицемерное сожаление. Под предлогом, что руководство военным министерством не по силам одному человеку, Паша уволили 4 января и заменили Бернонвиллем, другом и орудием Дюмурье, снабдив его шестью помощниками, разделившими между собою различные отделы министерства. Военное управление находилось, таким образом, в состоянии полной реорганизации как раз накануне возобновления враждебных действий. Получился невероятный сумбур. Генералы, добившиеся увольнения Паша, не были расположены отнести более мягко к его преемнику. Кюстин не любил Бернонвилля.

Одним из крупных недостатков организации армии было разделение ее на линейные полки и батальоны волонтеров, подчинявшиеся разным статутам и постоянно друг с другом соперничавшие.* Волонтеры сами избирали своих офицеров, получали более высокое жалованье и подчинялись менее строгой дисциплине. Желая уничтожить эту вредную для армии двойственность, Дюбуа-Крансе предложил 7 февраля коренную реформу, «амальгаму», заключающуюся в том, чтобы одна и та же часть, называемая полубригадой, содержала в себе два батальона волонтеров и один линейный батальон. Линейные солдаты получали такие же преимущества и права, как и волонтеры. Подобно волонтерам, они могли претендовать на вакантные офицерские места. Треть этих мест сохранялась для них, а две другие трети замещались по особой искусной системе кооптации. Как только место освобождалось, представители непосредственно подчиненных должностей избирали трех кандидатов; окончательный выбор из числа этих трех производили офицеры или унтер-офицеры соответствующего чина. Таким путем достигалась «национализация» армии, воодушевленной единым духом, обладающей равными для всех правами, подчиненной одинаковым для всех законам. Линейные солдаты проникались гражданским духом волонтеров, а волонтеры, общаясь со старыми солдатами, приучались к войне. Все генералы, за исключением Валанса, отнеслись к реформе враждебно. Большая часть жирондистов

и сам Барер оспаривали ее с трибуны. Усилиями монтаньяров, в особенности Сен-Жюста, она все же прошла на голосование, но слишком поздно, когда кампания уже началась. Полное свое применение она получила только зимою 1793/94 г., причем дала самые лучшие результаты. А до этого времени линейные полки и батальоны волонтеров по-прежнему несли свою службу отдельно.

Несмотря на заведомо тяжелое положение французских армий, Комитет общественной обороны и Исполнительный совет приняли план наступления, предложенный Дюмурье. Наступление, вынужденное отчаяньем. 3 февраля Дюмурье писал из Антверпена: «Если бельгийская армия не предупредит неприятеля, то погибнет» и добавил: «Если нам окажут помощь и отнесутся к бельгийцам разумно и по-братски, я берусь еще предсказать победу; в противном случае я сумею умереть, как подобает солдату». Он не имел ни малейшего желания умирать, но хотел, чтобы с бельгийцами обращались осторожно, так как боялся восстания в тылу своих войск. План Дюмурье был таков: оставить корпус Миранды осаждать Маастрихт и охранять Роэрские проходы; другой корпус, под командой Валанса, противопоставить на среднем Маасе австрийцам из Люксембурга или из Роэра; самому же с третьей армией, голландской или северной, броситься из Антверпена на Голландию, вдоль по Нижнему Маасу, по направлению к Амстердаму и Дордрехту. Другие армии — рейнская, мозельская, альпийская, итальянская, пиренейская, должны оставаться на своих местах в оборонительном положении. Дюмурье пишет в своих мемуарах, что если бы ему удалось победить, он соединил бы Бельгию и Голландию в одно государство, провозгласил бы его независимость и пошел бы походом на Париж, чтобы распустить Конвент и уничтожить якобинцев. Он доверил свой проект только четырем лицам, среди которых, по словам Миранды, были Дантон, Делакруа и Вестерман.

План Дюмурье имел тот недостаток, что он рассеивал слабые силы республики, вместо того чтобы сосредоточить их в одном месте. Если бы Миранда отступил под напором австрийцев, коммуникационные линии Дюмурье оказались бы под угрозой, и его экспедиция в Голландию потерпела бы полную неудачу.

Сначала все шло хорошо. 16 февраля Дюмурье с 20 тыс. человек вступил в Голландию и быстро овладел тремя крепостями — Бредой, Гертруденбергом и Клун-

дертом, капитулировавшими почти без сопротивления. Но 1 марта армия герцога Кобургского бросилась на бельгийскую армию, расквартированную в Роэре, и захватила ее почти врасплох: Разгром был ужасен. Войска в беспорядке эвакуировали Ахен, даже и не пытаясь оказать сопротивление. Миранда немедленно снял осаду Маастрихта. Льеж был эвакуирован, в свою очередь, в невыразимом беспорядке. Прибывший на помощь Валанс с большим трудом собрал остатки армии.

Дантон и Делакруа, бывшие свидетелями этого бедствия, отправились в Париж не столько для того, чтобы успокоить умы, сколько для того, чтобы поднять тревогу. 8 марта Делакруа, резко опровергая оптимизм Берновилля, нарисовал самую мрачную картину нашего военного положения, и Дантон горячо поддержал его. Конвент постановил немедленно командировать в парижские секции и в департаменты комиссаров, назначенных из числа его членов, чтобы ускорить набор 300 тыс. человек, который был только что декретирован. В тот же вечер парижские секции собрались, в порыве патриотической лихорадки, подобной той, которая их потрясла в конце августа, в момент взятия Лонгви. Некоторые из них, подобно Луврской секции, подстрекаемые другом Дантона Дефье, потребовали учреждения революционного трибунала для наказания агентов неприятеля внутри страны. На следующий день, 9 марта, Каррье сделал соответствующее предложение в Конвенте. Дантон энергично поддержал его и добился голосования этой меры, несмотря на резкую оппозицию жирондистов. С наступлением вечера волнение в Париже усилилось. Общество защитников республики, секция четырех наций, клуб кордельеров выпустили угрожающий манифест против Дюмуре и жирондистов, которых считали ответственными за поражения. Образовался революционный комитет, пытавшийся увлечь за собой якобинцев и Коммуну. Банды мятежников разграбили типографии «Парижской хроники» и «Французского патриота».

На следующий день, 10 марта, Дантон взошел на трибуну и атаковал министров, требуя их переизбрания из числа членов Конвента. Жирондисты обвинили его в диктаторских замыслах, и предложение его было отклонено. Но в тот же вечер возобновились волнения. Агитаторы, находившиеся в близких отношениях с Дантоном, пытались поднять парижские секции. Дождь, отказ Сан-

терра и Паша¹ в содействии мятежу, твердое поведение федератов рассеяли мятежников.

Современники думали, что волнения 9 и 10 марта были организованы Дантоном с согласия Дюмурье. В то время как Дантон атаковал министров в Конвенте, агент Дюмурье де Мольд атаковал их в Якобинском клубе. Но Дантон горячо защищал Дюмурье, между тем как мятежники требовали отрешения его от должности и изгнания «апеллянтов» из Конвента. Очевидное и умышленное противоречие. Во главе мятежников стояли люди, вроде Дефье и Проли, которые еще недавно восхваляли Дюмурье, а впоследствии были замешаны в интригах, предшествовавших его измене. Они, разумеется, не были искренни, порицая генерала, которого еще накануне превозносили и с которым через некоторое время вступили в соглашение. Их темное прошлое было хорошо известно. Современники думали, что эти люди играют роль по указаниям подкупившего их Дантона.

Вызывающее поведение Дюмурье окончательно укрепило эти подозрения. Растерявшийся Валанс обратился к нему 2 марта с просьбой о помощи: «Спешите сюда, необходимо переменить план кампании, минуты равняются столетиям». Дюмурье сначала ничего не хотел слушать. Он утверждал, что лучшее средство для защиты Бельгии — продолжать поход на Роттердам. Когда же по категорическому приказу Исполнительного совета он отправился 10 марта на соединение с Мирандой, то поехал один, оставив в Голландии всю свою армию, которая могла бы оказать существенную поддержку при ликвидации последствий разгрома. И пока Дантон оправдывал его перед Конвентом, он вел себя как диктатор, пренебрегая всеми законами. Целым рядом последовательных прокламаций он приказал возвратить отобранное у бельгийских церквей серебро, закрыть все клубы, некоторые из которых были подвергнуты обыску, арестовать нескольких комиссаров Исполнительного совета, как например, Шепи. Короче говоря, он одним росчерком пера уничтожил все результаты революционной деятельности после декрета 15 декабря. Когда присоединившиеся к нему в Лувене комиссары Исполнительного совета Камюс и Трейлар упрекнули его за его поведение, он написал

¹ Паш — парижский мэр с 14 февраля 1793 г.; Сантерр — парижский пивовар, командовавший национальной гвардией Парижа. (Прим. ред.).

12 марта Конвенту исключительно дерзкое письмо. Он возлагал ответственность за поражение на военные комитеты, утверждая, что присоединение Бельгии к Франции было осуществлено путем насилия и даже взывал к памяти герцога Альбы. Письмо Дюмурье было прочитано Комитетом общественной обороны 15 марта, вместе с сообщением Трэйлара и Камюса, обращавших внимание Комитета на действия и угрозы генерала, которые они квалифицировали как «серьезные события». Барер тотчас же потребовал обвинительного декрета против Дюмурье. Но Дантон воспротивился этой мере, которая одна только могла спасти армию. Он сказал, что Дюмурье пользуется доверием солдат и что его увольнение может оказаться гибельным. Комитет поддался его убеждениям. Дантон и Делакруа снова отправились в Бельгию. «Мы его излечим или свяжем по рукам и ногам», — говорили они перед отъездом. Пустые слова.

Дюмурье, перегруппировав армии Валанса и Миранды, 16 марта прогнал имперские войска из Тирлемонта, но два дня спустя потерпел сильное поражение при Неервиндене на Жете. Его деморализованные войска с боем отступили к Брюсселю. В ночь с 20 на 21 марта к нему присоединились в Лувене Дантон и Делакруа. Они потребовали, чтобы он отказался от своего письма Конвенту от 12 марта. Дюмурье пытался восстановить их против жирондистов и не согласился отречься от своего письма. Комиссарам ничего не удалось добиться от Дюмурье, кроме короткой записки, в которой он просил Собрание не делать никаких выводов из его письма до тех пор, пока не станут известны результаты его переговоров с комиссарами. Делакруа остался в ставке, а Дантон отправился в Париж, чтобы информировать Комитет. Его возвращение имело загадочный характер. Казалось бы, он должен был вернуться возможно скорее, чтобы отдать отчет о поражении при Неервиндене и восстании Дюмурье. А между тем он появился в Комитете только 26 марта вечером, хотя на переезд из Брюсселя, из которого он выехал ранним утром 21 марта, достаточно было двух дней. В течение пяти долгих дней он где-то пропал, его нельзя было найти. И Дюмурье воспользовался этой отсрочкой, чтобы сбросить маску и превратить восстание в измену. 23 марта он вступил в переговоры с герцогом Кобургским, при посредничестве своего адъютанта Монжуа. Он сообщил ему свой проект разогнать Конвент силой и восстановить монархию. Он обещал эвакуировать Бельгию и

сдать неприятелю три крепости: Антверпен, Бреду и Гертруденберг, что и было немедленно исполнено. 26 марта Дюмурье встретился в Торнау с тремя очень подозрительными якобинцами — Дюбюиссоном, Перейрой и Проян, секретными агентами Лебрена, которые сыграли большую роль в парижских волнениях 9 и 10 марта и, что весьма вероятно, имели совещание с Дантоном перед своим отъездом к Дюмурье. По словам последнего, они предлагали ему войти в контакт с якобинцами для уничтожения Конвента. А по их словам, это предложение исходило от самого Дюмурье, и они его отклонили. Кроме того обсуждался вопрос об освобождении королевы.

И вот, в то время как Дюмурье совещался в Торнау с этими подозрительными эmissарами, Дантон упорно продолжал защищать его в Комитете общественной обороны против Робеспьера, требовавшего немедленного отозвания Дюмурье из армии. Только 29 марта вечером Комитет решился, наконец, принять энергичные меры. Он послал в армию четырех новых комиссаров — Камюса, Кинетта, Ламарка и Банкаля с военным министром Бернонвиллем, чтобы отрешить Дюмурье от должности и арестовать его. Но арестованы были министр и комиссары. 1 апреля Дюмурье выдал их неприятелю. Они оставались два года в плену.

Дюмурье пыгался увлечь свою армию на Париж с целью восстановления монархии. Но не все комиссары Конвента были арестованы. Оставшиеся в Льеже объявили его вне закона и запретили своим офицерам повиноваться ему. Венер, командовавший лагерем в Мольде, послал своего адъютанта Лазаря Гоша в Париж, чтобы уведомить Конвент о действиях Дюмурье. Даву, командовавший 3-м батальоном волонтеров из департамента Ионны, 4 апреля приказал своим солдатам стрелять в Дюмурье. Чтобы укрыться от пуль, Дюмурье пришлось бежать к австрийцам, и когда он вернулся 5 апреля в мольдский лагерь в сопровождении имперских драгун, армия, возмущенная его низкой изменой, отправилась по собственному почину походом на Валансьен. Дюмурье снова бежал к австрийцам с Эгалите-сыном, Валансом и с тысячью солдат.

Комитеты подозревали, что Дюмурье имел сообщников в самом Париже и даже в Конвенте. В ночь с 31 марта на 1 апреля Комитет общественной обороны и общественной безопасности приказал арестовать Филиппа Эгалите и его друга маркиза де Силлери, бывшего также депу-

татом, и пригласил Дантона дать разъяснения по поводу положения в Бельгии. Это приглашение носило характер приказа о явке, так как подобные же письма были отправлены Филиппу-Эгалите и де Силлери. Ходили слухи, что Дантон был тоже арестован. В тот же вечер Марат упрекал его у якобинцев в «непредусмотрительности». 1 апреля в Конвенте Ласурс обвинил Дантона в сообщничестве с Дюмурье, имевшем целью восстановление монархии. Биротто заявил, что Фабр д'Эглантин предложил Комитету общественной безопасности восстановить королевскую власть. Ни Ласурс, ни Биротто не знали о тайных сношениях Дантона с эмигрантом Теодором Ламетом, описавшим эти сношения в своих мемуарах. Дантон держал себя очень смело. Из обвиняемого он превратился в обвинителя. Настоящие друзья Дюмурье, заявил он, это — Бриссо, Гаде, Жансонне, имевшие с ним постоянную переписку, а действительные сторонники королевской власти — это те, кто хотел спасти тирана и клеветал на Париж — цитадель революции. Гора покрыла его слова шумными аплодисментами. Марат подсказал ему новые обвинения: «А их интимные ужины?» Дантон подхватил: «Они устраивали секретные ужины с Дюмурье, когда он был в Париже...» — Марат: «Ласурс! Ласурс принимал в них участие». Дантон: «Да, только они и были участниками заговора». Этот маневр увенчался успехом. Комиссия по расследованию, которой добивались жирондисты, так и не была образована. Мало того, Дантон и Делакруа вошли членами в Комитет общественного спасения, учрежденный 5 апреля, взамен Комитета общественной обороны, на совершенно новых началах. Новый комитет состоял всего из девяти членов, обсуждал дела секретным порядком и получил исключительно широкие полномочия.

* Год спустя те же монтаньяры, которые оправдали Дантона за то, что он отомстил за них Жиронде, предъявили ему обвинения, являвшиеся повторением обвинений Биротто и Ласурса. Они тоже уверовали в сообщничество Дантона с Дюмурье и предали его за роялизм суду революционного трибунала.*

Коалиция отомстила за свои прошлогодние поражения. Ее войска снова перенесли войну на территорию Франции. А Франция, перед лицом этой страшной опасности, отдавалась борьбе политических партий. Уже началась вандейская эпопея.

ВАНДЕЯ

лерикальное и роялистское восстание, разразившееся 10 марта 1793 г. в Вандейском и смежных с ним департаментах, было только страшным отголоском и наиболее ярким проявлением возмущения и недовольства широких масс населения во всей Франции. Брожение носило почти общий характер, и всюду оно вызывалось причинами экономического и социального характера. Политические и религиозные соображения привходили потом, как следствие указанных причин. Отмена продовольственной регламентации декретом 8 декабря¹

¹ Декрет 8 декабря 1793 г. воспрещал вывоз зерна и муки за границу и в то же время устанавливал полную свободу циркуляции хлеба внутри страны. Тем самым отменялся важный декрет от 16 сентября 1792 г., в силу которого муниципалитеты получали право реквизировать хлеб у торговцев и принуждать землевладельцев к доставке хлеба в город. (Прим. ред.)

и смерть короля сопровождалась быстрым вздорожанием съестных продуктов и усилением нужды.

В феврале ассигнации упали в среднем на 50%. Все свидетельства сходятся в том, что несоответствия между заработной платой и дороговизной жизни достигли ужасающих размеров.

25 февраля депутат Шамбон заявил, что в Коррезе, Верхней Вьенне и Крезе черный хлеб стоит от 7 до 8 су за ливр, и добавил: «Неимущий класс в этих несчастных департаментах зарабатывает не более 9—10 су в день», — другими словами, весь его заработок уходит на покупку одного ливра черного хлеба. В департаменте Ионны цена на хлеб утроилась, и заработка здесь тоже едва хватало на покупку хлеба. «Лучшим доказательством, — говорит М. Поре, — несоответствия заработной платы с ценами на продукты питания может послужить тот факт, что заработок рабочего, пользовавшегося хозяйскими харчами, уменьшался на две трети. Слесарь, зарабатывавший при своих харчах 3 ливра 10 су, получал при хозяйских харчах не более 1 ливра 10 су. Ничтожный заработок, который он приносил вечером домой, целиком уходил на покупку хлеба для жены и детей».

Города страдали еще более, чем деревни. В Париже голод стал обычным явлением. После процесса короля возобновились волнения. Особенно серьезный характер они приобрели 24, 25 и 26 февраля. Началось с возмущения прачек, которые жаловались, что не в состоянии покупать мыло, так как цена его поднялась с 14 до 22 су за ливр. Разграбили бакалейные лавки; ввели в революционном порядке твердые цены на предметы первой необходимости. Конвент получил ряд угрожающих петиций с требованием принудительного курса ассигнаций, смертной казни для скупщиков, максимума. Жак Ру в самый разгар волнений 25 февраля оправдывал разграбление бакалейных лавок: «Мне кажется, — сказал он Коммуне, — что бакалейные торговцы только вернули народу те излишки, которые собирали с него в течение долгого времени».

В Лионе было еще более тревожно. 26 января 4 тыс. рабочих шелковых фабрик потребовали, чтобы муниципалитет установил тариф на изделия для фабрикантов. Чтобы оказать сопротивление рабочим, поддержанным муниципалитетом, фабриканты и богачи организовались. Мэр-жирондист Нивьер-Шоль подал в отставку. 18 февраля его вторично избрали, и по этому случаю централь-

ный клуб, которым руководил президент трибунала дистрикта Шалье, был разгромлен, статуя Ж. Ж. Руссо разбита, дерево свободы сожжено. Волнение приобрело столь угрожающий характер, что Конвент послал в Лион трех комиссаров, Базира, Ровера и Лежандра, которые тщетно пытались лавировать между двумя борющимися партиями или, вернее, классами. Рабочие, платившие шесть су за ливр хлеба, требовали прогрессивного налога на капитал, таксы на заработную плату и продукты питания и учреждения революционной армии для осуществления таксации.

Не ожидая, чтобы эти требования были превращены в законы, преданные народу местные власти, а за ними и комиссары Конвента решили, под давлением необходимости, действовать за свой страх. Дистрикт Шомона, несмотря на закон 8 декабря, продолжал снабжать рынки провизией путем реквизиций. В Авейроне представители Бо и Шабо обложили богатых буржуа военным налогом, чтобы поддержать нуждающихся. Сент-Андре в Лот ввел в действие старые, отмененные законы о ревизиях и реквизициях зерна.

Все комиссары указывали, что вздорожание жизни является главной причиной волнений и увеличивающегося охлаждения населения к революционному режиму. «Совершенно необходимо облегчить участь бедняков, если вы хотите, чтобы они помогли вам закончить революцию», — писал Сент-Андре Бареру 26 марта. «В исключительных случаях надо считаться только с великим законом общественного спасения». Его письмо чрезвычайно интересно, так как оно подчеркивает не только экономические, но и политические причины всеобщего недовольства. Установить их было не трудно. Ожесточенные споры жирондистов с монтаньярами распространяли тревогу, недоверие, упадок духа. Собственники охотно верили жирондистам, в течение нескольких месяцев убеждавшим их, что монтаньяры добиваются до их поместий.

Из боязни анархии и аграрного закона они сильно поправили. Они уже склонны были оплакивать монархию, которая казалась им теперь лучшей гарантией сохранения порядка. Что же касается городских ремесленников и сельских рабочих, то нужда и бедствия предрасполагали их прислушиваться с одинаковым вниманием и к убеждениям реакции, и к призывам новой революции. Образование первой коалиции, сопровождавшееся поражениями

в Бельгии и на Рейне, возвратило, наконец, роялистской партии энергию и доверие к своим силам. Такова была экономическая и моральная атмосфера, в которой подготавливалось вандейское восстание. Сигналом к нему послужил набор 300 тыс. человек.

Надо заметить, что закон о рекрутском наборе во многих отношениях заслуживал критики: «В случае, если добровольное зачисление,— гласила статья 11-я, составленная Приером из Марны, не даст того количества людей, которое намечено для каждой коммуны, граждане обязаны немедленно пополнить его, определив большинством голосов лучший способ такого пополнения». «Каков бы ни был способ,— гласила статья 13-я, принятый гражданами для укомплектования своего контингента, объектами его могут быть только холостые мужчины или вдовцы, не имеющие детей, в возрасте от восемнадцати до 40 лет». Таким образом, в назначение рекрутов вводилась политика и принуждение. Монтаньяр Шудье предложил даже во время дебатов, чтобы рекрутов назначали по выбору: «Я предложил выборы,— сказал он, так как предполагаю, что граждане будут избирать преимущественно богатых людей, семьи которых обеспечены и могут обойтись без работника. Замечу, кроме того, что богатые сделали еще очень мало для революции и что пора уже им уплатить свой долг. Послужить родине — великая честь, а поскольку последующая статья закона разрешает производить замену рекрутов, возможность не быть избранным в первую очередь явится двойным благодеянием для бедного гражданина, так как, получив премию от богача, он сможет принести большую пользу своей семье и в то же время послужить отечеству». Нарушая принципы декларации прав, Конвент освободил богачей от личного отбывания военной службы, а монтаньяр произнес похвальную речь принципу замены рекрутов.

Но эта привилегия, дарованная богачам, не могла не вызвать возмущения в народе, в котором чувство равенства достигло после 10 августа высокой степени развития. Кроме того, предоставляя назначение рекрутов произволу большинства, Конвент подвергал рекрутский набор влиянию местных страстей. Даже в наиболее патриотичных департаментах раздавались протесты и жалобы, вызванные громкими злоупотреблениями. В департаменте Сарты, который в августе 1792 г. поставил 14 рот вместо назначенных на его долю 6, молодые рекруты

протестовали против освобождения от службы выбранных при наборе поставщиков и женатых мужчин. Многие коммуны требовали, чтобы приобретатели национальных имуществ, извлекившие наибольшую выгоду из революции, были привлечены в первую очередь к отбыванию воинской повинности. Почти во всех департаментах имели место важные злоупотребления. Если большинством обладали аристократы, — к отбыванию службы привлекались республиканцы, и наоборот. Образовались коалиции богачей и бедняков. Нередко случалось, что сторонники неприсягнувших священников, как, например, в департаменте Нижнего Рейна, избирали конституционных священников. И только в очень немногих коммунах набор производился путем жеребьевки, напомилавшим наборы прежней милиции, но не сопровождавшимся прежними злоупотреблениями. В городах и местечках нередко облагали налогом богачей и на полученные таким образом деньги покупали людей для пополнения контингента. Чтобы избавиться от затруднений, связанных с применением закона о наборе, департамент Эро постановлением от 19 апреля 1793 г. учредил специальный комитет из местных властей и поручил ему назначение рекрутов путем прямой и личной реквизиции. Налог на богатых дал возможность вознаградить назначенных таким путем граждан. Этот способ набора не был предусмотрен законом, но он имел то большое преимущество, что отдавал дело набора в руки революционных властей. 13 мая 1793 г., по докладу Барера, он был одобрен Конвентом и поставлен в пример. Многие департаменты — Дуб, Шер, Аллье, Коррез, Верхняя Вьенна — последовали этому примеру. Так же поступил и Париж, когда ему пришлось набрать 12 тыс. волонтеров для борьбы с вандейцами. Каждый из этих волонтеров или, скорее, рекрутов, получил премию в 500 ливров, откуда и произошло название «герой 500 ливров».

На западе сопротивление закону о наборе вылилось в грозное восстание. В день, назначенный для избрания рекрутов, воскресенье 10 марта, и в последующие дни, на всем протяжении от западных берегов до городов Шоле и Брессюир на востоке, одновременно начались крестьянские восстания. Вооруженные цепями, болтами, ружьями, нередко под предводительством своих мэров, крестьяне входили в местечки с криками: «Мира! Мира! Довольно стрельбы!» Национальная гвардия была обезоружена, все конституционные священники и муниципальные вла-

сти преданы смерти, официальные документы сожжены, дома патриотов разгромлены.

В Машекуле, прежней столице области Рес, бывшим сборщиком пошлин Сушю были организованы избиения, продолжавшиеся более месяца и стоившие 545 жертв. Председателю дистрикта Жуберу отрезали кисти рук, а затем убили его вилами и штыками. Несколько патриотов зарыли живыми в землю. В один день, 23 апреля, 50 буржуа, связанные наподобие четок, были расстреляны на соседнем лугу.

Вандейские крестьяне с восторгом убивали революционных буржуа, которых часто встречали на ярмарках, этих господ, которые всегда относились к ним со снисходительным презрением, этих неверующих, посещавших сатанинские клубы, этих еретиков, служивших черные мессы. «Так неистова была народная ярость,— говорит неприягнувший священник Шевалье,— что достаточно было посетить мессу самозванцев, чтобы быть сначала заключенным в тюрьму, а затем зарезанным или расстрелянным, под предлогом, что тюрьмы переполнены, как 2 сентября».

Первыми бандами руководили бывшие солдаты, контрабандисты или контрабандные торговцы солью, бывшие соляные приставы, восставшие против революции вследствие упразднения их должности, слуги дворян. Вождями были сначала люди из народа; в Може — извозчик Кателино, пономарь своего прихода, смотритель за охотою Стоффлэ, бывший солдат; в Марэ бретонском — парикмахер Гастон, прокурор Сушю, хирург Жоли. Дворяне, менее религиозные, чем их арендаторы, появились только со временем, иногда после долгих упрашиваний: жестокий Шаретт, бывший морской лейтенант в Марэ; рыцарский Боншан в Може; д'Эльбе, саксонец, принявший французское подданство в 1757 г., — также в Може; в Бокаже — бывший подполковник Ройран, гвардеец Сапино Бодри д'Ассон, Дю-Ретайль; в Пуату — Лескюр и Ла-Рошжакелен, которые присоединились к восстанию только в конце апреля, после измены Дюмуре.

Неприягнувшие священники немедленно покинули свои тайные убежища, чтобы воспламенить усердие бойцов. Один из них, аббат Бернье, заседал в совете католической и королевской армии. Другой, авантюрист де Фоллевиль, выдавал себя за заштатного епископа Агр-

ского (*in partibus d'Agra*¹) и совершал в этом звании торжественные молебствия.

Быстрые успехи восставших объясняются не только их фанатизмом и воодушевлявшей их жаждой мученичества. Они обитали в малодоступной стране, в лесах, окруженных скалами, удобных для засад, почти лишенных всяких дорог, причем население было разбросано по отдельным хуторам. Буржуа патриоты, проживавшие в редких поселках, представляли собою незначительное меньшинство.

Влияния священников на восставших нельзя отрицать, но оно проявлялось лишь косвенным путем. Едва ли четвертая часть всех священников, функционировавших в момент гражданского переустройства духовенства, принесла присягу. Множество приходов осталось без конституционных священников. Конгрегация миссионеров, основное местопребывание которой находилось в самом сердце Бокажа у св. Лаврентия на Севре, организовала в 1791 и 1792 гг. многочисленные паломничества. В нескольких часовнях объявились чудеса. Восставшие вандейские крестьяне боролись не только против ненавистной военной службы, но и за своего бога и короля. Они носили на своих коротких куртках изображение «сердца Иисусова», сделанное из материи. Жакерия приняла вид крестового похода.

С самого начала крестьяне пошли на приступ, под прикрытием живой стены из своих пленников, которых они толкали перед собой. Искусно скрываясь и хорошо стреляя, они предпочитали действовать враспыльную, заставляя голубых вытягивать свой фронт и окружая их цепью своих стрелков. Командовавшие ими дворяне привыкли к войне. Они умели завладеть стратегическими пунктами и разрушали мосты. Они пытались ввести дисциплину в беспорядочных толпах своих людей, организовали приходские и дистриктные советы, отчетность, резервы; добывали оружие, пушки, экипировку в местечках, захваченных врасплох; пытались создать ядро постоянной армии из республиканских дезертиров и пленных. Но им плохо удавалось координировать свои усилия. Шаретт отвергал всякую дисциплину и не хотел выходить за пределы своего Марэ. Другие вожди соперничали друг с

¹ *In partibus* (*infidelium*) — это название прилагалось к епископу, носившему чисто почетный титул, не дававший права на юрисдикцию. Отсюда ироническое выражение: «министр *in partibus*» — министр без министерства.

другом. Чтобы согласовать свои действия, они возвели в звание генералиссимуса монаха из Анжу, Кателино, который был лишь номинальным вождем. Крестьяне отказывались удаляться от своих приходов и оставлять на произвол судьбы свои поля. Интендантство, к тому же, все время оставалось в зачаточном состоянии. Израсходовав свои продовольственные запасы, крестьянин вынужден был покинуть армию. При таких условиях вождям трудно было организовать последовательные и методические крупные операции. Приходилось ограничиваться незначительными ударами. Только это и спасло республику.

При первом известии о волнениях Конвент вотировал 17 марта грозный декрет о смертной казни всем восставшим, взятым с оружием в руках, и о конфискации их имуществ. Декрет был принят единогласно. Ланжюинэ даже усилил редакцию первого текста, который Марат находил слишком суровым. Но жирондисты делали, вместе с тем, вид, что не придают серьезного значения восстанию. Они уже пытались скрыть тяжесть наших поражений в Бельгии. Бриссо удвоил в своей газете кампанию против анархистов и в номере от 19 марта заявил, что вандейское восстание организовано секретными эмиссарами монтаньяров, которые, в свою очередь, являются агентами Питта. Жиронда усыпляла бдительность революционеров и, казалось, была уже неспособна пожертвовать своими личными счетами общественному интересу.

Защита границ поглощала почти все линейные войска. В первый момент для Вандей можно было уделить только один кавалерийский полк, немного артиллерии и 35-й жандармский легион, сформированный из бывших гвардейцев и победителей Бастилии. Большая часть республиканских сил, не превышавших 15—16 тыс. человек, состояла из национальной гвардии, спешно собранной в соседних департаментах.

К счастью, портовые буржуа оказали блестящее и победоносное сопротивление. В Сабль д'Олони они отразили в два приема 23 и 29 марта яростные штурмы восставших. То же случилось в Порни и Пенбеф. Благодаря этому восставшие не могли войти в сношения с Англией и принцами, которые еще и не подозревали всего значения восстания.

После побед Кателино и д'Эльбе при Шемиле 11 апреля Ла-Рошжакелена при Обруа 13 апреля, армии из Анжу при Короне 19 апреля, после капитуляции республиканского генерала Кэтино в Туаре 5 мая с 4 тыс. ружей и

10 пушками Исполнительный совет решился, наконец, послать на запад регулярные войска. Сначала Северный легион, под командой Вестермана, затем специальные батальоны, сформированные путем отделения 6 человек из каждой роты во всех армиях. Были организованы две армии: одна — со стороны Бреста на севере Луары, под командой Канкло, другая — со стороны Рошель на юге, под командой Бирона.

В первое время можно было опасаться, что мятеж распространится по всей Франции. Роялисты предприняли наступление в связи с набором. В департаменте Иль-и-Виллен всюду организовались к 20 марта многочисленные сборища вооруженных людей, под лозунгом: «Да здравствуют король Людовик XVII, дворяне и священники!» В Морбигане создано еще более критическое положение. Два главных местечка дистрикта — Ла Рош-Бернар и Рошфор — попали в руки восставших, учинивших там страшную резню. К счастью, комиссары Конвента, делегированные декретом 9 марта, были уже на местах, когда разразился мятеж. Севестр и Билло-Варенн проявили такую энергию, что крестьяне были разбиты городскими национальными гвардейцами при Редоне и Рошфоре, и вожди их были взяты в плен. Восстание в бретонской Вандее было, таким образом, подавлено в самом начале. Впоследствии оно возобновилось в форме шуанского восстания.

В департаменте Эндрь-и-Луары Шупилло и Тальен заключили в тюрьму всех мятежных священников и подозрительных лиц и принудили всех родственников эмигрантов явиться в главное местечко дистрикта. В департаменте Вьенны пришлось разогнать силой несколько мятежных сборищ. В Нижнем Рейне, области чрезвычайно фанатичной, имело место серьезное восстание у Мольсгейма, продолжавшееся два дня — 25 и 26 марта. Но самое крупное после Вандеи восстание произошло в департаменте Лозер и смежных с ним департаментах. Те же священники и дворяне, которые в конце 1790 и 1791 гг. организовали лагерь при Жалесе, приоры Клод Аллье и Солье и бывший член Учредительного собрания Мари Шаррье составили к концу мая отряд в 2 тыс. человек и защищались в течение нескольких дней. Один момент Марвежоль и Манд были в их руках, и буржуа патриоты подверглись погрому и избиениям. Но из Пиренейской армии пришло подкрепление. Республиканцы тотчас же отняли города и захватили Шаррье, которого отправили на эшафот.

Вандея и связанные с ней роялистские восстания оказали большое влияние на дальнейшее развитие революции. Испуганные республиканцы в большом числе покидали Жиронду, противившуюся энергичным мерам, и переходили в партию монтаньяров, которая приобретала все большее значение как партия революционного сопротивления. Монтаньяры, в свою очередь, эволюционировали в смысле полевления. До сих пор они высказывались против таксации, которой требовали «бешеные». Сам Марат нападал на Жака Ру по поводу волнений, имевших место в Париже 25 февраля. Теперь монтаньяры поняли всю важность экономического кризиса. Чтобы сохранить свою связь с широкими массами, они провели скрепя сердце большую часть мероприятий, предложенных «бешеными»: сначала принудительный курс ассигнаций — 11 апреля, затем максимум цен на зерно — 4 мая.

Такие чрезвычайные, или «революционные» меры проводились не только в экономической области, но и в области политической, 20 марта были учреждены комитеты надзора, сделавшиеся впоследствии поставщиками революционного трибунала, который уже был основан 10 днями раньше. Полномочия представителей Конвента, командированных на места, были значительно расширены, — они получили власть проконсулов, диктаторов.

Вандея вызвала к жизни террор. Но террор мог быть осуществлен только создавшими его систему монтаньярами. Таким образом, Вандея подготовила падение Жиронды.

ПАДЕНИЕ ЖИРОНДЫ

оращения в Бельгии и на Рейне, измена Дюмурье, вандейское восстание довели борьбу между Жирондой и Горой до высшей степени напряжения. Обе партии беспрестанно обвиняли друг друга в предательстве. Ласурс на трагическом заседании 1 апреля бросил это обвинение в лицо Дантону. Дантон и якобинцы обратили его на своих противников.

5 апреля якобинцы предложили всем связанным с ними обществам подать Конвенту петиции с требованием лишения депутатских полномочий и отозвания тех членов Конвента, которые изменили своему долгу, пытаясь спасти тирана. Идея отозвания «апеллянтов» не была новостью. Уже мятежники 10 марта — Варле, Дэфье, Фурнье, иначе говоря, «бешеные» — формулировали ее несколько

раз. Но в то время монтаньяры отмежевывались от «бешеных». Теперь же, пять дней спустя после обвинения Ласурсом Дантона, якобинцы поддержали эту идею своим авторитетом. Нетрудно догадаться, что Дантон явился посредником между монтаньярами и «бешеными», работая в пользу их сближения. И это сближение в дальнейшем стало еще более прочным. Якобинцы и монтаньяры, добиваясь поддержки «бешеных» против Жиронды, согласились на хлебный максимум.

Якобинский адрес от 5 апреля имел чрезвычайно важные последствия. До этого времени инициатива требований об исключении членов Конвента принадлежала жирондистам; так, они требовали исключения Робеспьера, Марата, герцога Орлеанского, Дантона. Теперь Гора, в свою очередь, перешла в наступление. И она имела за собой поддержку агитаторов, замешанных во все прежние восстания, постоянных вождей голодной толпы.

Если моральное положение Жиронды было сильно поколеблено многочисленными неудачами ее внутренней и внешней политики, то ее парламентское положение было еще очень прочно. Правда, время ее исключительного господства в правительстве миновало. Исполнительный совет, состоявший в первые дни из одних жирондистов, был почти целиком переизбран. Ролан покинул министерство внутренних дел на следующий день после казни короля, а его заместитель Гара был человек осторожный, боявшийся себя скомпрометировать. Гойе, получивший 20 марта портфель министра юстиции, также не отличался храбростью. Преемник Бернонвилля в военном министерстве полковник Бушотт был вторым Пашем и заполнял свои канцелярии «бешеными». Наконец, новый морской министр Дальбарад, назначенный 10 апреля вместо Монжа, был рекомендован Дантоном.

Жиронда могла рассчитывать вполне только на Лебрена и Клавьера, министра иностранных дел и министра финансов: Но Исполнительный совет уже не мог принимать окончательных решений. Он был подчинен Комитету общественного спасения, которому обязан был давать отчет, а Комитет общественного спасения, учрежденный 5 апреля, ускользнул от влияния Жиронды. Из десяти составлявших его вначале членов семь принадлежали к центру, а два — Дантон и Делакура — к Горе; последний был еще совсем новым человеком в якобинской партии.

Итак, в правительстве преобладали представители центра, хвалившиеся своей независимостью и не желав-

шие присоединиться ни к той, ни к другой партии. Их вождями были Барер и Камбон. Они голосовали вместе с монтаньярами всякий раз, когда дело шло о принятии энергичных мер для спасения революции. Но они сохраняли непобедимое недоверие к парижской Коммуне и вдохновлявшему ее Дантону. По всем вопросам, касавшимся личностей или парижской политики, они голосовали вместе с Жирондой. Благодаря этому Жиронда, утратившая свое значение в правительстве, обладала в Собрании большинством голосов. До измены Дюмурье Собрание нередко избирало своим председателем представителя центра. С 1 апреля по 31 мая все председатели были жирондисты: 18 апреля Ласурс, 2 мая Буайе-Фонфред, 16 мая Инар. Якобинский циркуляр от 5 апреля напугал Равнину и возбудил ее недоверие к Горе. Когда Жиронда, пытаясь спасти короля, обратилась с воззванием к департаментам, Равнина осудила ее и голосовала вместе с Горой против обращения к народу. Теперь Гора обращалась к первичным собраниям с требованием об исключении жирондистов из Конвента. Равнина осталась верна себе и обвинила Гору так же, как раньше обвиняла Жиронду. Она поставила себе целью представлять общественные интересы и защищать их от всяких заговоров.

Гора была к тому же ослаблена отъездом 76 комиссаров, командированных для производства набора 300 тыс. человек. Почти все эти комиссары были назначены из ее рядов умышленно, как говорили потом монтаньяры, чтобы лишить возможности выступать с трибуны ее лучших ораторов. И действительно, 14 марта Бриссо писал в своей газете: «В Конvente отсутствие наиболее пылких голов дает возможность обсуждать дела с большим спокойствием и, следовательно, с большею продуктивностью». Но Жиронда ошибалась, радуясь отъезду монтаньярских комиссаров. Она не предвидела, что эти комиссары войдут в сношения с ее сторонниками в департаментах, рассеют их предубеждения против Парижа и постепенно привлекут их в свою партию.

Жиронда могла бы пренебречь якобинским циркуляром от 5 апреля, но ей казалось недостаточным оправдаться от обвинения в сообщничестве с Дюмурье. Она считала, что наступил удобный момент расправиться с монтаньярами. Она видела или хотела видеть в монтаньярах тайных агентов герцога Орлеанского. Арест Филиппа Эгалите, обвиненного в сообщничестве с Дюмурье, как

будто подтверждал ее подозрения.

12 апреля Гаде прочел в Конвенте якобинский циркуляр от 5 апреля и потребовал обвинительного декрета против Марата, подписавшего этот циркуляр в качестве председателя Якобинского клуба. После горячих дебатов Марат был обвинен на следующий день путем поименного голосования 226 голосами против 93 и при 47 воздержавшихся. Триумф на час! Судьи и присяжные революционного трибунала все без исключения были на стороне монтаньяров. Коммуна и многие парижские секции устроили манифестацию в честь «друга народа», и их примеру последовали некоторые провинциальные клубы, как, например, в Боне и Оксерре. Огромная толпа провожала его в трибунал. Допросив для формы, его оправдали 24 апреля, в самых лестных выражениях. Толпа увенчала его цветами и на плечах отнесла к его депутатскому креслу, продефилировав через весь Конвент. Марат стал еще более популярен и более опасен, чем когда-либо. Бессильная месть жирондистов только разожгла в монтаньярах ответное чувство мести.

15 апреля, два дня спустя после обвинения Марата, 35 парижских секций (из 48) в сопровождении муниципалитета, во главе с мэром Пашем, подали Конвенту петицию, направленную против 22 наиболее видных жирондистских вождей: Бриссо, Гаде, Верньо, Жансонне, Гранженева, Бюзо, Барбару, Салля, Биротто, Петиона, Ланжюинэ, Валазе, Лэарди, Луве, Горса, Фоше, Ласурса, Понтекулана и т. д. Петицию прочел молодой Русселен, открытый сторонник Дантона. Ласурс был, следовательно, прав, обвиняя Дантона в составлении списка 22.

В ответ на заявление секций жирондисты потребовали, устами Ласурса и Буайе-Фонфреда, созвать первичные собрания, которые высказались бы относительно всех депутатов без исключения. Но даже Верньо признал эту меру слишком опасной. Она могла бы вызвать гражданскую войну.

Жиронда употребила все усилия, чтобы привлечь на свою сторону большинство населения в самом Париже и снова поднять департаменты против Горы.

Петион в «Письме к парижанам», появившемся в конце апреля, призывал всех сторонников порядка к борьбе: «Ваша собственность находится под угрозой, а вы закрываете глаза на эту опасность. Готовится война между собственниками и теми, кто не имеет собственности, а вы не предпринимаете ничего, чтобы предупредить»

ее. Несколько интриганов, кучка заговорщиков предпринимают вам законы, вовлекают вас в слишком крутые и безрассудные мероприятия, а у вас не хватает мужества оказать им сопротивление; вы боитесь показаться в ваши секции, чтобы бороться с ними. Вы видите, что все состоятельные и мирные люди покидают Париж, вы видите, что Парижу грозит гибель, и остаетесь спокойными.. Парижане, выйдите, наконец, из летаргии и заставьте этих ядовитых насекомых вернуться в свои гнездилища...» Тот же Петион годом раньше в «Письме к Бюзо» убеждал богачей и часть бедняков — две партии третьего сословия — соединиться против общего врага. Теперь для Петиона врагом была уже не аристократия, а анархия.

Его призыв упал на благодатную почву. Богатые буржуа были сильно раздражены материальными жертвами, которые на них возложили в связи с рекрутским набором. Вновь учрежденные революционные комитеты установили за ними строгий надзор и подвергли их целому ряду притеснений. Состоятельные буржуа отправились на собрания секций, попытались завладеть их канцеляриями, устроить в революционные комитеты своих сторонников и освободиться от военных налогов, которые наложили на них санкюлоты. В будничные дни рабочие, занятые своей работой, не имели возможности посещать политические собрания. Богачам удалось завладеть большинством голосов в нескольких секциях (Бютт де Мулэн, Маль, Елисейских полей). В Люксембурге и Елисейских полях «франты» (мюскадены) организовали манифестации против рекрутского набора. Газета Бриссо поздравила их с тем, что они протестовали против «несправедливых постановлений муниципалитета».

Но санкюлоты вернули себе свое влияние, организовав помощь одной секции другой. При этом Коммуна и якобинцы оказали им сильную и искусную поддержку. Коммуна выдала множество ордеров на аресты и старалась оживить славные воспоминания из эпохи 10 августа. В воскресенье, 28 апреля, она устроила под руководством художника Давида торжественные похороны одного из победителей при Тюильрийском дворце, бывшего фабричного инспектора и капитана канониров предместья Сен-Марсо Лозовского. Эти похороны явились поводом для демонстрации монтаньярских сил.

Робеспьер, который никогда не был «беспочвенным мечтателем» и, обладая реалистическим складом мышления, внимательно прислушивался к малейшим движениям

общественного мнения, понял сразу, что Жиронду можно победить только при том условии, что санкюлоты будут прямо заинтересованы в этой победе. В конце апреля он прочел — сначала якобинцам, потом Конвенту — декларацию прав, подчинявшую собственность общественному интересу и теоретически оправдывавшую политику реквизиций, поддерживаемую «бешеными». Он беспрестанно возбуждал рабочие массы против «позолоченных штанов», как он выражался, пытавшихся завладеть секциями. «В ваших секциях есть аристократы, — говорил он 8 мая в Якобинском клубе, — прогоните их. Вам надлежит спасти свободу, провозгласите же права свободы и проявите всю вашу энергию. В вашем распоряжении огромные массы истинных и могучих санкюлотов, они не могут оставить свою работу, заставьте богатых платить за них». И он советовал секциям организовать на средства богачей, следуя примеру департамента Эро, революционную армию для устрашения неблагонадежных. Он требовал в той же речи ареста подозрительных лиц и, чтобы облегчить пролетариату выполнение гражданского долга — вознаграждения неимущим за потерянное на секционных собраниях время. В тот же день, 8 мая, Робеспьер предложил Конвенту задержать подозрительных лиц в качестве заложников и вознаградить бедняков, вступающих в гвардию.

Эта социальная политика, проводимая Робеспьером с замечательной определенностью, была, конечно, классовой политикой. В эпоху Учредительного и Законодательного собраний санкюлоты бескорыстно отдали революционной буржуазии свои силы для борьбы со старым режимом. Время этого идеалистического увлечения прошло. Санкюлоты видели, как богатели собственники путем покупок национальных имуществ и продажи своих продовольственных запасов и разных товаров по чудовищным ценам, и извлекли из этих наблюдений урок. Они не хотели более разыгрывать дурачков и требовали, чтобы революция кормила тех, кто ее осуществил и поддерживал.

Робеспьер был только эхом народного голоса. Социальная политика, план организации поддерживаемого из государственных средств пролетариата, который он развивал 8 мая в Якобинском клубе, был уже сформулирован лионскими демократами, друзьями Шалье. 3 мая они добились от департамента Роны и Луары постановления о формировании революционной армии в 5 тыс. человек, оплачиваемых из расчета по 20 су в день, посред-

ством чрезвычайного налога в 5 млн., возложенного на богачей. Шалье предполагал составить эту армию из безработных рабочих.

Весьма вероятно, что Робеспьер, который лично знал лионского революционера, был тотчас же информирован об этом мероприятии. Но в Париже санкюлоты одержали победу, в Лионе же случилось обратное. Дело в том, что в Лионе департамент был на стороне богачей и проявил чрезвычайную медлительность при создании революционной армии, которая так и осталась на бумаге. Лионские жирондисты соединились с бывшими аристократами. С помощью этого подкрепления они овладели большинством голосов в секциях и революционных комитетах и отменили постановление монтаньярского муниципалитета, который вскоре же разогнали.

В Париже дело приняло иной оборот, так как санкюлотам, поддержанным Коммуной и департаментом, удалось сохранить свое господство в революционных комитетах — органах надзора и репрессий.

Но жирондисты торжествовали не только в Лионе, они захватили в свои руки органы местной власти во многих торговых городах, например в Марселе, Нанте, Бордо.

В Марселе, как и в Лионе, жирондисты соединились с аристократами. Получив преобладание в секциях, они выразили протест против объявленного депутатами Бэйлем и Буасселем отрешения от должности мэра Мурая и прокурора Коммуны Сейтре. Захватив в свои руки городскую думу, они изгнали из Марселя наивных, обманутых их хитрыми маневрами депутатов и учредили для борьбы с монтаньярами революционный трибунал.

В Нанте и Бордо близость Вандеи помешала сближению жирондистов с аристократами. Торговая буржуазия, понимавшая, что в случае победы вандейских крестьян она будет подвергнута погрому и избиениям, осталась верна республике. Но все же она послала в Конвент направленный против анархистов и монтаньяров адрес.

Не подлежит сомнению, что сопротивление или, вернее сказать, наступление жирондистов в департаментах явилось результатом заранее установленного в Париже плана. 4 и 5 июня Верньо написал бордосцам горячие письма, упрекая их в индифферентности и призывая на помощь: «Если меня к этому вынудят, я призыву вас на помощь с трибуны, когда наступит время отомстить за свободу и истребить тиранов. Люди Жиронды! Восстаньте! Поразите ужасом наших Мариев!» Призыв был услы-

шан. Бордосцы немедленно послали в Париж делегацию, которая прочла у решетки Собрания резкую филиппику против анархистов. Барбару отправил своим друзьям в Марсель письма, подобные письмам Верньо.

Сопrotивление жирондистов сильно затрудняло работу депутатов внутри страны. Оно уже принимало форму федерализма, т. е. местного партикуляризма, находящегося в борьбе с центральной властью. Гарро 16 мая сообщал из Аден: «Нередко приходится слышать, даже публично, что если Париж хочет господствовать, то следует отделиться от него и образовать самостоятельные государства. Поэтому-то так трудно достать оружие для рекрутов, отправляющихся на границы. Никто не хочет его отдавать». Классовая борьба преобладала над патриотическими соображениями. Дартигуайт и Ишон жаловались 23 мая из Лектура на недружелюбное отношение департаментских властей в департаменте Жер. Левассер и его товарищи обвиняли 26 мая Мозельский департамент в неблагонадежности и снисходительности к врагам революции. Борьба двух партий парализовала революционную оборону. Надо было положить этому конец.

В начале мая Жиронда составила окончательный план кампании. Она уничтожит парижские власти, вызовет из департаментов вооруженную силу, чтобы сломить возможное сопротивление, а в случае неудачи ретируется в Бурж. Абсурдный план. Уничтожить парижские власти значило рисковать, что при новых выборах в Городскую думу пройдут «бешеные», которые уже жаловались на мягкость и слабость монтаньяров (устаами Леклерка из Лиона, 16 мая, в Якобинском клубе). Завязать борьбу с Коммуной было бы безумием, так как Коммуна располагала единственной организованной силой — национальной гвардией и революционными комитетами секций. Рассчитывать на помощь департаментов не приходилось, так как уже набор 300 тыс. человек вызвал сильное сопротивление, и буржуазия проявляла крайнее отвращение к военной службе. Жирондисты тем не менее попытались осуществить свой план.

17 мая Коммуна приняла отставку Сантерра, объявившего о своем отъезде в Вандею, и назначила его временным заместителем по командованию национальной гвардией Буланже, состоявшего помощником командира в одной из наиболее революционных секций — секции Хлебного Рынка, которой принадлежала инициатива знаменитой, направленной против 22 петиции 15 апреля.

В тот же день Камилл Демулен вызвал шумные аплодисменты в Якобинском клубе чтением своей «Истории бриссотинцев» — кровожадного памфлета, в котором он изображал жирондистов наемными агентами Англии и Пруссии. На следующий день, 18 мая, Гаде обвинил в Конвенте парижские власти, «анархические власти, добывающиеся одновременно и денег и господства». Он предложил немедленно, в течение 24 часов, устранить их и заменить муниципалитет председателями секций. Кроме того, он предложил собрать в Бурже депутатов-заместителей, которые могли бы заменить Конвент в случае какого-либо насилия. Но Барер вмешался от имени Комитета общественного спасения. Он признал предложенные Гаде меры неполитичными. Если Коммуна составляла заговоры против Конвента, надо было произвести соответствующее расследование, и Барер предложил назначить для этой цели комиссию из 12 членов.

Комиссия 12 состояла из одних жирондистов, некоторые из которых фигурировали в списке 22, обвиненных Коммуной в предательстве: Буайе-Фонфред, Рабо Сент-Этьенн, Кервелеган, Ларивьер, Буало и т. д. Она немедленно принялась за расследование. Во время одного собрания делегатов революционных комитетов в мэрии муниципальный чиновник, по имени Марино, предложил умертвить 22 депутата. Паш с негодованием отклонил его предложение. Жирондистская секция Братства донесла об этом инциденте Конвенту. Теперь этот инцидент послужил комиссии 12 предлогом принять энергичные меры. 24 мая она приказала всем революционным комитетам секций представить свои списки — прелюдия к судебному следствию над наиболее пылкими революционерами. В тот же день комиссия провела, по докладу Виже, декрет, отменявший, в скрытой форме неправильное назначение заместителя Санterra. Принять командование должен был старейший из батальонных командиров. Тот же декрет усиливал охрану Конвента и фиксировал время закрытия секционных собраний в 10 часов вечера.

Когда этот декрет был принят без особого сопротивления со стороны монтаньяров, комиссия 12 приказала арестовать Эбера за статью из «Отца Дюшена», в которой он обвинял «государственных людей» в организации разграбления бакалейных лавок и булочных с целью спровоцировать беспорядок, чтобы получить, таким образом, предлог для клеветы на парижан. В тот же вечер к Эберу присоединили Варле, апостола равенства, кото-

рый в течение нескольких месяцев возбуждал народ против Жиронды, и Марино. Два дня спустя был арестован Добсан — председатель секции Сите и судья революционного трибунала, вместе с секретарем той же секции, за то, что они отказались представить комиссии 12 свои списки. Декрет 26 мая устранил революционный комитет секции Единства, запретил комитетам надзора именоваться впредь революционными комитетами, ограничил их функции надзором над иностранцами и уполномочил министра внутренних дел произвести расследование над их действиями.

Эти репрессивные меры разрешили кризис, назревавший в течение всего времени после измены Дюмурье. Коммуна и монтаньярские секции немедленно взяли под свое покровительство Эбера, Варле, Марино и Добсана. 25 мая Коммуна потребовала освобождения своего сотрудника. «Произвольные аресты,— сказала она, являются гражданскими венцами для добрых людей». Инар, председательствовавший в Конвенте, дал петиционерам неловкий и высокопарный ответ: «Выслушайте правду, которую я вам скажу... Если бы Конвент был когда-нибудь унижен, если бы, благодаря одному из беспрестанно возобновляющихся после 10 марта восстаний, о которых магистраты никогда не уведомляли Конвент, дело дошло до того, что было бы произведено покушение на национальное представительство, то — я объявляю вам это от имени всей Франции — Париж был бы немедленно уничтожен, на берегах Сены не осталось бы и следа его существования». Инар возобновил против революционного города угрозы герцога Брауншвейгского.

Как только ответ Инара стал известен, волнение в Париже вдвое усилилось. 26 мая клуб революционных республиканских женщин, в котором председательствовала Клэр Лакомб, устроил уличную манифестацию в честь Эбера. 16 секций потребовали его освобождения. Вечером в Якобинском клубе Робеспьер, который всегда относился с отвращением к идее покушения на неприкосновенность национального представительства, призвал народ к восстанию: «Когда народ притеснен, когда он находит защиту только в самом себе — было бы трусостью отговаривать его от возмущения. Когда все законы нарушены, когда деспотизм достигает своей вершины, когда попораны и совесть и стыд,— тогда народ должен восстать. И этот момент пришел». Якобинцы объявили восстание против подкупленных депутатов.

Вмешательство Робеспьера и монтаньяров имело решающее значение. На следующий день, 27 мая, Гора предприняла серьезный шаг в Конвенте. Марат потребовал упразднения комиссии 12 «как врага свободы, пытающегося спровоцировать народное восстание, которое, действительно, угрожает нам в ближайшем будущем благодаря вашей халатности, имеющей своим следствием небывалое повышение цен на съестные продукты». Секция Сите потребовала освобождения своего председателя Добсана и обвинения комиссии 12. Инар ответил в высокомерных и насмешливых выражениях. Робеспьер хотел ему возразить. Инар лишил его слова. Поднялся страшный шум, продолжавшийся в течение нескольких часов. Многочисленные депутации поддерживали энергию Горы. Гора, оставшаяся только с Равниной, вотировала глубокой ночью, по предложению Делакруа, отмену комиссии 12 и освобождение заключенных в тюрьму патриотов. Эбер, Добсан, Варле с триумфом вернулись в Коммуну и секции.

Жиронда продолжала упорствовать. 28 мая Ланжюинэ протестовал против незаконного, по его словам, декрета, отменявшего комиссию 12. Гаде поддержал его. Комиссия 12 была восстановлена путем поименного голосования 279 голосами против 238. Дантон комментировал это постановление следующими словами: «Доказав нашим врагам, что мы превосходим их осторожностью, мы докажем им теперь, что превосходим их революционным мужеством и силой».

В тот же день секция Сите, где председательствовал Добсан, пригласила другие секции собраться на следующий день в епископстве, чтобы организовать восстание. Собрание в епископстве, под председательством инженера Дюфурни, друга Дантона и основателя клуба Кордельеров, решило назначить тайный повстанческий комитет сначала из 6, потом из 9 членов, постановлениям которого обещало беспрекословно повиноваться. Среди 9 членов комитета были Добсан и Варле.

30 мая департамент примкнул к движению, созвав на 9 часов утра следующего дня общее собрание всех парижских властей в Якобинском клубе. Марат отправился в епископство, и повстанческий комитет решил ударить в набат в первый час следующего дня.

Восстание началось 31 мая и протекало под руководством секретного комитета в епископстве по испытанным методам восстания 10 августа. В 6 часов утра делегаты

33 монтаньярских секций под предводительством Добсона явились в Городскую думу, предъявили свои неограниченные полномочия и распустили Коммуну, члены которой удалились в соседний зал; затем революционные делегаты временно восстановили Коммуну в ее правах. Повстанческий комитет, заседавший теперь в Городской думе, предписал вновь облеченной народным доверием Коммуне принять надлежащие меры, назначив Анрио, командира батальона Ботанического сада, командующим парижской национальной гвардией. Неимущие национальные гвардейцы должны были получить вознаграждение в размере 40 су в день. В полдень был произведен выстрел из сигнальной пушки. Собрание парижских властей, созванное департаментом в Якобинском клубе, решило действовать совместно с Коммуной и повстанческим комитетом, число членов которого было доведено до 21 путем присоединения делегатов собрания Якобинского клуба. Комитет 21 немедленно объявил собственность под охраною граждан.

Жирондисты были охвачены страхом. Некоторые из них не решились ночевать у себя дома в ночь с 30 на 31 мая. Они не присутствовали на заседании Конвента 30 мая, что дало монтаньярам возможность завладеть большинством голосов. Инар был лишен своих полномочий, и председателем Конвента был избран 30 мая монтаньяр Малларме 189 голосами против 111, которые получил Ланжюинэ.

31 мая Конвент собрался под гул набата и барабанный бой. На этот раз жирондистов было больше, чем накануне. Они протестовали против закрытия застав, набата и сигнальной пушки.

Собрание находилось в колебании, когда у решетки появились около пяти часов вечера петиционеры от секций и Коммуны. Они потребовали обвинения 22, министров Лебрена и Клавьера, создания революционной армии, твердой цены на хлеб в 3 су за ливр для всей республики путем налога на богатых, увольнения всех дворян, занимавших высшие должности в армии, создания оружейных мастерских для вооружения санкюлотов, чистки всех административных органов, ареста подозрительных лиц, временного сохранения права голосования за одними лишь санкюлотами, пособий для родственников защитников отечества, вспомоществования старикам и больным.

Это была обширная программа революционной обороны и специальных мер. Новая депутация, состоявшая

из делегатов парижских властей, во главе с Люлье, выразила протест против угроз Инара Парижу. Петиционеры проникли за ограду и сели на стороне Горы. Жиронда протестовала против этого вторжения, и Верньо со своими друзьями вышел из зала, но сейчас же вернулся. Робеспьер взошел на трибуну и поддержал требование Барера об упразднении комиссии 12, но отклонил его предложение предоставить Конвенту право непосредственно распоряжаться вооруженной силой. Верньо предложил Робеспьеру высказаться до конца, и Робеспьер, повернувшись к нему, сказал: «Да, я выскажусь, и выскажусь против вас. После революции 10 августа вы хотели возвести на эшафот тех, кто ее осуществил, вы беспрестанно провоцировали уничтожение Парижа, вы хотели спасти тирана и составляли заговоры с Дюмурье, вы ожесточенно преследовали патриотов, смерти которых требовал Дюмурье... Хорошо же. Мое заключение сводится к обвинительному декрету против всех сообщников Дюмурье и против всех тех, на кого указывают петиторы...» Верньо ничего не ответил на эту жестокую отповедь. Конвент распустил комиссию 12 и утвердил, по предложению Делакура, постановление Коммуны о вознаграждении рабочих, находящихся под ружьем, в размере 2 ливров в день. Монтаньярские секции братались около Тюильрийского дворца с жирондистской секцией Бютт де Мулэн, ложно обвиненной в ношении белой кокарды.

День 31 мая закончился без определенных результатов. Вечером, в Коммуне, Варле обвинил Шометта и Добсана в слабости. Эбер констатировал, что день пропал даром благодаря излишней торопливости секретного комитета. Билло-Варенн выразил якобинцам свое разочарование: «Отечество еще не спасено, надо было принять решительные меры общественного спасения; именно сегодня надо было нанести последние удары заговору. Я не понимаю, как могли патриоты покинуть свой пост, не добившись обвинительного декрета против министров Лебрена и Клавьера». Шабо выразил сожаление о недостатке энергии у Дантона.

1 июня национальная гвардия оставалась под ружьем. Коммуна и повстанческий комитет после посещения Марата подготовили новый адрес, представленный вечером в Конвент Гассенфратцем. Адрес требовал обвинения 27 депутатов. Лежандр поддержал его и потребовал обвинения всех апеллянтов. Камбон и Марат настояли

на передаче петиции в Комитет общественного спасения. Барер посоветовал депутатам, отмеченным в проскрипционном списке, «проявить мужество и подать в отставку». Большинство жирондистов не присутствовало на заседании. Жирондистские вожди собрались у Мейана и тщетно старались выработать план сопротивления.

Пока жирондисты, по своему обыкновению, изобретали уловки, революционный комитет развивал усиленную деятельность. В ночь с 1 на 2 июня он приказал арестовать Ролана и Клавьера. Ролану удалось бежать, и вместо него арестовали его жену. Революционный комитет, с согласия Коммуны, приказал Анрио «окружить Конвент вооруженной силой, чтобы вождей заговора можно было арестовать днем, в случае если Конвент откажется удовлетворить справедливое требование парижских граждан». Были отданы приказы о запрещении жирондистских газет и аресте их редакторов.

2 июня было воскресенье. Подчиняясь приказу Анрио, 80 тыс. вооруженных людей с пушками окружили Тюильрийский дворец. Заседание Конвента началось серией плохих известий. Главный город Вандейского департамента попал в руки восставших. То же случилось с Марвежом в департаменте Лозер, Манд находился под угрозой. В Лионе роялистские и жирондистские секции завладели городской думой после кровопролитного боя, в котором погибли 800 республиканцев. Монтаньярский муниципалитет и Шалье были взяты в плен. Сент-Андре в нескольких словах извлек урок из этих грозных событий: «Надо принять великие революционные меры. В спокойные времена можно подавить мятеж при помощи обычных законов; но когда движение принимает крупные размеры, когда дерзость аристократии достигает своей высшей точки, приходится прибегать к законам военного времени. Эта мера, конечно, ужасна, но она неизбежна; всякие другие меры были бы бесполезны...» Ланжюинэ, никогда не терявший самообладания, обвинил Коммуну, при слабой поддержке правой стороны, в организации восстаний и потребовал ее устранения. Лежандр хотел сбросить его с трибуны. Депутация революционного комитета потребовала в угрожающих выражениях немедленного ареста 22 и 12. Требование было передано в Комитет общественного спасения.

Петиционеры вышли, показывая собранию кулаки и призывая к оружию. Анрио немедленно отдал строгий приказ не выпускать и не впускать ни одного депутата.

Левассер из Сарты оправдывал арест жирондистов, а Барер, безусловно с согласия Дантона, предложил от имени Комитета общественного спасения мировую сделку. 22 и 12 не будут арестованы, но зато они должны добровольно отказаться от своих полномочий. Инар и Фоше тотчас же повиновались. Но Ланжюинэ и Барбару решительно отказались от этого незаконного предложения. «Вы не дождетесь от меня,— сказал Ланжюинэ,— ни отставки, ни отречения». Барбару повторил за ним: «Не ждите от меня прощения об отставке. Я поклялся умереть на своем посту, и я сдержу свою клятву». Марат и Билло-Варенн, в свою очередь, отказались от мировой сделки: «Конвент не в праве требовать отставки своих членов,— сказал Билло,— если они виновны, их надо передать трибуналам».

Дискуссия была прервана жалобами нескольких депутатов на распоряжение Анрио. Барер выразил протест против тирании повстанческого комитета. Делакруа и Дантон поддержали его. Делакруа провел декрет, требовавший удаления вооруженной силы. Дантон провел другой декрет, приказывавший Комитету общественного спасения разыскать виновника распоряжения, отданного национальной гвардии, и строго наказать его за оскорбление величия нации.

Затем, по предложению Барера, весь Конвент поднялся и проследовал в театральном шествии за своим председателем Эро де Сешелем, чтобы прорвать окружавший его железный круг. Эро направился к Анрио, который дал ему иронический ответ и скомандовал: «Каноныры, по местам!» Собрание прошло вокруг дворца, всюду наталкиваясь на штыки. Униженное, оно вернулось в зал и подчинилось. По предложению Кутона оно выдало своих членов, но настояло, чтобы они были подвергнуты домашнему аресту под охраной одного жандарма. Марат вычеркнул из списка Дюссо — «старого пустомелю», Лантена — «бедного разумом», и Дюко — «искренно заблудившегося».

Так закончилась борьба, которая началась с учреждения Законодательного собрания. Жирондисты были сами виноваты в своем поражении. Завязав внешнюю войну, они не сумели добиться победы и мира; обвинив короля и потребовав республики, они не решились низложить монарха и провозгласить республику; они колебались во все решительные моменты: накануне 10 августа, накануне 21 января; своей двусмысленной политикой они вызы-

вали подозрение в эгоистичных тайных намерениях: в стремлении занять министерские посты, в намерении учредить регентство или создать новую династию; в обстановке жестокого экономического кризиса они не сумели предложить ни одного целебного средства и с удивительной узостью и желчью восставали против всех требований класса санкюлотов, права и силу которого они не признавали; со слепым упорством они противились всем чрезвычайным мерам, которых требовало положение, и старались затруднить их осуществление; одним словом, они пренебрегали делом общественного спасения и замкнулись в классовую политику, проводимую в интересах одной лишь буржуазии.

Революция 2 июня была не только политической революцией. Санкюлоты ниспровергли не только партию, но, в известном смысле, целый социальный класс. За поражением дворянства, павшего вместе с престолом, последовало поражение крупной буржуазии.

Уже революция 10 августа была запечатлена явным недоверием к парламентаризму. Но она пощадила Собрание. На этот раз, наученные горьким опытом, санкюлоты сделали шаг вперед. Они не поколебались нарушить неприкосновенность национального представительства, следуя примеру своих противников, обвинивших Марата. Классовая политика, которой отдались, в свою очередь, виновники 2 июня, выходила из рамок прежней законности. Фикция парламентаризма была поколеблена. Надвигалась эпоха диктатуры.

Альбер Матьез

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Перевод с франц. К.И.Цидербаума

Перездано изд-вом «Феникс» (Ростов-на-Дону) в 1995, дополнено вступительной статьей А.Егорова «Альбер Матьез: “пламенный историк пламенной революции”»

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Скан книги разделен по томам.

Ссылки на дополнительные материалы даны нами. Мы не пытались дать исчерпывающий перечень тематических ссылок, поэтому любознательных читателей приглашаем самостоятельно изучить содержимое нашей библиотеки.

Подборка материалов о Матьезе и ссылки на его работы в сети:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/refl.htm#amtz>

Том III. ТЕРРОР

Глава 1. Восстание федералистов

А.Гордон. Федералистский мятеж <http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon6.pdf>
С.Блуменуа. Колло д'Эрбуа и начало федералистского восстания http://vive-liberta.narod.ru/journal/blum_collot.pdf

Глава 2. Первые шаги великого Комитета общественного спасения

М.Булуазо. Комитет Общественного спасения http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_66_CPS.htm
А.Нарочинский. Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 г. http://vive-liberta.narod.ru/journal/naroch_dip_2.pdf
А.Нарочинский. Робеспьеровский Комитет общественного спасения и нейтральные страны с осени 1793 г. до раскола среди якобинцев http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#dipl_csp
А.Нарочинский. Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г. http://vive-liberta.narod.ru/journal/naroch_diplm_jc.pdf

Глава 3. Кризис в августе 1793 года

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг., подборка документов) http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_prod.pdf
Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_enrages.pdf
Г.Форстер. Парижские очерки (семь писем другу, брюмер-фример II года Республики) http://enlightment2005.narod.ru/private/Allem/schub_forst.htm#forst4
А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p83411267.htm>

Глава 4. Эбертисты и начало террора

М.Славин. Эбертисты под ножом гильотины http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hebertistes_mslavin.htm
Д.Ростиславлев. Из истории журналистики периода якобинской диктатуры («Пер Дюшен») http://vive-liberta.narod.ru/journal/rostitsl_heberr.pdf
А.Олар. Культ Разума и Верховного существа во время ВФР <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p71004703.htm>

Глава 5. Гонимо и Ватиньи

Глава 6. Учреждение революционного правительства

Г.Черткова. Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора http://vive-liberta.narod.ru/journal/chert_liberte.pdf
А.Гордон. Иллюзии-реалии якобинизма <http://enlightment2005.narod.ru/arc/gordon.pdf>
Е.Киселева. Политика якобинской диктатуры в области регламентации торговли и промышленности весной-летом 1794 г. <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p62843452.htm>
Проблемы якобинской диктатуры: тогда и теперь (дискуссии 1970 и 1995 гг.) http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_70_jacobdict.htm
http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_95_jacobdict.htm

Глава 7. Революционное правосудие

Р.Авербух. Террористический режим во Франции в 1793-94 гг. http://vive-liberta.narod.ru/journal/aver_terr.pdf

Глава 8. Иностраный заговор

Глава 9. «Снисходительные»
Глава 10. От «умеренных» к «крайним»
Глава 11. Падение партий

ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. (подборка документов) http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_classtrug.pdf
С.М.Осносов. Очерки по истории Якобинского клуба http://vive-liberta.narod.ru/biblio/monos_jclub.pdf

Глава 12. Реорганизация революционного правительства

Глава 13. Флерюс

Глава 14. Термидор

Е.Таланян. Переворот 9 Термидора глазами члена Комитета общественного спасения http://vive-liberta.narod.ru/journal/bb_tal.htm
Ц.Фридлянд. Девятое термидора http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf
А.Матьез. Термидорская реакция <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p76446733.htm>
Д.Бовыкин. Термидор: старые проблемы и новые споры <http://enlightment2005.narod.ru/arc/dbov.pdf>
К.Добролюбовский. Термидор (полный текст монографии) http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book

ВОССТАНИЕ ФЕДЕРАЛИСТОВ

революция 2 июня, так же как и революция 10 августа, была прежде всего патриотической революцией. Парижские санкюлоты, поддержанные санкюлотами других больших городов, устранили Жиронду по тем же соображениям, по которым низвергли королевскую власть: они обвинили ее в том, что она чинила препятствия делу революционной обороны. Но революция 10 августа была кровавой, революция же 2 июня не стоила ни одной человеческой жизни. Виновники 10 августа не поколебались захватить в свои руки всю муниципальную власть. Виновники 2 июня, утвердив свое право на переизбрание городских властей, оставили их при исполнении их обязанностей. Повстанческий комитет посвятил себя организации новых рекрутских наборо-

ров, назначенных департаментскими и коммунальными властями. Восстановленная им легальная Коммуна постаралась ослабить его влияние и сохранить связь с правительством, которое отпустило средства для уплаты жалования национальным гвардейцам, оставшимся под ружьем в течение трех дней. Замечание одного историка, что революция 2 июня была не столько восстанием, сколько государственным переворотом, включает в себе значительную долю истины.

Общее положение носило совсем иной характер, чем в предшествующем году. После 10 августа все правительство было переизбрано, так же как и Коммуна. И если это переизбрание не удовлетворило революционную власть, если с самого же начала обнаружился антагонизм между Законодательным собранием и новой Коммуной, Коммуна, удерживая в своих руках Городскую думу, могла все же оказывать постоянное давление на законную власть. После 2 июня Повстанческий комитет удалился почти без сопротивления. Большая часть его членов удовлетворилась участием в новом органе, созданном по их инициативе — Комитете надзора Парижского департамента, выполнявшем функции политической полиции в Париже и его пригородах под руководством и на жалованьи у Комитета общественного спасения. Вчерашние бунтовщики превратились в полицейских.

Восстание 10 августа достигло непосредственно своей главной цели: король был заключен в Тампль. 2 июня восставшие одержали только частичную и временную победу. Двадцать девять жирондистских вождей, объявленных под домашним арестом, каждый под надзором одного жандарма, свободно разгуливали по городу, принимали гостей и устраивали обеды. Двенадцать из них бежали в первый же день, восемь — в последующие дни. Оставшиеся не считали свое дело проигранным. 5 июня Валазе в высокомерном письме заранее отказался от амнистии, слухи о которой распространились по городу, а на следующий день Верньо в повелительном тоне потребовал суда и угрожал своим обвинителям эшафотом.

Комитет общественного спасения, который в продолжение трех дней восстания прилагал все усилия к мирному разрешению конфликта, был, по-видимому, подавлен тяжестью своей новой ответственности. Уплатив расходы по восстанию и предоставив его вождям синекуры, он пытался уклониться от выполнения их программы и мечтал восстановить 29 арестованных жирондистов в их

депутатских правах. 5 июня он предложил Пашу представить ему в течение дня документы, уличающие задержанных депутатов, — «в противном же случае он будет вынужден объявить Конвенту, что таковых не существует вовсе». Паш, разумеется, притворился глухим. Комитет не понимал, что лучшим средством помешать жирондистам прибегнуть к восстанию было бы призвать их со всюю твердостью к выполнению патриотического долга и не поднимать полемики вокруг последних событий. Он сохранил министерские портфели за Клавьером и Лебреном, хотя они были объявлены под домашним арестом. Клавьер был замещен только 13 июня Детурнелем, а Лебрен — 21 июня Дефоржем. Вместе с тем, как бы желая заслужить доверие умеренных, Комитет «принял отставку» военного министра Бушотта, сторонника монтаньяров, и заместил его, несмотря на сопротивление Робеспьера, дворянином Богарне, который, впрочем, был настолько умен, что отказался. Все эти назначения носили на себе следы работы Дантона. Другой протее Дантона министр внутренних дел Гара сообщает нам, что Дантон защищал в Комитете идею переговоров с побежденными во избежание гражданской войны, причем эти переговоры предусматривали амнистию.

6 июня в большом докладе Конвенту Барер предложил отменить революционные комитеты, учрежденные для надзора за подозрительными лицами и проведения в жизнь закона о рекрутском наборе, «эти орудия анархии и мести», немедленно переизбрать Главный штаб парижской гвардии, отрешить от должности ее начальника Анрио, восстановить свободу прессы и отослать задержанных в качестве заложников депутатов Конвента в их департаменты. «Дантон первый предложил эту меру», — сказал он, и, действительно, Дантон на следующий день поддержал его предложение, причем открыто восхвалял бордоских граждан. Эта слишком искусная политика могла только поощрить жирондистов к сопротивлению и вызвала в самом Париже сильное волнение, успокоить которое было очень трудно. 6 июня 75 правых депутатов подписали протест против покушения на неприкосновенность Конвента. Некоторые из них тотчас же покинули Париж, чтобы помочь бежавшим жирондистам поднять департаменты. 15 июня Собрание постановило произвести поименную переключку депутатов, угрожая отсутствующим вызовом их заместителей. Участники парижского восстания говорили, что их обманывают. 4 июня

Дантон подвергся резким нападкам в Кордельерском клубе, 7-го — в Якобинском. Робеспьер был убежден, что переговоры с жирондистами являются только бесполезной потерей времени. Так как гражданская война неизбежна, думал он, надо вести ее с максимумом шансов на успех, заинтересовав санкюлотов в исходе борьбы.

Во время восстания он занес в свою записную книжку следующие знаменательные слова «Нужна единая воля. Она должна быть или республиканской или роялистской. Для того чтобы она была республиканской, нужны республиканские министры, республиканская печать (т. е. газеты), республиканские депутаты, республиканское правительство. Внутренние опасности исходят от буржуазии: чтобы победить буржуазию, нужно объединить народ. Все это было подготовлено к тому, чтобы отдать народ в рабство буржуазии и погубить защитников республики на эшафоте. Они торжествовали в Марселе, Бордо, Лионе. Они восторжествовали бы и в Париже, если бы не было восстания. Надо, чтобы это восстание продолжалось до тех пор, пока не будут приняты меры, необходимые для спасения республики. Надо, чтобы народ присоединился к Конвенту, и чтобы Конвент воспользовался помощью народа. Надо, чтобы восстание распространялось все далее и далее, причем санкюлоты получали бы вознаграждение и оставались бы в городах. Надо снабдить их оружием, просветить, возбудить их гнев, воспламенить республиканский энтузиазм всеми возможными средствами».

Робеспьер пытался осуществить эту программу действий, внушая ее по частям Комитету общественного спасения и Конвенту.

8 июня он с силой оспаривал меры, предложенные накануне Барером и поддержанные Дантоном. Он доказывал, что контрреволюция уже добилась преобладания в Марселе, Лионе и Бордо, и что она предшествовала парижским событиям. Отрешить от должности Анрио, переменить состав его главного штаба — значило бы отречься от восстания 2 июня и рисковать вызвать новое. Отменить революционные комитеты — значило бы действовать в интересах аристократии и обезоружить республиканцев. Речь Робеспьера была встречена ропотом, но в конце концов вызвала аплодисменты. Сент-Андре открыто поддержал его: «Надо знать, что под предлогом свободы можно убить самую свободу». Лежен упрекал Комитет общественного спасения в слабости и ослеплении. Барер и Дантон уступили и сами потребовали отсрочить выполнение предложенных ими мер. «Исправляя результаты 2 июня, — сказал Мишле, — Конвент поставил бы себя в унижительное положение. Это значило бы поддаться страху и насилию и аннулировать все то, что было сделано в этот день».

Когда факты оправдали опасения Робеспьера, когда

13 июня пришло известие о восстании нормандских департаментов, и пришлось подумать о его подавлении, Дантон произнес похвальное слово Парижу и провел декрет, в котором Париж был провозглашен спасителем республики. С этого дня правая сторона была приведена к молчанию, но медлительность и нерешительность Комитета общественного спасения способствовали развитию жирондистского восстания.

Это восстание было задумано и разработано еще до 31 мая. 24 мая Юрский департамент пригласил депутатов-заместителей съехаться в Бурж и образовать там новое Собрание в замену Конвенту. 27 мая Энский департамент присоединился к этому решению. Еще 15 мая лионский депутат Шассе писал своему другу Дюбо: «Дело идет о сохранении жизни и имущества. Спешите же воодушевить ваших друзей». 25 мая секции Бордо обсуждали на общем собрании проект о наборе войск с тем, чтобы отправить их на Париж и т. п.

Известие о парижском восстании только ускорило и расширило начавшееся движение. Жирондистские вожди распределили между собою роли. «Их бегство,— говорит историк Жиронды Клод Перру,— явилось следствием задуманного и разработанного ими плана, они сами в этом признались».

Бюзо, бежавший в свой Эрский департамент, распространял слухи о том, что готовятся диктатура Марата и новые избиения. Под его влиянием департамент 7 июня решил сформировать корпус в 4 тысячи человек. Кальвадосский департамент последовал его примеру 9 июня. Он арестовал членов Конвента Ромма и Приера (из Марны), уполномоченных организовать защиту берегов против Англии. Под влиянием Дюшателя, Мелана и Кервелегана бретонские департаменты Финистер, Илль-э-Вилен, Кот-дю-Нор, Морбиган, Майен присоединились к Эрскому и Кальвадосскому департаментам в общем собрании, организованном для противодействия притеснением. Кан сделался столицей жирондистского Запада, Феликс Вимпфен, командующий армией Кот-де-Шербур, присоединился к восстанию с двумя кавалерийскими полками. Он получил подкрепление в виде трех превосходных батальонов, набранных в Бретани и состоявших, по словам Вольтье, сражавшегося вместе с ними, «не из оборванных и растрепанных бретонцев, но из молодых людей лучших фамилий Ренна, Лориена и Бреста, одетых по форме в мундиры из тонкого сукна и в совершенстве экипированных».

Бордосцы изгнали 7 июня депутатов Ишона и Дартигойта, постановили 9 июня организовать департаментскую вооруженную силу в 1.200 человек, созвали на 16 июля в Бурже собрание представителей всех восставших департаментов, завладели 350 тыс. пиастров, назначенными для колоний и флота, 27 июня снова изгнали депутатов Матье и Трейлара, присланных Комитетом общественного спасения с мирными предложениями, и, наконец, 30 июня отправили написанное Гранженевом письмо Кюстину, командующему нашей главной армией, приглашая его присоединиться к правому делу. Но Кюстин ответил Гранженеву патриотическим выговором.

Восстание охватило весь юг. Тулуза освободила заключенных в тюрьмы роялистов и посадила на их место последователей Марата. Она оставила отряд войска в 1000 человек. В Ниме, который посетил Рабо Сент-Этьенн, клуб был закрыт, последователи Марата разоружены и заключены в тюрьмы. Марсель, возмущившийся еще до 31 мая, задержал 6 тыс. человек, предназначавшихся для итальянской армии, и вступил в сношения с южными городами.

Тулон 12 июля восстал против депутатов Пьера Бэйля и Бове и заключил их в крепость Ламальг, предварительно заставив их принести торжественное покаяние со свечами в руках. Адмиралы Трогоф и Шоссгро присоединились к восстанию. В середине мая Корсика под влиянием Паоли избрала чрезвычайный Совет, и французы удержались только в Бастии и в нескольких портах.

Южное восстание было тесно связано с лионским восстанием, которое имело разветвление на востоке и в центре. Не отвечая на мирные предложения, привезенные из Парижа Робером Линде, лионские жирондисты заключали в тюрьмы всех, кого подозревали в симпатиях к Горе. Чтобы внушить страх якобинцам-рабочим, населявшим некоторые кварталы, они приговорили к смерти их вождя Шалье, который был казнен 16 июля. Командование лионскими войсками было вскоре поручено эмигранту графу де Преси.

К середине июня около 60 департаментов более или менее открыто примкнули к восстанию. К счастью, пограничные департаменты остались верны Конвенту. Восстание распространилось более в ширину, чем в глубину. Оно было, в сущности, созданием департаментской и дистриктской администрации, состоявшей из крупных собственников. Коммуны, стоявшие по своему составу

ближе к народу, в большинстве случаев проявляли полное равнодушие или даже враждебность. Рекрутские наборы, назначенные восставшими властями, наталкивались на непреодолимые затруднения. Рабочие и ремесленники не хотели жертвовать собой для богачей, которые не сделали ничего для облегчения их участи. Несмотря на многократные воззвания депутатов Шамбона и Лидона, бордосцы собрали только 400 человек. Когда Вимпфен, делая смотр 7 июля национальной гвардии Кана, вызвал добровольцев, из рядов вышли только 17 человек.

Но восстание федералистов имело против себя не только безразличное или враждебное отношение простого народа: сами вожди его, несмотря на свои громкие фразы, не верили в свое дело и с самого начала разъединились.

Те из них, которые были искренними республиканцами, опасались вторжения внешних врагов и Вандеи, и эти опасения парализовали их. Те, которые отличались честолюбием, порвав свою связь с народом, искали поддержки у фейянов и даже у аристократов. В Кане Феликс Вимпфен, несомненный роялист, который уже завязал сношения с неприятелем в сентября 1792 г. во время осады Тионвилля, предложил жирондистским депутатам призвать на помощь англичан. Депутаты отклонили его предложение, но сохранили командование за ним. Начальником его главного штаба был граф де Пюизе, бежавший после крушения восстания к вандейцам вместе с уполномоченным генеральным старшиной Кальвадосского департамента Бугон-Лонгре, другом Шарлотты Корде.

Преси послал из Лиона в Швейцарию кавалера д'Арте просить помощи у бернцев и сардинцев. Жозеф де Местр, руководивший в Женеве шпионской организацией сардинского короля, обещал 4 августа диверсию на Альпы, и эта диверсия была выполнена. Но лионские роялисты скрывали свои истинные намерения и не решались провозгласить Людовика XVII, как это сделали тулонцы.

Сколько непредусмотрительности проявил Конвент в первые дни восстания, столько же энергии и искусства выказал он при организации подавления восстания. Мятежные вожди Жиронды были объявлены под судом, администраторы восставших департаментов отрешены от должностей, главный город департамента Эр перенесен

из Эвре в Бернай; чтобы разделить интересы Авиньона и Марселя, был образован новый Воклюзский департамент; из департамента Роны-и-Луары был выделен департамент Луары, чтобы противопоставить Лиону Сент-Этьенн.

Конвент тщательно отделял вождей от сбитых с толку их сторонников. 26 июня, по инициативе Робера Линде, восставшим властям был предоставлен трехдневный срок, чтобы отказаться от восстания. Отрешенные 14 июня от должностей администраторы Соммы представили свои объяснения. Комитет общественного спасения отослал их 17 июня обратно, не причинив им никакого вреда. Сен-Жюст, которому был поручен доклад по делу «объявленных под арестом» депутатов, проявил чрезвычайную умеренность. «Все задержанные,— заявил он 8 июля,— не виновны, огромное большинство их только заблуждалось». Он различал между ними три категории предателей; в числе девяти человек (Биротто, Бергоен, Барбару, Бюзо, Горса, Ланжюинэ, Луве, Петион и Салль), их сообщников, в числе пяти человек (Гардъен, Жансонне, Гаде, Молльво и Верньо) и просто заблуждавшихся, в числе четырнадцати человек, которых он предлагал вернуть в Конвент. Эта умеренность помогла Конвенту склонить общественное мнение на свою сторону.

Гора в свою очередь поняла, что необходимо объединить широкие массы населения, дав им существенное удовлетворение по проекту Робеспьера. Она провела с этой целью три важных закона: 1) закон 3 июня о способе продажи имущества эмигрантов. Эти имущества должны быть разделены на маленькие части, причем бедным приобретателям предоставляется рассрочка платежа на десять лет; 2) закон 10 июня, регулирующий раздел общинных имуществ. Раздел должен быть произведен по принципу равенства на каждую душу населения. Эта мера дала свыше 8 миллионов десятин, стоимостью до 600 миллионов; 3) закон 17 июля, закончивший полное разрушение феодального режима, отменил без выкупа все права и подати, основанные на первоначальных правах. Последние феодальные грамоты были уничтожены, чтобы лишенные владений собственники не могли в один прекрасный день возобновить свои притязания. Таким образом, падение Жиронды обозначало для крестьян окончательное освобождение земли.

Декрет 8 июня увеличил оклады служащих, а чтобы успокоить волнение средних классов по поводу принуди-

тельного займа в один миллиард, был издан, по предложению Робеспьера, декрет 23 июня, освобождавший от уплаты налога женатых, чистые доходы которых не превышали 10 тыс. ливров, и холостых, доходы которых были ниже 6 тыс. ливров. Прекрасное средство для разделения и уничтожения жирондистской партии, состоявшей по преимуществу из зажиточных людей.

Это наступление морального характера было завершено и увенчано спешным голосованием весьма либеральной конституции, которая явилась красноречивым ответом на сформулированные жирондистами обвинения в диктатуре. Между тем как конституция, подготовленная Кондорсе, усиливала значение Исполнительного совета, предоставляя его избрание народу и делая его независимым от Собрания, монтаньярская конституция, составленная Эро де Сешеллем, подтверждала зависимость министров от национального представительства. Она отменила двухстепенные выборы, которые Кондорсе сохранил для избрания депутатов, и постановила избирать их не путем баллотировки целого списка, что являлось крайне сложной процедурой, но абсолютным большинством при прямой и всеобщей подаче голосов.

Одни лишь административные органы подлежали избранию в избирательных коллегиях, представлявших Собранию список 83 кандидатов, из которых Собрание должно было выбрать 24 министров. Кроме того, монтаньярская конституция обещала всеобщее образование, гарантировала право на жизнь и ставила объявление войны в зависимость от предварительного решения всей страны. Представленная на ратификацию народа, она была принята 1 801 918 голосами против 17 610. Но около 100 тыс. голосовавших приняли ее только с федералистскими оговорками, требуя освобождения 22 и 12, т. е. депутатов, подвергнутых аресту, отмены законов, вотированных после их задержания, созыва нового Собрания, вызова депутатов, находившихся в командировках, отмены хлебного максимума и т. д. Плебисцит вызвал повсюду расстройство в рядах жирондистской партии. Но окончательное поражение Жиронда потерпела лишь при втором Комитете общественного спасения, назначенном 10 июля. Нормандские повстанцы, совершая поход на Париж под командой Пюизе, натолкнулись на отряд парижских волонтеров, которые рассеяли их при Брекуре у Вернона несколькими пушечными выстрелами. Робер Линде, отправленный в Кан, быстро умиротворил всю

местность, сведя репрессивные меры к минимуму.

В Бордо сопротивление имело более продолжительный характер. Изабо и Талльен, проникнув в первый раз в город 19 августа, принуждены были бежать в якобинский город Ла-Реоль. Но в Бордо секции санкюлотов, возбужденные депутатами, разогнали 18 сентября жиро-ндистский муниципалитет, после чего начались репрессии.

На юго-востоке повстанцы Марсея и Нима едва не соединились с лионскими мятежниками. Нимские отряды продвинулись до моста св. Духа, марсельцы, под предводительством бывшего офицера Вильнев-Туретта, перешли Дюрансу, овладели Авиньоном и дошли до Оранжа. Но Дромский департамент остался верен Горе. С 24 по 26 июня в Валенсе состоялся конгресс 42 народных обществ департаментов Ардеш, Дром, Гар, устье Роны, и этот конгресс, душой которого был Клод Рейан, организовал сопротивление. Карто подоспел на помощь с отрядом войск из альпийской армии, в которой служил Бонапарт. Он взял обратно мост св. Духа, отделил нимские отряды от марсельских и отодвинул последние к югу. 27 июля он был в Авиньоне. 25 августа вступил в Марсель и успел спасти этот город от англичан, которых призвал на помощь Вильнев-Туретт. Но два дня спустя англичане вошли в Тулон, по приглашению адмиралов Трогофа и Шоссгро, которые отдали им нашу лучшую эскадру. Для возвращения Тулона потребовалась долгая осада, продолжавшаяся до конца декабря.

Лион был изолирован. Департаменты Юры и Эн, которые могли бы подать ему помощь, были быстро усмирены членами Конвента Бассалем и Гарнье (из Сента), собравшими небольшую армию в 2 500 человек в Кот д'Оре и Дубе. Но Лион оказал более сильное сопротивление, чем Бордо. Он не испугался бомбардировки, предпринятой Дюбуа-Крансе 22 августа. Пути сообщения с Форе оставались свободными. Обложение города стало полным только 17 сентября, когда Кутон, Менье и Шатоннеф-Рандон привели национальную гвардию из Канталя, Аверона, Пюи-де-Дома и Верхней Луары. Лион сопротивлялся до 9 октября. Преси удалось бежать в Швейцарию с горстью людей. Мщение должно было быть очень жестоким.

Восстание имело угрожающий характер, преимущественно в тех местностях, в которых осталось много роялистов. Между Горой, которая была идентична с респуб-

ликой, и роялизмом — союзником внешних врагов, не было места третьей партии. Если бы восстание роялистов, явившееся выражением злобы потерпевших поражение политиков и классового эгоизма, достигло успеха, оно несомненно повлекло бы за собой монархическую реставрацию.

Уже вандейское роялистское восстание вынудило Конвент сделать крупный шаг по направлению к террору, т. е. к диктатуре центральной власти и отмене свобод. Жирондистское восстание заставило его сделать новый решительный шаг в том же направлении. До сих пор роялистами были только отдельные подозрительные лица. Теперь же целая значительная фракция бывшей революционной партии записалась в свою очередь в категорию союзников внешнего врага. Подозрения возрастали. Все труднее становилось провести демаркационную линию между добрыми и плохими гражданами. Как различить истинных патриотов, искренних друзей свободы, если все эти Верньо, Бриссо, Бюзо и Петионы, впервые поколебавшие королевский престол и провозгласившие республику, были только предателями. Невольно приходила мысль, что все, играющие какую-нибудь роль в республике, должны постоянно находиться под надзором, под контролем как бы инквизиции. Клубы должны быть очищенными. Так же должны быть очищены и административные органы, и путем такой чистки круг истинных революционеров суживался с каждым днем. Жирондисты опирались на состоятельные классы, поэтому состоятельные классы сразу сделались подозрительными. Богатство стало признаком аристократических тенденций. Революционная партия сделалась вскоре меньшинством, пылким, ревнивым, энергичным. Ведь только меньшинство и имеет нужду в диктатуре и насилии. Но якобинское меньшинство могло прикрыть свои действия исполинской фигурой отечества, которое оно взялось защищать и спасти.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЕЛИКОГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

(Июль 1793 г.)

Первый Комитет общественного спасения, Комитет Камбона — Барера — Дантона, учрежденный 6 апреля 1793 г., после измены Дюмурье, пал 10 июля под тяжестью совершенных им ошибок. Он унизил республику бесплодными секретными переговорами с союзными державами (миссии Проли, Матьюса, Депорта и т. д.). Он не сумел отразить неприятеля на границах и предупредить угрожающее распространение вандейского и федералистского восстаний. Он терпеливо сносил наглые выходки Кюстина, простил ему его поражения в Эльзасе и назначил его, несмотря на противодействие Бушотта, командующим нашей главной северной армией, которую Кюстин оставил в состоянии полного бездействия. Комитет не сумел или не захотел обуздать бес-

совестное грабительство поставщиков, находивших себе защитников даже среди его членов. Он так и не приступил к серьезному изучению финансовой проблемы и проблемы дороговизны жизни. Единственной более или менее действительной мерой, предпринятой по его инициативе для изъятия бумажных денег из обращения, был декрет 7 июня 1793 г., который предоставлял приобретателям национальных имуществ, погашавшим свой долг до срока, премию в $\frac{1}{2}\%$ на каждый аннуитет. Тот же декрет уполномочивал дистриктовых сборщиков пускать в продажу векселя приобретателей. Оплаченные ассигнациями векселя предполагалось заменить облигациями, приносившими доход в 5%; предъявители этих облигаций могли надеяться получить за них со временем настоящие деньги от приобретателей, аннуитеты которых они купили. Система эта была не лишена остроумия, но она увидела свет слишком поздно, когда доверие к бумажным деньгам и государственному кредиту было уже сильно подорвано. Эта мера содействовала возвращению ассигнаций, но в количестве слишком недостаточном, для того, чтобы хоть сколько-нибудь воздействовать на дороговизну, прогрессирувавшую с каждым днем. «Бешеные», выразители народного недовольства, подняли к концу июня сильное волнение по поводу голосования конституции. Жак Ру подал Собранию угрожающую петицию, а на парижских пристанях были разграблены суда, нагруженные мылом. Комитет общественного спасения, по видимому, уже был неспособен поддержать порядок в столице. Темный роялистский заговор, в который в начале июля оказался замешан генерал Артур Диллон, друг и протезе Камилла Демулена, усилил подозрения против Дантона и Делакруа, которые не без основания считались ненадежными.

Новый Комитет, избранный 10 июля путем именованного вызова, состоял всего из девяти членов: Жанбон Сент-Андре, Барер, Гаспарен, Кутон, Эро, Тюрио, Приер из Марны, Сен-Жюст и Робер Линде. Этим людям было поручено спасти государство путем применения энергичных мер, которых тщетно ожидали от их предшественников. Полные благих намерений, они были тем не менее далеки от того, чтобы выработать общую программу действий. Сент-Андре, Кутон, Эро, Приер из Марны и Сен-Жюст образовали левое крыло Комитета. Они были убеждены, что следует сохранять постоянную связь с объединенными в клубах революционерами, удовлетворять

их требования, кормить и помогать парижским санкюлотам, находившимся в нужде, бороться с предательствами, переизбрать главные штабы и административные органы, словом — искать поддержки в массах, чтобы положить конец анархии, восстановить единство управления и принудить всех к повиновению. Они готовились проводить классовую политку, так как увлеченные жирондистами состоятельные классы отрешились от революции и даже перешли к роялизму. Но другие члены Комитета — Тюрио, Робер Линде и Гаспарен испугались смелости этих мероприятий и боялись ухудшить положение, оттолкнув всю буржуазию, благодаря слишком энергичным репрессиям, в ряды оппозиции, и дезорганизовав армию систематическими преследованиями дворянских генералов, без которых республика, по их мнению, не могла обойтись. Что же касается Барера, то этот плодовитый гений эволюционировал, смотря по обстоятельствам, от одной тенденции к другой.

Отсутствие согласия между членами Комитета обнаружилось в первые же дни. 11 июля был принят ряд энергичных мер, предложенных левым крылом Комитета. Сент-Андре предложил отозвать командовавшего в Вандее Бирона. Кутон обвинил депутатов Биротто и Шассе, вдохновлявших лионское восстание. Он предложил арестовать всех депутатов Роны и объявить Биротто вне закона. Конвент вотировал соответствующий декрет. На следующий день Комитет приказал Кюстину немедленно вернуться в Париж, чтобы дать отчет о положении своей армии. Но в этот же день Комитет потерпел неудачу в лице Бушотта. Конвент отказался утвердить назначение Диттмана, предложенного Комитетом на место Бирона. Он назначил, по предложению Камбона, Бейссера, которого вскоре же пришлось устранить за соглашение с федералистами. На том же заседании произошло еще более серьезное событие: Тюрио, отделившись от своих товарищей по Комитету, добился отмены вотированного, по инициативе Шабо, декрета, согласно которому управления департаментов должны были представить в Комитеты полученные ими письма от членов правых партий. «Этот декрет, — сказал Тюрио, — может послужить только предметом раздора, между тем как мы должны объединить все умы». В противоположность Кутону, Тюрио, верный выжидательной политике своего друга Дантона, не хотел увеличивать ответственности, которой подвергались жирондистские депутаты.

Первые шаги великого Комитета не могли дать никакого представления о том, чем он сделался впоследствии. Но роковая необходимость толкала его вперед. «Революционером нельзя родиться, им можно только сделаться», — говорил Лазарь Карно. И в самом деле, диктатура была навязана этим людям. Они ее не желали и не предвидели. Террор был «вынужденной диктатурой», сказал Ипполит Карно, и в этих словах заключается глубокая истина.

13 июля Эро де Сешелль объявил от имени Комитета плохие новости. Конде, лишенный съестных и боевых припасов, был вынужден к сдаче. Та же участь ожидала и Валансьен. К концу заседания было получено известие об убийстве Марата Шарлоттой Корде.

Внучка великого Корнеля была роялисткой в глубине души. Она читала «Друга короля» и «Маленького Готье», но не отличалась ортодоксальностью своих убеждений. Она не посещала церковной службы и отказалась принять священника в последние минуты своей жизни. Жирондистское восстание представлялось ей средством к восстановлению королевской власти. Римлянка по духу, она возмутилась, когда канцы, во время смотра национальной гвардии, отказались записаться в армию Вимпфена, и решила дать этим трусам урок, посвятив себя уничтожению якобинца, которого считали главным врагом собственности и которого жирондисты в течение нескольких месяцев выставляли кровавым анархистом. «Я убила одного человека, — сказала она судьям, — чтобы спасти сто тысяч».

Шарлотта Корде была твердо убеждена, что поразила насмерть анархию, т. е. партию монтаньяров. На самом же деле она только вдохнула в нее новые силы.

В тот же вечер Шабо представил Конвенту убийство «друга народа» как результат роялистского и жирондистского заговора, который должен был разразиться на следующий день, в годовщину 14 июля. Он добился постановления об аресте Делере, которого Шарлотта посетила перед самым убийством. Кутон заявил, что роялисты и жирондисты намеревались разогнать Конвент, освободить молодого дофина и провозгласить его королем. Он потребовал ареста кальвадосских депутатов и предания суду революционного трибунала уже арестованных жирондистских депутатов в оплату за смерть Марата. Но и на этот раз Комитет обнаружил свое разногласие, Тюрио, защищавший накануне скомпрометированных перепиской депутатов, воспротивился аресту кальвадосских депутатов; Делакруа поддержал его. Конвент вотировал арест одного лишь Фоше, но уже вскоре был увлечен по пути дальнейших репрессий.

Марат был очень популярен среди простого народа, к страданиям которого он склонялся с суровой, но искренней нежностью. Его насильственная смерть вызвала глубокое возмущение. Якобинцы, в лице Бантаболя, потребовали почестей Пантеона для этого мученика свободы. Робеспьеру стоило большого труда отклонить это предложение под тем предлогом, что сначала следует отомстить врагам революции. Конвент в полном составе присутствовал на похоронах Марата 16 июля. «Друг народа» был погребен в Тюильрийском саду, в искусственном гроте, декорированном тополями. Его сердце было подвешено к сводам Кордельерского клуба. В течение нескольких недель парижские секции и большая часть провинциальных городов устраивали в его честь похоронные торжества, заканчивавшиеся призывами к мести. Его бюст был присоединен к бюстам Ле Пеллетье и Шалье на стенах клубов и республиканских собраний.

Кровь требует крови. Казнь Шалье и убийство Марата, разыгравшиеся на протяжении трех дней, доставили грозный аргумент тем, кто уже требовал применения террористических мер для обуздания контрреволюции, союзницы внешнего врага. Надо было отомстить за понесенные жертвы, обеспечить жизнь патриотических вождей от покушений аристократов, покончить с нерешительностью и снисходительностью к побежденным врагам.

Народные вожди Леклер, Жак Ру, Варле оспаривали друг у друга наследство Марата, который при жизни обвинял их в контрреволюционных преувеличениях. Жак Ру поспешил выпустить 16 июля продолжение газеты Марата под дерзким заглавием: «Публицист французской республики, издаваемый тенью Марата, друга народа». Молодой Леклер решил не уступать ему, 20 июля он начал издавать газету под названием *первой газеты* Марата «Друг народа».

«Бешеные», не располагавшие до этого времени печатными органами, приобрели теперь сразу два. Леклер преследовал купеческую аристократию. Дороговизна съестных продуктов была, по его мнению, результатом заговора богачей. Он обвинял «общественных грабителей, пользующихся под защитой закона плодами своих грабежей», и удивлялся, что «добрый и терпеливый народ не обрушился на эту кучку убийц» (23 июля). Он требовал смертной казни скупщикам съестных продуктов. Жак Ру вскоре стал подражать его примеру, но, — что еще важнее, — Гебер, чтобы поддержать популярность

своей газеты «Отец Дюшен», которой угрожала опасная конкуренция, стал в свою очередь оспаривать титул наследника «Друга народа», которым завладели его соперники. «Если нужен преемник Марату,— воскликнул он в Якобинском клубе 20 июля,— если нужна еще одна жертва, то она уже готова и безропотно покорится своей участи: эта жертва — я». Не отказываясь от своей личной ненависти к вождям «бешеных», он постепенно присоединился к их программе. В № 267 своей газеты, он потребовал, чтобы все подозрительные лица были заключены по церквам, чтобы республика для обеспечения городов хлебом, завладела урожаем, вознаградив земледельцев, чтобы хлеб, вино и все съестные продукты были разделены между департаментами соразмерно с количеством населения.

Эти зажигательные речи, которые могли вызвать восстание парижских секций, упали на подходящую почву. Голод к концу июля ощущался особенно остро. Восставшие бретонские и нормандские департаменты прекратили снабжение столицы. У дверей булочных, с самого рассвета, образовывались хвосты. На рынках происходили беспорядки. Положение было настолько серьезно, что Комитеты общественного спасения и общественной безопасности соединились в ночь с 20 на 21 июля, чтобы принять чрезвычайные меры.

Комитету общественного спасения угрожала опасность остаться за флагом. Билло-Варенн и Колло д'Эрбуа в спешном порядке провели знаменитый декрет 27 июля для обуздания скупщиков.

Понятие «скупа» определялось как изъятие торговцами из обращения товаров и съестных продуктов первой необходимости с тем, чтобы «не выпускать их в ежедневную, публичную продажу», и как «добровольная, активная или пассивная порча частными лицами товаров и съестных продуктов первой необходимости». Владельцы таких товаров и продуктов должны были в течение 8 дней представить соответствующие декларации в мэрию. Муниципалитеты были уполномочены назначать комиссаров по делам скупщиков, имевших право производить продажи и конфискации. Этим комиссарам вменялось в обязанность проверять декларации и следить, чтобы купцы продавали съестные продукты «небольшими количествами и всем приходящим». В случае отказа они должны были приступить к продаже сами, предоставив прибыль от этой продажи торговцам. Коммерсанты, не представившие декларации или представившие неверные сведения, а также чиновники, уклонившиеся от выполнения закона, подлежали смертной казни. Доносчикам предоставлялась в вознаграждение третья часть конфискованных товаров. Приговоры уголовных трибуналов, касающиеся преступлений, предусмотренных законом 27 июля, не подлежали обжалованию.

С этого времени все продукты первой необходимости находились под контролем властей. Торговой тайны более не существовало. Погреба, амбары, житницы посещались комиссарами по делам скупщиков, которые имели право просматривать фактуры. Таким образом был сделан крупный шаг по направлению к системе «бешеных».

То, что такой важный закон был предложен, рассмотрен и вотирован без содействия Комитета общественного спасения, которому даже не пришлось формулировать свое мнение, показывает с полной очевидностью, что Комитет еще не успел утвердить свою власть над Собранием.

Комитет натолкнулся на глухую парламентскую оппозицию. 19 апреля он отозвал многих нерадивых и вызывавших подозрение депутатов: Куртуа, заподозренного в спекуляции на поставках для армий, Лесажа-Сеноля и Дюгема, у которых возник конфликт с лильским клубом, Гупилло из Фонтенэ, враждебно относившегося к генералам санкюлотам, отправленным в вандейскую армию. На следующий день Рюль, умеренный и друг Данточа, обвинил комиссаров Исполнительного совета, которые, по его словам, затрудняли работу командированных депутатов, обходились республике очень дорого и не приносили ни малейшей пользы. Другой дантонист Бодо поддерживал предложение Рюля, имевшее характер возражения против постановления Комитета общественного спасения об отозвании депутатов. Билло Варенн отстоял комиссаров Бушотта, и предложение было отослано в Комитет. Но Рюль не считал себя удовлетворенным. Он потребовал, чтобы Комитет сообщил Конвенту список своих заграничных агентов с подробными сведениями о каждом из них. Это предложение было вотировано с оговоркой Тайзефера и Камбона, потребовавших чтобы Комитет в течение 24 часов доставил сведения о комиссарах Исполнительного совета.

Узнав, что Кюстин, оставленный после своего возвращения в Париж на свободе, явился объектом сочувственных манифестаций, организованных завсегдаями Палерояльских кабачков, Комитет приказал арестовать его в ночь с 21 на 22 июля; кроме того, в тот же день он отрешил от должности его старшего офицера Ламорлиера, временно командовавшего северной армией. Обе эти меры послужили предметом новых дебатов в Конвенте. Дантон на этот раз выступил лично. Он сделал вид, что аплодирует аресту Кюстина, но добавил: «Я требую, чтобы военный министр и Комитет общественного спасения»

дали отчет в том, что лежит на ответственности этого генерала, и чтобы Конвент высказал по этому поводу свое мнение». Девар хотел, чтобы Комитет сделал доклад на том же заседании, но Друе настоял, чтобы срок фиксирован не был.

Отрешение от должности Ламорлиера и арест Кюстина вызвали в самом Комитете горячий протест Гаспарена, который один из всех девяти членов Комитета был военным и ведал на этом основании управлением армиями. Гаспарен не явился на заседание Комитета 23 июля и на следующий день подал в отставку под предлогом слабости здоровья. Несколько дней спустя, а именно 27 июля Кюстин обратился к Конвенту с требованием сообщить ему причины его ареста, и Тюрио, единомышленник Гаспарена, предложил отправить его письмо уже не в Комитет общественного спасения, но в Военный комитет. Потребовалось вмешательство Робеспьера, чтобы отстоять права Комитета общественного спасения.

Разъединенный, ослабленный отставкой Гаспарена и открытым сопротивлением Тюрио, Комитет общественного спасения пал бы в самом непродолжительном времени, если бы на помощь ему не явилось могущественное подкрепление.

24 июля он подвергся новому нападению. Республиканские войска, оперировавшие против вандейцев, потерпели 18 июля поражение у Виера и были отодвинуты на северный берег Луары. Один из членов прежнего Комитета Бреар, используя эту неудачу, потребовал, чтобы Комитет сделал на следующий день доклад о положении дел в Вандее и о поведении Бушотта и его комиссаров, которые всюду вносили дезорганизацию. Сержан добавил, что Комитет должен также дать отчет в отрешении от должности Бирона и назначении Россиньоля, «человека, по общему мнению, недобросовестного и лишенного всяких способностей». Конвент вотировал оба предложения. Затем было прочтено письмо, полученное от находившихся при северной армии депутатов Дюгема и Лесажа-Сеноля, которые только что отрешили от должности и арестовали республиканского генерала Лавалетта и его адъютанта Дюфресса — главных виновников отставки Ламорлиера. Депутаты, которых Конвент уже отозвал, отомстили этой решительной мерой за Ламорлиера.

Но на этот раз у Комитета нашелся защитник: Робеспьер напомнил, что Лавалетт в момент измены Дюмурье

помешал Мячинскому отдать австрийцам Лилль. Его противник Ламорлиер считался у северных республиканцев изменником. Он не повиновался приказам Бушотта и хотел вывезти из Лилля пушки. Робеспьер потребовал освобождения Лавалетта и Дюфресса и немедленного возвращения в Конвент депутатов, которые подвергли их аресту. Возражений не было, и дело отослали в Комитет.

Борьба продолжалась еще два дня. 25 июля Камбон потребовал, чтобы Барер дал исчерпывающие объяснения по поводу положения в Вандее, ничего не утаивая. Дартигойт предъявил обвинение Бушотту, которого Барер не посмел защищать. Было решено избрать на следующий день заместителя Бушотту. Затем Собрание выбрало своим председателем Дантона и назначило Дартигойта секретарем.

Но Робеспьер еще раз заставил отступить своего противника. Уже накануне он разоблачил в Якобинском клубе интригу, направленную против Лавалетта и Бушотта, и восхвалял Комитет общественного спасения, который не следовало водить на помочах, так как «надо полагать, что он состоит из умных и опытных в политике людей и заслуживает безусловно большого доверия».

На следующий день клубы, действуя несомненно под влиянием Робеспьера, явились к решетке Собрания. Кордельеры потребовали, чтобы Бушотт был оставлен на своем посту, «так как ему одному удалось санкюлотизировать армию. Он только что разрушил ужасный план контрреволюции, составленный вероломным Кюстином. Его честность и патриотизм находятся вне всякого сомнения». Революционеры 10 августа повторили похвалы Бушотту и упрекали Гору в том, что «она хранит ледяное молчание во время сильнейшей бури, которая треплет республику». Робеспьер выступил в свою очередь. Те, кто требовали замены Бушотта, были «обмануты людьми, желавшими видеть в военном министерстве нового Бернонвилля, который поспешил бы найти новых Дюмурье». Робеспьер намекал на Дантона, содействовавшего назначению Бернонвилля на место Паша. Дантон промолчал; все остальные тоже. Конвент без прений отменил свой вчерашний декрет относительно избрания преемника Бушотту. Партия была выиграна. Барер не пытался протестовать, представляя свой доклад о Вандее. Оппозиция улетучилась.

В тот же вечер Комитет общественного спасения при-

гласил Робеспьера принять участие в его работах. Если верить Бареру, инициатива этого приглашения исходила от Кутона. Через несколько дней Робеспьер заявил, что принял это приглашение «против своей воли».

Вступление Робеспьера в Комитет открывает новую эру. Он принес Комитету не только свои редкие личные качества, свое хладнокровие и мужество, острую проницательность, грозное красноречие, замечательные организаторские способности и совершенное бескорыстие, но и многое другое, еще более ценное. Со времени Учредительного собрания Робеспьер пользовался исключительной популярностью и неограниченным доверием среди ремесленников и бедного люда. Он был бесспорным вождем санкюлотов, в особенности после смерти Марата. Он вошел в Комитет не один: за ним было большинство воинствующих, все, кто составлял способное к сопротивлению ядро клубов, все, кто бесповоротно связал свою судьбу с революцией, все, у кого не оставалось иной альтернативы, кроме победы или смерти.

Сохранение министерского портфеля за Бушоттом означало дальнейшую республиканизацию главных штабов. Вступление его покровителя Робеспьера в правительство означало, что во всех частях гражданской и военной администрации санкюлоты получают преобладание, а их противники будут вынуждены к молчанию; что правители республики уже не посмеют хитрить с народом; что они будут прислушиваться к его жалобам, обратят внимание на его нужду, приобщат его к своему усилию спасти отечество.

Такова была одновременно национальная и демократическая политика, которую готовился проводить Робеспьер. В виде пробного камня ему пришлось начать борьбу в самом Париже с представителями крайней левой, смешанными с представителями крайней правой, и дать им генеральное сражение в обстановке усилившегося голода, между тем как со всех границ приходили дурные известия. То, что он не отчаялся и принял власть в такой момент, не ослабевая понес на себе это непосильное бремя и сумел вывести республику из бездны, — должно было покрыть его неувядаемой славой.

КРИЗИС В АВГУСТЕ 1793 г.

обеспьер вступил в Комитет общественного спасения 27 июля 1793 г., в момент исключительно тяжелый для республики. Положение республики казалось отчаянным. На северо-восточных границах ее армии всюду отступали. 28 июля было получено известие о капитуляции Майнца; рейнская и мозельская армии отступили на Лотер и на Саар. Через день пришла весть о капитуляции Валансьена. Если бы лагерь Сезара уступил давлению неприятеля, Уазская дорога, дорога на Париж, была бы открыта сильнейшей неприятельской армии. На Альпах Келлерман, силы которого значительно уменьшились, так как ему пришлось отрядить несколько корпусов против федералистов Роны и юга, с большим трудом защищал Мориенские и Торентезские проходы. На Пире-

неях наступали испанцы. Депутаты Экспер и Прожан доносили 28 июля из Перпиньяна, что жители Вилльфранш-де-Конфлан обратились с призывом к неприятелю. Вандейские мятежники овладели 27 июля Пон де Се и угрожали Анжеру.

Замаскированные роялисты осмелели даже в оставшихся верными республике городах. Все, кто был утомлен войной, жаждали в глубине души победы неприятеля и восстановления монархии, чтобы положить конец затянувшейся войне. Депутаты Дельбре, Летурнер и Левасер писали 26 июля из Камбре, который, в свою очередь, находился под угрозой: «Деревенское население этого края отличается таким корыстолюбием, что неприятель всегда и в значительной степени осведомлен о том, что происходит в наших армиях. Целые селения держат сторону неприятеля». Депутат Бассаль доносил 13 июля из Безансона, что полученные из Майнца новости возбудили смелость роялистов, и выражал опасение, что не сумеет обуздать фанатиков. И действительно, через некоторое время в Дубских горах вспыхнуло клерикальное восстание.

Армии переживали тяжелый моральный кризис. В северной армии солдаты роптали по поводу отставки Кюстина. Дворянские генералы и офицеры, не эмигрировавшие за границу, находясь под постоянным подозрением, были связаны по рукам и ногам. Заменить их было чрезвычайно трудно. Командование переходило из рук в руки. Солдаты не имели доверия к новоиспеченным начальникам, которых еще не знали. Начальники сами сомневались в своих способностях. Находясь под строгим надзором, они боялись проявить инициативу и старались только как-нибудь спрятаться. Лучшие из них были глубоко подавлены. В рейнской армии генерал Богарне и Спарр подали 2 августа в отставку. Они заявили о своей преданности республике, но добавили, что, по их мнению, «в этот период революции, когда измены с каждым днем множатся, а бывшие люди почти всегда являются вождями заговоров, направленных против свободы, истинный долг каждого из тех, кто заклеямен пороком своего происхождения, но в то же время хранит в своем сердце печать свободы и равенства, заключается в том, чтобы самому осудить себя на изгнание».

Беспорядок достигал своего кульминационного пункта в вандейской армии, особенно в парижских батальонах, сформированных из «героев пятисот ливров». Коман-

довавшие ими новоиспеченные начальники думали больше о кутежах, чем о битвах. Депутаты, уполномоченные надзирать за этими начальниками, плохо координировали свои действия. Один из них, как, например, Гупилло из Фонтенэ и Бурдон из департамента Уазы, поддерживали старых офицеров, другие, как Шудье и Ришар, доверяли только новым начальникам-санкюлотам. Все слагали с себя ответственность за неудачи. В результате получился полный хаос.

Положение в целом было несравненно более критическое, чем в предшествующем году, после взятия Вердена, так как городские ремесленники, которые были до сих пор лучшей поддержкой революции, начали проявлять признаки усталости и раздражения. К концу июля повсюду в городах отмечают серьезные смуты на почве голода: в Руане, в котором Энюлавалле и Лекуантр опасались восстания, в Амьене, в котором были установлены произвольные твердые цены на продовольствие, и в который пришлось послать Шабо и Андре Дюмона для восстановления порядка, в Аттиши, в департаменте Эн, и в окрестностях Санлиса, в которых сформировались небольшие отряды, внушавшие сильные опасения Колло д'Эрбуа и Изоре и т. п. Несколько раз в периоды высыхания рек приходилось прибегать к ручным мельницам, чтобы спасти Париж от голодной смерти.

«Бешеные», чувствуя, что пришел их час, разжигали всеобщее недовольство.

29 июля Жак Ру потребовал набора значительных военных сил для разрешения продовольственной проблемы; 6 августа — гильотины для депутатов трех Собраний, получивших золото тиранов; 8 августа — ареста всех банкиров, которые, по самому своему положению, — говорил он, — были слугами короля, скупщиками звонкой монеты и виновниками голода. Они добивались также «реквизиции имущества у всех недостойных граждан, наживших за четыре года революции несметные состояния, этих эгоистов, обогатившихся за счет общественных бедствий, этих депутатов, которые прежде, до своего неожиданного возвеличения в звание законодателей, не имели часто ни гроша в кармане, теперь же являются крупными собственниками, этих депутатов, которые раньше были мясниками в зловонных улицах, а теперь занимают отделанные панелью апартаменты (намек на Лежандра), этих депутатов, которые прежде чем объехать Савойю и Бельгию, обедали в маленьких трактирах, — теперь же имеют открытый стол, посещают спектакли, содержат кокоток и имеют панегиристов на жалованьи» (намек на Дантона, Делакруа, Симона). Жак Ру надеялся, что федерация 10 августа окажется могилой для скупщиков и взяточников.

Теофил Леклерк, со своей стороны, потребовал 27 июля ареста всех подозрительных лиц, «чтобы праздноство 10 августа могло быть отпраздновано с подобающей торжественностью». Тем, кто его обвинял в кровожадности, он ответил 31 июля вызывающими словами: «Меня

называют кровожадным человеком, — сказал он, — потому что я объявил во всеуслышание, что каждый истинный революционер должен в случае надобности хладнокровно принести сто тысяч извергов в жертву революции. Пусть будет так! Французы, узнайте всю глубину моей души. Я вам предсказываю: вас доведут до того, что вам уже не придется выбирать между своей смертью и смертью своих врагов... Я утверждаю, что одно лишь сохранение дворян во главе нашей армии погубило 150 000 наших борцов». Он повторял свои призывы к насилию в следующих номерах газеты и в заключение 6 августа стал обвинять Конвент: «Народ, не приходится ли тебе жаловаться на своих законодателей? Ты потребовал у них введения твердых цен на все съестные продукты первой необходимости, но тебе в этом требовании отказали; ты потребовал ареста всех подозрительных лиц, но и это требование не было удовлетворено; ты требовал увольнения дворян и священников со всех гражданских и военных должностей, но голос твой не был услышан. А между тем отечество может ждать своего спасения лишь от революционного потрясения, которое сообщит электрический толчок всем его многочисленным обитателям».

В предшествующем году, после взятия Вердена, парижские революционеры для устрашения союзников неприятеля произвели массовое избиение заключенных в тюрьмах подозрительных лиц. Теперь распространялись настойчивые слухи о предстоящих новых убийствах. Вывешенные на стенах афиши приветствовали новую резню, и 24 июля *Journal de la Montagne* («Газета Горы») с годоводанием обрушилась на авторов этих афиш.

Параллельно «бешеным» бывшие жирондисты, оставшиеся в Париже, и тайные роялисты тоже пытались использовать голод, чтобы возбудить население сначала против Коммуны, а затем и против Конвента.

Друг Ролана, архитектор Александр-Пьер Кошуа, опираясь на секцию Борлепер, одну из наиболее умеренных секций Парижа, собрал 31 июля в Епископстве делегатов 39 секций из 48, чтобы потребовать реестры сделок, заключенных Коммуной с поставщиками, и открытия муниципальных складов зерна и муки. На следующий день Кошуа, назначенный секретарем, явился с 24 комиссарами Епископства в директорию департамента, Коммуну, произнес угрожающую речь, объявил себя выразителем народной воли и потребовал немедленного отчета. Будучи выведен из Коммуны, он покрыл стены угрожающими афишами и в течение нескольких недель продолжал собирать своих сторонников в Епископстве. Заключенный в тюрьму аббатства жирондистский депутат Карра следил с большим интересом и симпатией за борьбой Кошуа и секций против Коммуны, получая некоторое удовлетворение.

Чтобы понять всю серьезность создавшегося положения, следует помнить, что в этот момент Комитет общественного спасения далеко не мог рассчитывать на обеспеченное большинство в Конвенте, и что его полномочия были ограничены. Он еще не контролировал в то время другие Комитеты Собрания, которые в принципе были ему

равны. Ему принадлежало только право надзора за министрами и осуществления временных мер. Право отдавать приказы об аресте он получил только 28 июля. До тех пор ему приходилось обращаться по поводу каждого обыска в Комитет общественной безопасности, в значительной своей части состоявший из друзей Дантона и поэтому далеко не склонный поощрять его начинания.

Кроме того, Комитет общественного спасения не располагал никакой вооруженной силой, которая находилась бы в его личном распоряжении и могла бы защитить его от внезапного нападения извне. Линейные полки и батальоны волонтеров находились на границах, в Париже оставалась только национальная гвардия, которая была в непосредственном распоряжении Коммуны. Если бы Коммуна, единственная реальная власть того времени, отказалась поддержать правительство, ему пришлось бы капитулировать при самом незначительном мятеже. Но и самой Коммуне приходилось считаться с секциями, многие из которых находились под влиянием скрытых жирондистов, а также и «бешеных». Национальные гвардейцы были ненадежны. Они проявили излишнюю мягкость при подавлении «мыльного» мятежа. Они страдали от голода так же, как и недовольные. Сила Комитета была исключительно моральная, основанная на поддержке общественного мнения, сила весьма эфемерная, когда она распределена между несколькими лицами. Тревожное внимание, с которым Коммуна и Комитет следили за малейшими проявлениями общественных настроений, посредством целой армии «наблюдателей», свидетельствует о том, что их постоянно преследовали опасения внезапного нападения.

К счастью, Комитет приобрел в лице Робеспьера солидную моральную поддержку и неиссякаемый источник красноречия. Робеспьер был живой связью между Коммуной и Конвентом, между Конвентом и клубами, между Парижем и Францией. Потребовался весь его громадный престиж, чтобы ослабить столкновение между различными элементами революционной партии и добиться примирительных решений. В августе 1793 г. Робеспьер проявил исключительную энергию.

Прежде всего он оказал революции значительную услугу, освободив ее от демагогии «бешеных». Но он боролся с ними не из страха перед их социальной политикой. Он резюмировал свою собственную политику следующими словами, записанными в его памятной книж-

ке: продовольствие и народные законы. Но «бешеные» являлись сеятелями подозрений, зачинщиками насилий и анархии. Они вошли в союз с сомнительными элементами, подобными тем, которых вербовал сторонник Ролана Кошуа.

Робеспьер начал эту борьбу 5 августа у якобинцев, в своем ответе Венсану, атаковавшему весь Конвент, в особенности же Дантона и Делакруа. Венсан требовал, чтобы якобинцам было предложено составить списки патриотов для всех вакантных должностей. Сделавшись, таким образом, распорядителями назначений, они стали бы хозяевами правительства. Робеспьер пришел в негодование. Он жаловался, что «новые люди, патриоты сегодняшнего дня, хотят очернить в глазах народа его старых друзей». Он защищал Дантона, которого, по его словам, оклеветали, «Дантона, которого может дискредитировать только тот, кто докажет, что у него больше энергии, талантов и любви к отечеству». Затем, не уделяя внимания Венсану, он обрушился на тех, кого считал его вдохновителями, на Леклерка и Жака Ру, «двух людей, работающих на жалованьи у врагов народа, двух людей, которых разоблачил уже Марат», и которые призывают теперь имя Марата, чтобы успешнее дискредитировать истинных патриотов.

Он возобновил попытку 7 августа, предостерегая якобинцев против слишком крутых мер, способных погубить республику. Он объявил о заговоре, составленном «бешеными» с целью возобновить сентябрьские ужасы. Он горячо восхвалял Паша, Анрио и Коммуну, атакованных Кошуа и вождями секций. Его речь произвела такое впечатление, что якобинцы в тот же день избрали его своим председателем. На следующий день он послал к решетке Конвента вдову Марата Симону Эврар, которая изобличила «всех лицемерных сочинителей пасквилей, бесчестивших имя ее мужа», проповедуя от его имени всякие сумасбродные идеи. «Они стараются увековечить после его смерти убийственную клевету, выставляющую его безумным апостолом беспорядка и анархии». Робеспьер добился того, чтобы петиция Симоны Эврар была помещена в «Бюллетене», а Комитету общественной безопасности было поручено расследовать поведение Жака Ру и Леклерка.

Торжество 10 августа могло быть отпраздновано беспрепятственно и без пролития крови только благодаря Робеспьеру.

В отношении представителей секций, собравшихся в Епископстве, Комитет общественного спасения искусно маневрировал. Он принял их депутацию в ночь с 1 на 2 августа, дал множество обещаний, но вместе с тем дал им понять, что ввиду приближающегося праздника 10 августа было бы лучше отложить ревизию муниципальных складов, которой они требовали, на 12 или 15 августа. Представители секций пошли на эту уловку, и когда 10 августа миновало, Коммуна, уверенная в поддержке Комитета, отказалась открыть склады. Она согласилась только на переизбрание своей администрации по продовольствию. Паш обвинил Кошуа в том, что он требует отчета с тайным намерением открыть истинное положение дел хищным спекулянтам, «которые воспользуются этими сведениями, чтобы поднять цены, и контрреволюционерам, которые используют их, чтобы задержать местное зерно и помешать привозу зерна в Париж». Отвергнутый гравильерами Жак Ру был арестован и содержался под стражей в арестантской Городской думы с 22 по 27 августа. Вместе с тем 25 августа Конвент распустил, по предложению Тальена, собрание представителей секций, заседавшее в Епископстве в течение трех недель. Собрание разошлось без сопротивления.

Такого результата не удалось бы достигнуть, если бы Комитет общественного спасения не принял решительных мер к снабжению Парижа продовольствием. Он выдал в распоряжение Комитета значительные денежные суммы: 540 тыс. франков 24 июля для закупки мяса и риса; 2 миллиона — 7 августа для закупки зерна и муки; 3 миллиона — 14 августа и т. д. Но одних денег оказалось недостаточно. Пришлось преодолеть сопротивление земледельцев. Комитет делегировал в соседние департаменты энергичных членов Конвента, назначивших обследование запасов, как в момент взятия Вердена, заставивших обмолотить хлеб в снопах, мобилизуя для этой цели рабочих и т. д. Бонваль и Ру в департаменте Эры и Луары писали 26 июля Конвенту, что каждый кантон отправит в Париж к 10 августа мешок муки, и этому примеру последовали многие федераты, которые прибыли в Париж в сопровождении нагруженных продовольствием возов. Таким путем столица получила продовольствие, и «бешеные» утратили свой главный аргумент против Коммуны и Конвента.

Уже 9 августа Барер провел знаменитый декрет, организовавший в каждом дистрикте житницу хлебных

излишков, которые должны были составляться из контрибуций натурой, наложенных на владельцев хлеба, и путем кредита в 100 миллионов, открытого Конвентом для закупки зерновых хлебов. Булочники были отданы под строгий надзор коммун, которые имели право реквизировать их хлебные печи. Те из них, которые прекратили бы свою работу, лишались гражданских прав и подлежали наказанию до одного года принудительных работ. Правда, эти житницы хлебных излишков остались только на бумаге. Где можно было найти зерно для их пополнения, когда все население едва перебивалось со дня на день? Но этот декрет, как и многие другие, имел своей целью успокоить боязливых и дать голодным хотя бы луч надежды.

Конституция была торжественно провозглашена 10 августа перед делегатами первичных собраний. Если бы ее немедленно ввели в действие и приступили к новым выборам, не подавив предварительно внутренних мятежей и не победив внешнего врага, какой это был бы прыжок в неизвестность! Комитет не составлял себе иллюзий относительно действительных сил партии монтаньяров. Он знал, что многие выборщики голосовали за конституцию с задней мыслью выпроводить монтаньяров, как только она вступит в силу.

26 июля Дебуа-Крансе и Готье советовали Комитету из Гренобля лишить на десять лет права на избрание «всех тех, кто, находясь в Конвенте или секциях, или занимая должности в административных и судебных учреждениях», принимал участие в восстании федералистов. «Если вы не примете этого решения теперь же, прежде чем разойтись, вы увидите, что все эти вероломные люди, которые затаили сейчас злобу, начнут проводить в первом же законодательном собрании, под предлогом охраны порядка, самые губительные для свободы меры и фабриковать кровожадные и мстительные законы против всех, кто осуществил и защищал революцию». Комитет разделял мнение этих депутатов, но пошел дальше, чем они предлагали. Он решил вообще не устраивать выборов. Быть может, он не хотел декретом о лишении прав на избрание нарушить провозглашенные им в конституции принципы и дать таким путем жирондистам прекрасный предлог обвинить его в двоедушии. Когда Шабо 11 августа формально предложил лишить права на избрание всех тех, кто без уважительных причин отсутствовал на первичных собраниях, и всех, кто не подал голоса за конституцию, это предложение было передано Комитету, и Комитет его провалил.

Лантена, бывший друг Ролана, присоединившийся к Горе, предложил сделать из федерации 10 августа «братский юбилей, торжество общего примирения всех республиканцев», другими словами,— протянуть руку федералистам и даровать им всеобщую амнистию. Эта идея была принята благосклонно, по словам депутата Блад. Но

Гебер и Робеспьер пошли напролом. Гебер заявил, что амнистия, которой требуют «усыпители», могла бы повлечь за собой восстановление королевской власти.

Комитет присоединился к мнению Робеспьера и Кутона, отвергавших всякие мировые сделки, пока не будет уничтожен федерализм. 2 августа Кутон, при поддержке Робеспьера, возбудил обвинение против жирондиста Карра в том, что он предлагал когда-то восстановить королевский престол в пользу герцога Йоркского.

Комитету приходилось опасаться, что сторонники амнистии и введения в действие конституции сумеют привлечь на свою сторону федератов, собравшихся со всех концов Франции к торжеству 10 августа. Он не поколебался принять решительные меры. Он разместил по дорогам секретных агентов, обыскивавших федератов, вскрывавших их письма и задерживавших тех из них, которые казались им подозрительными. Когда депутат Тибо заявил 5 августа протест против таких приемов запугивания, Кутон обвинил его в участии в заговоре федералистов, а Робеспьер заставил его замолчать. Комитет выдал 300 тыс. ливров в распоряжение Анрио для организации тайного надзора над федератами и 50 тыс. ливров в распоряжение Паша, чтобы вознаградить малоимущих членов комитетов надзора по секциям (7 августа).

Эти предосторожности увенчались успехом. Распропагандированные якобинцами, отдавшими в их распоряжение зал своего клуба, очарованные любезным приемом монтаньяров секций и Коммуны, — федераты отказались от своих предубеждений против Парижа. Они не только не создали затруднений Комитету общественного спасения, но в нескольких памятных случаях оказали ему самую существенную поддержку, а по возвращении в свои провинции стали миссионерами монтаньярского евангелия. Они казались такими надежными союзниками, что особым формальным декретом были приобщены к правительственной работе.

6 августа их представитель Клод Руайе, кюре из Шалона-на-Соне, энергично высказался против введения в действие конституции. «Это желание фейянов, умеренных, федералистов, аристократов и контрреволюционеров всякого рода!» Умеренные не осмелились просить амнистии, но рискнули потребовать введения в действие конституции, рассчитывая, несомненно, на поддержку гебертистов. Идея приступить к новым выборам была по душе гебертистам: они надеялись заполучить законода-

тельные мандаты и заместить стоявших во главе правительства людей, которые, по их словам, уже отслужили свое время, и от контроля которых они хотели избавиться. Они, конечно, хотели бы, чтобы федералисты были лишены перед выборами права на избрание.

11 августа Делакруа, чтобы пристыдить, по его словам, тех, кто обвинял Конвент в желании продлить свое существование, предложил приготовить созыв нового Собрания, немедленно приступив к переписи участвующего в выборах населения и к разделению страны на выборные округа. Это неожиданное предложение, сделанное в значительно опустевшем зале собрания, в отсутствие членов Комитета, было принято без прений. Но в тот же вечер в Якобинском клубе Робеспьер подал апелляцию на это неожиданное постановление. При этом он проявил редкую для него горячность: «Призванный против моего желания в Комитет общественного спасения, я увидел там такие вещи, о которых никогда не осмелился бы подозревать. Я увидел, с одной стороны, патриотов, направляющих все свои усилия, порою безрезультатно, к спасению страны, с другой стороны, предателей, составляющих заговоры даже в самом Комитете, с тем большей смелостью, что они могли это делать вполне безнаказанно¹... Я слышал, я читал предложение, сделанное сегодня утром в Конвенте, и, признаюсь, мне до сих пор трудно в него поверить. Я не останусь прозябать бесполезным членом Комитета или Собрания, которое должно вскоре исчезнуть. Я сумсю пожертвовать собою для блага отечества... Я заявляю, что никто не сможет спасти республику, если будет принято сделанное сегодня утром предложение о роспуске Конвента и замене его Законодательным собранием. («Нет! Нет!»— воскликнуло все собрание). Предложение, которое я оспариваю, направлено только к тому, чтобы заместить членов нашего очищенного Конвента агентами Питта и герцога Кобургского».

Негодование Робеспьера можно объяснить только тем, что некоторые его товарищи по Комитету разделяли мнение Делакруа и соглашались на переизбрание Конвента. Но поведение федератов и якобинцев, предлагавших Собранию остаться на своем посту, расстроило маневр умеренных. Декрет, изданный по предложению Делакруа, остался мертвой буквой. Тщетно Госсюэн и Делакруа снова предприняли 12 августа атаку против Бушотта, тщетно требовали они замещения отсутствующих членов Комитета, Приера из Марны и Сент-Андре, находившихся в то время в командировке при армиях,—

¹ Чтобы понять намеки Робеспьера, надо вспомнить, что Конвент поручил накануне Комитету проверить донос, сделанный Монто на Ревбелля и Мерлена из Тионвилля, которых он обвинял в сдаче неприятелю Майнца. Робеспьер и Кутон были убеждены в виновности обоих депутатов. Они обратились в Комитет с требованием, чтобы он сделал соответствующий доклад, но ничего не добились. Тюрио, защищавший Ревбелля и Мерлена с трибуны, протезировал им и в Комитете.

поддержка федератов сломила сопротивление оппозиции. На следующий день полномочия Комитета были продлены.

По требованию федератов, наконец, была проведена великая мера поголовной мобилизации. Идея этой мобилизации была высказана 28 июля Себастьяном Лакруа, агитатором, оперировавшим в секции Единства: «Пусть в час, когда загудел набат во дворце тирана и трон его разбился вдребезги, пусть в этот час снова зазвучит набат, и барабан поднимет тревогу по всей республике. Пусть все друзья отечества вооружатся и сформируют новые батальоны, а те, кому не хватает оружия, доставят припасы. Пусть женщины доставят продовольствие или напекут хлеба, и патриотический гимн послужит сигналом к битве — восемь дней энтузиазма могут сделать больше для отечества, чем восемь лет борьбы!» Идея имела большой успех. Коммуна приняла ее вслед за секциями. 5 августа она потребовала декрета о немедленной мобилизации всех граждан в возрасте от 16 до 25 лет. Два дня спустя федераты пришли в движение, но Робеспьер, осведомленный о жалких результатах произведенного в смежных с Вандеей департаментах беспорядочного набора крестьян, указал им на бесполезность массового набора: «Мы ощущаем недостаток не в людях, а в генералах и их патриотизме». Федераты продолжали упорствовать. 12 августа их представитель Руайе заявил Конвенту: «Следует, наконец, подать великий пример всему миру и грозный урок объединенным тиранам. Обратитесь с призывом к народу, чтобы народ поднялся всей своей массой, только он один может уничтожить столько врагов!» На этот раз Дантон и Робеспьер поддержали предложенную меру. Дантон заметил, что набор солдат должен сопровождаться соответствующей хозяйственной мобилизацией. Он потребовал, чтобы федераты были уполномочены наблюдать в своих округах за инвентарем оружия, провиантом, военными припасами, а также руководить набором людей. Робеспьер предложил, чтобы федераты наметили, кроме того, активных, энергичных и надежных патриотов для замены подозрительных членов административных органов. Так как Комитет общественного спасения не торопился провести соответствующий декрет, федераты 15 августа снова появились у решетки, на этот раз в сопровождении депутатов от 48 секций. Комитет уступил, и 23 августа Конвент

вотирует знаменитый декрет, составленный Барером при содействии Карно: «С этого момента до тех пор, пока враги не будут изгнаны с территории республики, все французы состоят на постоянной военной службе. Молодые люди пойдут на поле сражения, женатые будут ковать оружие и перевозить продовольствие. Женщины будут шить палатки, платье и служить в госпиталях, стариков будут выносить в общественные места, чтобы возбуждать мужество в борцах, проповедовать ненависть к королям и единство республики. Дома, принадлежащие нации, будут превращены в казармы, общественные места — в оружейные мастерские, грунт подвалов будет выщелочен для извлечения селитры» и т. д. Все молодые люди, в возрасте от 18 до 25 лет, неженатые или вдовы и не имеющие детей, составят первый кадр рекрутов. Они должны безотлагательно собраться в главных городах дистриктов и сформировать там батальоны под знаменем со следующими словами: «Французский народ, восстань против тиранов!»

Первый раз в истории нового времени все ресурсы воюющей нации, люди, съестные припасы, товары — находились в распоряжении правительства. Республика, по выражению Барера, была одним большим осажденным городом, обширным лагерем.

События чрезвычайно расширили роль Комитета общественного спасения. Он же не мог более ограничиться функцией надзора, которую ему первоначально присвоили. Теперь он уже управлял государством и даже выполнял административные функции, главенствуя над министрами, которые сделались простыми служащими. И это было настолько очевидно, что он сам почувствовал необходимость увеличить свой состав, обратившись с призывом к техническим силам, которых ему недоставало! После отставки Гаспарена, среди его членов не осталось ни одного военного специалиста. Когда массовый набор прошел в принципе через голосование, он поспешил отозвать из Северной армии находившегося там в командировке капитана инженерных войск Карно, чтобы предложить ему общее руководство военными операциями, и одновременно предложил управление военным производством другому инженеру, другу Карно, Приеру из Кот д'Ор. 14 августа Карно и Приер были назначены членами Комитета.

Дантон хотел было дать юридическую санкцию фактически создавшемуся положению, превратив Комитет

общественного спасения во временное правительство. 1 августа он сделал соответствующее предложение и потребовал, чтобы в распоряжение Комитета было выдано 50 миллионов из секретных фондов. Но Робеспьер заметил, что, уничтожая активность министров, нельзя добиться лучшего управления государством. Скорее, наоборот: таким путем его можно только дезорганизовать. Эро де Сешелль доказал на следующий день, что предложение Дантона было бесполезно и опасно: «Если нас заставят входить в детали управления, увеличив наш состав, нас погубят». Комитет принял 50 миллионов из секретных фондов на том условии, что возьмет на себя их распределение, сами же фонды останутся в казначействе. По-видимому, Комитет, оберегая Дантона, предполагал у него все же какие-то тайные намерения. И разве не друзья Дантона, а отчасти и сам Дантон причинили ему наибольшие затруднения в момент тяжелого кризиса в августе 1793 г.?

Комитету удалось расстроить интриги умеренных только благодаря поддержке Коммуны и якобинцев. Он все более и более сближался с самыми пылкими революционными элементами. Удастся ли ему удержать их в определенных границах? Прежде чем добиться прочного положения, ему придется преодолеть еще много препятствий!

ГЕБЕРТИСТЫ И НАЧАЛО ТЕРРОРА

пираясь на военные комитеты и агентов, которых Бушотт посылал в армию для надзора за генералами, а иногда и за депутатами, сильный своей клиентурой, состоявшей из политических эмигрантов, которых преждевременный мир отдал бы в руки их прежних властелинов,—Гебер был прежде всего за безусловное продолжение войны, за войну до победного конца. Всякую мирную политику он рассматривал как политику восстановления монархии. Клоотс, желавший расширить границы Франции до Рейна, помогал ему всеми силами, и «Батавец» повторял речи «Отца Дюшена».

Эро де Сешелль, руководивший вместе с Барером дипломатической частью Комитета общественного спасения, разделял убеждения своего друга Клоотса. 18 авгу-

ста он послал в Мюльгаузен секретного агента Катюса, чтобы подготовить присоединение к Франции этой маленькой фабричной республики, союзницы 13 кантонов. Особенный интерес он проявлял к Савойе, которую ему после аннексии поручили организовать. Савойя была снова захвачена пьемонтцами. 25 августа Эро предложил послать туда двух депутатов Дюма и Симона, чтобы изгнать врага и укрепить население в верности Франции. Но умеренные члены Конвента, все те, кто аплодировал попыткам Дантона заключить мир с тиранами, отнеслись недоброжелательно к этому предложению. Дюгем, только что вернувшийся из своей командировки на север, оспаривал его, выказывая недоверие к патриотизму савояров. Госсюен поддержал Дюгема. Тщетно напоминал Симон, по происхождению савояр, что его соотечественники составили шесть батальонов волонтеров, которые оказались прекрасными солдатами. Тщетно восклицал Талльен, что Франция обесчестит себя, покинув отдавшихся ей савояров. Собрание осталось непоколебимым. Потребовалось вмешательство Приера из Марны и Барера, чтобы Конвент согласился оказать помощь Монблану.

После этих дебатов гебертисты уже не сомневались, что в Конвенте имеется сильная партия пацифистов, т. е. переодетых роялистов. Они приписывали им медлительность в процессе Кюстина; оправдание Ревбелля и Мерлена из Тионвилля, капитулировавших в Майнце; преследования, которым подвергался в Вандее Россиньоль, отрешенный одно время от должности Бурдоном из департамента Уазы, и Гупилло из Фонтенэ; сплетни, которые распускали некоторые депутаты относительно агентов Бушотта.

Правда, Робеспьер защищал Россиньоля и превозносил услуги, оказанные комиссарами Исполнительного совета, командированными в армии (23 августа), но гебертисты считали себя достаточно сильными, чтобы самим перейти в наступление против своих противников. «Отец Дюшен» уже не ограничивался атакой на Дантона и его друзей «изменников, заседающих в партии Горы», как он их называл. Он хотел теперь восстановить власть министров и сделать их и их агентов независимыми от Собрания, от депутатов в командировке и комитетов. «Монтаньяры, — писал он в № 275, — пока комитеты будут по-прежнему узурпировать все полномочия, у нас не будет никакого правительства, или будет отвратительное правительство. Короли сделали так много зла на

земле только потому, что ничто не противостояло их воле, так же как и воле наших комитетов... Мы никогда не получим свободы, и наша конституция останется пустою мечтою, пока министры будут на посылках у последних метельщиков Конвента». Эбер смело потребовал, чтобы немедленно была введена в действие та часть конституции, которая предписывала избрание министров. У него сохранилось неприятное впечатление от неудачи, которую он потерпел 20 августа, когда Конвент назначил министром внутренних дел Паре, бывшего клерка Дантона. Он еще отомстит за себя, когда народ приступит к избранию министров! Робеспьеру стоило многих усилий помешать якобинцам последовать примеру Гебера и требовать вместе с ним переизбрания Исполнительного совета народным голосованием.

Эбертисты открыли свою кампанию. Они жаловались на сохранение должностей за дворянами, на преследования патриотов в некоторых районах, например, в Нанси (дело Може), на покровительство Комитета общественной безопасности аристократам, на промедления, которые он допускал в суде над жирондистами и Марией-Антуанеттой: они указывали на роялизм, господствовавший в театральных представлениях Парижа, в котором под шумные аплодисменты разыгрывались пьесы, подобные «Памеле», превозносившей дворянство и английское правительство, или «Адель де Саси», изображавшей королеву и ее сына, заключенных путем низких происков в тюрьму, потом освобожденных и восстановленных в своих правах и чести. Комитет запретил обе сомнительные пьесы.

Вследствие засухи, остановившей мельницы, в конце августа снова появился голод.⁵ Страсти разгорались: Эбер обвинял уже не только скупщиков, но весь торговый класс населения в статье, возбудившей зависть его соперников «бешеных».

«У купцов, черт их деря, нет отечества. Пока они думали, что революция будет им полезна, они поддерживали ее; они протягивали руку санкюлотам, чтобы уничтожить дворянство и парламенты, но все это только для того, чтобы самим занять место аристократов. С тех пор как активные граждане более не существуют, с тех пор как несчастный санкюлот пользуется теми же правами, что и богатый вымогатель, все они, будь они прокляты, отвернулись от нас и употребляют всякие меры к уничтожению республики. Они скупили все продовольственные припасы, чтобы продавать их потом на вес золота или вызвать голод...» (№ 279).

Сверх того, из провинций приходили дурные новости. Роялисты и умеренные старались помешать поголовной мобилизации: народные скопища в департаментах Сены и Марны в конце августа; брожение в Ренне; мятеж в дистрикте Сен-Поль (27 августа); бунт в Абевиле с целью освобождения подозрительных (27 августа); заговоры в Руане; возмущение 5-го драгунского полка в Лане (28 августа); скопища непокорных и дезертиров в департаменте Верхней Гаронны и в Арьете (30 августа) и т. д.

Эбертисты уже не ограничивались более нападками на Конвент и правительство. Они подготавливали новое сражение. Пришло время, — думали они, — взять власть в свои руки. *28 августа Эбер предложил якобинцам составить адрес Конвенту с требованием чистки в штабах, отрешения от должностей всех дворян и проведения мер общественного спасения. К петиции должны присоединиться 48 секций и парижские народные общества. Федерат Буа произнес угрожающую речь против Конвента. Его призвали к порядку, но трибуны выразили ему шумное одобрение. Бывший представитель федератов Руайе поддержал петицию, и в принципе она была решена.

На следующий день Билло-Варенн, вернувшийся из Северной армии, донес о беспорядках, последовавших за гибелью Фамарского лагеря. Он жаловался в Конвенте на бездействие правительства и предложил учредить особую комиссию, которая следила бы за исполнением законов и отправляла бы виновных на эшафот. Тщетно Робеспьер пытался парировать удар, нанесенный Билло Комитету общественного спасения: предложенная комиссия неизбежно стала бы соперницей Комитета, она парализовала бы его и сделалась бы источником раздоров и конфликтов. «Есть основание опасаться, что эта комиссия будет заниматься не столько надзором за выполнением законов, сколько личными дрязгами, и сделается, таким образом, настоящим комитетом доносов. Сегодня не в первый раз я замечаю, что существует предательская система, старающаяся парализовать Комитет общественного спасения под видом содействия его работе». Собрание осталось непоколебимым и даже начало роптать. Дантон пришел на помощь Робеспьеру, защищавшему его три дня тому назад у якобинцев. «Уже Комитет общественного спасения оказывает давление на Исполнительный совет. Если вы создадите комиссию, она будет давить на Комитет, и вместо нового средства воздействия вы учредите только новую инквизицию». Но, сказав это,

Дантон, верный своей привычной тактике, предложил мировую сделку: пусть к Комитету будут присоединены три новых члена. Предложение Дантона было передано в Комитет. Последний не торопился представить имена трех новых членов, так как не мог бы исключить из их числа Билло. Он притворился глухим.

Но эбертисты завладели Якобинским клубом, и Дантон, спасая свою популярность, перешел на их сторону. 30 августа он объявил в Якобинском клубе, что Конвент в случае нужды совершит третью революцию вместе с народом, «чтобы закончить, наконец, полное преобразование и добиться таким путем благополучия, которому препятствовали до сих пор предававшие его чудовища». Затем Руайе призвал в свидетели Марата. Почему не слушали его советов? «У нас не принято слушать тех, кто говорит в данный момент. Надо умереть, чтобы быть услышанным. Пусть террор будет поставлен в порядок дня. Это единственное средство предостеречь народ и принудить его спасти самого себя». Руайе поручили составить новую редакцию (четвертую по счету) петиции, инициатива которой принадлежала Эберу.

Робеспьер делал отчаянные усилия, чтобы предотвратить начинающуюся борьбу. Но обстоятельства складывались в пользу эбертистов. 2 сентября комиссар Исполнительного совета Суле, вернувшийся с юга, привез известия, что англичане 26 августа вошли в Тулон. Билло-Варенн тотчас же взошел на трибуну, чтобы изобличить комитет общественного спасения, утаивший эту важную новость. В тот же вечер гебертисты добились согласия якобинцев на «усыновление»¹. Общества революционных республиканок, несмотря на связь председательницы этого Общества Клер Лакомб с Теофилом Леклерком. Кроме того, по инициативе Эбера, было решено, что клуб соберется на следующий день в 9 часов, чтобы отправиться в Конвент вместе с секциями и народными обществами.

Робеспьер выиграл еще два дня. Якобинцы не появились в Конвенте ни 3-го, ни 4 сентября. Но 4 сентября известие о вступлении англичан в Тулон получило официальное подтверждение. Эбертисты с утра привели свои полчища в движение. Слесаря и строительные ра-

¹ Связь между клубом якобинцев и другими обществами и клубами устанавливалась путем «усыновления» якобинцами клубов как провинциальных, так и столичных.

бочие собрались на улицах Тампля и Сент-Авуа и явились в Коммуну с требованием повышения заработной платы. Их представитель обратился к Пашу с запросом: «Имеется ли в Париже продовольствие? Если имеется, отдайте его в общее пользование; если нет, объясните нам причину его отсутствия. Народ поднялся, санкюлоты, совершившие революцию, предлагают вам свои силы, свое время и свою жизнь». Чтобы успокоить манифестантов или чтобы сложить с себя ответственность, Шометт отправился в Конвент. Он вернулся с декретом, в котором Конвент обещал установить твердые цены на все съестные припасы и товары первой необходимости, другими словами, всеобщий максимум. Этот декрет не произвел никакого эффекта: «Нам нужны не обещания, а хлеб, и притом немедленно», — кричала увеличившаяся за это время толпа. Шометт влез на стол: «Я сам был беден и, следовательно, понимаю, что значит быть бедным. Это открытая война богатых против бедняков, они хотят нас раздавить. А если так, необходимо их предупредить. Мы сами должны раздавить их, сила в наших руках». И Шометт предложил Коммуне потребовать у Конвента немедленной организации революционной армии, «которая отправилась бы по деревням за реквизированным хлебом, обеспечила бы проведение наборов, способствовала бы доставке продовольствия, расстроила бы маневры богатых эгоистов и предала бы их возмездием законов». Эбер предложил рабочим не выходить завтра на работу, а отправиться всей массой вместе с народом в Собрание: «Пусть народ окружит Собрание, как окружил его 10 августа, 2 сентября и 31 мая, и не покидает своих мест до тех пор, пока национальное представительство не примет действительных мер для нашего спасения. Пусть революционная армия выступит немедленно после издания декрета, а главное, пусть гильотина последует за каждым отрядом, за каждой колонной этой армии». Большая часть секций заседала до глубокой ночи, и одна из них, секция санкюлотов, объявила войну богачам.

Чтобы добиться успешных результатов подготавливаемого восстания, надо было привлечь на свою сторону якобинцев, подобно тому как это было сделано накануне великих событий 10 августа и 31 мая. Тщетно Робеспьер, при содействии Ренодена, предостерегал Якобинский клуб против смуты, которая наполнила бы радостью сердца аристократов. Тщетно заявлял он о существовании «заговора, имевшего целью вызвать голод в

Париже и утопить его в крови». Тщетно обязался он от имени Комитета общественного спасения помочь народу в его нужде и обуздать скупщиков. Его призывы к успокоению не были услышаны. Руайе напал на Комитет среди членов которого были развращенные люди: Барер «держался кривых путей в революции», Робеспьер пытался защитить Барера, слабого, но активного и полезного гражданина. Руайе продолжал свою атаку и стыдил якобинцев за их боязливость: «Что вы сделали за 8 дней?— Ничего. Покажите себя такими, какими вы были в те трудные дни, когда вы спасали свободу. Перемените тактику, заклинаю вас, не говорите, а действуйте». Ему бешено аплодировали. Робеспьер промолчал. Остановить движение было невозможно. На следующий день, 5 сентября, длинная процессия во главе с Пашем и Шометтом двинулась из Городской думы к Конвенту. Манифестанты несли плакаты с надписями: «Война тиранам!», «Война аристократам!», «Война скупщикам!».

Собрание, ожидавшее этого визита, только что вотировало без прений, по докладу Марлена из Дюе, разделение революционного трибунала на 4 секции, которые должны были функционировать одновременно. Паш заявил от имени Коммуны и секций, что народ устал от голода, причиной которого был эгоизм состоятельных граждан и маневры скупщиков. Шометт прочел петицию. Она требовала формирования революционной армии, которая уже была декретирована после 2 июня; но интриги и опасения виновных лиц отсрочили ее образование. Гильотина должна сопровождать армию. Робеспьер, председательствовавший в Собрании, отвечал Шометту, что народ может рассчитывать на поддержку Конвента. «Пусть добрые граждане соединятся вокруг него»,— заключил он, как бы желая сказать, что Конвенту что-то угрожает.

Билло-Варени превзошел в своей речи требования петиционеров. Он потребовал ареста подозрительных лиц и возобновил свое прежнее предложение об учреждении комиссии по надзору за выполнением законов. «Революции затягиваются только потому, что принимаются половинчатые меры!» Тщетно Сент-Андре заявлял, чтобы выиграть время, что Комитет подвергнет обсуждению предложенные меры. Билло-Варени резко перебил его: «Было бы очень странно, если бы мы стали забавляться обсуждениями. Надо действовать!» Тщетно Барер пытался прийти на помощь Комитету, предостерегая Собрание

против секционных вождей, которые могли оказаться агентами аристократии по организации смут, как в Лионе, Марселе, Тулоне. Его прервал ропот Собрания. Дантон, жаждавший упрочить свою популярность, бросился на трибуну. Надо использовать, сказал он, великий порыв народа, желания которого продиктованы национальным духом. Надо немедленно декретировать революционную армию, не ожидая доклада. Чтобы расстроить козни аристократов, о которых говорил Барер, он предложил уплачивать вознаграждение в сорок су санкюлотам, участвующим в секционных собраниях, которые должны устраиваться впредь только два раза в неделю. Кроме того, он предложил открыть кредит в сто миллионов для изготовления оружия и ускорить производство судебных дел в революционных трибуналах. Все меры были вотированы.

Неутомимый Билло-Варенн вернулся к вопросу об аресте подозрительных лиц и добился постановления, чтобы члены революционных комитетов, уполномоченные следить за ними, получали впредь особое жалованье. Кроме того, он добился предания суду революционного трибунала бывших министров Клавьера и Лебрена. Наконец, после того как Билло-Варенн был избран председателем Собрания вместо Робеспьера, мандат которого кончился, долгое и шумное заседание было закрыто.

На следующий день Комитет общественного спасения уступил и попросил Конвент присоединить к нему трех новых членов: Билло-Варенна, Колло д'Эрбуа и Гране. Гастон жаловался, что Комитет не поощрял с достаточной энергией осаду Лиона. Дантон упрекал его в излишней экономии денег: «Прикрепите рукоятку к большому колесу и приведите, таким образом, политическую машину в движение. Употребите для этого великие средства, которые внушает вам любовь к отечеству, иначе вы недостойны тех функций, которые на нас возложены!» Пришедший в энтузиазм Гастон предложил присоединить обладавшего таким революционным духом Дантона к Комитету. Конвент одобрил это предложение. Но только Билло-Варенн и Колло приняли свое назначение, Дантон и Гране отказались. Отказ Дантона, который он мотивировал желанием доказать обвинителям свою незаинтересованность, был важным событием, так как Дантон в то время «был тем, чем в наше время оказался бы могущественный кандидат в министры, отказавшийся от власти. Против собственной воли он становился цент-

ром оппозиции. Даже в тех случаях, когда он, по-видимому, поддерживал Комитет общественного спасения, к его содействию относились с недоверием» (Жорес). Не возможно, что Дантон отказался и по другим мотивам. Он принимал такое же большое участие, как и Билло, в важных решениях, вотированных 5 сентября. Почему же Комитет общественного спасения не выставил его своим кандидатом в Конвенте, как он это сделал по отношению к Билло? Дантон должен был признаться, что Комитет не желает его помощи.

В лице Колло д'Эрбуа и Билло-Варенна гебертизм был представлен отныне в правительстве. Это повлекло за собой некоторые преимущества. Комитет был теперь в контакте с кордельерами и маленькими клубами, влияние которых с каждым днем возрастало. Ему уже не приходилось опасаться, что он будет наводнен и затоплен народной рекой, которую он пытался теперь запрудить и отвести при помощи каналов.

Первый параграф гебертистской программы, из которого вытекало все остальное ее содержание, предусматривал войну до конца. Англичанин Метью, которого Дантон использовал для секретных переговоров с Гранвиллем, был арестован 6 сентября, после своего возвращения из Лондона. Услужливый журналист Дюма, протеже Барера, предпринял в «Монитере» кампанию против пацифистов, и 24 сентября Комитет решил оставить постоянных посланников только у двух свободных народов — у американцев и швейцарцев, а во всех остальных государствах содержать только секретных агентов. Чтобы подчеркнуть свое решение прервать всякие, даже официальные сообщения с неприятелем, он постановил, кроме того, не вести переговоров ни с одним иностранным агентом или министром, который не проявит «положительного отношения к Французской республике».

Принимая гебертистскую программу войны до конца, Комитет был вынужден принять также и средства для ее осуществления. До сих пор террор не имел постоянного характера. Подозрительных арестовывали без всякой системы и почти сейчас же освобождали. Отныне террор сделался перманентным. Марлен из Дуе дал ему юридическое выражение в законе о подозрительных, который был вотирован 17 сентября.

До сих пор термин «подозрительные лица» не имел точного определения. Закон заполнил этот пробел. «Подозрительными лицами считаются: 1) те, кто своим поведением или своими отношениями, или

своими речами и писаниями выказал себя сторонником тирании или федерализма и врагом свободы; 2) те, кто не смогут доказать предписанным в декрете от 21 марта способом свои средства к существованию и выполнение своих гражданских обязанностей; 3) те, кому было отказано в свидетельстве о гражданственности; 4) общественные должностные лица, отрешенные национальным Конвентом или его комиссарами на время или навсегда от должностей и не восстановленные в этих должностях; 5) те из бывших дворян, включая мужей, жен, отцов, матерей, сыновей или дочерей, братьев или сестер и агентов эмигрантов, кто не выказал неизменной преданности революции; 6) те, кто эмигрировал в период времени от 1 июля 1789 г. до момента опубликования декрета от 30 марта 1792 г., хотя бы они и вернулись во Францию в срок, указанный этим декретом или даже ранее срока». Этот текст был настолько эластичен, что представлял страшную угрозу не только для действительно подозрительных лиц, но и для всех, кто мешал правительству, даже для беспартийных или робких людей, так как распространялся на граждан, которые имели неосторожность не принимать участия в выборах. Он представлял угрозу и для чиновников, так как заменил отозвание нерадивых или недостаточно преданных делу лиц — заключением их в тюрьму.

Революционным комитетам прибавилось много работы. Но Комитет общественной безопасности, руководивший их деятельностью свыше, казался подозрительным якобинцам, которые упрекали его в снисходительности к поставщикам, хорошеньким просительницам, аристократам и иностранным банкирам. 13 сентября, после оживленных прений, Конвент декретировал переизбрание Комитета общественной безопасности и постановил, чтобы список кандидатов в его члены представлял впредь Комитет общественного спасения. Кроме того, было решено, что все остальные комитеты будут переизбраны таким же способом, при участии Комитета общественного спасения. Мера решительная. Комитет общественного спасения был облечен отныне особой прерогативой — правом контроля и надзора над всеми другими комитетами, которые прежде были ему равны. Он обладал теперь всею полнотою действительной власти, поскольку мог составлять другие комитеты по своему вкусу, производить в них чистки и руководить ими.

Таким образом, *гебертистское движение не только имело своим результатом включение террора в порядок дня, организацию постоянного надзора и системы репрессий путем закона о подозрительных, введение твердых цен (максимума), которых требовали санкюлоты, организацию революционной армии для отобрания продовольственных запасов у земледельцев, — но, кроме всего этого, оно сообщило революционному правительству энергический импульс.

Комитет общественного спасения, наталкивавшийся прежде на недоверие, зависть, открытую или тайную оппозицию части Конвента, получил теперь исключительно твердую власть. 11 сентября Барер восстановил в Конvente право министров посылать своих агентов в департаменты и к армиям. Кроме того, декрет 13 сентября уполномочил народные общества указывать Комитету на всех недобросовестных или заподозренных в недостатке гражданских чувств агентов, «в особенности на тех из них, которым поручали продажу продуктов или снабжение армии, чтобы подобные агенты не узурпировали более вознаграждений и должностей, предназначенных для истинных республиканцев». Клубы вошли благодаря этому в правительственный механизм. Можно сказать, что с этого момента началась диктатура Комитета, но было бы большой ошибкой предполагать, что эта диктатура утвердилась без новых потрясений. Оппозиция умеренных, вынужденная под давлением гебертизма отступить, еще не была окончательно побеждена.

ГОНДШООТ И ВАТИНЬИ

есмотря на все красноречие покровительствовавшего ему Робеспьера, великий Комитет общественного спасения не устоял бы против опасных атак левых сторонников войны до конца и правых пораженцев, если бы ему не удалось одержать несколько быстрых побед над врагом. *

Хотя и малочисленный по своему составу, — сначала 9, потом 12 членов, — Комитет во все критические моменты делегировал кого-нибудь из своих членов на театр военных действий, чтобы ознакомиться с положением вещей. На следующий день после взятия Валансьена он поручил Сент-Андре и Приеру из Марны, в сопровождении Леба из Комитета общественной безопасности, спешно обследовать северо-восточный фронт и обсудить

вместе с генералами необходимые мероприятия. Они добились от генералов мозельской и рейнской армий, собравшихся на совещание в Биче 8 и 9 августа, немедленной отправки подкрепления в северную армию, в размере 11 тыс. человек, за которым должно было последовать новое подкрепление из 2 тыс. человек. Для замены отбывающих в северную армию частей предполагалось изъять часть войск из гарнизонов внутри страны. Затем депутаты отправились в северную армию, реорганизовали по пути производство оружия в Шарлевилле и посетили Перронскую крепость, которую нашли в плачевном состоянии. По возвращении в Париж 23 августа они доложили Комитету, что необходимо изменить тактику, сделать армии более подвижными, действовать быстро и массами, распустить штабы армий и строго следить за поставщиками. Эти штатские люди с первого же раза наметили програму, которую Карно уже собирался осуществить.

Карно и Приер из Кот д'Ор, вступившие в Комитет 14 августа, остались бы, не будь революции, мирными учеными и выдающимися инженерами. Карно, получивший известность благодаря своему знаменитому труду «Опыт о машинах», появившемуся в 1783 г., питал отвращение к шуму и работал в тишине. Получая командировки в армии со времени Законодательного собрания, он посетил границы и ознакомился с военным начальством и солдатами. Чрезвычайно трудолюбивый, отличавшийся необыкновенно твердым характером и способностью к сосредоточенному мышлению, он получил в наследство военное бюро, основанное Сен-Жюстом еще до его прибытия. Он расширил это бюро и пригласил в него специалистов, не считаясь с их политическими взглядами, требуя от них только добросовестной работы, например, Кларка, которому было поручено заведывание картами и топография; Монталамбера, занимавшегося преимущественно артиллерией. Мишо д'Арсона, искусного в атаках и защите крепостей. Карно собственноручно переписывался с генералами. Планы кампаний и назначения подлежали решению Комитета. Гражданские члены его, подобно Сен-Жюсту, Сент-Андре, Приеру из Марны, Робеспьеру, подробно разбирали и обсуждали предложенные специалистом Карно соображения и меры и утверждали их с полным знанием дела. Карно относился с особым доверием к Бушотту, и последний вполне этого доверия заслуживал. Бушотт «отличался всеми качествами превосходного администратора, неутомимой деятельностью, постоянным и разумным прилежанием» (А. Шюке). Он обладает также и инициативой. Он первый использовал почту для переброски войск и употреблял телеграф для военной корреспонденции. Он отличался честностью, боролся с расточительностью и умел выбирать людей. Было бы, впрочем, трудно сказать, что именно в общей работе приходилось на долю Бушотта и что на долю Карно, но последнему можно поставить в заслугу, что он защищал своего сотрудника от яростных, постоянно возобновлявшихся атак.

Что же касается Приера из Марны, то он с самого начала заведовал всей материальной частью, т. е. военным производством, изготовлением пушек, ружей, холодного оружия, боевых припасов, а также постоянными и походными госпиталями.

Недостаток ощущался решительно во всем: в сырье, в заводах, в инженерах, в мастерах, в рабочих. Арсеналы, умышленно оставленные в бездействии последними министрами Людовика XVI, были пусты. К 15 июля под ружьем находилось 479 тыс. человек. Предполагалось к набору еще 500 тыс. рекрутов. Для этих рекрутов не имелось ни ружей, ни экипировки. Их не хватало даже для войск, находившихся на фронте. Английские крейсера блокировали наши берега. Приходилось извлекать из собственной почвы все, что раньше покупалось за границей: селитру, которая поступала к нам из Индии, медь — из Испании, Англии и России, сталь — из Швеции, Германии и Англии. К счастью, члены Комитета любили науку не только за ее непосредственные, практические услуги, но и за свойственные ей величие и красоту. Карно и Приер из Марны тотчас же обратились к ученым. Они заручились содействием первых химиков, первых инженеров того времени: Монжа, Бертоле, Фуркруа, Шапталь, Перрье, Гассенфратца, Вандермонда и др., причем не только спрашивали их советов, но теснейшим образом приобщили их к своей работе, давая им самые ответственные поручения. Вандермонду было доверено управление производством холодного оружия. Гассенфратц был назначен 27 брюмера комиссаром оружейных заводов. Шапталь, протеже Робеспьера, принимал участие в управлении производства пороха и селитры. Фуркруа, ученик Лавуазье, изобрел способ извлечения меди из бронзы колоколов. Колокола стали для нас источником меди. Монж составил популярный обзор «Искусства приготовления пушек», служивший руководством нашим металлургам и т. п. Комитет отдал в распоряжение ученых замок Медон и примыкающий к нему парк для производства опытов. Там, в величайшем секрете, был испытан порох из гремяче-кислой соли, полые ядра, зажигательные ядра, сигнальный телеграф, изобретенный Шаппом, первые военные аэростаты. Монж организовал в Париже большой ружейный и пушечный завод, и в департаментах были основаны другие заводы.

Но понадобилось несколько месяцев, чтобы осуществить все эти благие начинания. Только к концу 1793 г. различные производства начали давать результаты. Первые шесть ружей, вышедшие из парижского завода, были представлены Конвенту 3 ноября. В ожидании надо было проявить лихорадочную деятельность и победить неприятеля во что бы то ни стало, чтобы поднять дух в войсках и у начальников.

Комитет был убежден, что победа возможна только в том случае, если вся армия будет воодушевлена республиканским духом. Он не ограничился распространением среди солдат патриотических газет и старался изгладить у линейных солдат все следы старого режима. Он приказал, чтобы не позднее 15 августа они сменили окончательно свою прежнюю белую форму на голубую форму волонтеров. Новая армия, составленная преимущественно из молодых солдат, была недостаточно сплочена и нередко поддавалась панике. Массовое наступление могло искупить недостаток терпения и хладнокровия. Генералы получили приказ атаковать неприятеля.

Ирландец Кильмен, командовавший северной армией, после отставки Ламорлиера, не оправдал оказанного ему доверия. 7 августа он покинул лагерь Цезаря и отступил на Аррас, оставив дорогу на Париж открытой. Его поступок вызвал большую тревогу. Зять Паша Ксавье Одуен заявил в Якобинском клубе, что неприятель, если захочет, будет через четыре дня в столице. Отряды австрийской кавалерии прошли через департаменты Эны-и-Соммы и дошли до Нуайона. Ферзен и Мерси-Арженто уговаривали герцога Кобургского бросить всю свою кавалерию прямо на Париж, чтобы освободить королеву, которую 1 августа перевезли в Консьержери. Но герцог Кобургский уже не располагал всеми силами коалиции. Повинуясь приказам Питта, предписывавшего ему завладеть Дюнкирхеном, чтобы иметь опорный пункт на континенте, герцог Йоркский 10 августа отправился к морю с 37 тыс. англичан, ганноверцев и голландцев. Это отделение герцога Йоркского от герцога Кобургского, вызванное эгоистическими соображениями, спасло республику.

Комитет общественного спасения отрешил от должности Кильмена и назначил на его место Гушара, выслужившегося, покрытого ранами солдата, которого считали надежным, так как он был плебейского происхождения и обязан был своим возвышением революции. Карно ознакомил Гушара с его новыми обязанностями, ободрял его, был его руководителем. Узнав 17 августа о походе англичан на Дюнкирхен, он поручил Журдану преследовать их. Журдан безуспешно пытался задержать англичан на следующий день у Ленселля. Герцог Йоркский ускользнул от него, 21 августа неожиданно перешел Изер, захватил 11 наших пушек у Ост-Капелля и 23 августа потребовал сдачи Дюнкирхена. Но комендант Берга

Карпон приказал открыть шлюзы и затопить примыкающие к крепости поля. Полная блокада крепости была невозможна. Она получила подкрепления от Журдана, и Сугам и Гош мужественно защищали ее. 25 августа Гушар получил приказ воспользоваться отсутствием герцога Кобургского, занятого осадой Кенуа, и герцога Йоркского, занятого осадой Дюнкирхена, чтобы прервать их сообщение, атаковав голландцев, которые охраняли Лис. Он недостаточно точно следовал этим инструкциям. Он рассеял свои силы, вместо того чтобы сконцентрировать их, и, заняв 28 августа Туркуен, отправился ближайшим путем, т. е. через Кассель, на помощь Дюнкирхену, вместо того чтобы направиться в Ипр и Ньюпорт и отрезать англичанам путь отступления на Бельгию. Он бросился на помощь Дюнкирхену самой короткой дорогой, т. е. через Кассель. Он бросился, таким образом, на наблюдательный корпус Фрейтага, расположенный у подступов к Большой Муре для защиты герцога Йоркского от нападения с юга. Отброшенный 6 сентября к Ост-Капеллю и Рекспоеду, Фрейтаг отступил в ночь с 6 на 7 сентября на Гондшоот. Вокруг селения разыгралась битва; селение несколько раз переходило из рук в руки. В 10 часов утра 8 сентября Гушар считал битву проигранной. Не будь депутата Дельбреля, он приказал бы отступать. Атака возобновилась. Депутаты Дельбрель и Левассер (из департамента Сарты) вместе с генералами вели колонны на приступ. Под Левассером была убита лошадь. В час пополудни Фрейтаг отступил с боем на Фюрн. Гушару следовало бы энергично его преследовать. У него была совершенно свежая дивизия, еще не принимавшая участия в бою, дивизия Гедувилля. Он упустил случай уничтожить гессенскую и ганноверскую армии, которые в беспорядке отступали. Он не взял Фюрна и не отрезал путь отступления английской армии, осаждавшей Дюнкирхен. Герцог Йоркский поспешно удалился по дороге к дюнам, оставив на месте часть своей тяжелой артиллерии.

Победа была не полная, но это была первая победа, одержанная республиканскими войсками за долгий промежуток времени. Она изгладила воспоминания об Альденгофене, Неервиндене, Реймсе и Фоморе. «Карманьолы» обрели вновь свою гордость и веру в революцию.

К несчастью, Гушар продолжал делать ошибки. Он не явился вовремя на помощь Кенуа, капитулировавшему 12 сентября. Дельбрель спас Бушен и Камбре, доста-

вив им по собственной инициативе провиант и подкрепление. Обескураженный Гушар, вместо того чтобы собрать все свои силы для нападения на герцога Кобургского, который еще не соединился с герцогом Йоркским, отступил на Аррас и увел свои войска в Гаврельский лагерь. Он ослушался, таким образом, полученного им приказа о наступлении. Депутаты обвинили его в Париже, и 20 сентября Комитет отрешил его от должности. Произведенный в его бумагах обыск обнаружил письма неприятельских генералов, в которых шла речь об обмене пленными и других маловажных делах. Так как эти письма были составлены в вежливых выражениях, они могли послужить основанием для обвинения в дружественных сношениях с неприятелем и в измене. Бедный Гушар был передан революционному трибуналу.

Комитет не ограничился увольнением штабов северной армии. Он отрешил от должности одного за другим командующих рейнской и мозельской армиями: Ландремона — за письмо от 12 сентября, в котором он сообщал Комитету, что ему трудно защищать вейсенбургский фронт, и что, в случае если этот фронт будет форсирован, Страсбург не продержится более трех дней, а Шауенбурга за то, что он 14 сентября потерпел поражение при Пирмазане, оставив неприятелю 20 пушек и 2 тыс. пленных. Эти увольнения и полное обновление штабов трех главных армий вызвали яростную атаку в Конвенте против Комитета, продолжавшуюся два дня — 24 и 25 сентября. Уже 20 сентября Тюрио подал в отставку, не желая согласиться на отрешение от должности Гушара. Около него сгруппировались отозванные депутаты: Дюгем, Брие, Бурдон из департамента Уазы, Гупилло из Фонтенэ, Дюруа и бывшие члены Комитета общественной безопасности, отставленные от должности 14 сентября. Оппозиционеры могли торжествовать. Конвент присоединил одного из них — Брие к Комитету общественного спасения. Но Барер, Билло, Сент-Андре, Приер из Марны взяли Комитет под свою защиту, а затем на трибуну возшел Робеспьер. Он обратился не к Конвенту, а ко всей стране, указывая на огромную работу, лежавшую на плечах Комитета: «Руководить одиннадцатью армиями, нести на себе тяжесть всей Европы, повсюду разоблачать изменников, разрушать козни эмиссаров, подкупленных золотом иностранных держав, наблюдать за недобросовестной администрацией и преследовать ее, устранять повсюду препятствия и помехи к проведению самых муд-

рых мер, бороться со всеми тиранами, устрашать всех заговорщиков». Затем он перешел в наступление: «Те, кто нас обвиняет, сами разоблачены Комитетом; из обвинителей, которыми они являются теперь, они вскоре обратятся в обвиняемых». И неумолимо он продолжал их разоблачать: «Первый (Дюгем) объявил себя сторонником Кюстина и Ламорлиера, он преследовал патриотов в важной крепости (Лилль) и, в заключение, осмелился еще высказаться за оставление территории, присоединенной к республике (Савойя)... Второй (Брие) еще не смыл бесчестия, которым покрыл себя, возвратившись из доверенной ему крепости после сдачи ее австрийцам (Валансьен). Если таким людям удастся доказать, что Комитет состоит не из добрых граждан, свобода, несомненно, погибла; ведь просвещенное общественное мнение подарит, конечно, не их своим доверием и не им вручит бразды правления».

Ядовитая ипровизация Робеспьера, преисполненного презрения к своим обвинителям, повергла их в смущение. Пристыженный Брие отказался от своего назначения членом Комитета общественного спасения. Комитет добился единогласного постановления, в котором Конвент выражал ему доверие и одобрял все его действия.

Это большое парламентское сражение имело важные последствия. Отныне было решено, что депутаты, находящиеся в командировках, сносившиеся прежде непосредственно с Конвентом, должны быть подчинены Комитету, и что Комитет, уже избиравший с 14 сентября членов других комитетов, получает отныне право отзывать депутатов, не рискуя своим существованием. Оппозиция была укрощена, по крайней мере, на время. Дантон, молчавший во все время дебатов, попросил 10 октября отпуска для поправления здоровья в Арсис-сюр-Об.

Последние препятствия, воздвигнутые умеренными с целью отсрочить проведение революционных мер, были устранены. Революционная армия, декретированная в принципе 5 сентября, начала формировываться. Судебное преследование жирондистских вождей, которое все время отсрочивалось, стало приводиться в исполнение. Амар представил обвинительный доклад 3 октября. Но самым важным событием было введение твердых цен на съестные продукты, обещанное в принципе 4 сентября и осуществленное великим законом 29 сентября. Экономический террор шел в ногу с политическим.

Последствия парламентской победы 25 сентября ощу-

щались также и в области военных начинаний. Комитет получил теперь полную возможность санкюлотизировать штабы. Он воспользовался завоеванной им свободой действий, чтобы назначить командующими тремя главными армиями трех молодых выслужившихся из рядовых генералов, вполне оправдавших его ожидания, Журдана — в северную армию, 24 сентября; Пишегрю, 28 сентября, — в рейнскую армию; Гоша, 22 октября, — в мозельскую армию. Этот выбор был очень смел, гораздо рискованнее, чем выбор Гушара. Гушар был старый солдат по профессии, проделавший все кампании старого режима, начиная с Семилетней войны. Вновь назначенные генералы были совсем молодые люди, никогда не проходившие школы, самоучки, бывшие унтер-офицерами в 1789 г. (Журдан родился в 1762 г., Пишегрю — в 1761 г., Гош — в 1768 г.). Комитет был вознагражден за свою смелость. Эти молодые генералы, обязанные всем революции, были неразрывно связаны с ней. Они прилагали все усилия, чтобы победить неприятеля. К тому же они были в том возрасте, когда страсти еще сильны, когда человек без оглядки устремляется вперед. Без их участия наступательная тактика Карно была бы невыполнима. Они не считались в своих порывах со школьными теориями, обязанные всеми своими познаниями практике и опыту. Своею смелостью, неожиданностью своих операций они озадачили старых, осторожных и придерживавшихся рутины генералов коалиции. Для новой войны были необходимы именно такие новые люди, для национальной войны, — вожди, принадлежавшие всеми фибрами своего существа к нации.

За неполной победой при Гондшооте последовала через короткий промежуток времени другая победа — при Ватиньи, явившаяся результатом деятельности Журдана и Карно.

После взятия Кенуа герцог Кобургский, по свойственной ему привычке, некоторое время колебался, не зная, что предпринять. Он потерял пятнадцать дней на перегруппировку своих сил между Самброй и Шельдой. Карно использовал эту передышку для защиты Перонны и Гиза. 28 сентября герцог Кобургский решил, наконец, отправиться походом на Мобеж с ганноверцами и голландцами, которых он снова вызвал к себе. Он легко опрокинул дивизию Дежардена, на следующий день перешел Самбру у Омона, отрезал пути сообщения Мобежа с Авеном и осадил Мобеж в котором находились депу-

таты Генц, Друе и Бар с сильным гарнизоном в 22 тыс. человек.

Карно, отправившийся в армию Журдана, с поразительной быстротой сконцентрировал с 6 по 10 октября 45 тыс. человек в Гизе. 4 тыс. человек явились из Седана, пройдя в три дня 65 миль, и 8 тыс. человек совершили такой же переход из Арраса. Концентрирование закончилось 11 октября. Генерал Меренвю, командовавший артиллерией, был отрешен от должности за то, что не доставил с достаточной быстротой боевых припасов. Журдан и Карно двинулись тотчас же к Мобежу. Они руководили атакой 15 октября, атакой, произведенной с флангов, между тем как французский центр поддерживал артиллерийский огонь. Первый день неприятель держался стойко. Ночью Карно перевел 7 тыс. человек с левого фланга на правый, и на рассвете следующего дня возобновил атаку на селение Ватиньи усиленным правым флангом. Вместе с Журданом он стал во главе наступавших колонн. Ватиньи переходило несколько раз из рук в руки и, наконец, осталось за нами. 16 октября вечером герцог Кобургский приказал отступать, оставив на поле сражения 2 200 человек. Мобеж был освобожден. Комендант Мобежа Шансель, не сделавший ни одной вылазки во время битвы, был отрешен от должности.

Победу, конечно, нельзя было назвать решительной. Герцога Кобургского не преследовали. Он мог призвать к себе на помощь англичан из Фюрна и спокойно расположиться на левом берегу Самбры, прикрывая Брюссель. Но победа при Ватиньи была второй значительной победой, одержанной санкюлотами после весенних поражений. Мобеж был второй крепостью, которую они освободили. Их доверие к своим силам возросло, и доказавший свои способности Карно упрочил свое положение. Это событие оправдывало смелую политику Комитета общественного спасения. Его уже не упрекали в том, что он дезорганизует армию, увольняя старых генералов и назначая на их место желторотую молодежь.

К успеху при Ватиньи Комитет мог присоединить взятие у мятежников Лиона. Он всеми силами ускорял осаду, торопясь использовать принимавшую в ней участие армию против Тулона. Его раздражала медлительность, проявленная Дюбуа-Крансе при бомбардировке Лиона. Дюбуа-Крансе был дворянин. Комитет вообразил, что он изменник. 6 октября он отозвал его и его товарища Готье, так как в последнем письме они заявили, что не

в состоянии помешать уходу Преси, между тем как из предшествовавших докладов адъютанта генерала Сандоза явствовало, что «франты» могут уйти только на воздушных шарах. 9 октября, через три дня после издания приказа об отозвании Дюбуа-Крансе, республиканские войска вступили в побежденный Лион. Но Преси бежал с тысячью людей. Комитет был убежден, что это бегство, предсказанное Дюбуа-Крансе, свидетельствовало лишний раз о его сговоре с мятежниками.

В Париж поступали хорошие новости. 17 октября, на следующий день после битвы при Ватиньи, вандейцы потерпели серьезное поражение при Шоле и перешли на правый берег Луары у Сен-Флоран. Пьемонтцы в конце сентября были изгнаны из Мориенны из долины Ара, а испанцы принуждены были эвакуировать Руссильон и страну басков.

Комитет мог с гордостью оглянуться назад и оценить результаты своей двухмесячной деятельности. 23 октября он обратился к армиям с воззванием, в котором звучала уже нотка торжества: «Трусливые приверженцы тирании бежали от вас... Они покинули Дюнкирхен и свою артиллерию и поспешили улизнуть от полного разгрома, укрывшись за Самброй от ваших победоносных колонн. Федерализм потерпел поражение в Лионе. Республиканская армия вступила в Бордо, чтобы нанести ему последний удар. Пьемонтцы и испанцы изгнаны с нашей территории. Защитники республики только что уничтожили мятежников Вандей».

Конечно, еще не все затруднения были преодолены. Оставались еще большие черные пятна. Тулон все еще держался. Вурмзер угрожал Эльзасу. Вандейцы, направившиеся к северу Луары, навстречу английским подкреплениям, еще не были сокрушены. Герцог Кобургский на Самбре и Шельде представлял еще серьезную угрозу.

Но, учитывая все обстоятельства, Комитет к концу октября 1793 г. имел полное основание относиться к будущему с доверием. На великом заседании 25 сентября он потребовал диктатуры для спасения отечества. Отечество еще не было спасено, но оно находилось уже на пути к выздоровлению. Разум вернулся к больному.

УЧРЕЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

20 сентября после отставки Тюрю Комитет, освободившийся от последнего дантониста, которого насчитывал еще в числе своих членов, стал более однородным по своему составу. С 3 октября после обвинительного доклада Амара против жирондистов, Конвент удалил 136 своих членов (41 были преданы революционному трибуналу, 19 бежавших объявлены вне закона, 76 подписавших протест против 2 июня объявлены под арестом и спасены от эшафота Робеспьером). Эта солидная чистка имела своим непосредственным результатом соответственное ослабление оппозиции, не перестававшей бороться с Комитетом с самого первого дня его существования. Обеспечив свою безопасность, Комитет мог разослать половину своих членов с разными поручениями

(Приера из Марны и Сент-Андре — реорганизовать флот в Бресте и Лориенте: Кутона — в Лион; Сен-Жюста — в Страсбург; затем, по возвращении Робера Линде из Нормандии, Колло д'Эрбуа — в Лион). Но если Комитету и удалось увеличить свою власть в Париже, ему оставалось еще много работы, чтобы распространить и утвердить ее во всей Франции.

Учреждение революционного правительства, т. е. объединение всех исключительных мер в руках одного Комитета, было осуществлено в два периода, под влиянием двойного ряда соображений: сначала, в сентябре и октябре 1793 г., по соображениям преимущественно политического характера; затем, в ноябре и декабре 1793 г., по соображениям преимущественно экономического характера. В первый период надо было обеспечить прежде всего массовый набор путем воздействия на местные власти и преодоления последнего сопротивления федералистов. Во второй период главная задача заключалась в том, чтобы сделать возможным применение всеобщего максимума, восторженного 29 сентября, но вошедшего в силу только в середине октября.

Запертая в ящичке кедрового дерева перед бюро председателя Конвента монпаньярская конституция ожидала заключения мира. Старая конституция 1791 г. оставалась в силе во всех своих частях, не измененных новыми законами. Эта конституция, основанная на принципе децентрализации, не соответствовала условиям военного времени. Повсюду административные и судебные власти были выборного происхождения. Даже революционные власти, как, например, комитеты, уполномоченные следить за подозрительными, обязаны были своим первоначальным происхождением выборам. Выборные власти в периоды внешней и гражданской войны — ненадежны. И в самом деле, даже в разгаре террора, когда выборы были отменены, встречались революционные комитеты, состоявшие из замаскированных аристократов.

Чтобы устранить опасность, Конвент широко использовал командировки депутатов, наделенных неограниченными полномочиями. Эти проконсулы, столь же могущественные, как и интенданты Ришелье, легко сломали сопротивление упрямых властей. Не будучи в состоянии поспеть повсюду, где требовалось их присутствие, они воспользовались при первом наборе рекрутов помощью федератов 10 августа, которым передали часть своих полномочий.

Например, Мор, работавший в департаменте Ионны, приказом от 17 сентября уполномочил своих делегатов составить списки молодых людей, подлежащих набору, приступить к учету и реквизициям зерна, составить опись огнестрельного оружия и позаботиться о доставке его в главные города дистриктов, собирать сведения о подозрительных лицах. Эти исключительно широкие полномочия снизили значение регулярно выбранных властей почти до роли совещательных органов.

Лапланш, уполномоченный произвести массовый набор в департаменте Шеры, пошел гораздо дальше Мора. Приказом от 27 сентября он уполномочил своих делегатов не только мобилизовать людей, оружие, продовольствие, но и производить домовые обыски, обезоружить недоброжелательных и подозрительных лиц, захватить «продовольственные излишки», найденные у этих людей, и распределить их между нуждающимися, он уполномочил их, кроме того, арестовывать подозрительных лиц, налагать на них революционные контрибуции и использовать эти контрибуции в пользу беднякам. Над делегатами кантонов он поставил дистриктовых комиссаров с еще более широкими полномочиями. Они могли «отрешать от должностей слабых, нердивых или вероломных гражданских и военных администраторов» и временно их, не прибегая к выборам. Комиссары Лапланша использовали на деле предоставленные им полномочия. Они отрешали от должностей даже присягнувших церковнослужителей, предписывали передачи должностей, наложили контрибуции на богатых (249 тыс. ливров в дистрикте Вьерзон, 313 тыс — в дистрикте Сансерр и т. д.), и доход от этих контрибуций употребили в пользу бедняков, в особенности тех из них, которые имели сыновей в армии, сделали пожертвования госпиталям и народным обществам. Один из этих комиссаров Лабуври изъям из церквей святые чаши. Он не осмелился еще запретить богослужения, но уже агитировал против католицизма, уничтожил приходы и заявил в начале октября, что достаточно одного культа Свободы и Равенства

Другие командированные депутаты применяли или энергичные приемы Лапланша или осторожный метод Мора

Фуше был одним из тех, которые думали, что революция может быть спасена только энергичной классовой политикой в пользу санкюлотов. Он основал в каждом главном городе дистриктов департамента Ниевры комитет надзора и филантропии, уполномоченный наложить на богачей контрибуции, пропорциональные числу немущих (приказ от 19 сентября). 26 сентября он предписал булочникам в Мулене выпекать только один сорт хлеба, хлеб Равенства, который должен был продаваться по цене в три су за ливр, посредством уплаты булочникам компенсационного вознаграждения, возложенного на богачей. Рыночная цена на хлеб равнялась в то время десяти су за ливр. Уничтожив нищету, Фуше запретил нищенство и праздность: «Всякий нищий или празднующийся будет заключен в тюрьму» (24 брюмера). Владельцев хлеба, отказывавшихся подчиниться реквизициям, выставляли на людных площадях с надписью:

«Губитель народа, предатель отечества!» При повторном отказе их сажали в тюрьму до заключения мира и секвестровали все их имущество, за исключением минимума, необходимого для пропитания их самих и их семей (2 октября). Фуше предписал, кроме того, принудительный обмен звонкой монеты на ассигнации. Он угрожал фабрикантам, закрывавшим свои мастерские, что возьмет эти мастерские в свои руки и будет эксплуатировать их за счет фабрикантов. «Стыдно быть теперь богатым», — писал он 13 октября. Подобно Лапланшу, бывшему епископскому викарию, Фуше, принадлежавший раньше к братству Оратории, выделялся своими антицерковными мерами. Он реквизировал церковную утварь и отослал в Париж. Он придавал кладбищам светский характер своим знаменитым приказом, предписывавшим помещать на воротах кладбищ натуралистические изречения: «Смерть — это вечный сон». Когда декретом от 5 октября был введен революционный календарь, Фуше организовал гражданский праздник десятого дня декады, чтобы заменить богослужения. Для проведения своих приказов он собрал небольшую революционную армию.

Дюбуше — в департаменте Сены и Марны, Карпантье — в департаменте Ла-Манша, Бодо — в департаменте Верхней Гаронны, Тейлефер — в департаменте Лот, Ру-Фазиллак — в департаменте Шаранты, Лекинио и Ленъело — в департаменте Нижней Шаранты, Андре Дюмон — в департаменте Соммы — подражали более или менее действиям Лапланша и Фуше. Но другие депутаты ограничились, подобно Мору, чисто административной работой по проведению массового набора и даже порицали нововведения своих коллег. Были, наконец, и такие департаменты, которых депутаты еще не посещали, и в которых применение революционных законов о скупщиках, реквизициях, подозрительных лицах и т. д. было поневоле предоставлено прежним выборным властям. В результате получилась удивительная пестрота административных мероприятий. В некоторых районах процветали террор и режим клубов, опирающихся на санкюлотов. В других все, по-видимому, осталось по-прежнему: богачей не тревожили, никого не заключали в тюрьму, никого не отрешали от должностей, священники пользовались полным спокойствием.

Комитет общественного спасения старался руководить и регулировать деятельность депутатов, что ему не всегда удавалось. Депутаты работали вдали от Парижа.

Они не имели времени, в силу медленности сообщений, ожидать инструкций из центра и только в редких случаях доносили в Париж о тех трудностях, которые им представлялись; обычно же принимали немедленные решения, действуя по собственному вдохновению — хорошо или плохо.

Комитет сначала приветствовал классовую политику Лапланша и Фуше. Он поздравил Фуше с идеей наложить контрибуции на богатых: «Это средство общественного спасения является в то же время мерой ограждения личности от справедливого гнева народа, который уже не в состоянии более сносить свою непомерную нужду» (29 августа). Робер Линде разделял мнение своих коллег, оставшихся в Париже: он написал им 29 августа из Кана, что было бы опасно вооружить бедняков, не обуздав предварительно богачей.

Комитет одобрял также тюремные заключения и отчисления от должностей (см. письма к Карпантье от 7 сентября и к Каррье от 8 сентября). Но уже с самого начала его тревожила антицерковная, или, вернее, антихристианская политика некоторых проконсулов: «Нам кажется,— писал он Андре Дюмону 6 брюмера,— что в ваших последних мероприятиях вы слишком сильно затронули объекты католического культа... Остерегайтесь доставить контрреволюционерам, которые ищут повода разжечь гражданскую войну, какой бы то ни было предлог, подтверждающий, с первого взгляда, их клеветнические наговоры. Не следует давать им повода сказать, что мы насилуем свободу вероисповедания и объявляем войну религии как таковой». Даже Робеспьер был встревожен декретом 5 октября, установившим новый календарь, и записал в своей памятной книжке: «Отсрочить на неопределенное время декрет о календаре». Эти слова доказывают, что у Робеспьера было намерение воспрепятствовать применению нового закона, который мог послужить предлогом для борьбы с христианской религией. Как проводить классовую политику в пользу санкюлотов, посягая в то же время на их религиозные убеждения?

Одобряя решительные меры проконсулов, Комитет почувствовал вскоре опасность, которой они угрожали. Он одобрил поведение Мора, обуздавшего самоуправную деятельность федератов 10 августа, своих делегатов и революционных комитетов (14 брюмера). Он предложил Лорану, находившемуся в командировке на севере, распустить собранную им революционную армию: «Контр-

революционная тактика, захватив в свои руки эту движущуюся силу террора, может сразу возродить систему департаментской вооруженной силы, уже угрожавшей однажды свободе. Очистите национальную гвардию, она может сослужить вам ту же службу, не возбуждая никакой тревоги» (2 фримера). Два дня спустя он приказал Мору распустить его революционную армию, как только он покинет департамент Ионны.

Когда массовый набор был закончен, и Комитет отозвал организовавших его депутатов, он позаботился, чтобы в декрете было оговорено немедленное прекращение полномочий делегированных этими депутатами лиц (13 брюмера). Декрет 19 брюмера уполномочил Комитет потребовать у этих делегатов отчета в использовании ими своих полномочий.

Когда депутаты были отозваны, и делегаты их отпущены, прежние выборные власти остались единственными исполнителями революционных законов. Комитету пришлось позаботиться об установлении гармонии между различными властями — теми, которые были назначены по выборам, и теми, которых породила революционная диктатура. Надо было разграничить области их влияния и подчинить их центру, другими словами, заменить хаотическую и прерывистую централизацию, сложившуюся без всякой системы, централизацией упорядоченной и постоянной. Такой централизации требовало и экономическое состояние страны.

Закон 29 сентября о всеобщем максимуме установил твердые цены на все съестные продукты, подпадавшие под действие закона 27 июля о скупщиках. За исключением зерна, муки и кормовых трав, табаку, соли и мыла, на которые была установлена одна цена для всей Франции, все остальные съестные продукты и товары первой необходимости подлежали таксации по дистриктам, исходя из средней цены 1790 г., увеличенной на одну треть; таким образом, цена на то, что стоило в 1790 г. 3 ливра, не должна была превышать в 1793 г. 4 ливров. Нарушители этого закона — как продавцы, так и покупатели, отвечали денежным штрафом в размере двойной стоимости проданного тайком товара, поступавшего в пользу доносчика. Кроме того, их вносили в списки подозрительных лиц. Было бы нелогично таксировать съестные продукты, не установив в то же время твердой заработной платы. Закон фиксировал максимум заработной платы, исходя из цены 1790 г., увеличенной наполовину, так что

рабочий, зарабатывавший 20 су в 1790 г., должен был получать теперь 30 су. Твердая заработная плата устанавливалась муниципалитетом, между тем как таксация продуктов входила в компетенцию дистриктов. Рабочие, отказывавшиеся работать за официальную плату, подлежали принудительной мобилизации через муниципалитеты и наказанию до трех дней тюрьмы.

Комитет прекрасно понимал затруднения, связанные с применением этого закона, принуждавшего владельцев продавать свои товары с убытком, без всякой компенсации, втрое или вчетверо дешевле той цены, которую они получали за них прежде. Предшествующий закон 4 мая, установивший максимальную цену только на зерно, имел своим непосредственным результатом опустошение рынков. Как продовольствовать города и армии, если снабжение продовольствием останется в руках выборных местных властей, относящихся втайне враждебно к революционному законодательству? Проведение всеобщего максимума неизбежно требовало усиления принудительных мер, т. е. террора, и решительного прогресса в смысле более строгой, более организованной и диктаторской централизации власти.

10 октября, за два дня до того как таблицы максимума были расклеены в Париже, Сен-Жюст в мрачной, проникнутой горечью и полной решительных сентенций, речи изложил Собранию план новой организации республики, нечто вроде временной конституции, необходимой, по его мнению, для преодоления грозных препятствий, которые он предвидел. «Законы имеют революционный характер, но те, кто их выполняет, не революционеры... Республика получит твердое основание только тогда, когда воля суверенного народа обуздывает монархическое меньшинство и воцарится над ним по праву победителя. Вам уже нечего делить с врагами нового порядка вещей, и свобода должна победить какой бы то ни было ценой. Вы должны наказать не только изменников, но и всех индифферентных, всех, кто относится пассивно к событиям и ничего не делает для республики... Надо подчинить оружием тех, кто не хочет подчиниться правосудию, надо обуздать тиранов!» Сен-Жюст иллюстрировал эту программу вызванного отчаянием терроризма ужасающей картиной гражданского и военного бюрократизма, а также экономического и морального положения страны. Он указал на заведующих госпиталями, снабжающих мукой вандейских мятежников; на чиновников, уполномоченных выполнить

закон о скупщиках, которые сами занимаются скупкой; на приобретателей национальных имуществ, покупающих их за бесценок и расплачивающихся ничего не стоящими бумажками; на богачей, увеличивающих свои состояния за счет снижения ассигнаций и дороговизны жизни. «Патриотизм — это торговля словами, каждый жертвует всеми другими и никогда не жертвует своими интересами». Он предвидел, что закон о всеобщем максимуме вызовет новые спекуляции и находил единственный выход в том, чтобы дать правительству тот нерв, которого ему не доставало. Надо поместить на всех ступенях ответственность рядом с исполнительной властью: «всюду надо поместить меч рядом с возможным злоупотреблением». Надо искать поддержки у бедных классов населения и у простых солдат, страдания которых должны быть облегчены. «Несчастный солдат несчастнее всех других людей: зачем он сражается, когда ему нечего защищать, кроме правительства, которое он покидает?» Депутаты, командированные в армии, должны быть отцами и друзьями солдат, спать в палатках вместе с ними, делить их тяжелую жизнь. Чтобы добиться выполнения приказов Комитета, надо отдать под его непосредственный надзор не только Исполнительный совет, как было до сих пор, но и генералов и все органы власти. Пусть будет провозглашено, что правительство останется революционным до заключения мира, т. е., что вотированная в июле конституция будет решительно отстранена, что диктатура будет легализована, что выборный принцип будет временно подчинен принципу твердой власти. Пусть Комитет получит возможность осуществлять свой надзор, т. е. сокрушать существующие выборные власти. Чтобы добиться быстрого выполнения революционных законов, Комитет будет непосредственно сообщаться уже не с администрациями департаментов, как прежде, но с дистриктами, которые сделаются подсобной пружиной новой организации.

Чтобы обеспечить проведение максимума, все зерновые запасы республики будут взяты на учет: это даст возможность использовать полностью право реквизиции. Вся территория будет разделена на продовольственные зоны, и Париж со своим округом будет обеспечен продовольствием на год. Всякое сопротивление будет преодолено центральной революционной армией, отряды которой будут размещены в непокорных общинах за счет богачей. Сен-Жюст предусматривал также создание спе-

циального трибунала вроде «chamber ardente», который принудил поставщиков и всех располагавших после 1789 г. общественными суммами вернуть все, неправильно ими присвоенное.

Все предложенные Сен-Жюстом меры были приняты без прений. Опасения, которые он выражал по поводу успешного проведения максимума, немедленно оправдались. Как только твердые цены стали известны в Париже и во всех городах Франции, жадная толпа немедленно опустошила все склады. Торговцы, не имея товара, начали закрывать свои лавки. В Париже Шометт угрожал им экспроприацией имуществ, и Коммуна под его влиянием потребовала, чтобы Конвент «обратил внимание на сырье и фабрики, в целях их реквизиции, угрожая наказанием всем владельцам или фабрикантам, которые оставят их в бездействии, или даже предоставив сырье и фабрики в распоряжение республики, которая располагает достаточными средствами, чтобы их использовать». Целью экспроприации являлся коллективизм: республика сама поднимет земледельческую и промышленную продукцию. Но ни Конвент, ни Комитет не хотели прибегать к таким решительным мерам, осуществить социальную революцию для проведения максимума, к которому сами они подчинялись скрепя сердце.

Коммуна проявляла лихорадочную деятельность. Она контролировала распределение существующих съестных припасов путем осуществления права реквизиций и введения карточек на хлеб, мясо, сахар, мыло и т. п., другими словами, — путем установления пайков. Она боролась с участвовавшей фальсификацией вин посредством учреждения должности специальных комиссаров для пробы вина. Она уполномочила комиссаров по борьбе со скупкой производить домовые обыски даже у частных лиц. Она принуждала к соблюдению твердых цен полицейскими мерами, угрожая виновным законом о подозрительных. Большая часть городов подражала примеру Парижа или даже превосходила его.

Но если с распределением существующих продуктов дело обстояло более или менее сносно, то дальнейшее снабжение продовольствием становилось все более затруднительным, так как у рынков уже не было побудительных причин поддерживать количество выставленных на продажу товаров. Чтобы восстановить циркуляцию товаров, которая могла бы усилить продукцию и обеспечить быструю доставку недостающих продуктов, надо

было сделать еще один шаг по пути к централизации. 22 октября Комитет добился учреждения продовольственной комиссии из трех членов, снабженной самыми широкими полномочиями. Пользуясь правом реквизиции, она могла завладеть всеми съестными продуктами по твердым ценам и распределить их между дистриктами. Она получила высшую власть над всей земледельческой и промышленной продукцией, над транспортом, фабриками, рудниками, углем, лесами, над импортом и экспортом. Она могла требовать вооруженную силу. Она должна была подготовить ревизию твердых цен, установление которых уже не зависело от произвола местных властей, а подчинялось твердым принципам, изложенным Барером 11 брюмера. Твердые цены устанавливались на таких основах: «1) для складов сырья, 2) для фабрик, 3) для оптовых торговцев, 4) для розничных торговцев»; кроме того, выработывалась транспортная такса соответственно расстояниям. Чтобы подготовить эту новую, единообразную и последовательную таксу, соблюдающую интересы фабриканта, оптового торговца и розничного торговца, чтобы восстановить циркуляцию товаров, Продовольственная комиссия предприняла грандиозную анкету, порученную специальному бюро — «бюро максимума». Анкета должна была занять несколько месяцев, и новые расценки могли появиться только весной 1794 г. В ожидании приходилось довольствоваться временными средствами, т. е. реквизициями и пайками.

Робер Ленде, отозванный из своей командировки в Кальвадосский департамент, принял руководство Продовольственной комиссией 2 ноября. Он возражал, по его словам, против того, чтобы революционную армию употребляли для реквизиций. Ограничились тем, что разместили ее в виде отдельных гарнизонов по городам Ильде-Франса. Ввиду ее бездействия специальный революционный трибунал, который должен был сопровождать ее при всех ее передвижениях, так и не был основан.

Вместо того чтобы употребить вооруженную силу для проведения реквизиций и твердых цен, Комитет предпочел усилить административную централизацию. Билло-Варенн повторил 28 брюмера критические замечания Сен-Жюста по поводу злонамеренного бездействия местных властей, не применявших на практике таких популярных декретов, как декрет о пособиях родственникам волонтеров, и декреты, касающиеся продовольственной проблемы. Он предложил обязать местные власти представлять

каждые десять дней отчет о своих действиях, публиковать законы в специальном бюллетене, возложить на всех чиновников денежную и уголовную ответственность, уполномочить депутатов и Комитет замещать всех слабых или подозрительных представителей власти, помимо выборов. Кроме того, 9 фримера он предложил запретить депутатам передавать свои полномочия, чтобы не было никаких посредников между Комитетом и дистриктами, распустить всю департаментскую вооруженную силу и отменить все отзывавшие федерализмом департаментские комиссии по надзору. Его проект был окончательно вотирован 14 фримера с оговоркой, которая его еще более усилила. Дантон заявил, что выполнение законов не следует доверять выборным магистратам: «Я требую, чтобы в каждом департаменте был национальный прокурор и чтобы, во избежание всякого воздействия со стороны случая, родства или богатства,— этих надсмотрщиков, этих агентов всего народа назначал Комитет общественного спасения. Пусть они не будут, как были до сих пор, местными людьми, но представителями всей республики» (3 фримера). После некоторых колебаний Комитет согласился на учреждение таких национальных агентов, назначаемых правительством, а не по выборам, и уже предвещавших префектов Наполеона. Файо и Мерлену из Тионвилля, защищавшим выборный принцип, Кутон ответил: «В настоящий момент надо избегать назначения не только опасных, но даже сомнительных общественных должностных лиц».

Благодаря закону 14 фримера, который после некоторых изменений сделался конституцией республики на время войны, все управление Францией сконцентрировалось в Париже, как это было до 1789 г. Существовавшие еще выборные власти находились под надзором национальных агентов, назначенных Комитетом и пользовавшихся правом доносить на магистрат и чиновников, которые знали, что при малейшей оплошности будут отозваны, внесены в списки подозрительных лиц и подвергнуты тюремному заключению.² Для замещения властей уже не прибегали к выборам; как это делалось еще в период массового набора,— депутаты в командировках, или национальные агенты ограничивались тем, что спрашивали совета у народных обществ и затем составляли список заместителей.³ Декрет 5 брюмера отменил выборы муниципалитетов. На практике суверенитет народа, право выбора, сосредоточилось в клубах, т. е. в партии,

стоявшей у власти. Самые клубы были очищены. Революционное правительство превратилось в диктатуру партии, осуществляемую в пользу одного класса населения — класса потребителей, ремесленников, мелких собственников и бедняков, — и руководимую людьми буржуазного класса, неразрывно связавшими свою судьбу с революцией, в особенности же теми из них, которые разбогатели на производствах, связанных с войной.

Диктатура партии или класса устанавливается чаще всего силой, и это является необходимостью во время войны. Революционное правительство имело своим роковым спутником террор.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

очти не бывало примера, чтобы в стране, ведущей одновременно внешнюю и гражданскую войну, правительство не ввело сокращенного и ускоренного судопроизводства для предотвращения сношений с врагом, заговоров и возмущений.

Для суда над преступлениями против безопасности государства Учредительное собрание создало Верховную палату, назначаемую по выборам избирательными коллегиями департаментов. Новая судебная власть, которая оправдывала или избегала судить обвиняемых, переданных ей Законодательным собранием, обманула ожидания революционеров. После восстания 10 августа победоносная Коммуна потребовала образования чрезвычайного уголовного трибунала, вроде военного суда, судьи и при-

сяжные которого были избраны парижскими секциями. Этот трибунал, трибунал 17 августа, произнес несколько смертных приговоров, смягченных оправдательными приговорами. Он не противодействовал сентябрьским убийствам. Жирондисты, подозревавшие его за монтаньярское происхождение, упразднили его 29 ноября 1792 г., между тем как Верховная палата исчезла еще 25 сентября. Революция не имела более политической судебной власти. Обвиняемые в заговорах против безопасности государства, как, например, приказчики королевских имуществ Сен-Фуа и Дюфрен-Сен-Лион, мадам де Роган-Рошфор, обвиненная в сношениях с эмигрантом Бертрамом-де-Мольвиллем, бывший страсбургский мэр Дитрих, соучастник мятежа Лафайета, и многие другие — привлекались к суду обыкновенных уголовных трибуналов, которые, большей частью, их оправдывали. Жирондисты стояли во главе правления, наши победоносные армии заняли Бельгию, — революция думала, что сможет безопасно проявить великодушие.

Но в начале марта пришли известия о поражении при Альденховене, об утрате Льежа, затем о вандейском восстании. Так же, как после взятия Лонгви, были спешно предприняты рекрутские наборы. 8 марта парижские секционеры потребовали «немедленного учреждения трибунала, приговоры которого не подлежали бы апелляции, — чтобы положить предел дерзости главных виновников и всех врагов общественного дела». Комиссары, которых Конвент только что назначил для проведения набора 300 тыс. человек по департаментам, заявили, что они не отправятся к местам своего назначения, пока не будут учрежден революционный трибунал. День и ночь Собрание шумно обсуждало этот вопрос. Оно решило учредить чрезвычайный уголовный трибунал, судьи и присяжные которого будут назначены самим Конвентом, а не народом: «Трибунал будет ведать всеми контрреволюционными делами, всеми покушениями на свободу, равенство, единство и неделимость республики, на внутреннюю и внешнюю безопасность государства и всеми заговорами, направленными к восстановлению королевской власти или созданию всякой другой власти, посягающей на свободу, равенство и суверенитет народа, независимо от того, будут ли обвиняемые гражданскими или военными чиновниками или простыми гражданами». Его приговоры не подлежат ни апелляциям, ни кассациям. Имущества приговоренных к смерти поступают в пользу рес-

публики под условием, что будет оказана помощь их несостоятельным родственникам. С целью ускорить создание нового трибунала было решено назначить временных судей и присяжных из жителей Парижа и соседних департаментов, и 13 марта это назначение состоялось.

Но жирондисты, подчинившиеся учреждению трибунала, немедленно вознаградили себя избранием комиссии из шести членов, которая одна только имела право привлекать обвиняемых к суду политического трибунала. Комиссия, состоявшая из шести жирондистов и одного монтаньяра (Приер из департамента Марны), не выставила ни одного обвиняемого. Трибунал был парализован.

Но 2 апреля пришло известие об измене Дюмурье. Судьи и присяжные трибунала тотчас же отправились в Конвент и выразили протест против бездействия, к которому их принудили. «Народ знает заговорщиков и требует их наказания». По предложению Альбитта, Комиссия шести была упразднена. Через три дня Шарлье предложил, чтобы общественный обвинитель был уполномочен привлекать непосредственно к суду революционного трибунала, без предварительного декрета Конвента, всех обвиненных в заговорах. Дантон дал понять, что преступники этого рода настолько многочисленны, что Конвент фактически не имел бы времени расследовать их дела и потерял бы слишком много драгоценного времени на голосование против них обвинительных декретов. «Если бы деспотизм одержал победу,— добавил он,— вы вскоре увидели бы превотальные трибуналы во всех департаментах, учрежденные для того, чтобы снять головы со всех патриотов, даже с тех, которые не проявили особого патриотизма». И в самом деле, в 1815 г. можно было наблюдать деятельность таких превотальных судов. Дантон, тем не менее, добился оговорки, согласно которой ни один генерал, министр или депутат не мог быть привлечен к суду трибунала без предварительного декрета Конвента. Все эти предложения были вотированы, несмотря на заявление Бартару, протестовавшего против судебной диктатуры, предоставленной одному человеку — общественному обвинителю.

На следующий день, 6 апреля, трибунал имел свое первое заседание. Он рассмотрел дело одного вернувшегося эмигранта, найденного в Бург-ла-Рейн с двумя паспортами и белой кокардой. Эмигрант был приговорен к смерти. Судьи и присяжные плакали. Эти представители правосудия не были жестоки. Выполняя свой тяжелый

долг, они твердо надеялись спасти революцию и Францию.

Жирондисты имели неосторожность отправить в трибунал Марата, обвинив его в подстрекательстве к грабёжам, убийствам и роспуску Конвента. Процесс Марата закончился 24 апреля торжественным оправданием. Трибунал оправдал одного за другим многих генералов: «23 апреля — д'Арамбюра, обвиненного в передаче муниципалитету Нёфбриаша роялистских прокламаций; д'Еспарбеза, заместившего в управлении Сан-Доминго Бланшеланда, уже приговоренного к смерти за то что, он заключил в тюрьму патриотов и поддерживал восстание аристократов; затем в мае — Миранду, Стенжеля, Лану, замешанных в бельгийских неудачах. Только два генерала, Мячинский и Лескиер, соумышленники Дюмурье, были приговорены к смерти: над ними тяготели неопровержимые улики. Последующие заседания протекали в тишине, формы были соблюдены. Защитники и подсудимые могли свободно выражать свои мнения.

Несмотря на федералистское восстание, трибунал не ускорил своей деятельности. С 4 по 18 июня он посвятил ряд длинных заседаний процессу бретонского заговора; он произнес по этому делу 12 смертных приговоров соумышленникам Ла Руари и 13 оправдательных приговоров. 12 осужденных на смерть воскликнули: «Да здравствует король!» и обнялись на эшафоте. Философски настроенный полицейский Дютар пишет в своем отчете об этой экзекуции: «Должен вам сказать, что в области политики такие экзекуции производят наиболее сильное впечатление, но самое значительное их действие заключается в успокоении народного недовольства, вызванного его тяжелыми бедствиями. Народ осуществляет, таким образом, свою месть. Жена, потерявшая мужа; отец, потерявший сына; торговец, вынужденный прикрыть свою торговлю; рабочий, расплачивающийся за все по таким высоким ценам, что от его заработка почти ничего не остается, — способны примириться со своими бедствиями только при виде людей еще более несчастных, которых они считают к тому же своими врагами».

Председатель трибунала Монтане попытался спасти Шарлотту Корде. Третий вопрос, поставленный присяжным, были формулирован следующим образом. «Действовала ли она предумышленно, с преступными и контрреволюционными намерениями?» Монтане вычеркнул в черновике слова «предумышленно» и «контрреволюционными» в надежде, что преступление Шарлотты Корде

будет рассмотрено как акт умышленного убийства или как обыкновенное убийство. В предшествующем процессе, процессе убийц Леонара Бурдона, члена Конвента, замученного и убитого во время своей командировки в Орлеан, Монтане вычеркнул в черновике приговора, отправленном в набор, даже освященную законом фразу: «имущества осужденных поступают в пользу республики», так что никакой конфискации не могло быть произведено, хотя между осужденными, по словам Приера из Марны, было несколько миллионеров. Обе фальсификации Монтане были тотчас же обнаружены. Он погиб бы на эшафоте, если бы Фукье-Тенвилль не забыл его преднамеренно в тюрьме.

Процесс Кюстина занял почти всю вторую половину августа. Генерал Мусташ защищал каждый свой шаг, отвечал каждому свидетелю, заставил вызвать в суд многих генералов, находившихся в действующей армии, допросить которых ему не разрешили. Аудитория была явно на его стороне. Присяжные начали колебаться. Якобинцы взволновались. «Трибунал, учрежденный с целью развития революции,— заявил Робеспьер в Якобинском клубе 25 августа,— не должен задерживать ее своей преступной медлительностью, пусть он будет так же активен, как само преступление, и всегда остается на одном с ним уровне». Осужденный два дня спустя Кюстин 28 августа с твердостью встретил смерть. Он был виновен только в неподчинении приказам Бушотта, в необдуманных речах, в плохих военных распоряжениях. Он был искупительной жертвой за капитуляции Майнца и Валансьена.

5 сентября восторжествовал эбертизм. Новый период открылся в истории трибунала, число членов которого, по докладу Мерлена из Дуэ, было увеличено и разделено на четыре секции, причем две из них функционировали одновременно. Список новых судей и присяжных составил Комитет общественного спасения, соединенный с Комитетом общественной безопасности.

И те и другие принадлежали большей частью к буржуазии или к свободным профессиям. Здесь были бывшие священники, например, Лефец и Руане художники и граверы — Шатле, Топино-Лебрен, Самба, Приер, Жирар; банкир Виктор Энуен; врачи и хирурги — Субербиль, Бенко, Мартин; торговцы и промышленники — Дюплеи, Биллон; серебряники и ювелиры — Клиписис, Жирар, Компань; портные — Обри, Гримон, Пресселен; слесарь Дидье; сапожник Северьев; печатник Никола; шляпочник Борон; бакалейный торговец Лошф; укусный мастер Гравье и др. Санкюлотов в собственном смысле слова не было, если только не причислять к ним таких бюрократов, как Клеманс,

работавший по изготовлению ассигнаций. В числе членов трибунала были и два маркиза — Антонелль и Леруа де Монфлабер, присвоивший себе имя «Десятое августа». Почти все они получили образование.

После того как орудие репрессий было усовершенствовано и получило окончательную форму, следовало подумать о расширении его деятельности. Контрреволюция боролась с существующим режимом не только путем восстаний, заговоров, измен и шпионажа, — она употребляла в дело, пожалуй, еще более грозное оружие — голод, мошенничества со съестными продуктами и поставками. 29 сентября Конвент, вотируя великий декрет о всеобщем максимуме, постановил, что с недобросовестными поставщиками будут поступать так же, как с заговорщиками и, следовательно, они будут привлечены к суду революционного трибунала. Этот грозный декрет был вотирован по жалобе молодых рекрутов, положивших на бюро Конвента пару сапог с подошвами из дерева и картона. Комиссия торговых сделок проявила энергичную деятельность. Поставщиков, привлеченных к суду трибунала за мошенничества, за недозволенное повышение цен, за нарушение максимума, было очень много.

С октября начались крупные политические процессы. Сначала процесс королевы, продолжавшийся с 14 по 16 октября, затем процесс жирондистов, потребовавший целой недели, с 24 по 30 октября.

Королева, уроженка Австрии, была осуждена заранее. Она мужественно умерла под крики несметной толпы: «Да здравствует республика!»

Жирондисты, в количестве 21, пытались защищаться. Только один из них, Буало, лишился присутствия духа, покаялся в своих заблуждениях и объявил себя искренним монтаньяром, но это его не спасло. Остальные держались твердо. Верньо, Бриссо, Жансонне произнесли целые речи в ответ свидетелям, который были их врагами. Якобинцы пришли в раздражение. Они потребовали у Конвента закона, который освободил бы трибунал «от форм, заглушающих сознание и противодействующих убеждению», который «предоставлял бы присяжным право заявить, что они составили себе определенное мнение». Осселен предложил текст закона, который Робеспьер нашел слишком неопределенным. «Я предлагаю декретировать, — сказал Робеспьер, — чтобы после трех дней дебатов председатель трибунала спрашивал у присяжных, составили ли они себе достаточно ясное представление о деле. В случае отрицательного ответа след-

ствие в суде будет продолжено до тех пор, пока присяжные не заявят, что могут вынести свой приговор». Декрет был вотирован и немедленно сообщен на заседание революционного трибунала. Запрошенные присяжные сначала ответили, что еще не составили себе ясного представления о деле. Был уже шестой день процесса. Но в тот же вечер присяжные заявили, что их убеждение окончательно установилось. Жирондисты, присужденные к смерти единодушным вердиктом, встретили приговор криками и ругательствами. Валазе, при выходе из зала заседания, закололся кинжалом. Трибунал распорядился, чтобы труп был доставлен на телеге к месту казни. Огромная толпа с криком «Долой изменников!» смотрела на смерть жирондистов.

Закон об ускорении приговоров имел своим роковым следствием увеличение числа осуждений. С 6 августа по 1 октября было произнесено 29 смертных приговоров, 9 приговоров к ссылке и 24 оправдательных приговора, не считая 130 арестов без всяких последствий. В следующие три месяца, до 1 января 1794 г., из 395 обвиняемых 194 были оправданы, 24 приговорены к ссылке, тюремному заключению и принудительным работам, 117 осуждены на смерть, из них 51 — в октябре, 58 — в ноябре и 68 — в декабре.

Политические процессы следовали один за другим. Филипп-Эгалите, засвидетельствовавший столько раз свою преданность революции, был осужден как соумышленник жирондистов и Дюмурье, так как его старший сын, будущий Луи-Филипп, принял участие в измене генерала. Монтаньяры, предавая его казни, надеялись очиститься от обвинения в орлеанизме, которое так часто выставляли против них их противники. Затем мадам Ролан пришлось поплатиться за своего бесследно скрывшегося мужа; кроме того, она скомпрометировала себя перепиской с Барбару и Дюпре. Узнав о ее смерти, ее муж лишил себя жизни, не столько, может быть, от огорчения, сколько для того, чтобы помешать конфискации своих имуществ, так как у него была дочь. Бывший парижский мэръ Байи поплатился за избивание республиканцев на Марсовом поле. Байи был казнен на Марсовом поле, на месте своего «преступления», посреди оскорбительных криков многочисленных зрителей. Затем последовали: жирондист Пьер Манюель, фейьяны Барнав и Дюпор-Дютертр, генералы Брюне, Гушар, Ламорлиер, Бирон. Последний выразил на эшафоте свои роялистские чувства, оправдав, таким образом, до некоторой степени приговор, осудивший его на смерть. Кроме этих известных осужденных, был еще целый ряд неизвестных — жертв

разных законов об эмигрантах, скупщиках, сношениях с неприятелем, призывах к мятежу.

Революционный трибунал, учрежденный в тот момент, когда известие о вандейском восстании еще не дошло до Парижа, должен был один, по первоначальному замыслу, обслуживать всю Францию. Затем восстали другие области Франции. Парижский трибунал не мог удовлетворить потребности в репрессиях. В местах, охваченных гражданской войной, прибегали к военным методам. Закон 19 марта 1793 г., направленный против вандейцев, создал военные комиссии из пяти членов, присуждавшие к смерти мятежников, взятых с оружием в руках, ограничиваясь удостоверением их личности. Мятежников, арестованных без оружия, предавали большей частью суду обыкновенных уголовных трибуналов, которые судили их революционным порядком, т. е. без применения апелляций и кассаций.

Репрессии в провинциях находились в прямом отношении к опасности восстания. Восстание в Нормандии, распространившееся после бескровной битвы при Верноне, повлекло за собой только несколько отрешений от должности и арестов. За все время террора в Кальвадосе не было вынесено ни одного смертного приговора. Конвент удовлетворялся символическим жестом. По предложению Делакура и Тюрио он постановил 17 июля, «чтобы дом, которым Бюзо владел в Эвре, был срыт, и на его развалинах поставлен столб с надписью: «Здесь было убежище злодея Бюзо, который, будучи народным представителем, замышлял гибель республики».

Более позднее восстание в Лионе имело несравненно более серьезный характер. Мятежники заключили в тюрьму и казнили многих монтаньяров. Репрессии были очень суровы. Они приобрели не только политический, но и социальный характер. 12 октября Конвент постановил по докладу Барера: «Город Лион будет разрушен. Все дома, населенные богачами, будут разрушены. Останутся только дома бедняков, изгнанных патриотов, здания, отведенные специально для торговли, и памятники, посвященные человечеству и народному просвещению».

Пока в Лионе, получившем новое название «Освобожденного города», оставались Кутон и Менье, репрессии не заключали в себе ничего экстраординарного. Кутон отметил на площади Беллькур несколько домов, которые начали медленно разрушать. Но в начале ноября явились Колло д'Эрбуа и Фуше с отрядом революционной армии,

под командой Рожена. Колло организовал большое истребительное празднество в память Шалье на площади Терро. Были провозглашены новые назначения. Прежняя комиссия народного правосудия, созданная Кутоном, была упразднена за излишнюю снисходительность и заменена революционной комиссией под председательством Парена. Расстрел залпами и картечью заменил гильотину, признанную слишком медленной. 14 фримера (4 декабря) 60 осужденных молодых людей были поставлены под пушки на равнине Бротто. Их связали по двое между двумя параллельно вырытыми рвами, предназначенными для их трупов. Пушечный залп убил только треть из них. Остальных пришлось прикончить ружейными выстрелами. На следующий день на том же месте были расстреляны 208 осужденных 18 фримера — 67, 23-го — 32. Расстрелы прекратились только 22 плювиоза (10 февраля). Комиссия Парена вынесла 1.667 смертных приговоров. Эти гнусные убийства нельзя было оправдать даже боевою горячкой. Они начались через два месяца после окончания осады. Они не могли быть полезны и в качестве примера, так как сам Колло писал Комитету 17 брюмера: «Самые экзекуции не произвели того впечатления, которого можно было бы от них ожидать. Длительные осады и ежедневная опасность, которым подвергался каждый житель города, внушили своеобразное безразличное отношение к жизни, которое можно даже назвать презрением к смерти. Вчера один зритель, возвращаясь с места казни, сказал: «Это не слишком страшно. Что бы мне сделать, для того чтобы быть гильотинированным? Оскорбить депутатов?» Хладнокровно рассуждавший человек вывел бы заключение, что не следует злоупотреблять смертной казнью. Но Колло, любивший театральные жесты, вывел обратное заключение, а именно, что гильотине следует дать подкрепление. Он даже предложил Робеспьеру, впрочем без успеха, рассеять по всей Франции 60 тыс. лионских рабочих, которые, по его мнению, никогда не могли сделаться республиканцами.

Гражданская война на западе отличалась жестокостью, и репрессии были там особенно суровы. В главных городах функционировали военные комиссии, судившие вандейцев, взятых с оружием в руках. Такие комиссии были в Анжере, Ренне, Лавале, Туре, Нанте и др. Комиссия в Анжере расстреляла в Дуэ 3 нивоза 69 мятежников, на следующий день — 64, 6 нивоза — 208, в Анжере 23 нивоза — 100 и т. д. В Анжере осужденные были приведены

на место казни, «Изгородь добрых людей», которое называем теперь «Полею мучеников», с музыкой, власти были в парадной форме, солдаты стояли шпалерами.

В Нанте репрессии, организованные Каррье, превзошли своей жестокостью лионские расстрелы. Каррье, жестокий уроженец Оверни, отличавшийся склонностью к крепким напиткам, прибыл на следующий день после поражения майнцев у Торфу и взятия Нуармутье, отданного Шаретту жителями. Он думал, что окружен изменниками и, может быть, боялся за свою жизнь. Чтобы добиться выполнения своих приказов и защитить свою жизнь, он окружил себя красной гвардией, ротой Марата, солдаты которой, в количестве 40 чел., получали 15 ливров вознаграждения в день. Он организовал вместе с тем тайную полицию под руководством настоящих мошенников — Фуке и Ламберти, присужденных впоследствии к смертной казни за взяточничество. Пленные вандейцы прибывали в Нант сотнями и тысячами. В тюрьмах, в которые они были набиты, появились тиф и холера. Эпидемия грозила распространиться среди жителей Нанта, несших стражу. И вот, чтобы ускорить очистку тюрем, Каррье организовал массовые потопления. Рота Марата набила в грузовые суда и маленькие лодки, отверстия в которых были сделаны заранее, сначала священников, затем вандейцев, вывезла этот человеческий груз на середину Луары, открыла отверстия и потопила его. 27 и 29 фримера Каррье собственноручно подписал приказ о предании смерти без суда и без всяких формальностей сначала 24 «разбойников», из которых двоим было 13 и двоим 14 лет, а затем 27 «разбойников» обоего пола. Надо было очень пристрастным или полным невеждой, чтобы отрицать его личную ответственность за этих убийства. Несомненно только одно, что эти жестокости не произвели в тот момент никакого впечатления на жителей Нанта, сделавшихся добычей голода. Каррье пощадил буржуазное население. Он ограничился отправкой в парижский революционный трибунал 132 скупщиков и федералистов, которые были оправданы после термидора. Возмущение против деятельности Каррье стало выявляться только к концу его командировки, когда массовые убийства начали угрожать здоровью городского населения. Жертв потопления по самому скромному подсчету было до 2 тыс. Военная комиссия, комиссия Виньона, расстреляла 4 тыс. вандейцев, спасшихся в битвах при Мансе и Савеней. Их трупы зарыли на каменоломне Ми-

зери под тонким слоем земли, и трупный запах проник в город и терроризировал его.

В эпоху, которую мы описываем, в конце 1793 г. кровавый террор ограничивался областями, опустошенными гражданской войной и тылом армейских фронтов. Центр Франции, значительно большая часть департаментов познала террор только в форме отрешений от должностей, арестов, иногда таксаций и борьбы с религией. Гильотина функционировала очень редко в этих мирных краях. Случайные смертные приговоры касались только эмигрантов, скупщиков или фальшивомонетчиков, которых судили обыкновенные трибуналы.*

Террор был роковой необходимостью переживаемого момента, и сами роялисты установили бы его против республиканцев, если бы оказались сильнее, как это и было на 3-й год республики и в 1815 г.* Переписка эмигрантов не оставляет в этом отношении никакого сомнения. «Я считаю необходимым подвергнуть Париж террору»,— писал 13 июля 1792 г. бывший министр, наперсник королевы, Монморен графу де ла Марш. «Чем больше пощады, тем больше полумер»,— восклицает герцог де Кастри в своих мемуарах, в апреле 1793 г.: «Необходимо, чтобы разбойники, опустошившие Францию; мятежники, возмутившие Европу; чудовища, убившие короля,— были стерты с лица земли». Граф де Фланшланден добавляет: «Я держусь того мнения, что пока Конвент не будет истреблен, сопротивление не прекратится». Таково было общее мнение эмигрантов. «Их намерения ужасны,— говорил секретарь прусского короля Ломбар, сопровождавший эмигрантов во время аргоннской кампании.— Если бы их соотечественники были преданы их мести, Франция превратилась бы вскоре в чудовищное кладбище» (23 июля 1792 г.). Революционеры, следовательно, убивали, чтобы не быть убитыми самим. Даже во Франции, всюду, где революционеры были недостаточно сильны, в Вандее, Марселе, Лионе, Тулоне,— их беспощадно истребляли. Они действовали в условиях самообороны. Но они защищали не только свои идеи, свою личную неприкосновенность и свои имущества. Они защищали вместе с тем отечество. Жозеф де Местр произнес следующий безапелляционный приговор: «Чего хотели роялисты, когда они добивались внезапной, насильственной контрреволюции? Они хотели завоевания Франции, ее разделения, уничтожения ее влияния и уничтожения ее короля». А между тем Жозеф де Местр руководил в 1793 г. шпионами сардинского короля, своего господина.

ИНОСТРАННЫЙ ЗАГОВОР

айные враги революции внушали Комитету не меньше опасений, чем его открытые враги. Он чувствовал себя окруженным шпионами. Бывший член Учредительного собрания д'Антрег, игравший при претенденте Людовике XVIII роль министра полиции, содержал в Париже агентов, регулярно осведомлявших его о положении дел посредством писем, написанных симпатическими чернилами. Эти агенты проникали под демагогической маской даже в канцелярии управлений. С целью навести шпионов на ложный след, Робеспьер записал в своей памятной книжке: «Иметь два плана; один для канцелярских служащих».

С давних пор подозревали, что иностранное золото предназначалось не только для выведывания наших во-

енных тайн, но и для возбуждения смут и создания всякого рода затруднений правительству. 11 июля 1793 г. в большом докладе, представленном от имени первого Комитета общественного спасения, который только что был упразднен, Камбон утверждал, что даже экономический и финансовый кризисы были усилены, если не вызваны, маневрами неприятеля. «С тех пор как я знаю,— сказал он,— что Питт ассигновал 5 млн. фунтов стерлингов на секретные расходы, я уже не удивляюсь, что с помощью этих денег сеют смуты на всем протяжении республики.

Если с помощью фонда в 120 млн. ассигнациями добились снижения нашего курса, то Питт со своими 5 млн. фунтов стерлингов добыл себе 500 млн. ассигнациями, при помощи которых ведет с нами жестокую войну. Некоторые администраторы департаментов помогают ему. Как уничтожить республику?— сказали они,— дискредитируя ассигнации».

Слова Камбона выражали только гипотезу. Но в конце июля в Комитет общественного спасения был доставлен портфель, потерянный одним английским шпионом на валу Лилля. Из находившихся в портфеле документов можно было заключить с полной уверенностью, что после января шпион распределил значительные денежные суммы между своими агентами, рассеянными по всей Франции. Он уплатил одному французу, по имени Дюплан, месячный оклад в 2.500 ливров. Он выдавал деньги в Лилле, Нанте, Дюнкирхене, Руане, Аррасе, Сент-Омере, Булони, Туаре, Туре, Кане, в городах, в которых именно и вспыхнули беспорядки. В виде инструкции он предписал своим корреспондентам заготовить фосфорные фитили, чтобы поджечь арсеналы и склады фуража. И пожары, действительно, принесли значительные убытки в Дуэ, Валансьене, в парусных мастерских лорианского порта, на патронных заводах Байонны, в артиллерийском парке Шемилле.

«Поднимите курс до 200 ливров за 1 фунт стерлингов,— писал он тому же корреспонденту:— Уплатите Гютнеру хорошее вознаграждение и уверьте его от имени милорда, что все его убытки компенсированы вдвойне и даже более... Надо понизить, насколько возможно, курс ассигнаций и не принимать ассигнаций без изображения короля. Поднимите цены на все съестные продукты. Прикажите вашим торговцам скупить все продукты первой необходимости. Если вы сможете убедить Котт .. скупить сало и свечи по любой цене, заставьте публику платить по 5 ливров за фунт».

Прочитав эти документы Конвенту на великом заседании 1 августа, Барер сделал вывод, что следует выслать

всех английских подданных, приехавших во Францию после 14 июля 1789 г. Камбон нашел эту меру слишком мягкой; она касалась только английских подданных. Он предложил арестовать временно, в виде меры общественной безопасности, всех подозрительных иностранцев без исключения. «Неужели вы думаете, что австрийцы, находящиеся во Франции, не являются, подобно англичанам, агентами Питта? Достаточно выделить из общего числа американцев и швейцарцев». Кутон напомнил, что английское правительство объявило изменниками отечеству всех английских подданных, поместивших свое имущество во Франции.

«Я требую, чтобы вы в свою очередь декретировали: 1) что все французы, которые поместят свои капиталы в лондонских банках, будут присуждены к денежному штрафу, равному помещенной сумме, половина которого поступит в пользу доносчика; 2) что все, поместившие свои капиталы в Лондоне до опубликования настоящего декрета, должны заявить об этом в течение месяца; в противном случае они подлежат взысканию такого же штрафа и будут, кроме того, признаны подозрительными и подвергнуты как таковые аресту».

Все эти предложения были вотированы.

До сих пор революция проявляла большую снисходительность по отношению к неприятельским подданным, проживавшим во Франции. Многие из них получали административные места. Они встречались даже в революционных комитетах и заседали в Конвенте, как, например, Анахарсис Клоотс, Дентцель или Томас Пейн. Шпионам легко было выдать себя за иностранных патриотов, преследуемых за свои идеи. Этих мучеников свободы встречали с восторгом. Они добывали себе могущественных покровителей не только в клубах, но и в комитетах Конвента, даже в правительстве.

Английский банкир Уолтер Бойд, бывший банкиром Питта и английского министра иностранных дел, открыл со своим компаньоном Кером отделение своего лондонского дома в Париже. Он сумел снискать благоволение депутатов Делоне из Анжера и Шабо, защищавших его, когда он находился в опасности. Посредством взноса 200 тыс. ливров Шабо, бывший членом Комитета общественной безопасности, добился снятия печатей, наложенных на его банк в ночь с 7 на 8 сентября. И когда, спустя месяц, Бойду угрожал арест, Шабо достал ему паспорт, с которым он мог бежать и вернуться в Англию.

Когда Дантон был арестован, в его бумагах нашли письмо, адресованное Английским министерством иностранных дел невшательскому банкиру Перрего, прусского подданному, обосновавшемуся в Париже, с предложением передать различным лицам, обозначенным инициалами С. Д., W. T., Де М., значительные денежные суммы (3 тыс., 12 тыс. и 10 тыс. ливров) в благодарность за «существенные услуги, которые они нам оказали, раздувая огонь возмущения и доводя якобинцев до пароксизмов ярости». Это письмо могло фигурировать в бумагах

Дантона только потому, что Перрего сообщил его Дантону как лицу непосредственно заинтересованному. Есть много оснований думать, что Перрего имел постоянные сношения с английским правительством.

Бельгийский банкир, австрийский подданный Берхтольд Проли, которого считали незаконным сыном канцлера Кауница, был уполномочен венским правительством подкупить бельгийцев, принадлежавших к партии фонкистов. Обосновавшись в Париже, он основал там газету «Космополит», защищавшую английскую политику. Эта газета исчезла после объявления войны, так как уже не могла принести никакой пользы. Проли завязал сношения с журналистами вроде Камилла Демулена. Он вел широкий образ жизни в своей квартире в Пале-Рояле. Ему удалось снискать доверие Эро де Ссшелля, который подобно ему отличался склонностью к чувственным наслаждениям. Эро держал его при себе в качестве секретаря даже после своего вступления в Комитет общественного спасения. Министры Лебрен и Дантон поручили Проли секретные дипломатические миссии. Он сделался закадычным другом Дефье, главного лица в якобинском комитете корреспонденций, в котором он был казначеем. Через Дефье, субъекта очень подозрительного, Проли проник во все тайны Якобинского клуба. Дефье был почти неграмотен. Проли составлял его речи. Проли имел связь со многими монтаньярскими депутатами, например, с Бантаболом, Жанбон Сент-Андре, Жеем из Сен-Фуа. Дефье пользовался покровительством Колло д'Эрбуа, хотя и был скомпрометирован документами железного шкафа, и хотя его считали пайщиком игорного дома мадам де Сент-Амарант.

Другой бельгийский банкир, австрийский подданный Валькирс, сыгравший, подобно Проли, двусмысленную роль в революции своей страны, обосновался в Париже после измены Дюмюрье. Так как он был очень богат, его подозревали в распределении денежных сумм между журналистами и членами клубов в интересах австрийской политики.

Деклассированный испанский дворянин Гюцман, также отдавшийся банковским операциям и интригам, составил себе, благодаря своей щедрости, многочисленную клиентуру в секции Лик. Он сумел проникнуть в Повстанческий комитет, подготавливавший революцию 31 мая; но уже в то время он возбуждал такие подозрения, что его прогнали из комитета. Сен-Жюст упрекал впоследствии Дантона за то, что он устраивал с Гюцманом обеды по сто экю с персоны.

Два моравских еврея, Зигмунд Готлоб и Эммануил Добруска, бывшие поставщиками императора Иосифа II в его войну с турками и получившие за это дворянство вместе с именем Шенфельд, прибыли во Францию на следующий день после объявления войны. Они выдали себя в Страсбургском клубе за преследуемых патриотов и под именем Фрей (свободные) добились, путем своевременной щедрости, покровительства члена клуба Шарля Лаво, редактора «Страсбургского курьера», боровшегося в то время с фейьяном Дитрихом, мэром города. Они проводили Лаво и федератов Нижнего Рейна в Париж, накануне 10 августа, и не замедлили завязать в Париже прекрасные отношения с влиятельными депутатами, вроде Луи из департамента Нижнего Рейна, Бантоболя, Симона, Ришара, Гастона, Пиорри, Шабо. Они представили ряд проектов министру иностранных дел Лебрену и часто получали заемные письма из-за границы. Они были заинтересованы и в каперских судах республики, давали взаймы деньги, покупали национальные имущества, держали открытый стол в прекрасном отеле эмигрантов, в котором остановились. Чтобы избежать репрессий, касавшихся иностранных подданных, они пытались добиться французского гражданства, усыновив одного старика. Они проникли к якобин-

цам благодаря Шабо, который служил им поручителем. Обвиненные с самого начала в шпионаже, они долго скрывались от розысков. Их не беспокоили даже после того, как Шабо был изгнан из Комитета общественной безопасности. Шабо присутствовал при обыске в их квартире 26 сентября. Несколько дней спустя, 6 октября, он женился на их молодой сестре, имевшей 200 тыс. ливров приданого, и поселился в их отеле. Он имел наглость объявить об этом браке в Якобинском клубе, выставляя его как свидетельство того, что он остепенился и отказался от своего распутного образа жизни. Но якобинцы его осведостили, и между ними пронесся слух, что Шабо сам доставил Леопольдине Фрей приданое в 200 тыс. ливров, чтобы скрыть таким образом прибыль от своих хищений.

Все эти подозрительные иностранцы, многие из которых были агентами неприятеля, играли в политическом движении важную роль, обеспокоившую вскоре Комитет общественного спасения. Даже те из них, которые связали на время свою судьбу с судьбою Лафайета и Дюмурье, как, например, Проли и его неразлучный друг Дефье, проявляли теперь самый ярый патриотизм и проповедовали самые крайние меры. Они составляли существенное подкрепление партии эбертистов. «Отец Дюшен» был близок с голландским банкиром Коком, угощавшим его хорошими обедами в своем доме в Пасси. Анахарсис Клоотс, «оратор человеческого рода», заседавший в Конвенте, руководил крупной газетой «Батавец», которая была органом иностранных эмигрантов и проводила кампанию, параллельную кампании «Отца Дюшена». Клоотс, верный политике жирондистов, постоянно проповедовал необходимость революционизировать соседние страны. В манифесте, который он объявил 5 октября с трибуны Якобинского клуба, он требовал естественных границ для Франции, т. е. рейнскую границу. Его друг, Эро де Сешелль, подобно ему бывший жирондист, руководивший вместе с Барером иностранной политикой Комитета общественного спасения, отправил в Швейцарию секретных агентов, пропаганда которых встревожила наших соседей. Но Робеспьер и другие члены Комитета, озабоченные в то время доставкой продовольствия и сырья для нашего военного производства, поняли всю опасность неосторожной политики Эро, которая могла закрыть для нас швейцарский рынок. Они отвергли проект аннексии Мюльгаузена и отозвали секретных агентов, посланных за Юрские горы. Вместе с тем они отозвали Жене, нашего посланника в Соединенных Штатах, беспокоившего Вашингтона своими политическими интригами, и дали приказание 11 октября его арестовать. В большой речи, произнесенной в Конвенте 27 брюмера,

Робеспьер старался успокоить нейтральные державы, американцев, датчан, турок, а также швейцарцев — относительно намерений революционной Франции. Франция не мечтает покорить весь мир. Она хочет только защитить свою свободу и независимость маленьких наций. О завоеваниях мечтают только члены коалиции. Эта речь, встреченная аплодисментами Конвента, должна была утешить иностранных эмигрантов и их покровителей эбертистов, видевших спасение только в войне до конца, до создания всемирной республики.

Но иностранные эмигранты причиняли Комитету общественного спасения еще и другие заботы. Когда Конвент положил 5 сентября конец постоянной деятельности секций и ограничил их собрания двумя заседаниями в неделю, а потом в декаду, — эбертисты обошли закон, создав в каждой секции народные общества, собиравшиеся каждый вечер. Изобретательный Проли с помощью своих друзей, Дефье, бордоского еврея Перейры, драматического писателя Дюбюиссона нашел способ объединить эти народные общества в Центральном комитете, в котором он играл главную роль. Эта могущественная организация, находившаяся в непосредственном контакте с санкюлотами секций, сделалась соперницей по власти не только Якобинского клуба, но и Коммуны и даже Конвента. Эти объединенные народные общества, претендовавшие на представительство всего народа, могли породить секционное восстание, подобное тем, которые имели место в Лионе, Марселе, Тулоне, повторить 31 мая в обратном смысле, которое снова произвело бы чистку в Конвенте и ввергло бы Францию в анархию, предвестницу поражения и восстановления монархии. Проли, Перейра и их друзья не скрывали своего презрения к Конвенту и недоверия ко всем вообще депутатам. В середине брюмера Центральный комитет народных обществ распространил по секциям петицию, требовавшую у Конвента отмены жалования священникам и уничтожения конституционного культа.

Со времени учреждения революционного календаря многие города устроили гражданские празднества в честь последнего дня декады, который играл роль республиканского воскресенья, так, в Гавре, 21 октября (30 число 1 месяца), в Клермоне-на-Уазе — 10 брюмера. Но хотя эти празднества и конкурировали с религиозными праздниками, они все же не могли их отменить. Ньеврский епископ Толле принял даже участие в первых гражданских

церемониях, организованных Фуше. Некоторые священники уже поженились и отказались от своего служения, некоторые церкви были закрыты, но конституционное духовенство осталось в целом нетронутым. Уже Камбон добился постановления Конвента, что священники не являются государственными чиновниками, и их заработок — не жалованье, а только пенсия. Оклад епископов был уменьшен в этот же день, до 6 тыс. ливров, а епископских викариев — до 1.200 ливров (18 сентября 1793 г.). После 5 сентября все неженатые священники были исключены из комитетов надзора, а после 7 брюмера церковнослужителям запретили быть общественными наставниками. Наконец, 13 брюмера актив церковных имений и пожертвованные вклады были конфискованы, и, таким образом, содержание служителей культа зависело теперь от щедрости верующих. Некоторые из командированных депутатов сделали кладбища светскими, поощряли браки священников, председательствовали на светских церемониях, но все же не закрыли церквей. Священники в Ньевре, женившиеся под давлением Фуше, продолжали служить мессы. Ленъело и Лекинио превратили церковь Рошфора в храм Истины, но все же оставили священников при выполнении их обязанностей. Андре Дюмон в департаменте Соммы оскорблял священников, заставил их перенести свои богослужения на десятый день декады, но самых богослужений все же не отменил.

Несмотря на все, культ сохранился. Петиция Центрального комитета народных обществ угрожала самому его существованию, лишая его последних ресурсов. Авторы этой петиции не скрывали своего намерения путем отмены жалованья священникам нанести последний удар «жреческому деспотизму». Вечером 16 брюмера они отправились в сопровождении депутатов Клоотса, Леонара Бурдона и еврея Перейры к парижскому епископу Гобелю, разбудили его и заявили, что он должен пожертвовать собой для общественного блага, отказавшись от своего служения и приказав подчиненному ему духовенству закрыть церкви. Гобель обратился с запросом к своему епископскому совету, который 14 голосами против 3 высказался за подчинение приказу, и на следующий день, 17 брюмера, Гобель заявил сначала Парижскому департаменту, затем Конвенту, что его викарии и он сам отказываются от отправления своих обязанностей представителей католического культа. Он положил на бюро свой крест и кольцо и, под общие аплодисменты, накрыл

голову красным колпаком. Многие депутаты, которые были епископами или кюре, немедленно последовали его примеру, и этот пример нашел отклики во всей Франции. Спустя три дня, 20 брюмера, Парижская коммуна отпраздновала в Нотр-Дам, превращенном в храм Разума, большое гражданское торжество, на котором фигурировала артистка, одетая в трехцветное платье и символизовавшая Свободу. Приглашенный Коммуной Конвент присутствовал на празднестве в полном составе. Борьба с религией разгорелась. Ограбленные церкви закрывались тысячами и становились республиканскими храмами.

Комитет общественного спасения, борющийся с голодом, озабоченный проведением в жизнь таких трудных для выполнения законов, как максимум и реквизиции, стремившийся упрочить общественный порядок, испугался этого внезапного, могущественного движения, которое могло возобновить гражданскую войну и которое, действительно, возбудило многочисленные смуты,— движения, безответственные авторы которого, подданные чужих, враждебных республике держав, подобно Проли и Клоотсу, уже давно возбуждали подозрения.

В тот же вечер, 17 брюмера, когда Клоотс вернулся в Комитет общественного спасения после отречения Гобеля, Робеспьер обратился к нему с горячими упреками: «Ведь вы же говорили нам в последний раз, что следует занять Нидерланды, вернуть им независимость и обращаться с населением по-братски... Почему же вы хотите отделить от нас бельгийцев, затрагивая предрассудки, к которым, как вы знаете, они сильно привязаны?»—«О, о! — ответил Клоотс, — дело уже сделано. Нас уже тысячу раз называли нечестивцами». — «Да, — ответил Робеспьер, — но тогда к этому не было оснований». Клоотс побледнел, не нашел, что ответить, и вышел. Два дня спустя он добился председательского места в Якобинском клубе.

Робеспьер был убежден, что религиозная революция, которая могла сыграть наруку только членам коалиции, явилась результатом интриг их агентов, как и все крайние и неполитичные меры, навязанные Конвенту демагогией, вроде учреждения революционной армии и максимума. В большой речи 27 брюмера он подробно описал роль Питта в наших внутренних смутах, начиная с 1789 г., и ясно намекнул, что те, кто разрушает церкви, легко могут быть контрреволюционерами под маской демагогов.

Хотя Конвент был чист по своему составу, в его рядах

все же встречались корыстолюбивые люди и мошенники. 14 сентября пришлось изгнать из Комитета общественной безопасности депутатов Шабо, Жюльена из Тулузы, Базира, Осселена, которых всеобщая молва обвиняла в покровительстве поставщикам, аристократам и подозрительным банкирам. Обыск, сделанный 18 сентября у Жюльена из Тулузы, подтвердил эти подозрения. Шабо был настолько испуган, что сжег множество бумаг в своем камине.

Комитеты следили за поставщиками и их покровителями. 20 июля докладчик Комитета перевозок и Комитета общественного спасения Дорнье донес о скандальном утверждении бывшим министром Серваном договоров с подрядчиком по перевозкам д'Эспаньяком, который нашел способ получать 5 443 504 ливра звонкой монетой в месяц за услуги, на которые мог израсходовать только 1 502 059 ливров ассигнациями, упавшими к тому же на 50%. Несмотря на покровительство Делакура, Шабо и Жюльена, д'Эспаньяк был арестован. 29 июля Вилльтар представил уничтожающий доклад, направленный против Сервана, который также был отрешен от должности и арестован. Прежние договоры были аннулированы, и перевозки переданы в ведение управления. В сентябре разразилось дело депутата Робера. Этот друг Дантона, бывший журналист, держал в своем погребе бочки с ромом, которым торговал. Под предлогом, что ром не водка, он не объявил о своих запасах, как этого требовал закон о скупщиках. У него возник конфликт с секцией Марата, которая сделала на него донос в Конвент. После горячих прений, из которых он вышел морально осужденным, ему пришлось, для того чтобы избежать репрессий, пожертвовать ром в дар своей секции. Затем возникло дело депутата Перрена из департамента Об, который заключил договор на поставку холста для армии более чем на 5 млн. и в то же время принял назначение в члены Комитета торговых сделок, так что должен был сам следить за выполнением своей поставки. Разоблаченный Шарлье и Камбоном 23 сентября, Перрен признался в своем преступлении, был привлечен к суду революционного трибунала и приговорен к 12 годам тюремного заключения.

Самым серьезным из всех этих скандальных дел было дело Индийской компании, разразившееся как раз в тот момент, когда иностранцы предприняли ожесточенную борьбу с христианской религией. И по общественному весу скомпрометированных в нем лиц и по волнению,

которое оно возбудило, оно значительно превосходило обычные дела о мошенничествах. Оно получило важное политическое значение и сделалось источником раздоров в среде монтаньяров. Оно сообщило реальные, осязаемые формы иностранному заговору, существование которого давно подозревал Комитет общественного спасения. Оно усиливало борьбу партий, поставив между ними призрак преданного и проданного отечества.

В период больших опасностей, в июле и августе 1793 г., когда свирепствовал голод, когда наш курс катастрофически падал, депутаты-дельцы, о которых мы уже говорили, стараясь создать себе, с небольшими издержками, популярность и вместе с тем обогатиться, возымели идею возбудить обвинение против финансовых компаний, акции которых котировались на бирже выше государственных процентных бумаг. Делоне из Анжера, при поддержке Делакруа, донес о мошенничествах, к которым прибегали эти компании, чтобы ускользнуть от налога. Фабр д'Эглантин обвинил их в том, что они сбывали французские деньги в неприятельские страны и понижали стоимость ассигнаций, меняя их на реальные ценности, уходившие за границу. Жюльен из Тулузы пошел еще дальше. Он обвинил Индийскую компанию в том, что она снабжала деньгами покойного тирана. На кассы и бумаги Индийской компании были наложены печати. Фабр угрожал компаниям по страхованию жизни от огня, Водной компании, Учетной кассе, и 24 августа был вотирован принципиальный декрет, запретивший акционерные компании. Учетная касса была опечатана.

Угрожая финансовым обществам, Делоне и его соумышленники — Шабо, Базир, Жюльен из Тулузы, Фабр д'Эглантин — играли на понижение акций с помощью капиталов, предоставленных в их распоряжение д'Эспаньяком.

Они были недостаточно компетентны в финансовых вопросах, чтобы составлять самим те речи, которые выносили на трибуну. За именами Делоне, Шабо, Базира, Жюльена из Тулузы скрывался опытный в делах авантюрист, знаменитый барон де Батц.

Этот молодой гасконец, раздобывший себе фальшивые дворянские грамоты, чтобы поступить в армию до 1789 г., составил себе большое состояние путем удачных спекуляций. Он владел большею частью акций Парижской водной компании и компании по страхованию жизни, основанной братьями Перье за несколько лет до революции. Он вел широкий образ жизни и содержал самых модных артистов. Делегированный в Учредительное собрание, он был назначен, благо-

даря своим знаниям в области финансов, членом Ликвидационного комитета, в котором занял председательское место. Он задержал, насколько это было в его власти, ликвидацию пенсий старого режима, так как был в душе роялистом. Его подозревали в выдаче двору секретных денежных сумм. Когда была объявлена война, он эмигрировал и служил некоторое время в княжеской армии, в качестве адъютанта князя Нассау-Зигенского. Но после 20 июня он вернулся во Францию, чтобы предложить королю свои услуги. И на следующий день после его возвращения Людовик XVI записал в своей счетной книге: «Возвращение и прекрасное поведение господина де Батц, которому я должен 512.000 ливров». Достоинно замечания и наводит на размышления то обстоятельство, что Батц, этот роялист до мозга костей, пользовался неограниченным доверием жирондистского министра Клавьера, защищавшего его от всяких нападков. Перед 10 августа он переехал в Англию, в начале января 1793 г. вернулся во Францию и в самый день 21 января сделал, вместе с маркизом де ла Гиш, попытку освободить короля. С невероятной смелостью он перешел проезд бульвара в момент прибытия телеги, отвозившей Людовика XVI к эшафоту, восклицая: «Да здравствует король!» Он ускользнул от всех розысков. Генеральный прокурор, синдик Парижского департамента, Люлье был ему предан всей душой. Кроме того, он нашел покровителей в полиции и Коммуне. В мае 1793 г. Клавьер, который был еще министром общественных податей, снабдил его аттестатом в гражданственности. Он держал в то время при себе, в качестве секретаря и доверенного лица, бывшего агента Дантона — Бенуа, земляка и близкого друга Делоне из Анжера. Этот Бенуа получил секретную командировку от Дюмурие в Германию к герцогу Брауншвейгскому накануне объявления войны, затем от Дантона в Лондон на следующий день после 10 августа и к герцогу Брауншвейгскому после Вальми. Он был посредником между Батцем и депутатами дельцами, орудием шантажа, направленного против финансовых компаний, и орудием биржевых операций, явившихся следствием этого шантажа. В середине августа Батц собрал у себя за столом в своем Шаронском доме своих друзей и соумышленников: Шабо, Базира, Делоне, Жюльена из Тулузы, Бенуа, присоединив к ним литераторов Лагарпа, банкира Дюруа и нескольких дам: бывшую маркизу де Жансон, искавшую средств спасти королеву, мадам де Бофор, любовницу Жюльена, актрису Гранмэзон, любовницу барона, и гражданку де Бокер, любовницу Лагарпа. Очень возможно, что за этим обедом занимались не только делами. Барон был уверенным князем. Он пытался заинтересовать членов Конвента, своих соумышленников, в спасении королевы и жирондистов. Шабо показал впоследствии, что он предлагал миллион тем, кто поможет ему устроить бегство королевы, и что маркиза де Жансон содействовала его усилиям. На один момент этот умысел был обнаружен. 9 сентября, в заявлении, адресованном полицейскому комиссару секции Люксембурга, слесарь Зенгреле показал, что, находясь накануне в доме маркиза ла Гиш, куда он зашел навесить одного из своих приятелей — слугу маркиза, он услышал, как ла Гиш говорил Батцу: «Друг мой Батц, если департаментской федерации не будет оказана поддержка, Франция погибнет, Гора и санкюлоты уничтожат нас всех». Батц ответил на это: «Я пожертвую федерации все мое состояние. Надо во что бы то ни стало спасти Гаде, Бриссо, Верньо и всех наших друзей. Если департаменты решатся нас поддержать, мой план таков: уничтожить Гору и этих мошенников — санкюлотов». И жена Фонтанжа сказала: «Если Батц осуществит наши проекты, мы спасем Францию». Вследствие этого доноса в Шаронском доме Батца был произведен, для соблюдения формы,

обыск. Чичего, разумеется, не нашили. Батц отделался тем, что переменил свое местопребывание. Арестованы были только статисты. Что же касается барона, он продолжал по-прежнему встречаться с депутатами — своими единомышленниками. Шабо говорит сам, что Батц навестил его 19 брюмера.

Будем помнить, что дело ажиотажа усугублялось роялистской интригой. Обработав в течение двух месяцев Индийскую компанию, Делоне 8 октября предложил декрет, регулировавший ее ликвидацию. Этот декрет был составлен таким образом, что давал компании возможность избежать уплаты налога с четвертой части ее дивидендов и штрафа, которому она подлежала за свои прежние мошенничества. Кроме того, декрет давал компании право самой ликвидировать свои дела под надзором комиссаров, назначенных министром общественных сборов. Фабр д'Эглантин, который вел до тех пор энергичную борьбу против компании, был удивлен снисходительностью докладчика Делоне и добился изменения декрета, согласно которому ликвидация компании поручалась уже не самой компании, а государственным агентам. Окончательная редакция декрета была поручена особой комиссии. Через двадцать один день Фабр д'Эглантин и Делоне передали секретарю собрания Луи из департамента Нижнего Рейна окончательный текст декрета, появившийся в «Бюллетене» и содержащий два существенных изменения, выгодных для компании, на которые первое время никто не обратил внимания. В формальном противоречии с оговоркой Фабра Д'Эглантина ликвидация поручалась заботам самой компании. Кроме того, она должна была уплатить штраф только за такие мошенничества, относительно которых не могла доказать свою добросовестность.

Почему Фабр так резко изменил свое мнение? Он пользовался очень плохой репутацией. В 1789 г. он выпросил у короля охранную грамоту, чтобы ускользнуть от своих кредиторов. В момент вторжения неприятеля, в 1792 г., будучи секретарем Дантона в министерстве юстиции, он заключил с военным министром Серваном договор на поставку сапог для армии, и выполнение этой поставки вызвало серьезные упреки со стороны преемника Сервана — Паша. У Фабра были любовницы и роскошные выезды. Он посещал банкиров всех национальностей. Для объяснения своей подписи под фальсифицированным декретом он сделал впоследствии во время своего процесса следующее смехотворное признание: «Я подписал декрет, не читая».

Из признаний Шабо и документов, фигурировавших на процессе, можно заключить, что Делоне и его сообщники, — Шабо, Базир, Жюльен из Тулузы, — выудили у Индийской компании сумму в 500 тыс. ливров в возна-

граждение за декрет, предоставлявший компании самой ликвидировать свои дела и лишавший казну значительных штрафов и налогов, которые она должна была бы уплатить. Сначала Фабр д'Эглантин не принимал участия в этой афере. Он не присутствовал на обеде в августе у барона де Батц в Шаронне. Шабо сообщает, что он спекулировал отдельно, и Проли добавляет, что он пользовался советами лионского уроженца, банкира Левра. Он высказался сначала против декрета, предложенного Делоне, несомненно только для того, чтобы принудить Делоне вступить с ним в соглашение. И его подпись под окончательной редакцией декрета объясняется только тем, что Делоне согласился выделить ему долю из 500 тыс. ливров.

Фабр был хитрый человек, имевший в запасе немало уловок. Он видел, что Эбер и якобинцы сурово обвиняли мошенников, заседавших в Конвенте. Даже его друг Дантон подвергался нападениям. Фабр решил, что эти докучливые эбертисты уязвимы, так как в их рядах много подозрительных иностранцев, и при поддержке своих друзей из Парижского департамента, Дюфурни и Люлле, смело перешел в наступление против эбертского авангарда, составленного из этих иностранцев. В конце сентября Дюфурни отдал приказ об аресте Проли и его закадычного друга Дефье, которые были освобождены только 12 октября, благодаря вмешательству Колло д'Эрбуа и Эро де Сешелль. Чтобы отвлечь подозрения, Фабр всеми силами содействовал Комитету общественного спасения в его борьбе с иностранцами. В то время как Шабо и Делоне из Анжера пытались воспрепятствовать секвестру их имуществ, Фабр перещеголял самого Робеспьера, который считал эту меру необходимой и, наконец, добился ее осуществления 10 октября. Как можно было подозревать Фабра в соглашении с банкирами, когда он способствовал опечатанию их касс и бумаг? В то самое время, когда он вел с Делоне переговоры об отходе от своей оппозиции декрету о ликвидации Индийской компании, он задумал смелый маневр, который должен был обеспечить ему доверие правительства и увенчался сначала полным успехом. 12 октября он потребовал, чтобы его выслушали десять специально отобранных им членов обоих Комитетов правительства — Робеспьер, Сен-Жюст, Леба, Панис, Вадье, Амар, Давид, Моис, Байль и Гюффуа, и объявил им о крупном заговоре, организованном против республики крайними революционе-

рами, которые являются, по всем вероятностям, агентами неприятеля. Он указал на Проли и его друзей Дефье, Перейру, Дюбюиссона, выведавших, по его словам, правительственные тайны, имевших постоянные и близкие сношения с самыми опасными банкирами, как, например, Валькиром Симоном, Де Мон — уроженцами Брюсселя, агентами императора, или такими, как Греню из Женевы и Греффюель. Он донес, что Проли и Дефье руководили газетами, которые имеют вид патриотических газет, но для опытных глаз ничем не отличаются от газет, подобных «Батавцу». Затем он обрушился на покровителей иностранных агентов — Жюльена из Тулузы, Шабо и, наконец, Эро де Сешелля. Оба первые были только орудиями в руках Дефье и Проли, познакомивших Шабо с брюссельским банкиром Симоном и его женщинами. Они женили Шабо «на сестре некоего Юниуса Фрей, настоящее имя которого барон де Шенфельд; он — австриец и имеет родственников, командующих в настоящее время прусской армией». Не является ли приданое в 200 тыс. ливров, в получении которого признался Шабо, ценою его предательства?

Эро де Сешелль был, по словам Фабра, также простым орудием в руках Проли, который знал через него все, что происходило в Комитете общественного спасения. Эро де Сешелль употреблял для секретных командировок за границу целый ряд подозрительных лиц, например, Перейру, Дюбюиссона, Куендра, Лафайя. Фабр намекнул, что и сам Эро легко мог участвовать в иностранном заговоре. Члены Комитета не заметили того любопытного и многозначительного обстоятельства, что Фабр, предъявивший такие суровые обвинения Шабо и Жюльену из Тулузы, не сказал ни слова о Делоне из Анжера, который был их другом и сообщником. Последний только что принял его в долю при дележе 500 тыс. ливров Индийской компании.

Члены Комитетов были вполне подготовлены к сообщениям Фабра д'Эглантина:

«В республике существуют заговоры, — сказал Сен-Жюст 10 октября в большой речи, в которой требовал секвестра имуществ английских подданных. — Заговор ее внешних врагов, заговор воров, которые служат ей только для того, чтобы сосать ее грудь и влекут ее к гибели от истощения. Существуют также несколько человек, жаждущих занять должности, заставить говорить о себе и использовать в собственных выгодах войну». На том же заседании, отвечая Шабо, высказавшемуся против секвестра, Робеспьер добавил: «С самого начала революции можно было заметить, что во Франции существуют два совершенно различных заговора: англо-прусский заговор и австрий-

ский заговор; оба они направлены против республики, но отличаются друг от друга своими особыми намерениями. Вы уже нанесли тяжелый удар англо-прусскому заговору, но другой заговор еще цел, надо уничтожить и его». Англо-прусский заговор был заговором Бриссо, который пытался посадить на французский престол герцога Йоркского или герцога Брауншвейгского. Австрийский заговор, который в свою очередь следовало уничтожить, был заговором Проли, Гюцмана, Симона, Фрея, которым протезировал Шабо. И Робеспьер пояснил свою мысль: «Я питаю недоверие ко всем иностранцам без исключения, которые прикрывают свое лицо маской патриотизма и стараются казаться более республиканцами и более энергичными, чем мы. Это агенты иностранных держав; я знаю хорошо, что наши враги всегда говорят: пусть наши эмиссары проявят самый горячий и самый фанатичный патриотизм, чтобы легче проникнуть в Комитеты и Собрания. Это они сеют раздоры, обходят самых почетных граждан, самых неподкупных законодателей; они употребляют как яд модерантизма, так и искусство преувеличения, чтобы внушить идеи, более или менее благоприятствующие их тайным намерениям...»

Фабр д'Эглантин знал, что найдет внимательных слушателей, когда решил открыть Сен-Жюсту, Робеспьеру и восьми их коллегам из Комитета общественной безопасности существование иностранного заговора. Все они были настолько убеждены в правдивости его показаний, что поспешили арестовать в тот же день и в следующие дни нескольких эбертистских вождей и агентов Эроде Сешелля, которые возбудили их подозрения преувеличенным выражением своего патриотизма. В числе арестованных фигурировали: Луи Конт, бывший агент Комитета общественного спасения, обвинивший Дантона в сношениях с федералистами и роялистами, Кальвадоса; Майяр, этот знаменитый «Здоровый тумак»¹, руководивший после 10 августа чрезвычайной тайной полицией, разоблачений которого Фабр д'Эглантин несомненно опасался; агитатор Рютледж, по происхождению англичанин, игравший важную роль в клубе кордельеров и знавший прошлое Фабра д'Эглантина, которого он некогда обвинял в дружбе с Неккером и Дельсаром; голландский банкир Ван ден Ивер, бывший банкиром Дюбарри и другом Анахарсиса Клоотса; все они были арестованы 11 и 12 октября по доносу Фабра.

Робеспьер записал в своей памятной книжке: «Гессен, в Орлеане, отрешить от должности». И бывший немецкий князь Карл Гессенский, засвидетельствовавший столько раз свою преданность революции (его называли «генерал

¹ Активный участник всех крупных событий революции: взятия Бастилии, октябрьского похода на Версаль, восстаний как в августе, так и в мае-июне.

Марат»), 13 октября был отрешен от командования.

С тех пор иностранный заговор сделался главным предметом правительственных забот.

Робеспьер не питал особого доверия к Эро де Сешеллю, который был последовательно фейьяном, жирондистом, и, наконец, эбертистом. Он знал элегантный скептицизм этого бывшего богача и развратника, который начал теперь подлаживаться к подозрительным демагогам. Эро имел неосторожность приблизить к себе Проли, поместить его в своем доме и сделать своим секретарем. Кроме того, он привез из своей командировки в Савойю черчоволосую Адель де Беллькард, жену полковника, служившего в армии Сардинского короля. Он покровительствовал политике войны до конца, горячим сторонником которой был Анахарсис Клоотс. Робеспьер и его коллеги по Комитету общественного спасения были убеждены, что усердие Эро не бескорыстно. Робеспьер записал в своей памятной книжке «Гнусное разглашение секретов Комитета либо со стороны канцелярских служащих, либо со стороны других лиц. Изгоните, прежде всего, предателя, который заседает вместе с вами». Эро де Сешелль был исключен из правительственных совещаний постановлением, подписанным Карно, который послал его в командировку в департамент Верхнего Рейна. Прибыв в Бельфор 14 брюмера, Эро пытался войти в сношения со своими коллегами Сен-Жюстом и Леба, которые только что были отправлены с чрезвычайной миссией в Страсбург. Леба 15 брюмера писал Робеспьеру «Эро только что нам заявил, что послан в департамент Верхнего Рейна. Он предлагает нам завязать с ним письменные сношения. Мы крайне удивлены». Сен-Жюст добавил в том же письме «Доверие не имеет цены, если его приходится делить с подкупленными людьми». Эро уже не пришлось более заседать в Комитете общественного спасения. Обвинения Фабра д'Эглантина уронили его в глазах коллег.

Менее счастливые, чем Фабр д'Эглантин, — Базир, Шабо, Жюльен из Тулузы, его сообщники по фальсификации декрета о ликвидации Индийской компании, подвергались почти ежедневным атакам в Якобинском клубе и в прессе — в особенности Шабо, афишировавший свой австрийский брак. Этот монах пребывал теперь в постоянном страхе. 14 октября (23 первого месяца) Комитет общественной безопасности подверг его продолжительному допросу по поводу доноса, сделанного против него служащим предприятия д'Эспаньяка, неким Росеном, который обвинял Шабо в содействии мошенничествам этого уже арестованного поставщика. Его допрашивали также по поводу сожжения им своих бумаг, освобождения из-под ареста роялистов Диллона и Кастеллана, которое он предписал, будучи еще членом комитета общественной безопасности, по поводу его отношений с биржевыми маклерами и быстрого роста его богатства. Шабо увидел себя на краю пучины. Понимая, что правительство относится к нему крайне враждебно, он попытался

создать себе партию в Конвенте, обрушиваясь на диктаторские и инквизиторские тенденции Комитетов общественного спасения и общественной безопасности. В начале он добился некоторого успеха.

17 брюмера, в день отречения Гобеля, Амар от имени Комитета общественной безопасности потребовал у Собрания приказа об аресте депутата Лекуент-Пюираво, на имя которого было адресовано анонимное письмо, перехваченное секцией Хлебного рынка; это письмо заставляло подозревать депутата в сношениях с вандейцами. Базир, друг Шабо, стал защищать обвиняемого, причем с большою находчивостью указал, что если депутата предадут суду революционного трибунала на основании такой ничтожной улики, ни один член Конвента не сможет считать себя впредь в безопасности. Собрание отказалось вотировать приказ об аресте, которого требовал Амар.

Через два дня Дюбарран потребовал от имени Комитета общественной безопасности предания суду депутата Осселена, против которого имелись тяжелые улики. Хотя Осселен сам составил закон об эмигрантах, он избавил от применения этого закона маркизу де Шарри, которую сделал своей любовницей. Он взял ее под свое поручительство в то время, когда был еще членом Комитета общественного спасения, и нашел ей убежище сначала у Дантона, потом у своего брата, женатого кюре, жившего в окрестностях Версаля. Факты были настолько очевидны и репутация Осселена настолько плоха — он был завзятым спекулянтom — что на этот раз предание суду было вотировано.

Но на следующий день Шабо, Базир, Тюрио и все друзья Осселана чувствовавшие себя столь же виновными, как и он, снова обрели мужество. Филиппо, при поддержке Ромма, предложил, чтобы Собрание обязало всех своих членов дать сведения о своем материальном положении после революции.

Базир высказался против этого предложения, «пригодного только для того, чтобы содействовать планам аристократов и возбудить раздоры среди патриотов». «Патриотов, — сказал он, — не следует мучить и огорчать судебными преследованиями. Нет ни одного франта, который не порадовался бы, увидев на эшафоте тех, кто начал революцию, кто первый положил основание свободе». Он восстал против «системы террора», которой угрожали патриотам. После вмешательства Тюрио предложение Филиппо было отклонено.

Ободренный этим первым успехом, освобождавшим депутатов-дельцов от нескромных вопросов относительно их богатств, Шабо захотел большего. Он вернулся к вопросу о вотированном накануне преданий суду депутата Осселена и потребовал, чтобы ни один депутат не мог быть предан суду революционного трибунала, не будучи предварительно выслушан Конвентом. В выражениях еще более сильных и ясных, чем Базир, он в свою очередь обрушился на тиранию Комитетов в отношении депутатов: «Смерть меня не испугает; если моя голова необходима для спасения республики, пусть она падет! Мне важно только, чтобы восторжествовала свобода, чтобы террор не сокрушил все департаменты, чтобы Комитет обсуждал доклады, перед тем как их декретировать, чтобы все декреты проходили через обсуждение. Если в Конвенте нет правой стороны, я один образую ее, хотя бы ценой своей головы, чтобы существовала хотя какая-нибудь оппозиция, чтобы нельзя было сказать, что мы издали декреты на веру без осуждения». Тюрио не ограничился поддержкой Шабо. Он напал, не называя имен, на Эбера и его сторонников, на тех, кто проповедует «идеи, направленные к уничтожению таланта и всего, что имеет отношение к торговле и промышленности», на людей, «которые хотят купаться в крови себе подобных». После оживленных прений предложение Шабо было вотировано.

Таким образом мошенники, заседавшие в Конвенте, надеялись ускользнуть от надзора Комитетов, которые не осмелились бы арестовать ни одного из них, если бы каждый раз приходилось устраивать публичные, полные противоречий, дебаты перед Собранием, уже выказавшим Комитетам свое недоверие.

Но они не приняли в расчет якобинцев, которые на следующий день, устами Дюфурни, Монто, Ренодена и самого Гебера, выразили резкий протест против декрета, обеспечивавшего безнаказанность мошенникам и возбудившего смелость контрреволюционеров. Шабо, Базир, Тюрио подверглись усиленным атакам. Эбер настоял, чтобы для расследования их дел была составлена комиссия по назначению якобинцев.

Когда Дюбарран и Барер потребовали 21 и 22 брюмера, чтобы Осселен был предан суду без предварительного расследования Конвента, и чтобы декрет, вотированный 20 брюмера, был отменен, никто им не противоречил. Тюрио, Шабо, Базир малодушно отказались от своих слов. На следующий день, 23 брюмера, Тюрио был исключен из Якобинского клуба.

Позеленевший от страха Шабо боялся, по его собственному признанию, что у него будет произведен обыск. Сверток с ассигнациями на сумму в 100 тыс. ливров, которые уделил ему Бенуа из выданных Индийской компанией 500 тыс. ливров, сильно его стеснял. Надо было объяснить происхождение этого свертка. И вот Шабо решил-

ся на отчаянный поступок. Чтобы оправдать себя, он последовал примеру Фабра д'Эглантина, но крайне неискусно. Он сделал донос на своих сообщников сначала Робеспьеру, потом Комитету общественной безопасности. Он рассказал, что барон де Батц и его агент Бенуа подкупили Делоне и Жюльена из Тулузы, чтобы поживиться от Индийской компании, что они выдали ему, Шабо, 100 тыс. ливров для подкупа Фабра д'Эглантина, но этого поручения он так и не выполнил; что барон де Батц подкупил также эбертистов, чтобы обвинить депутатов, которых он тщетно пытался подкупить. Он намекнул, что Эбер, Дюфурни, Люлле, его собственные обвинители, были только агентами Батца. Последний, по его словам, стремился не только к обогащению. Он хотел погубить республику и обесчестить подкупленных им депутатов. Его заговор имел две ветви: одну ветвь, в лице Делоне, Бенуа, Жюльена из Тулузы, действовавшую путем подкупов; другую — в лице эбертистов, действовавшую путем диффамации. Батц уже пытался спасти королеву и жирондистов. Шабо, со своей стороны, принимал его предложения только для того, чтобы ознакомиться с его планами и впоследствии о них донести. Он рисковал своей репутацией для спасения республики! Базир, в свою очередь, подтвердил рассказ Шабо в отношении шантажа с Индийской компанией, учиненного Делоне и Жюльеном из Тулузы по наущению барона де Батц. Он неоднократно впутывал в дело Дантона, повторяя, что Делоне рассчитывал на его содействие. Но Базир воздержался от обвинения эбертистов. Шабо обвинил Гебера в том, что он содействовал переводу Марии-Антуанетты в Тампль, по просьбе бывшей герцогини де Рошшуар. Он изображал все революционные меры, подобные максимуму, которых требовали и добились эбертисты, как средство внушить народу отвращение к республике и побудить его к восстанию. Базир держался по-прежнему дела об ажиотаже.

Члены Комитетов были убеждены, что в рассказах Базира и Шабо заключалась значительная доля истины. Но они не сомневались также, что эти два доносчика, за которыми они уже давно следили, были так же виновны, как и их сообщники — Делоне и Жюльен из Тулузы. Они отдали приказ об аресте всех четверых, присоединив к ним банкира Батца, Бенуа, Симона, Дюруа и Бойда и знаменитого Проли вместе с его другом Дюбюиссоном. Делоне был помещен в Люксембургскую тюрьму одно-

временно с Шабо и Базиром. Жюльену удалось ускользнуть от розыска, он нашел убежище в самом Комитете общественной безопасности, у одного служащего этого Комитета,— что дает своеобразную характеристику служебной деятельности непосредственных агентов революционного правительства. Бойд уже бежал, Батцу удалось, по обыкновению, выведать все от полиции. Он бежал на юг Франции. Симон был в Дюнкирхене и отправился оттуда в Гамбург. Вместо него арестовали знаменитого Сен-Симона, будущего теоретика социализма, спекулировавшего вместе со своим другом, прусским подданным, графом де Редерн, национальными имуществами. Бенуа не нашли. Проли скрывался в окрестностях Парижа, где и был найден много времени спустя.

Замечательно, что оба Комитета, вопреки надеждам Шабо и Базира, не потревожили ни Гебера, ни Дюфурни, ни Люллье, ни вдохновителя и друга двух последних — Фабра д'Эглантина. Напротив, они были вполне убеждены, что Фабр, подписавший подложный декрет вместе с Делоне, был, тем не менее, совершенно невиновен. И это убеждение их основывалось не столько на изучении документов, которые они просматривали довольно рассеянно, сколько на доносе, который Фабр сделал два месяца тому назад против Шабо, Эро де Сешелля, банкиров и иностранных агентов. Они наивно думали, что этот друг правосудия оказался пророком. В показаниях Шабо и Базира они видели только подтверждение его подозрений. И в своем чистосердечии они поручили Фабру произвести, вместе с Амаром, следствие по делу, в котором он сам был непосредственно замешан. Что же касается Дантона, на которого особенно усердно указывал Базири, то его они оставили в покое и даже просили Базира отказаться от показаний против Дантона при окончательной формулировке своего доноса.

Членов Комитета заботила не столько финансовая сторона дела, которой они пренебрегали, сколько сторона политическая и патриотическая. Они действительно уверовали в реальность иностранного заговора. Билло-Варенн в своей речи, произнесенной 28 брюмера в Конвенте, предостерегал против «нездоровой экзальтации», «коварно преувеличенного рвения» тех, кто сеет клевету и подозрения и получает золото от Питта, чтобы разделить и опозорить патриотов.

Эбер и его друзья ни одной минуты не думали о защите Проли, Дефье, Дюбюиссона, на которых бесчест-

ный Шабо донес как на агентов Питта. Гебер дрожал за самого себя. Колло д'Эрбуа, находившийся в командировке в Лионе, не мог отстоять своих друзей и защитить их от нападений Шабо. Клоутс, промолчавший, когда арестовали его друга банкира Ван ден Ивера, не прерывал своего молчания. Никто не осмеливался сомневаться в реальности заговора. 1 фримера в Якобинском клубе Эбер униженно поблагодарил Робеспьера за то, что он защитил его от обвинений. Он сделал даже больше: он отрекся от своих прежних атак против Дантона и, чтобы замаскировать свое отступление, настоятельно потребовал выдачи Фукье-Тенвиллю оставшихся в живых сообщников Бриссо вместе с мадам Элизабет¹. Выступивший после него Моморо донес, что кордельеры намеревались поднять тревогу, восстать в защиту Дюбюиссона и Проли. И, подобно Эберу, Моморо закончил свою речь бравурным выпадом против священников: «Пока останется хотя бы один из этих, некогда столь лживых людей, не отказавшийся торжественно от своего обмана, придется всегда опасаться, как бы не осталось хоть одного священника, так как теперь они переменили свою тактику, чтобы удержаться на местах, и хотят заставить народ платить за свои фарсы. Надо их наказать, и все зло прекратится». Эбер и Моморо хотели сыграть на руку Робеспьеру, но Робеспьер презрительно отклонил их политику насилия: «Правда ли, что самыми опасными нашими врагами являются порочные остатки поколения наших тиранов?.. Кого можно убедить в том, что казнь презренной сестры Капета сыграет для наших врагов более важную роль, чем казнь самого Капета и его презренной компании?» «Пусть не будет новых и бесполезных жертв гильотины,— ответил Робеспьер Эберу и обратился к Моморо:— Довольно выпадов против религии! Вы боитесь, по вашим словам, священников! Священники гораздо больше боятся прогресса нашего просвещения. Вы боитесь священников! А они торопятся сложить с себя сан, чтобы переменить его на звание муниципальных властей, администраторов и даже председателей народных обществ. Поверьте только в их патриотизм на основании их внезапного отречения, и они останутся очень довольны вами... Я вижу только одно средство возродить фанатизм: проявить веру в его могущество. Фанатизм — свирепое и своенравное чудовище: оно убегает от света

¹ «Madame и monsieur» — титулы сестры и брата короля.

разума; попробуйте преследовать его громкими криками, и оно вернется обратно». Робеспьер мужественно вскрыл деятельность преследователей христианства, демагогические расчеты которых он ясно прозревал. Он не хотел, чтобы под предлогом борьбы с фанатизмом был создан новый фанатизм. Он отвергал антицерковные маскарады и выявил серьезные опасности религиозной революции. Он утверждал, что Конвент заставит почитать свободу культов. Он доказал, что преследование христианской религии было коварно подготовленным ударом «трусливых эмиссаров иностранных тиранов», которые хотели возбудить во Франции мятеж и сделать ее ненавистной всем народам. Он назвал и осудил в страстной филиппике тех, кого считал виновными: Проли, Дюбюиссона, Перейру, Дефье. Он заставил исключить их из клуба, причем председательствовавший Клотц не проронил ни слова в их защиту.

Речь Робеспьера произвела огромное впечатление. В течение десяти дней преследование религии распространялось беспрепятственно. Затем пресса резко изменила свой тон. Конвент обрел силы для борьбы с демагогией. 18 фримера он подтвердил свободу культов.

Эбертисты пали духом. Накануне они обвиняли Базира и Шабо. И когда Базир и Шабо предъявили им, в свою очередь, обвинения, они испугались и укрылись под эгидой Робеспьера, который их защитил, но вместе с тем унизил и дискредитировал их политику.

Донос Шабо, последовавший за доносом Фабра д'Эглантина, сыграл, благодаря этому, чрезвычайно важную роль. Он руководил поединком партий и возбудил до крайности патриотическую тревогу. Иностранная заговор получил осязаемые формы. Впоследствии он сделался разъедающей язвой, уничтожившей тело Горы.

«СНИСХОДИТЕЛЬНЫЕ»¹

о возникновении громкого дела по доносу Шабо и Базира оппозиция революционному правительству носила спорадический и перемежающийся характер. Она не вылилась в форму определенной системы. Она критиковала применение революционных мер, но не касалась их принципа. Это была замаскированная, косвенная оппозиция — оппозиция хитростей и интриг.

Один только Жак Ру рискнул в середине сентября выразить прямой и откровенный протест в своей газете: «Нельзя требовать любви и уважения к правительству,

¹ Во французском подлиннике эта глава называется «Les indulgents» — так называли лиц, выступавших против террористических мероприятий.

осуществляющему свою власть над людьми путем террора,— писал он в № 265.— Наша революция не сможет завоевать мир путем возмущения, разрушения, огня и крови, превращая всю Францию в одну огромную тюрьму... Вменить человеку в вину его происхождение — значит воскрешать фанатизм... В наших тюрьмах больше невинных, чем виновных...» Жак Ру писал это из тюрьмы Сен-Пелажи, в которую был заключен. Но какую силу могла иметь эта запоздалая мудрость в устах человека, который постоянно призывал к эксцессам, пока не сделался их жертвою сам? Сформулированные Леклерком аналогичные протесты также не нашли никакого отклика. Обе газеты исчезли.

Оппозиция «снисходительных» была много опаснее. Их вожди были талантливыми ораторами, большинство которых принимало участие в правительственных делах, работая в комитетах или заграничных миссиях. Они неизбежно должны были сгруппировать вокруг себя всех, кого беспокоил террор, а таких было великое множество.

Они нуждались в вожде. С первого же момента Шабо подумал о Дантоне. Выходя 26 брюмера из Комитета общественной безопасности, он разыскал Куртуа и описал ему положение вещей. Куртуа поспешил уведомить Дантона. Понимая, что расследование дела Индийской компании может его затронуть, утомленный трибун поспешил вернуться в Париж, в который прибыл 30 брюмера вечером. Он возвращался, полный ненависти к эбертистам, которые направили на него свои яростные атаки, полный страха перед Комитетом общественного спасения, который выслушал обвинения, возбужденные против него Луи Контом. Он с давнего времени осуждал политику Комитета. Он осуждал процесс Кюстина, отрешение от должностей дворянских генералов, процесс королевы, «который разрушил надежду,— говорил он Дюплону,— на мирные переговоры с иностранными державами». Он видел спасение только в быстром заключении мира, как бы дорого он нам ни обошелся. Он плакал от бессилия спасти жирондистов.

Гара сообщает, что по возвращении из Арсиса Дантон доверил ему свой план действий, который Гара справедливо называет заговором, так как этот план предусматривал падение революционного правительства и полную перемену режима. Дантон намеревался посеять раздоры в Комитетах, привлечь на свою сторону Робеспьера и

Барера, затем, разделив и окружив Комитеты, произвести их переизбрание, прибегнув в случае нужды к насилию и, наконец, добившись преобладания, решительно повернуть вправо, заключить мир, открыть тюрьмы, пересмотреть конституцию, вернуть богачам их влияние, разрешить эмигрантам возвращение во Францию и ликвидировать революцию, заключив мировую сделку со всеми ее врагами.

События подтвердили рассказ Гара. Дантон продолжал политику, уже намеченную Базиром, Шабо, Тюрио, Фабром д'Эглантинем и др., но проводил ее с большей осторожностью и искусством. Чтобы привлечь на свою сторону Робеспьера и заманить его в западню, Дантон поспешил 2 фримера осудить применение насилия против католицизма и искусно выдвинул идею, что наступило время положить террору конец: «Я требую, чтобы берегли человеческую кровь!» 6 фримера он потребовал срочного доклада о заговоре, открытом Шабо и Базиром, причем, характеризуя этот заговор, включил в него всех, кто добивался террористических законов. Защищая Шабо и Базира, он защищал не только самого себя, но и всех депутатов-дельцов: Гюффруа, Куртуа, Ревбелля, Мерлена из Тионвилля, Тюрио, Бурсо, Фрерона, Барера, Тальена, Бантаболя, Ровера и многих других. Ободренные депутаты сейчас же высказались против Бушотта, ставленника гебертистов. 11 фримера Дантон отважился оспаривать такую популярную меру, как принудительный обмен звонкой монеты на ассигнации — меру, одобренную кордельерами и Камбоном и уже применявшуюся депутатами и в командировках: «Теперь, когда федерализм сломлен,— сказал он,— революционные меры должны быть необходимым следствием ваших положительных законов... С этого момента всякий человек, вступающий на путь ультра-революционеров, так же опасен, как самый отъявленный контрреволюционер... Отзовем тех из наших комиссаров, которые, несомненно, с лучшими намерениями, приняли меры, о которых нам только что доложили, и пусть с этих пор депутаты применяют только такие постановления, которые не противоречат нашим революционным декретам... Вспомним, что если с помощью оружия разрушат общественный строй,— возвести и утвердить его можно только с помощью разума и таланта». Богачей больше не принуждали менять свое золото на республиканскую бумагу. Постановления, сделанные по этому поводу депутатами в командировках,

были отменены. Собственники облегченно вздохнули.

Волна реакции была уже настолько сильна, что непостоянный Шометт отдался ей, покинув знамена Эбера. В тот самый час, когда Дантон с успехом боролся против принудительного обмена звонкой монеты на ассигнации, он обвинял в Коммуне революционные комитеты секций, которые, по его словам, предавались самоуправствам всякого рода и арестовывали время от времени аристократов только для того, «чтобы доставить себе право нападать на самых уважаемых патриотов». Он хотел созвать в Городскую думу членов этих комитетов, чтобы они отдали там отчет в своем поведении и получили соответствующие инструкции. Но Билло-Варенн, возмущенный его модерантистской¹ манерой выражаться, произнес похвальное слово закону о подозрительных, доставившему нам победы на границах, подавляя измены, и упрекнул Шометта в желании добиться популярности, «предоставляя Конвенту всю тяжесть суровых мер». Постановление Шометта было отменено (14 фримера), а сам Шометт исключен из клуба кордельеров (27 фримера).

«Снисходительные» попытались завладеть Якобинским клубом. Дантон, который давно уже не появлялся на заседаниях клуба, начал усердно их посещать. Он горячо восстал 13 фримера против передачи Гаврской церкви в распоряжение клуба этого города для заседаний. «Я требую, чтобы остерегались тех, кто хочет увлечь французский народ за пределы революции и предлагает ультра-революционные меры». Бывший священник Купе, из департамента Уазы, сухо ответил ему, что церкви принадлежат народу, и что народ может «располагать своим имуществом по своему усмотрению и собираться во всех помещениях, которые найдет удобными для себя». Дантон хотел возразить. Сильный ропот прервал его слова. Ему пришлось не только заявить, что он не имел намерения «порвать революционный нерв», но и представить оправдания в отношении как политической, так и частной своей жизни. «Разве я уже не тот человек, который находился рядом с вами во все критические моменты? Разве я не тот, кого вы часто обнимали, как своего друга, и кто должен умереть вместе с вами?» Тщетно призывал он в свою защиту имя Марата — слушатели на трибунах освистали его, и члены клуба «качали головами, — по словам Камилла Демулена, — и сострадательно улыбались, слов-

¹ Модерантизм — умеренность.

но слушая человека, осужденного всеми голосами». После упорного сопротивления он принужден был смириться и потребовать назначения комиссии для расследования возбужденных против него обвинений. Без Робеспьера он погиб бы. Робеспьер отклонил комиссию для расследования, тщательно отметив, что не всегда разделял мнения Дантона и даже высказывал ему иной раз упреки, как, например, в период измены Дюмурье и Бриссо. Робеспьер хотел избежать раздоров между революционерами: «Дело у всех патриотов общее, так же как и у тиранов, все они связаны круговой порукой». Его вмешательство было тем более похвально, что по вопросу, послужившему причиной дебатов, он разделял всецело мнение Купе из департамента Уазы и подписал на следующий день вместе с Билло постановление, передававшее якобинцам Гаврскую церковь капуцинов.

У «снисходительных» была до сих пор только одна газета «Rougyff», или «Франк¹ настороже» депутата Гюффруа, которая старательно подражала простонародному стилю «Отца Дюшена». Камилл Демулен снова взялся за перо и выпустил 15 фримера газету «Старый кордельер». Ему тоже приходилось подумать о своей защите. Скомпрометированный своими сомнительными отношениями с д'Эспаньяком, брат которого, подвергавшийся преследованиям еще при Учредительном собрании за скандальный обмен графского титула Сансерр, пользовался его услугами, с арендатором игорного дома Дитюрбидом, интересы которого он поддерживал против Бриссо, с журналистом-роялистом Рише де Серизи, его товарищем по развлечениям, с генералом Артуром Диллоном, арестованным за участие в заговоре, и со многими другими, Камилл давно возбуждал подозрения якобинцев. Этот старый кордельер был только состарившимся кордельером. Свою простую тактику он заимствовал непосредственно от Шабо и Базира. Всех своих противников он называл агентами Питта. «О Питт, я отдаю должное твоему гению!» — таковы первые слова его газеты. Все, кто подвергался нападениям гебертистов, были жертвами Питта. Шабо сказал: «Среди монтаньяров есть подкупленные и подкупившие». Демулен поправляет его: «Нет ни подкупленных, ни подкупивших, все стоят выше подозрений». Это невин-

¹ Имеются в виду древние франки — германское племя, — бывшие отчасти предками французов.

ные жертвы гебертистов, получающих от Питта вознаграждение за диффамацию национального представительства. Демулен требовал полной свободы печати. Сколько бы он ни говорил, что воспользуется ею умеренно, на деле он предлагал роялистам трибуну в момент смертельного кризиса, переживаемого всей страной. Номер его газеты жадно читали все более или менее замаскированные аристократы, еще остававшиеся в Париже.

«Снисходительные» начали свою атаку. 15 фримера Мерлен из Тионвилля потребовал, чтобы был открыт секрет ареста Шабо и Базира. Его требование не было удовлетворено, но через день Тюрио выразил желание, чтобы были изысканы средства освободить патриотов, задержанных в силу закона о подозрительных. Затем, 19 фримера, Симон, близкий друг Шабо и Фрей, предложил в Якобинском клубе даровать народным обществам право требовать освобождения задержанных патриотов. Если бы его предложение было принято, в революционных комитетах больше уже не было бы нужды. Члены клубов стали бы неприкосновенными. Якобинские карточки предохраняли бы их от всяких розысков. Робеспьер обнаружил эту заданию. «Ваше быстрое движение хотят остановить, словно вы достигли конца вашей работы... Вы наверно не знаете, что в ваших армиях множатся измены, что, за исключением нескольких верных генералов, вы можете положиться только на солдат. Внутри страны аристократия опаснее, чем когда-либо прежде, так как никогда еще она не была так вероломна. В прежнее время она атаковала вас в открытом бою, теперь она находится среди вас, в вашей груди, и, скрытая под покровом патриотизма, она наносит вам втайне удары кинжалом, которых вы не можете предвидеть». «Снисходительные» поняли, что Робеспьера труднее обойти, чем они думали вначале.

Они удвоили свои удары, направленные против гебертистов. Во втором номере своей газеты Демулен принял сильную атаку против Клоотса, ответственного за преследование христианской религии, подготовленное Питтом. «Клотц — пруссак, он двоюродный брат бесчестного Проли. Он работал в «Универсальной газете» (газета роялистов), в которой вел войну с патриотами... Гаде и Верньо были его восприемниками и добились от Законодательного собрания декрета о его натурализации... В течение пяти лет он всегда надписывал в своих письмах: Париж, столица мира, и это не его вина, что датский и шведский короли сохраняют нейтралитет и не обращают

внимания на то, что Париж надменно называет себя метрополией Стокгольма и Копенгагена».

На следующий день наступила для Эбера очередь сесть на скамью подсудимых в Якобинском клубе. Бангаболь, собутыльник Шабо и Фрея, упрекнул его в том, что он проявляет излишнюю горячность в своих обвинениях. «Я спрашиваю его: не держит ли он в руках тайну заговоров; я спрашиваю его: почему он сказал, говоря об одном депутате, что он покинул бы монаха Шабо так же, как и рогоносца Ролана? Почему он как бы осуждает Шабо и уверен в его виновности, хотя суда над ним еще не было? Почему он напал на Лаво за то, что он говорил в пользу Высшего Существа? Что же касается меня, врага всякого суеверия, я объявляю, что буду верить всегда в Высшее Существо». В первый раз за все время в Якобинском клубе осмелились защищать Шабо. Эбер униженно отрицал, что проповедовал когда-либо атеизм: «Я заявляю, что проповедую жителям деревень чтение Евангелия». Этот инцидент показывает, до какой степени возросла смелость «снисходительных».

Они считали себя уже достаточно сильными, для того чтобы внезапно переизбрать Комитет общественного спасения, полномочия которого истекали на следующий день, 22 фримера. Внезапное наступление было тщательно подготовлено повторными атаками против Бушотта и его агентов. Филиппо, наивный гордец, которого Комитет оскорбил, выказав пренебрежение к его обвинениям против Россиньоля и Ронсена, обратился 16 фримера к Комитету с чрезвычайно дерзким открытым письмом: «Если бы люди, которым вы протезируете,— писал он в этом письме,— не были виновны, комиссия расследования (которой я требовал) обнаружила бы их невиновность. Если же они виновны, то вы сделали их сообщниками, обеспечив им безнаказанность, и кровь двадцати тысяч патриотов, умерщвленных в результате этой ложной меры, взывает к мести против вас самих».

22 фримера Бурдон из департамента Уазы потребовал переизбрания Комитета: «Если большинство и пользуется полным доверием Конвента и народа, в Комитете все же заседают несколько членов, которых было бы лучше там не видеть». Мерлен из Тионвилля предложил, чтобы Комитет переизбирали по третям — каждый месяц. Вопреки мнению Комбасереса, большинство решило назначить выборы на следующий день.

В тот же вечер Фабр д'Эглантин добился исключения

из Якобинского клуба Купе из департамента Уазы, под гем предлогом, что он порицал браки священников, на деле же потому, что он в предшествующие дни осмелился возражать Дантону. Один «снисходительный» упрекнул Клоотса за его связи с Ван-ден-Ивером, голландским банкиром, скомпрометированным своими отношениями с Дюбарри. Робеспьер уничтожил Клотца в грозной обвинительной речи, материал и самые выводы которой были заимствованы из последнего номера «Старого кордельера». Уничтоженный Клоотс не знал, что ответить и был исключен.

Если бы Комитет был переизбран, «снисходительные», несомненно, удержали бы в нем Робеспьера и ограничились исключением членов, связанных с эбертистами, т. е. Эро, Колло, Билло, Сент-Андре, имевших, подобно Клоотсу, продолжительные отношения с Проли, Дефье и Эбером. Но 23 фримера переизбрание было отсрочено благодаря вмешательству приятеля Сент-Андре, Жзе из Сен-Фуа, доказавшего, что было бы неполитично менять состав Комитета в тот момент, когда аристократия напрягла свои последние силы, а иностранные державы поместили Конвент «между двумя одинаково опасными рифами — преувеличенным патриотизмом и модерантизмом».

Эта отсрочка дала возможность Робеспьеру отдать себе отчет в истинном положении вещей. Если он до сих пор еще не видел, к чему клонилась политика «снисходительных», то № 3 «Старого кордельера» должен был открыть ему глаза. На этот раз Демулен не ограничился нападением на гебертистов: целью, в которую он метил за ними, был весь революционный режим, и этому режиму он нанес удар тарана. Он начал с того, что коварно провел параллель между монархией и республикой и, под предлогом описания преступлений римских цезарей, заклеил преступления республики. Прием этот не отличался новизной. Это был прием энциклопедистов — скрытый намек, ложная ирония. Действительная мысль автора скрывалась в самом отрицании этой мысли. Он не хотел, по его словам, тешить роялистов и, прикрываясь авторитетом Тацита, рисовал им ужасающую картину республики. Впрочем, он скоро бросил Тацита и прямо назвал ультра-революционеров такими же преступными, как и вольноотпущенники цезарей. Так, Монто потребовал у Конвента 500 человеческих голов, выражая желание, чтобы рейнская армия расстреляла майнцскую, предлагал заключить в тюрьмы половину французского народа и подложить под

эти тюрьмы бочки с порохом. Под конец, Демулен атаковал непосредственно весь революционный строй: «В настоящий момент во Франции только 1 200 000 солдат наших армий не издают, к великому счастью, законов, так как комиссары Конвента издают законы, департаменты, дистрикты, муниципалитеты, секции, революционные комитеты издают законы, и, да простит меня бог, я думаю, что и братские общества тоже издают законы!» Он обрушился, кроме того, на комитеты Конвента, виновные в глупости и высокомерии. Их патриотическое невежество надделало больше зла, чем контрреволюционное искусство Лафайета и Дюмурие.

Этот дерзкий номер «Старого кордельера» произвел огромное впечатление. Революционный режим был осужден одним из тех, кто его создал; — террор заклеял тем, кто побуждал народ «превращать фонари в виселицы» Какая радость для аристократов, какая скорбь для истинных революционеров! Это событие разразилось как раз в тот момент, когда Шабо, Базира и Дантона допрашивали относительно их преступлений. Как было не подумать, что «снисходительные» хотели отменить террор только потому, что сами его боялись, что они хотели сломать эшафот, который ожидал их самих?

Атака была настолько энергична, что правительство сначала отступило. 27 фримера Фабр смело обвинил в Конвенте генерального секретаря Бушотта, Венсана, одного из крупных деятелей Кордельерского клуба, начальника революционной армии Ронсена, которого обвинял уже Филиппо, начальника Майара, прозванного «Здоровый тумак», который в брюмере уже был заключен в тюрьму при содействии Фабра, но отпущен за недостатком улик. Венсану он предъявил неопределенное обвинение в том, что последний содержал агентов для противодействия деятельности депутатов и устраивал своим приятелям отсрочки по призыву. Ронсену он ставил в вину афишу о репрессиях над лионскими мятежниками, «ужасный плакат, который нельзя читать без содрогания». Конвент немедленно отдал приказ об аресте троих обвиненных, несмотря на то, что они занимали высшие должности. Если бы Вадье не защитил Герона, своего агента по Комитету общественной безопасности, его постигла бы та же участь. Три других агента исполнительного совета были также подвергнуты аресту без всякого соблюдения форм. Явление необычайное, Конвент наносил удар высшим агентам революционного правительства без всякого расследова-

ния, даже не спрашивая мнения несущих ответственность Комитетов, которые их избрали.

В тот же вечер в Якобинском клубе гебертисты осмелились выразить слабый протест. Голос Рессона, поднявшийся в защиту Ронсена, был заглушен Лаво, Дюфурни, Фабром, которые попирали ногами побежденных. 29 фримера Бурдон из Уазы радостно воскликнул, что «контрреволюционный заговор военных бюро будет вскоре разрушен». Но они не приняли в расчет Колло и Робеспьера.

Колло, уже затронутый делом Проли и Дефье, которых он сначала защищал, чувствовал себя после ареста своего агента Ронсена под непосредственной угрозой. Из Лиона выехала в Париж депутация с намерением донести об ужасных расстрелах, которые были предприняты по его приказу. Он также поспешил в Париж, чтобы предупредить депутацию, причем захватил с собой, чтобы поразить воображение парижского населения, голову Шалье. С большими церемониями он передал эту реликвию Коммуне. Все пылкие патриоты Парижа сопровождали его 1 нивоза в торжественном шествии от площади Бастилии до Конвента. Один из них потребовал почестей Пантеона для мученика Шалье, останки которого были доставлены в Конвент. Кутон поддержал это требование и предложил даже исключить из Пантеона генерала Данпьера, друга Дантона, убитого в неприятельской стране; он был, по его словам, только изменником. Дантон, которому предназначался этот меткий удар, выразил протест, взял Данпьера под свою защиту и добился того, что предложения Кутона были переданы в Комитет.

Затем Колло взял слово, чтобы оправдаться. Он призывал в свое оправдание декреты Собрания, приказы Комитета. Он признался в расстрелах картечью, но постарался ослабить впечатление и восхвалял две военные комиссии, осудившие мятежников. Дантонисты не осмелились ему возражать. Его действия были одобрены. Но Фабр д'Эглантин напал на лейтенанта Ронсена Мазюеля и добился приказа об его аресте.

В тот же вечер Колло укорял якобинцев в слабости: «Прошло два месяца, с тех пор как я вас покинул; все вы пылали тогда жаждою мести против гнусных лионских заговорщиков... Теперь же, если бы я вернулся в Париж тремя днями позже, меня, быть может, встретили бы обвинительным декретом!» Он поручился за Ронсена, которого горячо восхвалял, и описал радость аристократов при известии об его аресте: «Ваши товарищи, ваши друзья,

ваши братья окажутся вскоре под ножом!» Он закончил свою речь выступлением против «снисходительных». Мужество заразительно. Гебертисты, которые в течение целого месяца покорялись и отступали, последовали примеру Колло, перешли в наступление и обвинили, в свою очередь, Гупилло, Никола, Демулена, который долгое время с трудом избегал гильотины, Бурдона из Уазы, который был врагом Марата, Филиппо с его гнусным памфлетом, Фабра д'Эглантина, находившегося в сношениях со всеми аристократами. Якобинцы поручились за Ронсена и Венсана и потребовали их освобождения.

Колло добился успеха только благодаря поддержке Комитета. Робеспьер пережил эволюцию. Не то, чтобы он одобрял действия Колло в Лионе. Скорее наоборот. Он не ответил ни на одно из настойчивых писем, которые ему писал Колло из своей командировки. Но Робеспьер, относившийся в первое время сочувственно к выступлению «снисходительных», так как приветствовал изгнание деятелей насилия и беспорядка, проникся постепенно недоверием к ним, когда увидел, что они предали делу злобы и личной мести, подготавливали реакцию (№ 3 «Старого кордельера»), нападали на таких верных слуг революции, как Герон и Бушотт, пользовавшихся его доверием, как его товарищ Сент-Андре, характер и талант которого он высоко ценил.

Затем, 29 фримера дело о доносе Шабо, порученное расследованию Амара, далеко подвинулось вперед. Амар и Жаго рассмотрели оригинал подложного декрета о ликвидации Индийской компании. Они установили, что на оригинале имелась подпись Фабра д'Эглантина, который принял текст, противоречивший предложенному им изменению декрета. Их удивление было так велико, что 6 нивоza они решили отстранить Фабра от расследования дела. Робеспьеру пришлось задать себе вопрос, не был ли он одурачен Фабром, этим ловким плутом, еще более виновным, чем те, на кого он донес, для того чтобы ввести правительство в заблуждение.

Для Робеспьера существовали только интересы революции. Можно ли было освободить подозрительных лиц и заключить, вместо них, в тюрьмы лучших патриотов, ослабить или отменить революционные законы, когда вандейцы, перешедшие на север департамента Луары, наносили одно поражение за другим преследовавшим их республиканским войскам, когда Вурмзер, прорвав линию Виссембурга, расположился лагерем у ворот Страсбурга, когда

англичане и испанцы продолжали владеть нашим лучшим тортом на Средиземном море? Можно ли было дезорганизовать революционное правительство, когда Продовольственная комиссия только что приступила к работе, когда начал применяться великий закон 14 фримера?

3 нивоза в Якобинском клубе Робеспьер встал выше всех партий. В зале господствовало необычайное оживление. За места на трибунах предлагали до 25 ливров. «Снисходительные» хотели, чтобы было объявлено решение Общества взять под защиту Ронсена и Венсана. Они потерпели первую неудачу. Колло трагически объявил о смерти лионского патриота, друга Шалье, Гайара, покончившего с собой под влиянием охватившего его отчаяния. Вот до чего доводит модерантизм! Левассер из департамента Сарты произнес обвинительную речь против своего земляка Филиппо, которого обозвал лжецом и болтуном. Филиппо возразил ему в том же тоне. Он подтвердил все свои обвинения против генералов-санкюлотов, командовавших в Вандее, обвинил их в расхищении казны, в стремлении хорошо пожить, в неспособности, трусости и предательстве. В зале началось волнение. Дантон, с видом полного беспристрастия, вмешался, чтобы водворить тишину в пользу Филиппо: «Быть может, здесь виновны только события; во всяком случае я требую, чтобы выслушали всех, кто может высказаться по этому поводу». Робеспьер, упрекнув Филиппо за его необдуманные выпады против Комитета общественного спасения, не хотел видеть в этой ссоре ничего, кроме личных счетов. Он убеждал Филиппо пожертвовать своим самолюбием. В противоположность Дантону, требовавшему, несомненно для того, чтобы затянуть инцидент, расследования, Робеспьер старался положить ему конец призывом к единению. И, обратившись к эбертистам, так же как обращался к Филиппо, он просил их спокойно дожидаться суда Комитетов над Ронсеном, Венсаном, Майяром. «Разве Марат не сохранял спокойствия перед революционным трибуналом? И разве он не вернулся с триумфом? Разве Шабо, оказавший величайшие услуги общественному делу, не арестован?»

Но Филиппо, отклонив мирные предложения Робеспьера, выступил с более прямым обвинением против Комитета общественного спасения, и Дантон повторил свое предложение о назначении комиссии для расследования «Я спрашиваю Филиппо,— сказал Кутон,— верит ли он, по совести, что в вандейской армии существует измена?»

Филиппо ответил: «Да». «Тогда,— сказал Кутон,— я тоже требую назначения комиссии». Мост между «снисходительными» и Комитетом был сожжен!

Гебертист Моморо, воспользовавшись случаем, предложил Комитету содействие своих друзей, но под условием: «Пусть патриотизму окажут поддержку, пусть патриотов не притесняют, и все республиканцы, объединенные в Комитетах общественного спасения и общественной безопасности, в Конвенте и Горе, будут защищать республику до последней капли крови!» Сохранивший присутствие духа Робеспьер энергично указал на серьезную угрозу, которую почувствовал в этом предложении: «Неужели вы хотите сказать, что Конвент притесняет патриотов? Разве вы забыли, что бриссотинцев в Конвенте уже нет, что там заседает Гора, которая всегда окажет республиканцам справедливость?» Он добавил, что Конвент выполнит свой долг до конца, не боясь возмущений. Этими словами он хотел указать гебертистам, что они ошибаются, если надеются запугать Конвент.

Таким образом, Робеспьер держался на одинаковом расстоянии от Филиппо и от Моморо — позиция очень сильная, создавшая ему исключительную популярность в народе, так как народ понимал, что спасение революции заключалось в единении всех революционеров. На следующий день после великого заседания 3 нивоза в Якобинском клубе в Париж пришло известие о взятии Тулона республиканскими войсками Дюгоммье. Положение Комитета было упрочено, и Робеспьер воспользовался этой новостью, чтобы произнести 5 нивоза в Конвенте горячую похвалу революционному правительству — искусный ответ «Старому кордельеру». Из основного различия между конституционным и революционным правительством, между состоянием войны и мирным состоянием, он с большим искусством вывел оправдание террора. Опираясь на несокрушимую идею общественного интереса, он громил обе крайности: «Модерантизм, который относится к умеренности так же, как бессилие к целомудрию, и стремление к эксцессам, которое похоже на энергию так же, как тучность больного водянкой — на здоровье... Демократические бароны являются братьями маркизов из Кобленца, и нередко красные колпаки стоят гораздо ближе к красным каблукам, чем это можно предполагать». На следующий день Барер обвинил «Старого кордельера», и Билло-Варенн добился отмены вотированного несколько дней тому назад, по предложению Робеспьера, декрета об

организации Комитета правосудия, который должен был сортировать заключенных и освобождать несправедливо арестованных.

С тех пор как вандейцы были разгромлены при Мансе и Савене, а Гош обратил австро-пруссиков в бегство при Гейсберге и отнял у них Ландау, Комитет укрепился и осмелел. «Снисходительные» отступали с каждым днем.

Открытие 15 нивоза под печатями у Делоне черновика первого проекта декрета о ликвидации Индийской компании окончательно доказало виновность Фабра д'Эглантина. 19 нивоза Робеспьер разоблачил в Якобинском клубе мошенника, который его обманул, и через четыре дня Фабр был арестован. Когда Дантон на следующий день совершил чрезвычайную неосторожность, выступив в защиту своего друга, Билло-Варенн сурово ему ответил: «Горе тем, кто сидел около него и кто еще будет им одурачен!»

«Снисходительные» не только потерпели неудачу в своей попытке остановить террор, но еще сами оказались под угрозой. Их могли привлечь к процессу мошенников, которых они защищали. Они дискредитировали милосердие, требуя его для недостойных.

ОТ
УМЕРЕННЫХ
К
КРАЙНИМ

нисходительные» имели за собой тайное сочувствие большинства депутатов, которых революция

2 июня только по наружности убедила в справедливости доктрины Горы, доктрины общественного спасения. Если бы Комитет не оказал революции столь важных услуг, он уже давно был бы свергнут. Он удержался только благодаря тому, что сумел доказать свою необходимость. Но он мог действовать и привести в движение огромную машину революционного правительства лишь при поддержке и доверии вождей санкюлотов, которые не только ораторствовали в клубах, но и заполняли теперь кадры новой бюрократии. Эти новые люди, порожденные войной, в большинстве молодежь, только что вышедшая из школ, где им ставили в пример героев Греции и Рима, защищали в революции столько же свой

идеал, сколько и свою карьеру. Они наполняли военные бюро, надзирали в качестве комиссаров Исполнительного совета или Комитета общественного спасения за генералами и самими депутатами, заседали в большом числе в революционных комитетах и карательных трибуналах, исполняли приказы, приходившие из Парижа, и осведомляли Париж об общем положении дел. Революционный режим держался их преданностью и усердием.

Выступление «снисходительных» было направлено непосредственно против этих людей. Оно угрожало не только их благополучию, но и их личной безопасности. Многие из них были причислены к опасной категории заграничных агентов или ультра-революционеров. Нередко депутаты, за которыми они наблюдали или которых беспокоили, подвергали их арестам. Междоусобная борьба революционеров не ограничивалась замкнутым полем парижского Якобинского клуба или Конвента, она распространилась по всей Франции. Эта борьба разразилась как раз в тот момент, когда начал применяться великий закон 14 фримера, когда повсюду производилась чистка властей и клубов, когда организовалась Продовольственная комиссия; угрожала серьезная опасность, что новый режим будет парализован, прежде чем успеет принять правильные формы. Всю серьезность кризиса можно себе представить, лишь покинув столицу и познакомившись с положением страны.

Конфликты происходили всюду. В Эльзасе Сен-Жюст и Леба, на которых была возложена чрезвычайная миссия, после занятия линии Виссембурга, не входили в сношения с депутатами, прикомандированными к рейнской и мозельской армиям, Ж.-Б. Лакостом и Бодо, вследствие чего последние сочли себя оскорбленными. Сен-Жюст арестовал вождя иностранных эмигрантов Евлогия Шнейдера, бывшего епископского vicar конституционного епископа Бренделя, сделавшегося общественным обвинителем. Шнейдер только что женился. Он торжественно вступил в Страсбург со своей молодой супругой в коляске, эскортируемой всадниками с саблями наголо. Прежде чем отправить его в революционный трибунал, Сен-Жюст выставил его на несколько часов на помосте гильотины: «Это наказание, — писал Леба Робеспьеру 24 фримера, — которое он навлек на себя своим наглым поведением, было вызвано, кроме того, необходимостью обуздать иностранцев. Не будем верить космополитическим шарлатанам, положимся только на самих себя». Сен-Жюст упразднил

вместе с тем «Пропаганду», нечто вроде походного клуба, организованного депутатами, прикомандированными к рейнской армии, чтобы республиканизировать деревню.

Лакост и Бодо выразили шумный протест. 28 и 29 февраля они написали Конвенту, что позорное наказание, которому был подвергнут Шнейдер, привело патриотов в ужас и сделало аристократов более опасными и дерзкими, чем когда-либо прежде. Они восхваляли ораторов «Пропаганды», закаленных на огне «Отца Дюшена», и просили, вместе с тем, чтобы их отозвали.

Конфликт в Лотарингии. Балтазар Фор, арестовав за растрату казенных денег вождя местных гебертистов Мара Може и предав его суду революционного трибунала, очистил клуб в Нанси посредством ареста главных революционеров. Но Ж.-Б. Лакост и Бодо обвинили своего коллегу в том, что он сделался кумиром аристократов, поспешили в Нанси, очистили клуб в обратном смысле и заключили в тюрьмы сторонников Фора, которые заместили в тюрьмах освобожденных патриотов. Фор потребовал расследования (3 плювиоза).

Конфликт в Седане, где Перрен (из Вогезского департамента) арестовал в нивозе руководителя клуба, мера города Вассана как ультра-революционера. Его коллеги Массье и Эли Лакост выразили протест и взяли Вассана под свою защиту.

Конфликт в Лилле. Гентц и Флоран Гио, заменившие Изоре и Шалю, арестовали Лавалетта и Дюфресса, которых последние поставили во главе своей департаментской революционной армии. Они освободили, кроме того, многих подозрительных. Шаль, оставшийся в Лилле, чтобы залечить рану, полученную в сражении, выразил протест и обвинил их в покровительстве аристократам.

Конфликт в департаменте Верхней Соны, где Робеспьер-младший освобождал сотнями подозрительных, арестованных за федерализм и фанатизм. Его коллега Бернар из Сенты, ожесточенно боровшийся с культом и наполнивший тюрьмы, вступил с ним в энергичную борьбу.

Конфликт в департаменте Луары. Пылкий Жавог составил обвинительный акт против Кутона и Комитета общественного спасения. Он разоблачал декрет о свободе вероисповеданий, учреждение должности «национальных агентов», указал на преследования патриотов и заканчивал: «В Комитете общественного спасения существует контрреволюция: он послал бесчестного Гули сеять контрреволюцию в департаменте Эн» (письмо от 16 плювиоза,

адресованное Колло). Кутон выразил протест с трибуны 20 плювиоза. Жавог был отозван и осужден. Фуше приказал арестовать его агента Лапаллю, преданного революционному трибуналу.

Гули, уже обвиненный Жавогом, был своим заместителем Альбиттом в департаменте Эн снова обвинен в покровительстве аристократам. Он заключал в тюрьмы лучших патриотов, освобождал священников, дворян, монахов и не применял революционных законов (письмо от 11 плювиоза).

Но тот же Альбитт, который обвинил Гули в умеренности, несколькими неделями раньше был, в свою очередь, обвинен Баррасом и Фрероном за снисходительность, проявленную им в отношении марсельских мятежников (письмо от 20 октября). Он не наложил контрибуции на богачей и окружил себя только дворянчиками.

Баррас и Фрерон считались «снисходительными», так как были друзьями Дантона. Эти «снисходительные» руководили после взятия Тулона кровавыми репрессиями. «В первые дни после нашего вступления патриоты, заточенные на корабле «Фемистокл» (т. е. подвергнутые тюремному заключению во время осады), указали нам главных мятежников, которых мы приказали немедленно расстрелять... Мы учредили комиссию из храбрых парижских санкюлотов, комиссаров исполнительной власти... Она функционирует уже в течение двух дней и развивает энергичную деятельность... 800 тулонских изменников уже преданы смерти» (письмо от 16 нивоза). В Марселе они применяли те же методы, что и в Тулоне. Они приказали обезоружить всех жителей города без исключения, организовали революционную комиссию, составленную, подобно тулонской комиссии, исключительно из парижан, и эта комиссия в течение 10 дней приговорила 120 человек к смерти. Они хотели разрушить самые красивые здания и лишить город его славного имени, назвав его «Безымянный». Марсельские патриоты выразили протест, потребовали, чтобы им вернули их оружие, напомнили, что облегчили победу Карто, и хотели организовать в Марселе конгресс всех клубов юга. Баррас и Фрерон разогнали конгресс, закрыли помещения секций, арестовали и отослали в революционный трибунал двух патриотов — Майе, председателя, и Жиро, общественного обвинителя уголовного трибунала... Марсельские патриоты ответили правдоподобным обвинением Барраса и Фрерона в том, что они обогатились за счет богачей, которых заключили в тюрь-

мы и потом освободили, получив с них взятки звонкой монетой. Уже Робеспьер-младший и Рикор, их товарищи по командировке, обвинили их перед Комитетом общественного спасения. Комитет оставил городу его имя и отовал Барраса и Фрерона (4 плювиоза). Они представили себя жертвами ультра-революционеров и, по возвращении в Париж, вступили в ряды «снисходительных». Вполне очевидно, что суть дела заключалась здесь не в политических распрях, а в личных дрязгах и в борьбе влияний местных властей и делегатов центральной власти. Слова *ultra* и *citra* прикрывали нередко совершенно разнородные события и интересы.

В Лионе, как и в Марселе, борьба между крайними и умеренными революционерами прикрывала борьбу местных патриотов, друзей Шалье, с чиновниками, явившимися из Парижа. Марино обвинил лионских патриотов (в Якобинском клубе, 14 плювиоза) в том, что они сеяли раздоры между отрядом революционной армии, приведенным Колло д'Эрбуа, и линейными войсками, составлявшими гарнизон города. Линейные солдаты упрекали солдат Ронсена за то, что они получали более высокое жалованье. «В течение трех дней и трех ночей,— говорит Марино,— пушки были наведены, дома освещены, и наши братья готовились резаться друг с другом». Фуше, содействовавший сначала расстрелам картечью, после ареста Ронсена переменил свою тактику. 18 плювиоза он приказал прекратить казни и 24 плювиоза запретил производить новые аресты. Это была амнистия за прошлое. В то же время он успокоил аристократов при посредстве Молле, принадлежавшего прежде к братству Оратории. Кровожадный Фуше обвинял теперь друзей Шалье, как ультра-революционеров, а эти так называемые ультра-революционеры боролись с Марино и Толедом, т. е. со сторонниками Ронсена и Эбера, которым Фуше по-прежнему давал назначения и покровительствовал.

В Бордо, где Талльен и Изабо уже давно начали обвинять ультра-революционеров, дело шло, главным образом, о том, чтобы зажать рты непрошеным наблюдателям, расстраивавшим личные комбинации депутатов. Восемьдесят комиссия, которую они учредили, под председательством человека с запятнанной репутацией, Лакомба, выказала сначала большую суровость. Бывший мэръ Сеж, богатство которого исчислялось в 10 миллионов, и член Конвента Биротто были отправлены на эшафот. Но вскоре депутаты и их комиссия сделались снисходительнее.

Четыре брата Раба, богатые купцы, были освобождены после уплаты штрафа в 500 тыс. ливров, банкир Рейзото должен был уплатить 1 200 тыс. ливров, купец Лафон и биржевой маклер Лайар — по 300 тыс. ливров каждый и т. д. Эти освобождения не ускользнули от внимания агентов Исполнительного совета, которые донесли в Париж о роскошном образе жизни депутатов и отметили, что Талльен жил во внебрачном союзе с освобожденной им из тюрьмы красавицей Терезой Кабаррю, дочерью директора испанского банка в Сен-Шарль, «современной Дюбарри», надевшей красный колпак и принимавшей участие в гражданских празднествах. Изабо и Талльен обвинили, в свою очередь, своих доносчиков, этих агентов Пিতта, интриганов, прикрытых мундирами, выходивших целыми стаями из военных бюро. По поводу Терезы Кабаррю они развязно добавили: «Предполагают, что Талльен должен был жениться на некой иностранке. О вздорности такого, якобы, совершившегося брака спросите у генерала Брюна, находившегося в более тесных, чем Талльен, отношениях с этой гражданкой. Он должен знать, насколько честен этот дом, в котором он бывал ежедневно» (письмо от 2 нивоза). Чтобы заставить замолчать своих доносчиков, они арестовали 12 плювиоза членов Комитета надзора в Бордо, виновных, по их словам, в злоупотреблении властью. «Мы преследуем интриганов, ложных патриотов, ультра-революционеров с тем же мужеством, с каким преследовали всех врагов свободы» (17 плювиоза). С тех пор модерантизм укрепился в Бордо, так же как и в Лионе.

В департаменте Гар депутат Буассе уволил от службы всех пылких патриотов, отрешил от должности их вождя Курби, нимского мэра, «Марата Юга», освободил множество подозрительных, что, впрочем, не помешало ему закрыть церкви и осудить декрет 18 фримера о свободе вероисповеданий. Это лишний раз подтверждает, что разрушение католицизма не было исключительно делом того политического течения, которое мы называем эбертизмом.

В Авиньоне революционер Агрикола Муру, судья трибунала, был отправлен в революционный трибунал депутатами Ровером и Пультье, которых он обвинял в спекуляциях национальными имуществами. В Орлеане патриот Табуро, в Суассоне патриот Лербон, в Амбуазе братья Жербуен, в Блуа комиссар Исполнительного совета Мог и многие другие были заключены в тюрьмы как ультра-революционеры.

Не надо удивляться, что в самом разгаре террора ари-

стократам и даже переодетым роялистам удалось завладеть органами революционного правительства. В те времена, когда широкие массы населения были безграмотны, когда образование являлось роскошью, когда социальная иерархия была еще очень сильна, культурное меньшинство волей-неволей имело значительное влияние. Богачи сохранили свою клиентуру и свой престиж. Им было не трудно, путем нескольких патриотических даров, заслужить себе звание патриотов. В клубе Безансона председательствовал в плювиозе брат эмигранта, бывший граф Вьенно-Воблан, изображавший из себя последователя Марата, и этот пример не является исключением.

В департаменте Крез депутату Вернерею удалось вырвать у революционного трибунала и спасти от эшафота примерного республиканца Гравелуа, мэра сельской коммуны дистрикта Ла Сутеррэн, которого аристократические судьи трибунала Гере признали опасным анархистом.

Надо ознакомиться со всеми этими фактами, чтобы отдать себе отчет в глубине пертурбации, произведенной во всей Франции борьбой между крайними и умеренными революционерами. Всюду происходили конфликты, угрожавшие самому существованию революционного режима. Вместо того чтобы выступать в роли третейских судей, депутаты нередко сами бросались в битву и обвиняли друг друга в самых темных делах. Доносы, отрешения от должностей, аресты, чистки самого разнообразного характера следовали одни за другими с удивительной быстротой. А между тем надо было править, управлять, разрушать заговоры, снабжать продовольствием города и армии, побеждать Европу. Комитеты продвигались ощупью среди туч интриг. Надо удивляться, что они не подвергались еще более частным обманам, и что им удалось избежать тех беспрестанно появлявшихся западней, которые расставлялись на их пути. Если бы между ними возникли несогласия, они погибли бы, а вместе с ними и республика.

Комитеты не понимали, что под флагом борьбы с действительными ультра-революционерами преследовали искренних патриотов, виновных только в бескорыстной экзальтации. Они боялись утратить контакт с республиканскими массами населения. В ударах, угрожавших агентам Исполнительного совета, они предчувствовали хитрые маневры, направленные против них самих. Умеренные казались им еще более опасными, чем ультра-революционеры.

Отозвав Шаля декретом от 27 нивоза, они пытались

месяц спустя удалить его обвинителя, Флорана Гюо, отправив его в департамент Финистер (30 плювиоза). Они удовлетворили марсельских патриотов, отозвав Барраса и Фрерона (4 плювиоза). Каррье, обвиненный агентом Комитетов Жюльеном младшим за свой роскошный образ жизни сатрапа, за свой деспотизм в отношении местных властей и наконец, за свои преступления, был отозван 18 плювиоза, несмотря на противодействие Карно. Балтазар Фор был отозван 5 плювиоза, и патриоты Северо-востока освобождены и возвращены на свои места. Буассе был отозван в свою очередь 3 вантоза, и его жертва Курби восстановлен в звании мэра города Нима и т. п.

Комитеты защищали патриотов, но не хотели вместе с тем допускать неопределенных и неразумных репрессий против бывших федералистов, присоединившихся к Горе. Два «снисходительных» — Делакруа и Лежандр отправили во время своей командировки в Нормандию муниципальных чиновников Конше в революционный трибунал как федералистов. Робер Линде написал Фукье-Тенвиллю, что он выступит в их процессе в качестве свидетеля. Он потребовал, чтобы трибунал отложил дело, и трибунал 15 нивоза удовлетворил его требование. В тот же вечер Линде заявил на общем заседании обоих Комитетов, что подаст в отставку, если процесс будет возобновлен. Большинство стало на его сторону. 24 плювиоза Вуллан добился декрета, избавившего федералистских администраторов соседних с Лионом департаментов от суда чрезвычайной комиссии Фуше и Колло д'Эрбуа. Процесс 132 жителей Нанта, отправленных Каррье к Фукье, был отложен и т. п.

Стремясь положить конец репрессиям, Комитеты не предполагали ослабить в той же мере террор. Наоборот, они считали его более необходимым, чем когда-либо прежде, так как все время чувствовали себя окруженными заговорами и изменами. «Долой мир, долой перемирие с деспотами, долой помилование и амнистию в отношении заговорщиков и изменников — таково требование всей нации!» (Кутон, письмо от 4 плювиоза).

Между тем как Эбер и его друзья щадили Комитет, а «Отец Дюшен» умерил порывы своего негодования, «снисходительные», наоборот, усилили свои удары. 12 нивоза Бурдон из департамента Уазы обвинил помощника Бушотта Добиньи. 18 нивоза, под предлогом, что министры расточают общественные фонды на субсидии гебертист-

ской прессе, он добился от Конвента декрета, лишившего их права производить какие бы то ни было расходы без предварительного и ясно выраженного разрешения Комитета — мера чрезвычайно важная, грозившая парализовать работу общественных должностных лиц во время войны. Комитет общественного спасения не задумался нарушить этот декрет, приказав комиссарам казначейства выдавать денежные суммы, как прежде, по распоряжениям министров.

После того как Вестерман был отрешен Комитетом от должности за выдачу жителям Вандеи 30 тыс. ружей, с помощью которых они возобновили гражданскую войну, Лекуантр произнес хвалебную речь генералу, своевременно появившемуся у решетки Собрания, и добился того, что он был формально исключен из действия декрета, подвергавшего отрешенных от должности чиновников тюремному заключению, и мог пользоваться полной свободой. В тот же вечер Робеспьер произнес громовую речь в Якобинском клубе против «новых бриссотинцев, еще более опасных, вероломных и низких, чем прежние».

Еще 3 плювиоза Бурдон из Уазы выразил негодование по поводу того, что накануне, когда Конвент отправился на площадь Революции, чтобы отпраздновать годовщину смерти тирана, в его присутствии были совершены четыре казни. «Это система, изобретенная нашими недоброжелателями, чтобы национальные представители заслужили прозвище каннибалов». Под его влиянием Конвент обязал Комитет общественной безопасности представить соответствующие объяснения, словно этот инцидент был подготовлен умышленно.

Не проходило дня без того, чтобы Комитеты не привлекались к ответу. 5 плювиоза по поводу ареста тестя Камилла Демулена Дантон настоял, чтобы Комитеты представили исчерпывающий доклад об освобождении задержанных. 9 плювиоза Рюль добился декрета, предлагавшего Комитету общественного спасения расследовать поведение Бушотта по отношению к одному французу, задержанному в Майнце в качестве заложника; 10 плювиоза, по жалобе одного капитана торгового флота, который не получил на службе в военном флоте повышения, обещанного ему Конвентом за оказанные им услуги, морской министр Дальбарад был подвергнут допросу у решетки Собрания, и понадобилось тройное вмешательство Барера, Сент-Андре и Кутона, чтобы спасти его от революционного трибунала и т. п.

Эти беспрестанные атаки, нередко увенчивавшиеся успехом, показывают лучше всего, насколько непрочно было положение революционного правительства.

Силою обстоятельств Комитеты обратились к ультра-

революционерам и клубам. Уже 23 нивоза Комитет общественной безопасности освободил жертву Фабра д'Эглантина — Мазюеля. На следующий день Фабр снова засадил его в тюрьму. 14 плювиоза Ронсен и Венсан были, наконец, освобождены, по докладу Вуллана, несмотря на энергичное противодействие Бурдона из Уазы, Филиппо, Лежандра, Дорнье, Луазо, Клозеля, Шарлье, Лекуантра. Дантон поддержал требование об освобождении, но заявил во всеуслышание, что будет настаивать также на освобождении Фабра д'Эглантина, когда поступит доклад по его делу. Это была своего рода торговая сделка, взаимная амнистия, которую Дантон косвенно предлагал Комитетам. Но Комитеты притворились глухими. Если Дантон хотел примирения, забвения прошлого, согласия, почему он не потребовал его, в первую очередь, от своих сторонников? Почему они беспрерывно продолжали нападать на правительство и его агентов?

Робеспьер изложил им 17 плювиоза точку зрения правительства: «Нам приходится гораздо меньше думать о защите от эксцессов энергии, чем от эксцессов слабости. Быть может, самая большая опасность, которой нам следует избегать, заключается не в избытке усердия, а в усталости и боязни собственного мужества». Революционное правительство должно быть сохранено до заключения мира. И Робеспьер угрожал «шайке», которая стремится «поселить раздоры между депутатами, разосланными по департаментам, и Комитетом общественного спасения» и «ожесточить депутатов по их возвращении».

Террор, по словам Робеспьера, должен был продолжаться столько же, сколько и война. Но «снисходительные» находили, что наступила пора заключить мир. 29 фримера Бурдон из Уазы объявил, что англичане готовы предложить нам мир. Дантон вскоре получил письма от агента Питта — Миля, который сообщался с ним через посредство нашего посла в Венеции, Ноэля, и предлагал открыть в Швейцарии конференцию по вопросу о прекращении враждебных действий. Подобные же косвенные предложения были сделаны Голландией и Испанией нашим агентам Кайару и Грувеллю. Даже Австрия пыталась завязать переговоры с нашим агентом в Базеле, Баше. Нет сомнения, что, если бы Дантон был у власти, он жадно схватился бы за эти первые предложения. В № 7 «Старого кордельера», появившемся только после его смерти, Демулен энергично высказался за мирную политику.

Но Комитет общественного спасения в двух громовых речах, произнесенных Барером 3 и 13 плювиоза, встретил насмешкой тайные предложения тиранов, которые скрывали, по его мнению, западню и имели единственной целью — возбудить мужество всех находившихся во Франции открытых и тайных врагов революционного правительства и остановить продвижение наших армий. «Кто смеет говорить о мире? Те, кто надеется отсрочить контрреволюцию на несколько месяцев или несколько лет, давая иностранным тиранам время восстановить свои силы, высосать последние соки из народа, запастись продовольствием, отвести свои армии... Монархиям нужен мир, республике — воинственная энергия, мир нужен рабам, республиканцам же — укрепление свободы». Война необходима не только для очищения еще занятой неприятелем территории, но и для укрепления внутреннего положения республики. Мира не должно быть до окончательной победы над врагами, в особенности же над англичанами. Робеспьер обращал внимание якобинцев на преступления английского правительства не столько для того, чтобы отвлечь парижан от междоусобной борьбы, сколько для того, чтобы убедить общественное мнение в невозможности заключить с Питтом мир.

Но чтобы продолжать войну, которая продлила бы страдания санкюлотов, Комитету приходилось проводить все более смелую социальную политику, еще более отдалявшую от него «снисходительных» — постоянных защитников имущих классов. «Снисходительные» саботировали закон о скупщиках в самой его основе, отказываясь вносить штрафы, неизбежные при его применении. 2 нивоza им удалось поразить этот закон в самом чувствительном месте, добившись по поводу процесса торговца вином Годона, спасенного ими от эшафота, нового декрета, запрещающего судьям смертные приговоры, т. е. единственное предусмотренное законом наказание. Они, несомненно, надеялись, что наспех составленный и постоянно подвергавшийся переработкам закон о максимуме будет уничтожен этим декретом, так же как и закон о скупщиках. Но Комитет не хотел возвращаться назад. Он оказал давление на Продовольственную комиссию, и 3 вантоза Барер мог представить Конвенту всеобщую таблицу максимума, регулировавшую цены для всей Франции и исправлявшую недостатки первоначального закона. Санкюлоты почувствовали, что их защищают.

Кампания должна была начаться. Комитеты задумали

решительный удар, который должен был повергнуть их противников и воодушевить широкие массы. 8 вантоза Сен-Жюст произнес от их имени блестящую речь, наметившую программу новой революции.

Террор рассматривался до сих пор даже самыми ревностными его почитателями как временное средство, которое должно исчезнуть после заключения мира. Сен-Жюст определил его с совершенно иной точки зрения, как необходимое условие для создания демократической республики.

Республика, — гласил основной принцип его речи, — может быть быстро упрочена, только если располагает гражданскими учреждениями, очищающими нравы граждан и укрепляющими в них естественные добродетели. «Государство, в котором такие учреждения отсутствуют, является лишь иллюзорной республикой. И так как каждый там понимает под свободой необузданность своих страстей и корыстолюбия, — эгоизм и завоевательный дух распространены между всеми гражданами, а идея о свободе, которую каждый из них составляет в своих интересах, является причиной всеобщего порабощения». До тех пор, пока эти гражданские учреждения, план которых Сен-Жюст в дальнейшем намечает, не будут созданы и не искоренят эгоизм в сердцах граждан, террор необходимо сохранить. «Республика создается путем разрушения всего, что ей противостоит». После страстного оправдания карательной деятельности революционного трибунала, являющейся лишь самым слабым ответом на бесчеловечные жестокости монархического режима, Сен-Жюст, которого Мишле называет архангелом смерти, взмахнул косою над головами тех, кто говорит о милосердии, и в прозрачных намеках обрисовал главных из них: «Есть один среди нас, который питает в своем сердце замысел заставить нас отступить и сократить нашу деятельность». Все взгляды должны были обратиться на Дантона, тем более, что Сен-Жюст продолжал: «Он разжирел на народных бедствиях, он наслаждается всеми благами, оскорбляет народ и совершает триумфальное шествие, увлекаемый преступлением, к которому старается возбудить наше сочувствие, так как уже нельзя замолчать безнаказанность главных виновников, которые хотят сломать эшафот, потому что боятся попасть на него». Затаяв дыхание, Собрание ожидало заключение этой речи. Не потребуют ли, чтобы она выдала Фукие намеченные головы? Сен-Жюст круто повернул свою речь. Он не потребовал голов, он потребовал революции собственности. «Сила обстоятельств приведет нас, быть может, к таким выводам, о которых мы никогда и не думали. Богатство сосредоточено в руках многочисленных врагов революции, нужда ставит трудящийся народ в зависимость от его врагов. Не думаете ли вы, что государство может существовать, когда гражданские отношения противоречат форме его правления? Те, кто осуществляет революцию наполовину, лишь роют себе могилу. Революция научила нас тому, что всякий, кто показал себя врагом своей страны, не может быть в ней собственником. Необходимо еще несколько гениальных ударов, чтобы нас спасти... Собственность патриотов священна, но имущество заговорщиков должно пойти в пользу нуждающихся. Нуждающиеся — владельцы мира. Они имеют право говорить тоном хозяев с правительствами, которые их игнорируют».

Сен-Жюст поставил на голосование декрет, согласно которому собственность лиц, признанных врагами республики, подлежала конфискации. Он предусматривал при этом не только теоретический декрет, но и определенную практическую меру, подлежащую осуществлению, так как 13 вантоза провел новый декрет, предписывавший всем коммунаам составить список неимущих патриотов, а всем комитетам надзора — доставить в Комитет общественной безопасности список всех арестованных по политическим делам с 1 мая 1789 г. с характеристикой каждого из них. Оба Комитета, снабженные этой пространной анкетой, решат окончательно вопрос о конфискации имущества врагов революции, и параллельно Комитет общественного спасения составит список неимущих патриотов, между которыми будут распределены конфискованные имущества.

Уже конфисковав имущества духовенства и эмигрантов, революция завладела теперь всем, что еще принадлежало ее врагам. Имущества двух первых категорий она пустила в продажу, и эти продажи принесли пользу только тем, кто имел средства для покупки. Имущества новой категории она распределила безвозмездно среди революционного пролетариата.

Ни гебертисты, ни даже «бешеные» никогда не имели в виду такой радикальной меры, такой широкой передачи собственности одного политического класса другому. В новых тюрьмах было до 300 тыс. арестованных по подозрению, 300 тыс. семей находились под угрозой экспроприации. Террор принимал непредвиденный и грандиозный характер. Дело шло уже не о временном насилии над враждебной партией, а о том, чтобы навсегда лишить ее собственности, уничтожить ее средства к существованию и на полученное от нее наследство поднять до социальной жизни всех вечно обездоленных. Дело шло также о том, чтобы продлить, как повторял Сен-Жюст за Робеспьером, революционную диктатуру до тех пор, пока не будет основана республика, в области фактов, посредством этой новой великой экспроприации, и в области духа, посредством гражданских учреждений. Террор уже не стыдился самого себя. Он сделался режимом, кровавым горнилом, в котором вырабатывалась будущая демократия на развалинах всего того, что было связано со старым порядком.

Казалось, что Комитет, который в продолжение двух месяцев искал пути между умеренными и крайними революционерами, принял на этот раз определенное решение. Он решительно перешел на сторону ультра-революционе-

ров и даже превзошел их. Все усилия Сен-Жюста были направлены против «снисходительных». Его выводы были грозной попыткой выявить из смутных стремлений гебертизма социальную программу.

Странное обстоятельство, которое сильно поразило Сен-Жюста: его не поняли и не поддержали даже те, кого он хотел удовлетворить.

ПАДЕНИЕ ПАРТИЙ

Комитет ожидал, что его социальная программа встретит противодействие справа, но не слева. Дантон собирался, по-видимому, выйти из своего оцепенения. Когда 4 вантоза Эли Лакост от имени Комитета общественной безопасности предложил отослать к Фукье-Тенвиллю судей Арденнского военного трибунала, заподозренных в сношениях с аристократией, он восстал против этой меры и добился того, что ее отложили: «Мы издаем декреты, не зная, в чем дело, на веру, по простым докладам. Я заявляю, что не могу понять того, что было сказано, и не могу выполнить моих функций политического присяжного. Пришло время Конвенту занять подобающее ему место и произносить свои приговоры только с полным знанием дела. Нация не должна погибнуть из-за на

шего малодушия, слабости или нежелания говорить. Все это является лишь предисловием к моему политическому credo. Я его выскажу в свое время». Предисловие, полное угроз.

Когда Сен-Жюст провел через голосование декрет о конфискации имуществ подозрительных, Дантон попытался парировать этот удар; потребовав, чтобы революционные Комитеты были предварительно очищены Комитетом общественной безопасности, который изгнал бы из них «ложных патриотов в красных колпаках». Предложение Дантона было отослано Комитетам, которые положили его под сукно.

Если бы эбертисты хоть сколько-нибудь обладали политическим чутьем, они соединились бы вокруг Комитетов, проявлявших свое расположение к ним до такой степени, что Колло д'Эрбуа произнес 3 вантоза в Якобинском клубе хвалебную речь Каррье. Но большинство из них жаждало не столько осуществить ту или иную социальную программу, сколько удовлетворить свое честолюбие и мстительную злобу. У них не было, строго говоря, никакого представления о социальной политике. Эбер отличался в этом отношении крайним убожеством мысли. Все зло, по его словам, происходило от скупщиков, и единственное целебное средство, которое он рекомендовал, заключалось в гильотине. Последние номера его газеты были наполнены яростными атаками на коммерсантов. «Я не пощажу торговца морковью, так же как и самого крупного негоцианта, потому что вижу единую линию фронта, образованного всеми, кто продает, против всех, кто покупает, и встречаю столько же недобросовестности в маленьких лавочках, сколько и в крупных магазинах» (№ 345). Было большой неосторожностью нападать так на мелких лавочников, которые не забыли, конечно, этих угроз. Жак Ру провидел мгновениями социальную проблему. Эбер не видел ничего за продовольственной проблемой, которую надеялся разрешить ребяческими, но сильными средствами.

Гордые, обладавшие неукротимым характером, Ронсен и Венсан хотели отомстить своим доносчикам — Фабру д'Эглантину и Филиппо. Они не доверяли ни Конвенту, ни его Комитетам. Робеспьер, воспрепятствовавший исключению Демулена из Якобинского клуба, казался им опасным и лицемерным сторонником умеренных. Они с горечью вспоминали изгнание своего друга Брише, которого Робеспьер исключил 19 плювиоза из клуба за то,

что он предложил исключить из Конвента «жаб Болота» и предать суду революционного трибунала 75 арестованных жирондистов. Они негодовали, вместе с Моморо, по поводу отказа якобинцев принять в свой клуб Венсана (23 и 26 плювиоза). Моморо увидел в провале кандидатуры Венсана доказательство интриги, о существовании которой объявил в Кордельерском клубе. 24 плювиоза он обрушился на «изношенных людей со сломанными ногами», называвших кордельеров фанатиками за то, что они были патриотами, от звания которых эти люди отказались.

С тех пор кордельеры вступили в ряды оппозиции. 4 вантоза Гебер объявил им о существовании новой партии «усыпителей», т. е. робеспьеристов. «Нам изобразили Камилла ребенком, Филиппо — безумцем, Фабра д'Эглантина — честным человеком. Граждане, не доверяйте усыпителям... Нам говорят, что бриссотинцы уничтожены, а между тем остался 61 виновный, подлежащие наказанию...» Кордельеры решили возобновить издание газеты Марата. Призывая Марата, сердце которого сохранялось в клубе как священная реликвия, они не только укрывались за великим и популярным именем, но и провозглашали решительную политику. Марат, которого прославляли, был Маратом, призывавшим к сентябрьским убийствам, Маратом, советовавшим народу выбрать диктатора.

• Эбер и его друзья надеялись использовать для своих целей нужду, увеличившуюся в столице с наступления зимы.

На рынках и у дверей булочных снова происходили побоища. «Париж начинает производить ужасающее впечатление, — писал 4 вантоза наблюдатель Латур ла Монтань. — На рынках и на улицах можно видеть огромную толпу бегущих граждан, кидающихся друг на друга, испускающих крики, заливающихся слезами и представляющих повсюду картину полного отчаяния; при виде этого волнения можно подумать, что Париж уже во власти всех ужасов голода». «Нужда достигла крайней ступени, — констатировал на следующий день наблюдатель Сире, — предместье Сент-Антуан рассеялось по Венсенской дороге и расхитило все продовольствие, предназначенное для Парижа. Некоторые платили за него, другие уносили, ничего не заплатив. Разоренные крестьяне клялись не привозить больше в Париж никакого продовольствия. Необходимо немедленно водворить порядок, иначе эти разбой в ближайшее время вызовут голод в столице». Комиссары по борьбе со скупщиками производили многочисленные обыски, отбирали на улицах съестные продукты и распределяли их. Однажды Дюкроке, комиссар секции Марата, отобрал 36 яиц у гражданина, имевшего на иждивении семь человек, и разделил эти яйца между 36 различными лицами.

Кордельеры потребовали увеличения революционной армии для наказания скупщиков (4 вантоза). Коммуна и

секции подали петиции о строгом и неуклонном применении закона о скупщиках (5 вантоза): Вследствие отсутствия продуктов рабочие мастерских военного обмундирования прекратили работу. Рабочие железоделательных заводов и мастерских по изготовлению оружия забастовали, требуя повышения заработной платы. Волнение приняло угрожающий характер. 10 вантоза на собрании секции Рынков сапожник Бо, член революционного комитета, заявил, что в случае продолжения голода надо обойти тюрьмы, перерезать арестованных, зажарить и съесть. Повсюду говорили о повторении 2 сентября. Анонимные плакаты советовали разогнать бездарный Конвент и заменить его диктатором, который сумеет разрешить продовольственную проблему.

Кордельеры думали, что им легко удастся выиграть новое сражение и захватить власть в свои руки. 14 вантоза Каррье подал сигнал к открытию боя: «Восстание, священное восстание — вот что вы должны противопоставить этим злодеям!» Эбер снова обвинил в длинной речи «усыпителей» Комитетов, честолюбцев, защищавших Шабо, Фабра и 75 жирондистов. Подбодренный Буланже, помощником командира Парижской национальной гвардии, восклицавшим: «Отец Дюшен, не бойся ничего. Мы сами будем отцами Дюшен, чтобы поразить наших врагов»; поощряемый Моморо и Венсаном, упрекавшими его в слабости, он решился назвать имена: Амара, дворянина, бывшего казначея французского короля, купившего дворянство за 200 тыс. ливров, министров Паре и Дефорга, Карно, желавшего прогнать Бушотта и заместить его своим «слабоумным и неблагонадежным» братом. Гебер все же не осмелился назвать Робеспьера, но ясно на него намекнул и заключил свою речь, подобно Каррье: «Да, восстание, и кордельеры первые подадут сигнал, который должен нанести нашим угнетателям смертельный удар!» Кордельеры завесили траурным крепом декларацию прав, символизируя угнетение, жертвами которого они себя считали.

Их призыв упал в пустоту. Широкие массы уже не верили в пригодность гильотины для разрешения продовольственной проблемы, а комиссары по борьбе со скупщиками были крайне непопулярны вследствие тех стеснительных мер, которые они применяли. Моморо, правда, увлек за собой секцию Марата, которая попыталась 15 вантоза возбудить Коммуну. Но Коммуна осталась холодна и враждебна. Ее председатель Любен сделал выговор пети-

ционерам, восхваляя деятельность Комитетов. Шометт призывал к спокойствию. Анрио осуждал агитаторов. Комитет надзора Парижского департамента, хотя и состоявший из пылких революционеров, принимавших участие в восстании 2 июня, распространял афиши, предостерегавшие население.

Внезапное выступление гебертистов удивило Комитет общественного спасения, но не застало его врасплох. Он решил предать их немедленно суду, но, предвидя, что умеренные попытаются извлечь выгоду из преследований ультра-революционеров, объявил с самого начала во всеуслышание, что будет беспощадно бороться с обеими партиями.

В докладе от 16 вантоза Барер доказал, что голод является результатом деятельности тех, кто на него сетует, и потребовал судебного процесса. Общественный обвинитель должен был немедленно допросить авторов и распространителей зажигательных афиш, а также виновников недоверия, внушенного торговцам и земледельцам, снабжающим Париж продовольствием: «Пусть содрогнутся все заговорщики!.. Надо следить за партией «снисходительных» и пацифистов столько же, сколько и за партией мнимых инсургентов!» И он объявил, что Амар представит, наконец, доклад по делу Шабо и его сообщников.

Комитет не арестовал сразу проповедников восстания только потому, что Колло д'Эрбуа выговорил себе право сделать последнюю попытку примирения. Виновник расстрелов в Лионе не мог выдать виновника потоплений в Нанте, не подвергая опасности самого себя. В тот же вечер в Якобинском клубе он предложил послать к кордельерам, как во времена Жака Ру, депутацию, чтобы «понудить их учинить правосудие над интриганами, которые ввели их в обман». Интриганы, имена которых Колло гнушался произнести, присутствовали на заседании. Еще за день перед тем они призывали к восстанию. Теперь же они унизили себя пошлыми оправданиями. «Призывая к восстанию, — сказал Каррье, — мы имели в виду только тот случай, когда оно вынуждено обстоятельствами. Ручаюсь головой, что никто не внес предложения против Комитета».

17 вантоза делегация якобинцев, во главе с Колло, отправилась к кордельерам, Моморо, Гебер и сам Ронсен, один за другим, принесли повинную. Черный креп, прикрывавший декларацию прав, был разорван и передан в знак братской солидарности якобинцам. Оба клуба поклялись друг другу в «неразрывном союзе». Колло, казалось, добился успеха.

Но все кордельеры отнеслись с неодобрением к отступлению своих вождей. Венсан обрушился 19 вантоза на кромвелистов, хитрых ораторов с громкими речами, подразумеваемая Колло. В клубе произошли бурные объяснения. В некоторых секциях, в которых преобладали друзья Венсана, агитация продолжалась. Так, секция Брута заявила 21 вантоза Конвенту, что она останется настороже до тех пор, пока не будут уничтожены все скрытые роялисты, все федералисты, все умеренные, все «снисходительные», и в тот же день секция Финистер, состоявшая из поденных рабочих, потребовала, устами Буллана, декрета, который вывел бы «из состояния бездействия» революционную армию и учинил бы скорый суд над скупщиками.

21 вантоза Комитеты узнали с разных сторон, в особенности же от офицера германского легиона Генделя, что эбертисты в действительности подготавливали то восстание, от которого отреклись. Они намеревались проникнуть в тюрьмы, перерезать аристократов, завладеть Новым мостом и арсеналом, убить Анрио и его штаб, поджечь Комитеты Конвента и, в заключение, назначить великого судью, т. е. диктатора, который санкционировал бы смертные казни и распределил бы между народом деньги, найденные на Монетном дворе и в казначействе. Гендель назвал имена людей, которые пытались привлечь его к участию в заговоре: изучавшего хирургию студента Армана, врача Бейссе и т. д. Заштатный генерал Ломюр сообщил под секретом Вестерману, содействия которого он требовал, что в Париж тайно посылают людей из революционной армии и что великим судьей намереваются назначить Паша.

Вооруженные этими уликами, Комитеты решили действовать без промедления, чтобы уничтожить заговор в самом зародыше. Вернувшись из своей командировки в Пор-Мало, Билло-Варенн и только что оправившиеся от болезни Кутон и Робеспьер присутствовали на заседании 22 вантоза, на котором были одобрены заключения обвинительного доклада, представленного на следующий день Сен-Жюстом против обеих партий, действовавших в пользу неприятеля. В тот же вечер Фукье-Тенвилль был вызван в Комитет, и на следующий день, в ночь с 23 на 24 вантоза, главные эбертистские вожди были арестованы в обстановке всеобщего равнодушия. Большая часть секций явилась в ближайшие дни в Конвент с поздравлениями, к которым присоединилась, хотя и с некоторым запозданием, сама Коммуна.

Процесс гебертистов, продолжавшийся с 1 по 4 жерминаля был, прежде всего, политическим процессом. Обвинение в намерении вызвать голод, которое возбудили сначала против гебертистов, уступило место новому, несравненно более серьезному обвинению в организации восстания. С помощью первого обвинения к Эберу присоединили его друга, комиссара по борьбе со скупщиками, Дюкроке и агента по продовольствию Антуана Декомба. Чтобы доказать существование связи с внешним врагом, так как без Питта и герцога Кобургского не мог обойтись в то время ни один заговор, в ряды обвиненных включили Анахарсиса Клоотса, Проли, Кока и секретных агентов министерства по иностранным делам — Дефье, Перейру и Дюбюиссона. Другие обвиняемые: Ронсен, Мазюель, Венсан. Леклерк и Буржуа, начальники военных бюро, Моморо и др.— были вождями, подготавливавшими переворот.

Все они были приговорены к смерти, за исключением полицейского шпиона Лабуро, который был оправдан. Эзекуция была выполнена среди несметной толпы, поносившей побежденных. Они умерли мужественно, исключая Гебера, который проявил признаки слабости.

Комитеты решили расправиться с ультра-революционерами лишь скрепя сердце. Они запретили Фукье преследовать Анрио, Буланже, Паша, скомпрометированных некоторыми показаниями, и не привлекли к делу Каррье. Они боялись реакции, которой могли воспользоваться «снисходительные» — их злейшие враги. «Всего опаснее,— сказал Робеспьер в Якобинском клубе 25 вантоза,— было бы замешивать патриотов в процесс заговорщиков». Декрет 23 вантоза, предавший гебертистов суду революционного трибунала, содержал обоюдоострые, искусно составленные Сен-Жюстом определения. Он объявлял, например, предателями отечества тех, кто давал приют эмигрантам и, вместе с тем, зачислял в ту же категорию всякого, кто сделает попытку открыть тюрьмы. Первое определение можно было применить к Дантону, принявшему у себя эмигрантку маркизу де Шарри. Второе могло коснуться всех, кто требовал милосердия.

26 вантоза Амар представил, наконец, обвинительный доклад против мошенников, т. е. Шабо, Базира, Делоне, Фабра и т. д.

Этот доклад прокурора, ограничивавшийся одной лишь финансовой стороной дела, не удовлетворил ни Билло, ни Робеспьера, сожалевших, что Амар не обратил вни-

мания на политический характер заговора, связанного с подкупом. В то время как гебертисты держали ответ перед Фукье по обвинению в желании унижить и разогнать Конвент, Билло и Робеспьер возбудили то же обвинение против мошенников и «снисходительных».

Если не предполагать, что Дантон внезапно оглох и ослеп, то он должен был знать о том, что подготовлялось. 4 и 8 вантоза он в угрожающем тоне выразил намерение потребовать у Комитета отчета. Затем он вдруг замолчал. Следует ли предположить, что он с удовлетворением следил за восстанием кордельеров и пытался завязать сношения с Ронсеном в целях ниспровержения правительства? Многочисленные и согласные показания свидетельствуют о том, что тайное соглашение, существовавшее, по утверждению Комитетов, между двумя ветвями заговора, не было плодом воображения. Генерал Ломюр был близок с Вестерманом, которого посвящал во все свои тайны. Свидетели на процессе показали, что Вестерман намечал Дантона на роль великого судьи. С тех пор как Дантон поддержал месяц тому назад требование об освобождении Ронсена и Венсана, эбертисты его щадили. Среди них были заведомые клиенты Дантона. Каррье восхвалял Вестермана.

Как бы то ни было «снисходительные» пробудились, повидимому, только тогда, когда начались преследования гебертистов. Заговор рушился, опасность приближалась. Камилл Демулен снова взялся за перо. Между тем как в №№ 5 и 6 «Старого кордельера» он отказывался от своих прежних слов, № 7 носил совершенно иной характер. Здесь Демулен стыдил Конвент за его унижения перед Комитетом и восхвалял с энтузиазмом британские учреждения, в противовес поносившему их Робеспьеру, напоминал, что английский суд только что оправдал гражданина Беннета, способствовавшего победе французов, между тем как во Франции отправляли на эшафот за одни лишь пораженческие разговоры. В заключение он горячо обвинял Барера, отказавшегося выслушать мирные предложения держав. В черновых рукописях, найденных среди его бумаг, он выражался еще сильнее. Комитет общественного спасения выбирал, по его словам, самых неспособных генералов, систематически отрешая от должности и отправляя на эшафот тех из них, которые могли принести какую-нибудь пользу: Диллона, Кюстина, Дюбайе, Гарвилля и Ламорлиера. Демулен снова призывал к борьбе всех, кто устал от террора и от войны. № 7 «Старого

кордельера» явился обвинительным актом против Комитетов, которые Демулен прежде щадил. Но Комитеты бодрствовали. У типографа Демулена Дезенна был произведен обыск, и 24 вантоза его арестовали. Комитеты были в курсе дела и хорошо подготовлены.

«Снисходительные» попытались возобновить свои вечные атаки против Бушотта и агентов Комитета (28 и 30 вантоза). Они добились на одно мгновение декрета об аресте Герона, одного из главных агентов Комитета общественной безопасности. Но Кутон, Моис Бейль и Робеспьер — один за другим отразили это нападение. Кутон заявил, что «умеренные, у которых совесть не чиста и которые боятся поэтому решительных революционных мер... хотят погубить правительство», лишая его лучших агентов. Робеспьер в угрожающем тоне заявил, что Комитеты не потерпят, чтобы меч тирании коснулся хотя бы одного патриота. Он обвинял тех, кто хотел погубить самых пылких революционеров, зачисляя их в ряды гебертистов. «Еще вчера один член Конвента ворвался в Комитет общественного спасения и с неопишуемой яростью потребовал трех голов». Робеспьер не имел нужды называть этого кровожадного «снисходительного», и Герон был спасен.

Не вследствие ли этой тревоги Билло потребовал у своих коллег по Комитетам ареста Дантона, который, по его словам, был центром всех контрреволюционеров? И только противодействие Робеспьера, который не хотел выдавать своих старых товарищей по оружию, отсрочило на несколько дней эту неизбежную меру. Чтобы доказать широким массам патриотов, что процесс гебертистов не сыграет наруку реакции, необходимо было осуществить ту угрозу, которая уже долгое время висела над сторонниками милосердия.

По-видимому, эти сторонники милосердия, приведенные в замешательство голосованием обвинительного декрета против Базира, Шабо и Фабра, возложили свою последнюю надежду на Робеспьера. Дантон встречался с ним два или три раза у Леньело и у Гюмбера. По словам Кургуза, Дантон со слезами протестовал против злостных сплетен, распространявшихся по поводу его командировки в Бельгию и по поводу его крупного состояния: «Поверь мне, Робеспьер, отвергни интригу и присоединись к истинным патриотам» (согласно Добиньи) Робеспьер остался непоколебим.

Вестерман посоветовал Дантону принять меры предосторожности «Они вас убьют». — «Они не посмеют напасть на меня», — ответил Дантон. Вестерман настаивал и предлагал совершить нападение на Комитеты. Дантон отказался. — «Лучше быть сто раз гильотинированным, чем сделаться самому палачом!» Было ли это самонадеянностью или усталостью, или убеждением, что после неудачи гебертистского

восстания всякая новая попытка восстания обречена на неудачу? Смелый Дантон, хотя и был предупрежден об опасности, ожидал событий, ничего не предпринимая.

Билло удалось, наконец, поколебать последние сомнения Робеспьера. На вечернем заседании 10 жерминаля оба Комитета, выслушав обвинительную речь Сен-Жюста с последующими поправками Робеспьера, отдали приказ об аресте Дантона, Делакруа, Филиппо и Камилла Демулена как сообщников Шабо, Фабра д'Эглантина и других мошенников, которых они защищали. Все присутствующие члены подписали приказ, за исключением Рюля и Линде.

Комитеты предприняли решительный шаг, в исходе которого не были уверены. После казни эбертистов умеренные добились крупных успехов. Лежандр председательствовал в Якобинском клубе, Талльен — в Конвенте.

С самого начала заседания 11 жерминаля Дельмас потребовал присутствия Комитетов. Собрание отдало соответствующий приказ, и Лежандр, получивший утром письмо от Делакруа, произнес горячую речь, восхвалявшую Дантона. «Я верю, что Дантон так же чист, как и я сам». Послышался ропот, и Клозель воскликнул: «Председатель, сохрани свободу мнений», а Талльен театрально ответил: «Да, я сохраню свободу мнений, каждый может говорить все, что он думает, мы все оствнемся здесь, чтобы спасти свободу». Шумные аплодисменты покрыли эти угрожающие слова, и Лежандр потребовал, чтобы арестованные депутаты были вызваны к решетке Собрания и выслушаны, прежде чем слово будет предоставлено их обвинителям. Файо возмутился: это предложение создавало привилегию. Жирондисты не были выслушаны так же, как и Шабо, Фабр и др., прежде чем их отвели в революционный трибунал. Почему же два разных способа действия? Нерешительное Собрание колебалось. Жан Дебри, Куртуа, Дельмас воскликнули, указывая на членов Комитетов: «Долой диктаторов, долой тиранов!» (Согласно Куртуа). Но Робеспьер взошел на трибуну и произнес громовую речь, глубокая искренность которой взволновала и покорила Собрание:

«...Они хотят вас испугать призраком злоупотребления властью, той национальной властью, которой вы облечены, и которая не сосредоточена в руках нескольких человек... Они боятся, что арестованных будут притеснять, они не доверяют, следовательно, национальной правосудию и людям, пользующимся доверием Национального конвента, не доверяют Конвенту, который облек этих людей своим доверием, и общественному мнению, санкционировавшему решение Конвента. Я заявляю, что всякий, кто чувствует себя беспокойно в настоящий момент, — в чем-нибудь да виновен, потому что невинный никогда не

боятся общественного надзора... И мне также хотели внушить страх, говоря, что опасность, угрожающая Дантону, может коснуться и меня; мне описали Дантона, как человека, к которому я должен присоединиться, как щит, который может меня охранить, как оплот, разрушение которого открыло бы меня вражеским ударам. Друзья Дантона прислали мне письма, осаждали меня речами. Они думали, что воспоминание о старой дружбе, старая вера в притворные добродетели побудят меня умерить мое рвение и страстную любовь к свободе... Что мне за дело до опасностей! Моя жизнь принадлежит отечеству, мое сердце свободно от страха, и я сумею умереть безупречной и честной смертью». Перед овацией, сопровождавшей эти слова, Лежандр позорно отступил: «Робеспьер плохо меня знает, если думает, что я способен пожертвовать личностью свободой».

Сен-Жюст прочел среди глубокого молчания свой обвинительный доклад, вскрывавший темное прошлое обвиняемых, их интриги с Мирабо, их тайные переговоры с двором, их связи с Дюмурье, их соглашение с жирондистами, их двусмысленное поведение во все великие критические моменты — 10 августа, 31 мая; их усилия спасти королевскую фамилию, их предательскую кампанию в пользу мира, их тайное противодействие всем революционным мерам, их сообщничество с мошенниками, их тесные связи с подозрительными иностранцами, их вероломные нападения на правительство. Почти по всем этим пунктам правдивая история подтвердила мнение Сен-Жюста. Конвент единогласно санкционировал его доклад.

Но последняя партия должна была быть сыгранной в революционном трибунале. Процесс продолжался, подобно процессу гебертистов, четыре дня — с 13 по 16 жерминаля, — но произвел несравненно больше шума. 14 обвиняемых были соединены в одну группу далеко не случайно. Чтобы присоединить Делакруа, Дантона и Демулена к Шабо, Базиру, Делоне и Фабру, имелось достаточно оснований. Эро де Сешелль мог бы занять место в рядах гебертистов, поскольку он был другом и покровителем Проли и Клотца, но он фигурировал также в доносах Базира и Шабо, и Комитеты, присоединяя его к его первому доносчику Фабру, хотели показать на этом наглядном примере интимную и тайную связь ультра-революционеров с умеренными, их тайное сообщничество в деле разрушения революционного правительства. Что же касается Филиппо, то он расплачивался за свои обвинения Комитета в измене и за преувеличенные похвалы Демулену. К этим главным героям присоединили ряд статистов, иностранных агентов. Присутствие братьев Фрей на ряду с их зятем Шабо было вполне естественно. Поставщик д'Эспаньяк — протеже Шабо, Жюльена из Тулузы и самого Дантона — также нашел свое место в рядах мошенни-

ков. Авантюрист Гюзман, близкий друг Дантона, присутствовал на суде в роли обличителя Дантона. Наконец, Вестерман, замешанный во все интриги Дюмурье и Дантона, имевший репутацию грабителя и вора, не нарушал общего впечатления, которое производила эта компания.

В первый день процесса была рассмотрена финансовая сторона дела. Сначала выслушали свидетеля со стороны обвинения — Камбона, затем председатель Герман прочел уличающие письма д'Эспаньяка. Обвиняемые энергично отрицали свою вину и сваливали ответственность на Жюльена из Тулузы.

Второй день почти целиком ушел на допрос Дантона. Трибун проявил все свое высокомерие. Не удовлетворяясь защитой, заключающейся в смелой лжи, он напал на своих обвинителей, насмехался, угрожал, отвечал дерзостями: «Презренные клеветники, покажитесь, и я сорву с вас маску, которая укрывает вас от публичного обвинения!» Раскаты его голоса были слышны на улице. Собралась возбужденная толпа. Присяжные и судьи пришли в замешательство. Обеспокоенный Комитет общественного спасения отдал Анрио приказ арестовать председателя и общественного обвинителя, которые казались ему виновными в слабости. Фукье, дальний родственник Демулена, был обязан ему своим назначением. Но потом Комитет одумался и вернул приказ, уже переданный Анрио. Несколько членов Комитета общественной безопасности отправились в трибунал, чтобы поддержать своим присутствием ослабевших судей и присяжных.

Третий день был посвящен допросу других обвиняемых, которые подражали тактике Дантона, требуя допроса свидетелей, указанных ими в Конвенте, и провоцируя бурные инциденты. Выведенный из терпения Фукье, которому Герман оказывал лишь слабую поддержку, написал Конвенту отчаянное письмо, спрашивая его совета относительно вызова в суд свидетелей по требованию обвиняемых. Когда Комитеты получили его письмо, они уже имели в руках донос заключенного в Люксембургской тюрьме бывшего посла республики во Флоренции Лафлотта, который сообщал, что накануне два товарища его по камере, генерал Артур Диллон и член Конвента Симон, убеждали его вступить в заговор, имевший целью освобождение Дантона и его друзей. Диллон сообщался письменно с женой Демулена, которая отпустила тысячу экю, чтобы собрать толпу вокруг трибунала. Диллон, Симон и их сообщники намеревались завладеть ключами Люк-

сембургской тюрьмы, отправиться затем в Комитет общественной безопасности и перерезать его членов. Мы знаем теперь, что генерал Сагюге, двоюродный брат д'Эспаньяка, находившийся в то время в отпуске в Лимузине, получил от Диллона и д'Эспаньяка записку с просьбой поспешить в Париж и содействовать их освобождению. Баррас сообщает, что несколько друзей Дантона, в том числе генерал Брюн, обещали ему ворваться силою в трибунал и освободить его. Но они так и не откликнулись на призыв.

Имея в руках письмо Фукие и донос Лафлотта, Комитеты поручили Сен-Жюсту выступить с трибуны, чтобы описать Конвенту смуту, производимую обвиняемыми, и добиться декрета, который позволил бы трибуналу лишать права участвовать в прениях всякого подсудимого, оказывающего сопротивление или оскорбляющего национальное правосудие. Декрет был принят единогласно без прений и в тот же вечер передан трибуналу самолично Вадье.

На следующий день, 16 жерминаля, Фукие прочел обвиняемым вотированный накануне декрет и донос Лафлотта. Затем допросили последних обвиняемых, т. е. статистов, и Фукие спросил присяжных, составили ли они себе достаточно ясное представление о деле. Дантон и Делакрыа горячо запротестовали: «Нас хотят осудить, не выслушав! Пусть судьи не совещаются! Мы достаточно прожили, чтобы почить на лоне славы, пусть нас отведут на эшафот!» Затем они бросили в судей комками бумаги. Трибунал, применяя декрет, лишил их права участвовать в прениях. Все были приговорены к смерти, за исключением Люллье, который через несколько дней закололся в тюрьме кинжалом. Если поверить показаниям, сделанным на процессе Фукие присяжными Реноденом и Топино-Лебреном, а также секретарем суда Пари, то Герман и Фукие вошли в комнату судей во время совещания и передали им секретный документ, определивший окончательное решение тех, кто еще колебался.

Осуждение «снисходительных» и мошенников не вызвало в народе никакого волнения. Их отвели на место казни среди всеобщего равнодушия. Да и почему бы французы, каких бы политических убеждений они ни держались, стали интересоваться судьбою авантюристов, которые, служа в различных партиях и предавая их одну за другою, работали только в своих собственных интересах? Даже термидорианский Конвент отказался реабилитировать Дантона, Делакрыа, Фабра д'Эглантина, Шабо, Базира и Делоне.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ломив партии, одну за другой, Комитеты освободились на несколько месяцев от стеснявшей их оппозиции. Столь беспокойный прежде Конвент соглашался теперь на все, что ему предлагали. Самые важные декреты вотировались почти без прений. Депутаты молчали и не проявляли никакой инициативы. Чтобы заполнить чем-нибудь время заседаний, секретарь подробно разбирал корреспонденцию. Начиналась настоящая диктатура правительства.

Парижские власти были очищены и составлены из верных людей (Пайан, Муен, Любен заменили Шометта, Гебера и Реаля, позднее Леско-Флерио заменил Паша). Новые власти были послушны, но, имея в своем составе одних лишь чиновников, уже не являлись больше пред-

ставительными органами населения. Народные общества секций, умножившиеся за лето 1793 г. и заподозренные в том, что заключали в себе значительное число аристократов, исчезли в флореале под давлением якобинцев, которые отказались присоединить их к своему клубу. Помимо секционных трибун, открытых два раза в декаду, существовала только одна свободная трибуна, трибуна якобинцев. Но эта трибуна, находившаяся под строгим надзором, была занята большую часть времени чиновниками из революционного трибунала и различных управлений. Новая террористическая бюрократия завладела всеми местами. Злоупотребления властью приняли такие размеры, что Дюбуа-Крансе предложил исключить бюрократию из клубов. Его письмо, прочитанное в Якобинском клубе, вызвало настоящую бурю. Дюбуа-Крансе был тотчас же обвинен в Комитете общественного спасения как «снисходительный» и дезорганизатор. Комитеты, в особенности Сен-Жюст, видели зло, но были связаны по рукам и ногам. Кто остался бы в клубах, если бы из них изгнали чиновников? Основание режима суживалось по мере его концентрации.

Пресса, которая до жерминаля сохраняла еще всю свою энергию и страстность, утратила теперь всякую самостоятельность: В обращении были только официальные или официозные газеты, получавшие более или менее крупные субсидии. За преступные мнения постаралось уже столько журналистов, что оставшиеся в живых хорошо знали ценность осторожности. В театрах разыгрывались только патриотические, одобренные цензурой пьесы.

Комитеты правили, казалось бы, беспрепятственно. Но они не делали себе иллюзий. Они знали, что скрывалось за этим назревавшим молчанием. «Революция окончена, — писал Сен-Жюст в своем сочинении «Республиканские учреждения», — все принципы ослабли, остались только красные колпаки, прикрывающие интригу. Террор притупил преступление, подобно тому как крепкие напитки притупляют вкус».

Что сделали правители со своим всемогуществом, завоеванным такой дорогой ценой? Сначала они развили энергичную деятельность. Революционная армия Кромвеля — Ронсена внушала им опасения. Они ее упразднили (7 жерминаля). Три министра были скомпрометированы в деле партий: Бушотт в деле ультра-революционеров, Дефорж и Паре — в деле умеренных. Карно добился упразднения министров и замены их 12 исполнительными

комиссиями, состоявшими из двух или трех членов и организованными по образцу двух уже существовавших комиссий: продовольственной комиссии и комиссии по изготовлению оружия и пороха. В свое время, когда дантонисты требовали этой меры, Комитеты неоднократно восставали против нее. Теперь, когда дантонисты находились в трибунале, Комитеты сами настаивали на этой мере, и не нашлось никого, кто повторил бы их прежние возражения.

Командированные депутаты проводили в департаментах часто совершенно разнородную и даже противоположную политику. 30 жерминаля Комитет отозвал 21 депутата. Он хотел управлять исключительно через национальных агентов, которых держал в руках. Сен-Жюст, проникнутый идеей единства, писал в своих «Учреждениях»: «Надо пересмотреть систему коллективных магистратур — муниципалитетов, администраций, комитетов надзора и т. п. и обсудить вопрос, не будет ли лучшим средством к действительному упрочению революции — передать функции этих органов отдельным должностным лицам». Но время еще не созрело для Бонапарта с его префектами и мерами. Сен-Жюст не решился высказать своих тайных мыслей.

Комитет хотел отнять у командированных депутатов, по крайней мере, главный атрибут их революционной власти — право учреждать чрезвычайные трибуналы. Декретом 27 жерминаля, вотированным по докладу Сен-Жюста, постановлялось, что все обвиняемые в заговорах подлежат суду парижского революционного трибунала. Декрет 19 флореаля, предложенный Кутоном, отменил созданные депутатами трибуналы и революционные комиссии. Комитеты все же выговорили себе право сохранить, в виде исключения, некоторые из них, например, — трибунал, организованный Жозефом Лебоном в Камбре в тылу северного фронта, комиссию, функционировавшую в Нуармутье, и др.

Комитет не хотел ослабить террора, но лишь сконцентрировать его под своим непосредственным наблюдением. Он негодовал и угрожал, когда после ареста Эбера в Париж дошли слухи об исчезновении бюстов Марата и Шалье. Чтобы успокоить террористов, он усилил репрессии по отношению к их преследователям. Так, Комитет отозвал Фуше, чтобы наказать его за то, что он включил в число сторонников гебертизма друзей Шалье (7 жерминаля). Он предписал открыть вновь закрытый Фуше клуб в Лионе. Приказ, подписанный Робеспьером, запретил

всякие преследования лионских патриотов, которые подвергались преследованиям во время осады. Когда Фуше, по возвращении в Париж, оправдывался в Якобинском клубе, Робеспьер предостерегал членов клуба против его лживых речей.

То же, что в Лионе, происходило всюду: в Седане, в Лон-ле-Сонье, в Лилле и т. д. Патриоты пользовались покровительством, и усиливались репрессии против врагов революционного режима. Декрет 27 фримера удалил из Парижа, из местностей, охваченных войной, и из приморских городов всех бывших дворян и подданных враждебных держав, не получивших специального разрешения на пребывание в этих местах. Для наказания контрреволюционеров Воклюзы Комитет организовал 21 флореаля грозную Оранжевую комиссию, судившую без присяжных и приговорившую на 42 заседаниях 332 из 591 обвиняемых к смерти. Он одобрил поступок Менье, предавшего огню контрреволюционное селение Бедуен, в котором было срублено дерево свободы и в котором нельзя было найти ни одного свидетеля-республиканца.

Комитет поставил на очередь не только террор, но и смягчавшую его добродетель. Он жестоко наказывал вероломных революционеров. Менье обнаружил в Воклюзе огромную воровскую банду, заседавшую в административных учреждениях с целью разграбления национальных имуществ. Он знал, что его предшественники, Ровер и Пультье, покровительствовали этим ворами, скрывшимся под красными колпаками. Он не поколебался захватить их вождя, Журдана-головореза, в пользу которого Талльен тщетно взывал к якобинцам (16 флореаля). Журдан был гильотинирован. Изабо, продолжавший в Бордо брать взятки по примеру Талльена, был отозван 25 флореаля. Бернара из Сента, спекулировавшего в Монбельяре и Дижоне, постигла 15 жерминаля та же участь. Предостережение порочным остаткам партии Дантона! Комитет прославлял добродетель не только на словах.

Он рассчитывал склонить таким путем на свою сторону общественное мнение. Он не хотел, чтобы его агенты внушали страх широким массам населения. «Надо восстановить доверие граждан, — сказал Сен-Жюст 26 жерминаля. — Пусть они поймут, что революционное правительство не ищет войны и не преследует завоевательной политики, но стремится обратить все дурное в хорошее и из развращенных людей сделать честных граждан». Мирные гражд-

дане должны быть защищены от злоупотреблений властью и даже от преувеличенного усердия. Депутаты, командированные на Запад, продлили шуанское движение действиями своих адских колонн, предававших огню имущества не только мятежников, но и мирных людей; Комитет их отозвал. Неуязвимый для «снисходительных» Россиньоль был отрешен от должности 8 флореаля. Тюрро, совершивший ряд опустошений, и все его офицеры были отозваны 24 флореаля из западной армии, а 4 прериаля новый приказ положил конец системе искоренения и заменил ее методом деклараций и переписи населения и восставших.

Фусседуар в департаменте Верховного Рейна хотел принудить эльзасцев к обмену звонкой монеты на ассигнации. Он попросил разрешения учредить революционный трибунал и наложить налог на богачей. Вместо ответа он был отозван 12 прериаля. Фусседуар не понимал, что террор сохранялся теперь только для заговорщиков и не должен был касаться тех, кто не принимал участия в заговорах.

Действия эбертистов способствовали усилению голода. Комитет их осудил и обуздал. Он принял все меры к тому, чтобы успокоить коммерсантов. Декрет 12 жерминаля упразднил комиссаров по борьбе со скупщиками, которых ненавидели так же, как прежних агентов по сборам налогов, прозванных «погребными крысами», и смягчил закон о скупщиках в отношении предусматриваемых им карательных мер и предъявляемых им требований. Только крупные торговцы были по-прежнему принуждены представлять декларации и оправдательные документы. 6 прериаля были отменены продовольственные зоны, за исключением хлебных и фуражных зон. Продовольственная комиссия поощряла вывоз предметов роскоши, привлекла негоциантов к своей работе, гарантировала их от доносов, доверяла им заграничные миссии, пыталась учредить вексельный кредит, чтобы рассчитаться по своим закупкам. Комитет, конечно, сохранил регламентацию и твердые цены. Он контролировал всю внешнюю торговлю посредством своих агентств и реквизированного торгового флота. Но он смягчил законы и начал проводить покровительствующую промышленности политику. Он поощрял промышленников путем вознаграждений и премий, торговцев — посредством авансов. Голод уменьшился.

Больше всего забот причиняла теперь проблема рабочих рук. В результате первой мобилизации количество

свободных рабочих рук значительно уменьшилось как раз в тот момент, когда увеличение числа мастерских и заводов, работавших на армию, сильно увеличило спрос. Рабочие воспользовались этим обстоятельством, чтобы поднять заработную плату в размерах, значительно превосходящих повышение цен на продукты. Введение максимума заработной платы вызвало, конечно, недовольство всего рабочего класса. Особенное же недовольство оно возбудило среди многочисленных рабочих военных производств, которые подчинялись строгой дисциплине и не могли обойти закон с такой легкостью, как свободные рабочие. Склонность сравнивать официальную заработную плату со свободной был для них очень велик. В Париже простые рабочие, комиссионеры, извозчики, водовозы — зарабатывали в день от 20 до 24 ливров, между тем как на оружейных заводах рабочие-специалисты первого класса с трудом вырабатывали 16 ливров, рабочие второго класса — 8 ливров 5 су, плохой рабочий — 3 ливра. Неудивительно поэтому, что рабочие военных производств, весьма многочисленные в Париже, находились в состоянии постоянного возбуждения. Комитет, испытывавший настоятельную нужду в их работе, повысил их заработную плату и разрешил им назначить комиссаров для обсуждения вопроса о заработной плате с его агентами, но ему все же не удалось их удовлетворить, так как разница между их требованиями и предписаниями закона была слишком велика. Комитет чувствовал, что если он уступит в вопросе о максимуме заработной платы, то ему придется уступить и в вопросе о максимуме цен на съестные продукты, и тогда обрушится то финансовое и экономическое здание, которое он возвел с таким трудом. Поэтому он занял оборонительную позицию в отношении рабочего класса. Если он и уступал иногда, то только против воли, и новая Коммуна подражала его примеру. Пейан сделал от ее имени выговор свободным рабочим, вступившим в союз (см. заседания Коммуны от 2, 13, 16 флореаля и т. д.). Пришлось приостановить работы, предпринятые Парижским департаментом, так как поденные рабочие, которым хотели платить только 48 су, потребовали 3 ливра 15 су, а плотники — от 8 до 10 ливров (9 мессидора, Нац. Арх. F. 10451).

Выступление рабочих распространилось, по-видимому, по всей стране. Отказы от работы были так часты, что Бареру пришлось 15 флореаля поставить на голосование декрет, который мобилизовал всех, кто участвовал в из-

готовлении транспорта и продаже товаров первой необходимости, угрожая революционным трибуналом тем из них, которые своим бездействием создавали преступную коалицию, дезорганизовавшую дело народного питания.

«Режим максимума,— по остроумному замечанию М. Ж. Лефебра,— способствовал развитию у пролетариата классового чувства и чувства солидарности. Он противопоставлял собственников наемникам». Но он делал и больше того. Он разрушал класс мелких торговцев и ремесленников, превращая их в работников по найму. Булочники, например, получавшие муку от правительства, были только муниципальными чиновниками. Сен-Жюст, желавший передать имущества подозрительных беднякам, отдавал себе отчет в том, что финансовая проблема доминирует над социальной. Он хотел бы изъять из обращения ассигнации — эту смертельную язву на теле республики, причину дороговизны, ажиотажа, твердых цен, вызывавших голод в городах, реквизиций, возмущавших собственников. Но как можно было обойтись без ассигнаций, которые являлись, если можно так выразиться, единственным ресурсом казны? Расходы возросли в флореале до 283.419.073 ливров при 42.255.048 ливрах дохода, в мессидоре до 265 миллионов при 39 миллионах дохода. Количество ассигнаций, находившихся в обращении, беспрестанно увеличивалось, и к 25 флореаля оно достигло суммы в 5.534.160.385 ливров и, несмотря на твердые цены, поддерживающие принудительный курс, несмотря на закрытие биржи и постановление от 21 плювиоза, фиксировавшее законные проценты,— республиканские деньги постепенно обесценивались. Камбон пытался сэкономить на государственном долге. Подобно тому как в предшествующем году он завел большую книгу государственного долга, чтобы изменить название и республиканизировать, таким образом, постоянный долг старого режима, законом 23 флореаля он ликвидировал пожизненную ренту, унифицировал ее и уменьшил путем сокращения, рискуя вызвать шумное негодование кредиторов, уже сильно пострадавших от обесценения ассигнаций, которые они получали в уплату невыплаченных процентов. Камбон, по мнению Робеспьера, увеличил число врагов республики.

Крестьяне, обремененные реквизициями и подводной повинностью; рабочие, истощенные хроническим недоеданием и ожесточенные борьбой за повышение заработной платы, в котором закон им отказывал; коммерсанты, на-

половину разоренные твердыми ценами; рантье, ограбленные введением ассигнаций, — скрывали под внешним спокойствием глубокое недовольство. Из революционного режима извлекли пользу только многочисленные агенты новой бюрократии и фабриканты военного времени.

Правители не делали себе никаких иллюзий. Они напрягли свои последние силы. Они решили во что бы то ни стало заложить основы республики, в которую вложили всю свою веру и которую любили тем больше, чем меньше были уверены в завтрашнем дне. Они вспоминали, что монархия была поколеблена восстанием бедняков, понукаемых голодом.

Применение изданных в вантозе законов, передававших имущество подозрительных нуждающимся санкюлотам, требовало обширного расследования, которое могло занять несколько месяцев. 22 флореаля Барер объявил, что революционные комитеты разослали уже 40 тыс. решений в отношении заключенных. Но надо было рассмотреть 300 тыс. дел. Барер надеялся, что до истечения шести недель будет составлен список нуждающегося населения. Этот список так и не был составлен, хотя Комитет учредил для этой цели бюро из бедняков. Барер, несмотря на свой оптимизм, отметил нежелание некоторых коммун выполнить закон. Прошел слух, что Комитет вышлет внесенных в список бедняков в Вандею. В ожидании окончания расследования Комитет учредил 22 флореаля книгу национальной благотворительности, в которую были внесены немощные и увечные бедняки для назначения градуированных пособий и вспомоществований на случай болезни. Приказ Комитета, датированный 5 прериаля, установил для немощных и увечных нищих Парижа ежедневное пособие в 15—25 су. Но во всей остальной стране книга национальной благотворительности заполнялась очень медленно, и 9 термидора наступило раньше, чем был выполнен этот закон. Эти частичные мероприятия были, по мысли правителей, только первыми шагами к общему переустройству. «Пусть не будет ни богатых, ни бедных, — писал Сен-Жюст... — богатство позорно». Он проектировал сделать государство наследником тех, кто не имел родственников по прямой линии, отменить право завещаний, обязать всех граждан представлять ежегодно сведения об употреблении ими своих материальных средств. Чтобы изъять ассигнации из обращения, он хотел наложить особый налог «на тех, кто заведывал делами и работал на жалованьи у госу-

дарственной казны». Эти проекты остались мечтами; они натолкнулись не только на индивидуалистический дух времени, но и на нужды, вызванные войной. Как мог Комитет решительно проводить классовую политику, когда после жерминаля он старался соблюсти интересы всех классов населения? Толпа безграмотных бедняков, на которую он простирали свои заботы, являлась для него скорее бременем, чем поддержкой. Она безучастно присутствовала при событиях, которых не понимала. Вся правительственная политика основывалась по существу на терроре, переносить который заставляла только война. Террор же разрушал в умах уважение к революционному режиму.

Комитет перенес свое главное внимание на молодое поколение. 13 прериаля Барер заявил, что надо революционизировать молодежь, подобно тому как революционизировали армию. Руководствуясь удачным опытом с оружейной школой, которая обучила в вантозе в течение трех декад молодых людей, собранных со всех концов Франции, изготовлению пороха, селитры, пушек и т. п. и распределила их затем в качестве подмастерьев по различным военным мастерским, — он добился учреждения Марсовой школы, предназначенной для военной и одновременно гражданской подготовки 3 тыс. юношей, избранных наполовину из детей мелких землевладельцев или ремесленников, наполовину из сыновей волонтеров, раненых в боях, по шести человек на каждый дистрикт. Марсова школа работала в палатках, на Саблонской равнине.

Проектировали создать по этому же образцу нормальную школу для подготовки профессоров и наставников, проникнутых новыми идеями, но этот проект был осуществлен только после термидора: В ожидании были употреблены все усилия к действительному применению закона 5 нивоа, провозгласившего обязательность обучения в начальных школах и содержания общественных наставников на средства государства. Но за недостатком учебного персонала школы открывались очень медленно. К концу 1794 г. их было более или менее достаточно только в 180 дистриктах. Сен-Жюст хотел пожертвовать на содержание школ национальные имущества. Он развивал идею, что ребенок в первую очередь принадлежит не родителям, а отечеству, и начертал план коммунального воспитания по спартанскому методу.

Наиболее сильное сопротивление революции было оказано в местностях, население которых не знало французского языка: в Эльзасе, в стране басков, на Корсике,

в Ниццком графстве, в Бретании, во Фландрии. Барер добился назначения для этих стран учителей французского языка, которые должны были организовать клубы и, обучая языку свободы, проповедовать вместе с тем гражданские добродетели. Но и этот декрет за недостатком персонала получил ограниченное применение. Грегуар хотел искоренения провинциальных наречий наравне с иностранными языками, так как «единство языка является неотъемлемым элементом революции» 16 прериаля от имени Конвента он составил прекрасное воззвание к французам: «Вы ненавидите политический федерализм, откажитесь же от федерализма языка».

Таким путем происходила работа для будущего, но настоящее требовало усиленного внимания. Религиозный вопрос еще не был разрешен. Теоретически существовала свобода вероисповеданий. На деле же во многих местностях она была уничтожена. Многие депутаты считали всех священников подозрительными, заключали их в тюрьмы, если они не слагали с себя сана, и даже приказывали иногда ломать церкви. Другие, более терпимые, разрешали продолжать отправление богослужений. Последний день декады пытался всюду вытеснить воскресенье, но это ему не удалось. Население, оставшееся очень благочестивым, скорбело о своих священниках и негодовало на патриотические празднества. Даже в национальных мастерских трудно было заставить работать в воскресенье. Если бы все церкви были закрыты одновременно, несомненно, вспыхнуло бы крупное народное восстание, так как за несколько недель до издания так поздно обнародованного декрета 18 фримера фанатические выступления значительно увеличились в числе (в Куломмье, в Амьене, в Лозере, в департаменте Верхней Луары и Луары, в Коррезе, в Эро, Шер, Ньевр, в Масском и Арденнском департаментах и т. д.). Волнения продолжались целую зиму и не успокоились с началом весны. Если они не приобрели более значительных размеров, то только благодаря отсутствию связи в деятельности депутатов. Преследование ни разу не принимало общего характера, и потому верующим не приходила мысль согласовать свои действия. Когда у них отнимали священников, они нередко служили «слепые» мессы под управлением пономаря или школьного учителя. Даже в Париже отправление культа ни разу не было полностью прервано.

Комитет, который вначале видел в дехристианизации только хитрый маневр иностранцев, не думал возвра-

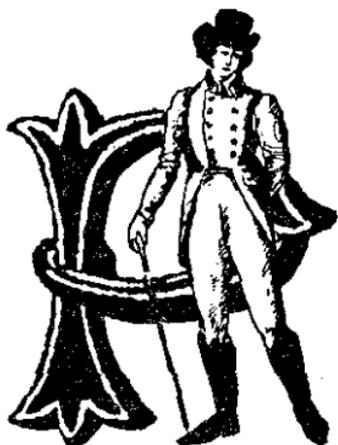
щаться назад теперь, когда она была уже почти закончена. Но он хотел очистить ее, усовершенствовать, сделать ее приемлемой для широких масс населения, сообщив ей положительное содержание. Праздники декады выросли случайно. Они были посвящены свободе, отечеству и разуму. Надо было придать им единообразную организацию и общую доктрину. Люди того времени, даже не признававшие христианских догматов, даже атеисты, подобно Сильвену Маршалю, думали, что государство не может обойтись без символа веры и культа. Государство, подобно старой церкви, должно было заботиться о душах. Оно уклонилось бы от своей первоначальной обязанности, если бы отнеслось безучастно к духовной жизни своих граждан. Надо было соединить политическую мораль, заключающуюся в гражданских церемониях, с философской моралью, родоначальницей частных добродетелей. Вера в бога считалась по общему убеждению основанием общества.

25 жерминаля, на следующий день после казни Шометта, Конвент вотировал декрет о перенесении праха Виктора Савояра, автора нового исповедания веры, в Пантеон. Робеспьера уполномочили объявить этот долгожданный декрет на празднествах декады. Перед объявлением декрета Робеспьер произнес 18 флореаля потрясающую речь, возбудившую энтузиазм собрания и всей страны. В этой речи он утверждал, что революции, обладающей теперь своей собственной философской и моральной доктриной, уже не приходится бояться возврата и нападения старых положительных религий: Он предсказывал близкую гибель всех священников и объединение всех французов вокруг простого и чистого культа Высшего Существа и Природы, так как для него природа и бог совпадали. Каждый десятый день декады будет отныне посвящен прославлению какой-либо гражданской или социальной добродетели, и, кроме того, республика будет праздновать четыре великие годовщины: 14 июля, 10 августа, 21 января и 31 мая.

Единогласно избранный 16 прериаля председателем Конвента, причем количество голосов никогда еще не было так многочисленно (485), Робеспьер, с букетом и колосом ржи в руке, председательствовал в троицын день 20 прериаля на великолепном празднестве, посвященном Высшему Существо и Природе. Во всей Франции в этот день были отпразднованы подобные же торжества с таким же успехом. Всюду на фронтонах республиканских храмов

красовалась надпись: французский народ признает Высшее Существо и бессмертие души. Комитет, казалось, достиг своей цели, объединив всех французов в общем чувстве умиротворения и братства. Члены всех партий присылали Робеспьеру восторженные поздравления. Буасси д'Англа сравнил его публично с «Орфеем, наставляющим людей в принципах цивилизации и морали». Известный литератор Лагарп превозносил его в частном письме. Атеисты, подобно Лекинио и Марешалю, присоединились к общему восторгу. Многие католики также признали себя удовлетворенными, так как взамен священников им возвращали бога. Они видели в раннем и обильном урожае знак того, что бог покровительствует республике. Последние совершаемые священниками богослужения бесшумно исчезали, уступая место гражданским мессам. Дряхлые и немощные священники, оставшиеся на свободе, были заключены в тюрьмы, согласно декрету от 22 флореаля. Впечатление за границей было чрезвычайное. «Многие, действительно, верили, — говорит Малле дю Пан, — что Робеспьер заполнил бездну революции». Этому убеждению способствовали повсеместные победы наших армий. Никто не слышал сарказмов и угроз, брошенных некоторыми депутатами председателю Конвента в самый день торжества, посвященного Высшему Существо. Никто не видел, что за блестящими декорациями гирлянд, цветов, гимнов, адресов и речей прятались ненависть и зависть, и что люди, которым угрожал террор и которые не имели ничего общего с добродетелью, ожидали только случая для реванша.

ФЛЕРЮС

эволюционная Франция не вступила бы на путь террора, если бы не была убеждена, что без отмены свобод победа невозможна. Она решилась на диктатуру Конвента, потом Комитетов, в надежде, что ее жертва не окажется бесполезной, и ее ожидания, действительно, оправдались.

Весною 1794 г. Франция могла гордиться армией, подготовленной революционной властью. Это была совершенно однородная армия. Всякие различия между линейными солдатами и волонтерами, даже в отношении формы, исчезли. Предпринятое правительством соединение полков в бригады быстро подвигалось. Полубригада, состоявшая из двух батальонов волонтеров и одного батальона линейных солдат и снабжения легкой артилле-

рий, являлась боевой единицей в 3 тыс. человек, гораздо более подвижной, чем прежние полки. Полки чистки в штабах между солдатами и вождями воцарилось взаимное доверие. Вожди, многие из которых вышли из солдатских рядов, показывали пример терпения и воздержания. Они спали в палатках и вели жизнь санкюлотов. Прежних трений между генералами и депутатами более не существовало. Отвечавшие своему назначению депутаты умели заставить повиноваться себе, не прибегая к жестокостям. Они заботились о благополучии солдат, заражали их своим гражданским пылом, становились во главе наступающих колонн. Примерные наказания восстановили всюду дисциплину. Женщины, наполнявшие прежде лагерь и истреблявшие запасы продовольствия, были изгнаны. За поставщиками учредили строгий надзор. Управления заменили поставки по подрядам, и генеральные обозные инспектора, действовали по двое, положили конец хищениям. Очищенная, воодушевленная пылким патриотизмом армия сделалась гибким и послушным орудием в руках Карно. Ее наличный состав был удвоен первым набором, рекруты которого, обученные в течение зимы, были размещены весной по старым батальонам. 800 тыс. включенных в кадры армии, пылких, приученных к войне, полных презрения к наемным войскам коалиции, солдат стали на защиту республики. Они уже не могли быть остановлены в своих успехах, подобно Гошу после Кайзерслаутерна, из-за недостатка вооружения и боевых запасов. Военные заводы, организованные лихорадочной быстротой, но вместе с тем на строго научной основе, начали работать с полной нагрузкой. Один только парижский завод изготовил с 21 по 30 вантаза 2 699 новых ружей и исправил 1 497 старых. Семь других провинциальных заводов показали почти такую же производительность. Благодаря революционному производству селитры, самый большой в Европе, огромный Гренелльский пороховой завод поставлял в прериале от 6 до 8 тысяч фунтов пороха в день, в мессидоре — 20 тысяч.

Комитет чувствовал, что победа близка. Его дипломатическая часть не бездействовала, но она ставила себе только определенные и доступные цели. Вначале она обслуживала экономические нужды. Франции угрожала герметическая блокада. Она не могла содержать свои армии и поддерживать свою промышленность, не имея сношений с внешним миром! Поэтому она старалась сохранить дружеские отношения со швейцарцами, скандинавами, ганзейскими городами, американцами, бербей-

рами, генуэзцами и турками. Швейцарию постоянно объезжали агенты Комитета — Перрего, Швейцер, Гюмбер, приобретавшие лошадей, скот, фураж, ткани, железо, кожу и т. п. Через Швейцарию съестные припасы из Швабии и даже из Австрии направлялись в Бельфор. Англичане, флот которых господствовал в Средиземном море и которые только что завладели Корсикой, пытались помешать генуэзцам снабжать провиантом наши южные порты и нашу альпийскую армию. Комитет сохранил нейтралитет Генуи, угрожая ей нашей армией, продвигавшейся через Апеннины. Чтобы привлечь ганзейцев, американцев и скандинавов к нашим океанским портам, Комитет освобождал их корабли, подвергнутые эмбарго или объявленные законной добычей, оплачивал их грузы свыше максимума, облегчал им вывоз французских товаров, вина, водки, шелковых тканей, кофе и т. п. Он отправил в Соединенные Штаты чрезвычайную миссию для закупки хлеба, оплачиваемого с помощью кредита, которым мы пользовались в этой стране после войны за независимость. Вашингтону, успокоенному отозван Жене, было предложено в свою очередь отозвать американского посла в Париже Морриса, который, по сведениям Комитета, враждебно относился к Франции. Вашингтон подчинился и назначил Монроэ, прибывшего только на следующий день после 9 термидора.

Английские крейсера беспокоили нейтральные суда, направлявшиеся к французским берегам. Комитет убеждал датского министра Бернсторфа образовать вместе со Швейцарией и Соединенными Штатами лигу вооруженного нейтралитета, которая заставила бы уважать свободу морей. Бернсторф подписал соглашение со Швецией. Но наш агент в Копенгагене Грувелль имел неосторожность доверить обыкновенной почте нешифрованные депеши, которые он посылал в Париж. Английские крейсера захватили их. Питт, ознакомившийся таким образом с содержанием уже значительно подвинувшихся переговоров, прибегнул к угрозе и устранил опасность. Ему помог в этом друг Вашингтона американец Гамильтон, который боялся скомпрометировать свою страну сношениями с якобинцами.

Англия, со своими союзницами Испанией и Голландией, обладала огромным преимуществом в отношении морских сил. Но Комитет не приходил в отчаяние даже после тулонской катастрофы. Под энергичным давлением Сент-Андре и Приера из Марны, поселившихся в Бресте,

было усердно приступлено к постройке новых судов; недостаток в командном составе, образовавшийся вследствие эмиграции дворянских офицеров, был заполнен офицерами торгового флота, жалование матросов и рабочих в арсенале увеличено, с тем чтобы понудить их работать день и ночь; отсутствие дисциплины, причинившее значительные расстройствa, ликвидировано суровыми мерами; снасти, деготь, дерево, кожа реквизированы во всей Франции. Весной флот, сосредоточенный в Бресте, был в состоянии не только защищать берега от неприятельских десантов, которые могли снова возбудить восстание в Вандее, но и эскортировать грузы и даже перейти в наступление. Между тем наши каперы наносили неприятельской торговле чувствительные потери.

Быстрый прогресс французской армии и флота привел в изумление нейтральных и неприятельских наблюдателей. Американский агент Вильям Джексон подробно описал наши успехи своему другу Пинкнею в длинном рапорте от апреля 1794 г. Описав «чудеса» революционной Франции, он выразил даже опасение, как бы опьяненная победами которая он предвидел, она не дала себя увлечь на путь завоевательной политики. В то же время проницательный Мерси-Аржанто¹ послал своему патрону императору пророческое уведомление (9 марта 1794 г.). Он видел спасение коалиции только в употреблении тех средств, которые увенчались таким блестящим успехом у французов, и советовал обратиться с воззванием к немецкой нации.

20 января 1794 г. император удивил Имперское собрание предложением о всеобщем вооружении немецких народов. Но его предложение не имело никакого успеха. Как ни были пассивны народы Центральной Европы, они все же обладали неясным сознанием, что дело королей — не их дело. Несмотря на суровую цензуру, якобинские лозунги нашли отклик среди этих народов. В Венгрии демократический священник Мартинович, член общества иллюминатов Вейсгаупта и бывший офицер Лацкович, ненавидевший германское иго, основали тайное общество, вербовавшее своих членов в среде буржуазии и даже дворянства и приветствовавшее французские победы. Проведение рекрутских наборов становилось с каждым днем труднее. Займы также не имели успеха. Буржуа не хотели давать денег. В Пруссии, промышленность которой

¹ Австрийский посол в Лондоне.

была недавно создана Фридрихом Великим, война вызвала сильный застой в делах. Силезские ткачи волновались (возмущение в Бреславле, апрель 1794 г.). В некоторых местностях крестьяне отказались платить своим сеньерам ренту. Эти волнения послужили Фридриху-Вильгельму предлогом, чтобы отклонить массовый набор, предложенный Австрией. Бельгийцы проявляли полное равнодушие. Богатые аббатства реагировали очень слабо на просьбы о денежной помощи. Война против Франции носила национальный характер только в Великобритании, но и там, особенно в Шотландии, держалась упорная оппозиция, которую Питту удалось сломить лишь чрезвычайными законами и суровыми репрессиями.

Коалиция, вся сила которой заключалась в наемных армиях, никогда не сохраняла полного единства. Теперь она была накануне развала.

Как Фридрих-Вильгельм ни ненавидел санкюлотов, он все же прислушивался к словам тех своих советников, которые указывали ему, что его главный враг не Франция, а Австрия. Он требовал, чтобы союзники возместили ему его военные расходы и угрожал отозвать свои войска, если они не сделают этого теперь же. Тугут¹ отказался: «У нас нет, в буквальном смысле слова, ни гроша» (1 апреля 1794 г.— слова, сказанные Мерси, но Питт, чтобы предупредить отпадение Пруссии, решил пожертвовать денежные суммы. Голландия последовала примеру Пруссии и, при поддержке Англии, потребовала у Австрии ректификации нидерландской границы Испания будировала. Ее адмиралы и генералы сильно поссорились в Тулоне со своими английскими коллегами. Годой² отказался согласовать с Питтом предложенный ему торговый договор. Аранда³ советовал заключить мир. Его удалили от двора по обвинению в заговоре. Одни только английские деньги сдерживали расплзавшуюся коалицию

Неожиданный удар еще более увеличил трещины 24 марта Костюшко вступил с небольшим, вооруженным в Саксонии отрядом в Польшу и призвал к оружию своих соотечественников, 4 апреля нанес поражение русским,

¹ Тугут — влиятельный австрийский политический деятель, потерявший значительное состояние, заключавшееся во французских ценных бумагах, был заклятым врагом революции В 1794 г. был фактически руководителем внешней политики австрийской империи

² Годой — фаворит испанского короля, первый министр

³ Аранда — президент государственного совета при испанском короле

напав на них врасплох у Расловича, 19 выгнал их из Варшавы, 23 — из Вильны. Но польский народ не двигался. Костюшко, не осмелившийся уничтожить крепостное право и оберегавший интересы дворян, так как только дворяне откликнулись на его призыв, сумел объединить не более 17 тыс. человек, к тому же плохо вооруженных. Его авантюристическое выступление не поставило ни Пруссию, ни Австрию в необходимость отозвать войска с французского фронта. В течение нескольких недель польские отряды были рассеяны. Но польский вопрос, неожиданно вставший между двумя союзниками, Берлином и Веной, усилил их тайные разногласия.

Распри между членами коалиции отразились на их плане кампании и на их операциях. Между генералами происходили постоянные пререкания: каждый из них повиновался приказам только своего двора (ср. депешу Траутмансдорфа к Кауницу от 19 мая 1794 г.). Англичане, отпуская средства на содержание прусской армии, хотели использовать ее для защиты Голландии. Император воспротивился этому, так как не доверял намерениям берлинского двора, который хотел воспрепятствовать слишком решительному разделению французской территории и лишить Австрию плодов ее победы: «Послав прусскую армию на Маас, установив с ней успехи, которые сочтет слишком быстрыми, остановить нас как раз в тот момент, когда какое-либо удачное стечение обстоятельств внушит нам некоторую надежду достигнуть великой цели — ослабления Франции» (Тугут — Штаренбергу, 1 мая). Прусская армия осталась, таким образом, в Пфальце, лицом к Саару. Герцогу Кобургскому пришлось удовлетвориться небольшим отрядом Бланкенштейна, защищавшим Трир и установившим связь с Нидерландами.

Тем не менее герцог Кобургский получил приказ идти на Париж со всеми своими силами. В его руках уже были Конде, Валаньсен, Кенуа, другими словами — подходы к Уазской долине. Его фронт вошел клином во французскую территорию между Самброй и Шельдой, между двумя республиканскими армиями, северной и арденнской. Он мог маневрировать по внутренним линиям, но не мог свободно распоряжаться своими силами; ему приходилось считаться с присоединившимися к нему герцогствами Йоркским и принцем Орлеанским. Кроме того, санкюлоты имели количественный перевес, причем силы их беспре-

станно увеличивались. В конце мая герцог Кобургский потребовал подкреплений. Питт отказал и посоветовал австрийцам использовать пруссаков, помощи которых они не хотели. Вместо подкреплений, которые так и не пришли, герцог Кобургский должен был принять молодого императора, который явился, чтобы ободрить войска своим присутствием. Еще с середины мая Макк, начальник штаба герцога Кобургского, советовал Францу II заключить мир. После первых неудач англичане, голландцы, ганноверцы хотели покинуть главную армию, чтобы поспешить на помощь к находившимся под угрозой прибрежным городам (Вальдек — Тугуту, 14 июня). «Карманьолы» получали решительный перевес.

Карно предписал направить решительный удар на герцога Кобургского. Журдан остановился после своей победы при Ватиньи, так же как Гош после взятия Вормса. Карно, утомленный бесплодными попытками понуцить его к наступлению на Фландрию, 20 нивоза* отрешил его от должности, так же как два месяца спустя отрешил Гоша, чтобы наказать его за отказ от наступления на Трир. Но между тем как считавшийся эбертистом Гош был заключен в тюрьму, Журдан был назначен 20 вантоза командующим мозельской армией. Более сговорчивого, но и более скрытного Пишегрю поставили 17 плювиоза во главе северной армии и подчинили ему арденнскую армию. Он держал, таким образом, в руках обе стороны тисков, которые должны были сжать герцога Кобургского между Лисом и Шельдой. Карно увеличил наличный состав своих войск. В жерминале он располагал более чем 250 тыс. людей под командой Марсо, Клебера, Вандома, Сугана, Макдональда. Чтобы поощрить их к деятельности, в армию были командированы Сен-Жюст и Леба, заразившие их своим революционным пылом. Карно напомнил всем генералам свою инструкцию от 11 плевиоза: «Наносите главные удары с севера. Рейнская и мозельская армии должны координировать свои движения. Общее правило: действовать массами и наступательно. Употреблять во всех случаях штыковую атаку. Давать большие сражения и преследовать неприятеля до полного уничтожения». Карно держался наступательной тактики не только по стратегическим соображениям. Внутри страны свирепствовал голод. 11 жерминаля Карно писал депутатам, находившимся в северной армии: «Не стану от вас скрывать, что мы погибнем, если вы не вступите как можно скорее в неприятельскую страну, чтобы запасти продо-

вольствия и припасов всякого рода, так как Франция не сможет выдержать долго того тяжелого положения, в котором находится в данный момент... Надо жить на средства неприятеля или погибнуть. Оборонительная тактика нас опозорит и погубит». Карно беспрестанно убеждал Пишегрю предупредить неприятеля, но Пишегрю потерял целый день на инструктирование армии. Только 9 жерминаля он атаковал Ле Като и был отбит с потерями. Герцог Кобургский осадил Ландреси. Все попытки снять осаду с крепости потерпели неудачу, и 11 флореаля, после четырех дней бомбардировки, Ландреси капитулировала. Неприятель овладел новым предместным укреплением на Самбре.

Сен-Жюст и Леба немедленно организовали укрепленный лагерь в Гизе, чтобы загородить неприятелю дорогу на Париж. Так как Камбре был осажден многочисленными роялистами, Карно заподозрил измену. Месяц тому назад Вандом переслал ему два письма, в которых ему обещали 240 тыс. ливров за содействие. Сен-Жюст и Леба послали в Камбре своего коллегу Жозефа Лебона, чтобы привести в действие гильотину против внутренних врагов. Затем Карно приказал Журдану идти на помощь арденнской армии со всеми силами, которые он сможет взять из мозельской армии; последняя останется в оборонительном положении за Сааром до прибытия подкреплений с запада. В то же время Карно предписал Пишегрю начать обоими крылами энергичное наступление на Куртре и Ипр с одной стороны и на Шарлеруа — с другой. 7 флореаля республиканцы вступили в Куртре, 10 в Фюрн, 29 они нанесли поражение имперским войскам при Туркуене, захватив добычу в 60 пушек и 2 тысяч пленных. Воодушевляемая Сен-Жюстом арденнская армия пять раз с жестоким боем переходила Самбру. Шарлеруа несколько раз подвергался осаде. Наконец прибыл Журдан. 10 прериаля он прогнал имперские войска от Динана и через три дня соединился с арденнской армией. Республиканцы перешли Самбру в шестой раз. 7 мессидора Шарлеруа капитулировал. Герцог Кобургский, поспешивший на выручку крепости с главной армией, пытался на следующий день прогнать республиканцев с укрепленных позиций, которые они подготовили на фронте в тридцать километров в виде дуги, упирающейся обоими концами в Самбру. 5 колонн, которые он отправил на штурм, были отбиты на левом фланге Клебером, на правом — Марсо и Лефебром, в центре — Шампьюне и изрублены в промежутке между

редутами кавалерией Готпуля. Французы остались на Флерюсском поле сражения и сохранили Шарлеруа.

29 прериала северная армия взяла Ипр, захватив 80 пушек и 5.800 пленных. 15 мессидора она вступила в Остенде. Обе победоносные армии Пишегрю и Журдана предприняли общий поход на Брюссель и вступили в него 20 мессидора. Антверпен и Льеж пали 6 термидора.

Не проходило недели без того, чтобы «карманьола»¹ Барера не превозносила в Конвенте новые успехи наших армий на всех границах: 5 флореаля Баделан отобрал у пьемонтцев Сен-Бернар, 9 флореаля альпийская армия взяла Саорджио, 15 прериала,— взятие Колиура, Сент-Эльна и Порт-Вандреза восточно-пиренейской армией и т. д.

25 прериала Сент-Андре и Приер донесли, что большой транспорт хлеба, ожидавшийся из Америки, прибыл в Брест. Чтобы прикрыть переход транспорта, французский флот, которым командовал Вилларе-Жуайез, вступил 9 прериала с английским флотом под командой Гау в горячий бой, во время которого «Народный мститель» погиб в волнах под крики: «Да здравствует республика!» Англичане понесли такие потери, что не смогли преследовать французов и должны были вернуться в свои порты.

В начале прериала рейнская и мозельская армии подверглись жестокому нападению. Меллендорф со своими пруссаками прогнал французов из Кайзерслаутерна. Но спешно присланные Генти в Гужон поставили в порядок дня лозунг «победа или смерть». 14 и 15 мессидора обе французские армии предприняли одновременно наступление под общим командованием Моро. 25 мессидора пруссаки, укрывшиеся за траншеями, были прогнаны бешеными атаками от Триппштадта. Французы вступили в Пирмазанс и в Кайзерслаутерн.

К концу мессидора война была перенесена на неприятельскую территорию за Альпы и Пиренеи. Ожеро завладел Ампурданом, между тем как Мюллер предпринял поход на Фонтараби, в которую вступил 14 термидора. Усиленная итальянская армия готовилась занять Пьемонт.

Война изменила свой характер. Дело шло уже не о том, чтобы революционизировать народы и сделать их союзниками республики, как в 1792 г. «Мы должны жить за счет

¹ Сообщения о победах встречались Конвентом пением революционной песни «карманьола»

неприятеля, мы не понесем ему наших богатств», — писал Карно депутатам 8 прериаля. С пропагандой было уже покончено. Ж.-Б. Лакост и Бодо организовали систематическую эксплуатацию Пфальца. «Агентства по вывозу» отправили во Францию 2 тысячи мешков зерна, 4 тысячи быков, миллион пинт вина, 120 тыс. мер сена, 600 тыс. мер соломы и т. д. 80 тыс. человек в течение двух месяцев жили за счет населения, помимо наложенных на него военных контрибуций: трех миллионов на герцогство Цвейбрюкенское, двух миллионов на Бизкастель, четырех миллионов на богатый Нейштадский округ — все, разумеется, звонкой монетой. Те же методы применялись в Бельгии. «Надо обобрать эту страну, — писал Карно 15 мессидора, — и лишить ее возможности снабдить неприятеля средствами к возвращению... Вспомните, что бесчестный Дюмурье оставил там миллиард наших денег». Журдан, командовавший армией Самбры и Мааса — новое название арденнской армии, получил 26 мессидора приказ наложить на Брюссель контрибуцию в 50 миллионов звонкой монетой. Торнау уплатил 10 миллионов и т. д.

Тем не менее Комитет не мечтал о завоеваниях. Он хотел, чтобы война велась на свои собственные средства, но не думал аннексировать занятые области.

«Мы идем не для завоеваний, но для победы, сказал Билло 1 флореаля, не для того, чтобы упиваться триумфами, но чтобы прекратить войну в тот момент, когда смерть неприятельского солдата будет уже бесполезна для дела свободы». Комитет не хотел губить республику в сетях милитаризма. Когда Милло и Субрани предложили ему завоевать Каталонию и присоединить ее к Франции, Кутон ответил им 7 прериаля: «Мы находим более совместимым с нашими интересами и принципами попытаться сделать из Каталонии маленькую независимую республику, которая под протекторатом Франции послужит нам барьером в тех местах, где кончаются Пиренеи. Такая система польстит самолюбию каталонцев, и они согласятся на нее еще более охотно, чем на присоединение к Франции... В горах вы должны продвинуться возможно дальше и, следовательно, прочно обосноваться во всей Сердани¹, заняв Франскую долину — словом, все, что находится по эту сторону гор... Но если Каталония сделается французским департаментом, ее будет так же трудно сохранить, как и бывший Руссильон». Комитет, борющийся с иностранными языками в провинциях, завоеванных бывшей монархией, не стремился аннексировать области, население которых не поддавалось ассимиляции в отношении языка и нравов. Он хотел, чтобы Франция осталась единой и неделимой.

«В Бельгии, — пояснил 2 термидора Карно депутатам, прикомандированным к северной армии и к армии Самбры и Мааса, — мы хотим удержать только то, что может упрочить нашу собственную границу, т. е. слева всю Западную Фландрию и голландскую Фландрию, справа —

¹ Местность в восточных Пиренеях.

область между Самброй и Маасом и в середине только то, что находится по эту сторону Шельды и Эна с тем, чтобы Антверпен и Намюр были нашими опорными пунктами, и чтобы граница представляла собою замкнутый, прикрытый реками круг, в котором наступающий неприятель оказался бы окруженным со всех сторон».

Но мы видим теперь, на каких основах Комитет согласился бы на мир, если бы оставался еще у власти при его заключении. Англия, несомненно, наложила бы свое veto на присоединение Антверпена к Франции. Но Австрия, которая не особенно держалась за Бельгию, могла бы получить хорошую компенсацию в Германии за те небольшие уступки, которых требовал Карно. Если бы граница Эльзаса и Лотарингии осталась без изменения, Австрия могла бы подписать континентальный мир вместе с Пруссией и Испанией, которые проявляли все большее нежелание продолжать войну в британских интересах.

9 термидора было роковой датой не только для укрепления демократии внутри страны. Оно продолжило внешнюю борьбу и бросило Францию в пучину завоевательной политики, которая возбудила к ней ненависть народов, и в заключение ее истощила.

Комитет общественного спасения победил только благодаря террору. Но террор показал себя на практике таким действенным орудием лишь потому, что те, кто им руководил, были объединены общим чувством национальных потребностей. В тот день, когда это единомыслие, к несчастью, прекратилось, когда частные интересы возобладали в их сердцах над общественными интересами, опозоренный террор превратился в гнусное орудие, которым воспользовались недостойные, чтобы поразить лучших граждан.

ТЕРМИДОР

евolutionное правительство представляло собою двуглавую гидру, так как составлявшие его

Комитеты общественного спасения и общественной безопасности обладали в принципе одинаковой властью и по всем серьезным вопросам должны были выносить свои постановления сообща. Но мало-помалу это равенство было нарушено в пользу Комитета общественного спасения. Билло и Робеспьер не поколебались публично указать докладчику Комитета общественной безопасности Амару на неудовлетворительность его доклада по делу Шабо и даже добились от Конвента постановления, чтобы этот доклад был отпечатан лишь после пересмотра и исправления. Амар, оказавшийся в положении школьника, затаил против них чувство мстительной злобы тем более, что он не

мог не знать тех невысказанных публично критических замечаний, которыми его цензоры обменивались между собой по поводу его странного образа действий при исследовании этого важного, доверенного ему дела (см. мою книгу «Дело Индийской компании»). Подозрение, объектом которого сделался Амар, распространилось на Комитет, избравший его своим орудием. С тех пор члены Комитета общественного спасения оставляли все важные доклады за собой даже в тех случаях, когда они касались предметов, относившихся непосредственно к ведению Комитета общественной безопасности. Сен-Жюст расследовал эбертистский и дантонистский заговоры. Он же представил доклад по поводу великого закона 27 жерминаля «О репрессиях над заговорщиками, удалении дворян и генеральной полиции», и этот закон санкционировал новые привилегии Комитета общественного спасения. Ограниченный до сих пор административными функциями, Комитет получил, согласно 1-й статье закона, те же права, что и Комитет общественной безопасности, в отношении розыска сообщников заговорщиков и предания их суду революционного трибунала. 5-я статья уполномочивала его, кроме того, «следить за властями и общественными деятелями, принимающими участие в управлении», а статья 19-я налагала на него обязанность «требовать строгого отчета от всех агентов и подвергать преследованиям тех из них, которые будут содействовать заговорам и обратят доверенную им власть против свободы». Комитет общественной безопасности утратил, таким образом, право надзора над многочисленной армией поставщиков. Комитет общественного спасения тотчас же организовал бюро административного надзора и генеральной полиции, поручив руководство этим бюро Сен-Жюсту, которого замещали во время командировок Кутон и Робеспьер. Амар и его друзья из Комитета общественной безопасности горько жаловались на этот «триумvirат», лишивший их прежних полномочий. Они утверждали, вопреки действительности, что полиция триумvirата препятствует действиям их полиции. Начались разногласия.

Если бы Комитет общественного спасения сохранил свое единство, он мог бы пренебречь недоброжелательством Комитета общественной безопасности. Но составлявшие его одиннадцать членов были личности слишком крупные, слишком проникнутые сознанием оказанных ими услуг, чтобы не почувствовать раздражения при мысли

о том, что один из них выдвинулся из общего ряда и как бы затмил остальных. Хотел он этого или нет, но Робеспьер сделался истинным вождем правительства для всей революционной Франции. Его популярность, которая всегда была очень значительна, достигла необычайных размеров после падения смело атакованных им партий. Робеспьер же, отличавшийся страстной искренностью, не всегда щадил самолюбие своих коллег по правительству. Строгий по отношению к самому себе, он так же относился и к другим. Упреки и критические замечания срывались с его уст чаще чем комплименты. Жестоко обманутый в своих дружеских связях, он не легко сходился с людьми, вверялся кому-либо очень редко, и к большинству своих товарищей относился осторожно, с холодной сдержанностью, которая могла показаться расчетливой или тщеславной. Он чувствовал себя непонятым и страдал от этого сознания. По слабости, показывающей отсутствие властолюбия в его характере, он часто оправдывался, отвечал на тайные упреки, которые подозревал, и, говоря таким образом о самом себе, давал повод к мучительному для него обвинению в честолюбии.

Это легкомысленное и грозное обвинение, сформулированное в первый раз жирондистами и возобновленное эбертистами, продолжало циркулировать среди тех, кто имел или думал, что имеет основание жаловаться на влиятельного человека, могущество которого сильно преувеличивали. В этой тяжелой атмосфере нарастало недоверие. Резкий Карно писал в своем докладе от 12 жерминаля: «Горе республике, для которой достоинство и даже добродетели какого-нибудь человека сделались необходимыми!» И прямолинейный Билло повторял за ним 1 флореаля: «Всякий народ, ревнивый к своей свободе, должен держаться настороже даже против добродетелей тех людей, которые занимают высокие места». Карно не настаивал. Билло, словно опасность, от которой он предостерегал, была уже близка, долго распространялся о тиранах древней Греции: «Лукавый Перикл употреблял народные цвета, чтобы прикрыть те оковы, которые он ковал для афинян. По его словам, перед тем как взойти на трибуну, он говорил самому себе: помни, что ты будешь говорить свободным людям. И этот же Перикл, добившись абсолютной власти, сделался самым кровожадным деспотом». Слушатели понимали, что Билло намекал на Робеспьера.

Конвент по наружности хранил молчание, но под этим

молчанием тлели интриги Проконсулы, отозванные за лихоимство, были обеспокоены декретом, поставившим на очередь добродетель и честность. Их союзниками были все те из коллег, которые принимали какое-либо участие в эбертистском или дантонистском заговорах и боялись теперь попасть в руки Фукье-Тенвилля. Постепенно образовалась тайная оппозиция, движимая и спаянная страхом. Если бы Робеспьер был только честолюбцем, ему представлялся теперь прекрасный случай создать себе преданную клиентуру из этих шкурников. Они искали его покровительства. Фрерон, Баррас, Талльен, Фуше, сделавшиеся впоследствии его злейшими врагами, навещали его и писали умоляющие письма. Успокоив их, он мог бы повергнуть их к своим стопам, связать их судьбу со своей судьбою. Но он с презрением их оттолкнул и даже не скрывал, что будет настаивать на их наказании. Они дискредитировали своими преступлениями террор, исказили лицо республики, и Робеспьер, стремившийся всей душой создать истинную демократию, был убежден, что только великими примерами можно направить на верный путь растерянное общественное мнение. Ничтожные люди, злоупотреблявшие неограниченными полномочиями, дарованными им в целях общественного спасения, не должны были избегнуть революционного правосудия. Это правосудие могло осуществить свою грозную власть лишь до тех пор, пока оставалось справедливым и беспристрастным и поражало одинаково всех виновных как самых ничтожных, так и самых могущественных.

Отозванные проконсулы потребовали одобрения своих действий. Конвент отослал их к Комитетам. Робеспьер не только отказался оправдать наиболее скомпрометированных, но даже потребовал передачи четырех или пяти из них революционному трибуналу.

Если поверить оправданиям, представленным после термидора оставшимися в живых членами Комитетов, то они, согласившись сначала на арест Алкье, тотчас же одумались и постановили не соглашаться более ни на один арест депутатов Конвента. Баррас, наоборот, утверждает в своих мемуарах, что Робеспьер отказался подписать список намеченных к аресту 32 депутатов, составленный в Комитете общественной безопасности. Робеспьер сам объявил в Якобинском клубе, что ему приписывают по недоброжелательству составление проскрипционных списков, в котором он не принимал никакого участия. Из противоречий в этих свидетельствах можно без сомнения заключить, что разногласия имели своей причиной единичные случаи. Никто не был арестован только потому, что не могли прийти к соглашению относительно отдельных лиц, подлежащих аресту.

Верно, во всяком случае, то, что члены Конвента,

которым угрожал арест, считали Робеспьера, имея к тому основания или нет, самым опасным своим противником. Робеспьер получал многочисленные анонимные письма, в которых ему угрожали смертью. После процесса дантонистов Лежандр и Бурдон из департамента Уазы объявили, что им предлагали убить Робеспьера во время заседания Конвента. Подобные проекты убийства были рассчитаны не только на запугивание. Баррас, Мерлен из Тионвилля всегда выходили на улицу вооруженными. Они встречались с другими смельчаками в кафе Корацца или у трактирщика Дауёна в Елисейских полях, где к ним присоединялся Куртуа, Экзальтированный Талльен прятал под одежду кинжал.

3 прериаля Комитет общественного спасения отдал, по инициативе Робеспьера, приказ об аресте Терезы Кабаррю. В тот же день у выхода из Комитета Робеспьера поджидал в течение нескольких часов некто Адмираль, бывший служащий королевской лотереи, защищавший 10 августа дворец в батальоне «дочерей св. Фомы». Не встретив Робеспьера, которого он хотел убить, Адмираль в тот же вечер разрядил свои пистолеты в Колло д'Эрбуа. В Колло он не попал, но ранил слесаря Жеффруа, который бросился на помощь депутату. Не успело еще утихнуть волнение, вызванное этим покушением на убийство, как пришло известие, что 4 прериаля вечером в доме Дюпле явилась Сесиль Рено, девушка 20 лет, настоятельно потребовавшая свидания с Робеспьером. При аресте у нее были найдены нож и перочинный ножик. Она заявила, «что готова пролить свою кровь за королевскую власть, а к Робеспьеру пришла только за тем, чтобы посмотреть, как выглядит тиран».

Между тем как Колло и Робеспьер получали тысячи поздравлений с избавлением от подготовленной Питтом опасности, Талльен, Фуше и их друзья искусно обрабатывали прессу и общественное мнение.

В докладе о покушении Барер привел следующую выдержку из перехваченного письма одного англичанина: «Мы очень опасаемся влияния Робеспьера. Чем больше сконцентрируется французское республиканское правительство, говорит министр (Питт), тем оно будет сильнее и тем труднее будет его низвергнуть». «Монитор» и «Бюллетень» Конвента подчеркнули, что эта фраза была написана агентом Комитета. Бареру на следующий день пришлось оправдываться: «Изолировав одного члена Комитета, хотели сосредоточить на нем всю власть революционного правительства, которая распределяла между всеми членами Комитета. Это могло повлечь за собою опасные заблуждения и навести на мысль, что Конвент уже более не существует, не имеет никакой власти, что армии борются за благополучие одного человека, к которому мы

должны отнестись с большею справедливостью. Этот человек обладает чистою совестью». Такое оправдание подчеркивало исключительное положение Робеспьера и давало пищу всякого рода толкам, тем более, что Барер прочел вслѣд за тем выдержки из англійских газет, в которых французских солдат называли солдатами Робеспьера. Талльен мог быть доволен Барером.

Интрига проникла в Якобинский клуб, так же как и в Конвент. 6 прериаля, бывший агент Дантона Русселен, сделавшийся впоследствии секретарем Барраса, коварно предложил окружить членов Комитета общественного спасения для охраны их жизни личной гвардией и воздать мужественному Жеффрау гражданские почести на предполагаемом празднестве Высшего Существа. Робеспьер почувал ловушку и понял, что на него хотят навлечь зависть и клевету, осыпая его преувеличенными почестями, изолируя его, чтобы уронить в глазах общественного мнения. Он добился изгнания Русселена из Якобинского клуба.

Русселен был только орудием в руках других. 5 прериаля, накануне заседания в Якобинском клубе, депутат Лекуантр, сильно скомпрометировавший себя вместе с Бурдоном из департамента Уазы своими выступлениями против Конвента, по профессии негоциант, на котором тяготело обвинение в скупке угля и соды, составил и заставил подписать восемь своих коллег обвинительный акт против Робеспьера, опубликованный им лишь после термидора, но распространившийся тайком с самого момента своего появления. Девяти храбрецам было поручено убить Робеспьера «в присутствии всего сената». Дантонист Бодо говорил, что один из подписавшихся, Тирион, сообщил ему содержание обвинительного акта и тщетно уговаривал его принять участие в заговоре.

Мне кажется вероятным, что Робеспьер с самого начала знал о просках Лекуантра и Талльена и подозревал их в том, что они вооружили убийц 7 прериаля в горячей импровизированной речи он ответил с трибуны Конвента на те обвинения, о которых шептались его враги: «Хотите знать, — сказал он, — кто эти честолюбцы? Исследуйте, что представляют собою те, кто покровительствует мошенникам, поощряет контрреволюционеров, оправдывает все покушения, презирает добродетель и искажает общественную мораль!» И он принялся клеймить «эту шайку мятежников и интриганов». «Пока это нечистое отродье будет существовать, республика останется несчастной и непрочной. Вам надлежит спасти ее энергичной деятельностью и ненарушимым согласием. Все, кто старается нас разделить, кто препятствует деятельности правительства и клеветает на него в ежедневных речах, в ложных инсинуациях, кто пытается создать против него опасную коалицию из губительных страстей, из раздраженных самолюбий, из интересов, противоположных общественному интересу, — являются нашими врагами и врагами отечества. Это — агенты иностранцев». Беспольный призыв.

Комитет общественной безопасности уже завязал сношения с Лекуантром, Талльеном, Фуше, которые были немедленно информированы обо всем, что обсуждалось правительством. 13 прериаля Фуше удалось пробраться на председательское место в Якобинском клубе.

Робеспьер дал опасное оружие в руки своих врагов своим участием в подготовке и вотировании закона 22 прериаля о революционном трибунале. Не подлежит сомнению, что этот закон был на очереди уже в течение двух месяцев, с тех пор как декрет 27 жерминаля, подтвержденный 19 флореаля, упразднил революционные трибуналы департаментов и сконцентрировал всех политических обвиняемых в Париже, а его основные статьи заключались уже в постановлении, учредившем Оранскую комиссию. Но Комитет общественной безопасности, отстраненный от участия в составлении декретов 27 жерминаля и 19 флореаля, мог на законном основании уклониться от консультации по поводу нового декрета, предложенного Кутонем. Робеспьер и Кутон руководствовались, несомненно, существенными соображениями, отстраняя Комитет общественной безопасности, имевший непосредственный надзор над революционным трибуналом, от обсуждения столь важного вопроса. Их главная мысль, получившая выражение в декретах от 8 и 13 вантоза, заключалась в том, чтобы использовать террор для передачи имущества аристократов беднякам. Сен-Жюст включил в декрет 27 жерминаля статью, предписывавшую создать к 15 флореаля «народные комиссии», которые рассортировали бы заключенных и составили бы список тех из них, имущества которых подлежали конфискации в случае их высылки или осуждения революционным трибуналом на смерть. Оба комитета не спешили с учреждением этих комиссий, которые должны были вызвать новую социальную революцию. Декрет 23 вантоза предусматривал шесть комиссий. Первые две, предназначенные для обзора парижских тюрем, были созданы только 25 флореаля приказом, подписанным Билло-Варенном. Члены бывших Комитетов в своем ответе Лекуантру после термидора ставили себе в заслугу, что задерживали, насколько могли, учреждение народных комиссий. Они говорили, что комиссии 25 флореаля были учреждены лишь по настояниям Сен-Жюста, и хвалились, что парализовали их деятельность, систематически отказываясь подписывать их постановления. Гракх Вилат, сторонник Барера, справедливо указывал, что одной из главных причин, породивших оппозицию триумvirату, была его социаль-

ная программа. «Триумвират,— говорит он,— хотел осудить несколько депутатов только потому, что видел в них препятствия к осуществлению аграрной системы и к продолжению террора, являвшегося орудием этой системы». Следует ли предположить, что Кутон и Робеспьер, раздраженные медлительностью Комитета общественной безопасности в применение Вантозских законов и вменявшие ему эту медлительность в преступление, решили ускорить ход событий и поставить Комитет перед совершившимся фактом, освободив закон 22 прериала от его предварительного рассмотрения? Робеспьер упрекал впоследствии Комитет общественной безопасности в том, что он выбирал своих агентов среди крайне подозрительных лиц, а Дюма объявил 26 мессидора в Якобинском клубе, что четыре аристократа из его департамента, имена которых он назвал, были приняты Комитетом на службу. К этому же времени было обнаружено, что один субъект, эмигрировавший пять раз, выполнял функции канцелярского служащего в революционном трибунале. Его устроил на это место его дядя Нолен, занимавший место судьи в трибунале.

Кутон представил таким образом новый закон от имени одного Комитета общественного спасения. Институт защитников был упразднен, так как дать обвиняемому защитника значило бы открыть трибуну роялизму и внешнему врагу, значило бы дать преимущество богатым за счет бедняков. «Естественными защитниками и друзьями обвиняемых патриотов являются патриотические присяжные, заговорщики же не должны иметь ни защитников, ни друзей». Предварительный допрос обвиняемых был также отменен. При отсутствии письменных доказательств или свидетельских показаний присяжные могли руководствоваться моральными доводами. Понятие врагов революции было расширено до такой степени, что под ними понимали теперь «всех, кто пытается ввести в заблуждение общественное мнение, воспрепятствовать народному просвещению, развратить нравы и общественную совесть...» Революционный трибунал был реконструирован и персонал его увеличен. Кутон не скрывал, что предложенный им закон был не столько законом правосудия, сколько законом искоренения: «Чтобы подвергнуть наказанию врагов отечества, достаточно их обнаружить; дело идет не столько об их наказании, сколько об их уничтожении».

Когда Кутон закончил свое чтение, выслушанное в глубоком молчании, Рюамп воскликнул: «Это важный

декрет, я требую, чтобы он был отпечатан и отсрочен. Если он будет принят немедленно, я всажу себе пулю в лоб». Лекуантр потребовал отсрочки на неопределенное время, но Барер запротестовал, соглашаясь отсрочить декрет не более чем на три дня. Менее уступчивый Робеспьер потребовал немедленного обсуждения декрета: «В течение двух месяцев,— сказал он,— Конвент находится под угрозой убийства, и в тот момент, когда свобода добилась, по-видимому, блестящего триумфа, враги отечества организуют самые дерзкие заговоры». У Робеспьера еще звучали в ушах те угрозы, которыми Лекуантр, Тирион и Бурдон из департамента Уазы осыпали его накануне в момент его величайшего торжества на празднестве Высшего Существа. Он указал в своей речи, что отсрочка декрета могла бы навести на мысль о существовании разногласия между Конвентом и Комитетом — «граждане, вас хотят разделить и запугать» — и искусно напомнил о том, что защищал в свое время 75 жирондистов против эбертистов. «Преследуя общественных убийц, мы подвергнем себя опасности со стороны частных убийц. Мы готовы умереть за спасение Конвента и отечества». Раздались аплодисменты, и закон был вотирован на том же заседании почти без прений.

Но на следующий день Бурдон из департамента Уазы потребовал объяснения по поводу статьи закона, представлявшей общественному обвинителю и Комитетам право непосредственно привлекать всех граждан к суду революционного трибунала. «Конвент не соглашался, чтобы власть Комитетов распространялась на его членов без предварительного декрета». «Нет! нет!» воскликнули со всех сторон, и Бурдон продолжал: «Я ожидал этого благодетельного ропота. Он доказывает, что свобода — непобедима». Бернар из Сенты поддержал Бурдона, а Мерлен из Дуэ провел на голосование текст, охранявший права Конвента. Депутаты облегченно вздохнули. Они изъяли из ненавистного закона только то, что касалось их лично.

Не умышленно ли вставили Робеспьер и Кутон, отчаявшиеся добиться согласия Конвента на арест продажных проконсулов, эту двусмысленную, отклоненную Бурдоном из департамента Уазы, статью и текст закона? На следующий день, во время второго чтения закона, они выразили негодующий протест против обвинения в коварном расчете, который им приписывали. Они потребовали в высокомерном тоне отмены оскорбительной

для них оговорки, сохранявшей привилегии Собрания, и обвинили Бурдона в злых умыслах. Произошла бурная сцена. «Пусть члены обоих Комитетов знают, — воскликнул Бурдон, — что мы такие же патриоты, как и они!» Робеспьер обвинил интриганов, пытавшихся возбудить отозванных депутатов и привлечь на свою сторону часть Горы, чтобы составить новую партию. Бурдон прервал его: «Я требую доказательств, меня достаточно ясно назвали злодеем!» Робеспьер возразил: «Я не называл Бурдона, горе тому, кто сам себя называет. Но если он узнает себя в том портрете, который я обрисовал по долгу моей службы, то я не в силах этому помешать». Затем, обратившись к Талльену, но не называя его по имени, он напомнил, что за день перед тем один депутат при выходе из Конвента обвинил нескольких служащих Комитета общественного спасения, обозвав их шпионами. «Если бы патриоты, на которых он напал, стали защищаться, их словам, как вы и сами понимаете, немедленно придали бы гнусный смысл, и на следующий день вам заявили бы, что представители народа были оскорблены людьми, связанными с Комитетом общественного спасения». Робеспьер видел в этом инциденте доказательство существования интриги, направленной против Комитета: «Кто сказал тем, кого я только что назвал, что Комитет общественного спасения имел намерение их атаковать? Кто им сказал, что существуют доказательства их виновности? Разве Комитет угрожал только им одним?.. Граждане, если бы вы знали все, вы убедились бы, что нас можно обвинить скорее в слабости!» Талльен хотел возразить. Робеспьер и Билло заставили его замолчать. Робеспьер: «300 свидетелей слышали это. Граждане, вы можете судить, на что способны эти люди, поддерживающие преступление ложью. Не трудно угадать, кто жертвы и кто убийцы». Билло: «Бесстыдство Талльена достигает крайних пределов. Он лжет Собранию с невероятной дерзостью». Робеспьер и Кутон добились постановления, которого требовали. Но это заседание оставило в сердцах неизгладимый след.

Не подлежит сомнению, что противники Робеспьера предприняли в то время тайную попытку его низложить. Бывший полицейский шпион Рош Маркандье, служивший секретарем в редакции Камилла Демулена, составил адрес к 48 парижским секциям с призывом к восстанию против диктатуры Робеспьера. «Если бы этот коварный демагог более не существовал, если бы он поплатился головой за

свою честолюбивую политику, нация была бы свободна, каждый мог бы выражать свои мысли публично, и Париж никогда бы не увидел такого множества убийств, получивших пошлое и ложное название приговоров революционного трибунала». Выданный Лежандром Маркандье был арестован 25 прериаля, причем у него были найдены подготовленные к печати памфлеты, в которых Робеспьер сравнивался с Суллой. В самый день ареста комиссар национального казначейства Селье письменно уведомил Робеспьера, что Лекуантр распространял составленный против него обвинительный акт.

Знаменательно было уже то, что ни один член Комитета общественной безопасности не принял участия в обсуждении закона 22 прериаля. Не прошло еще пяти дней, как Комитет отомстил Робеспьеру за его пренебрежение, сделав на него, через посредство Вадье коварное нападение, которое еще более усложнило и без того напряженное положение. Старый распутный скептик Вадье, убежденный атеист, не простил Робеспьеру декрета, установившего культ Высшего Существа. 27 прериаля он донес Конвенту о новом заговоре, организованном фанатиками, объединившимися вокруг фанатичной старухи Екатерины Тео, называвшей себя богородицей и провозглашавшей в своей тесной квартире на улице Контрескарп всем нуждающимся скорое избавление от нужды через пришествие Мессии, который преобразует весь мир. На основании самых ничтожных улик Вадье замешал в этот заговор врача герцога Орлеанского Ламота, маркизу де Шатенуа и члена Учредительного собрания священника Жерля, бывшего духовником Екатерины. Его целью было не только осмеять религиозную идею, воспрепятствовать успокоению умов, которого Робеспьер надеялся достигнуть своим декретом о национальных празднествах, но и задеть рикошетом самого Робеспьера. Расследование дела обнаружило бы, что Жерль получил удостоверение в гражданственности от Робеспьера, и что среди сторонников Екатерины Тео была невестка столяра Дюпле. По словам полицейских, наблюдавших за собраниями у Екатерины, она называла Робеспьера тем преобразователем, Мессией, пришествие которого она предсказывала. Если бы все это было объявлено в революционном трибунале, первосвященник Высшего Существа сделался бы всеобщим посмешищем. Понятно, что Вадье рекомендовал Лекуантру запастись терпением.

Но Робеспьер был не такой человек, чтобы попасться

в сети какого-нибудь Вадье. Он затребовал дело у Фукье-Тенвилля, перенес его в Комитет общественного спасения и 8 мессидора вырвал у своих коллег приказ об отсрочке дела. Это стоило ему многих усилий. Подозрительный Билло указал, что подобный образ действий нарушает формальный декрет Конвента. Обсуждение перешло в горячий спор, отголоски которого были слышны на площади. Комитет решил заседать отныне этажом выше, чтобы обеспечить себя от нескромных ушей. В предшествующие и последующие дни разыгрывались подобные же сцены. Робеспьеру не удалось добиться отозвания Фукье-Тенвилля, о связях которого с Лекуантром он был точно осведомлен.

Уже в начале флореаля между Карно и Сен-Жюстом произошло горячее объяснение по поводу одного агента по изготовлению пороха и селитры, которого Карно намеревался арестовать. Сен-Жюст, не шадивший своей жизни на службе в войсках, не хотел подчиниться военной диктатуре Карно. Оба сильно увлеклись и обменялись угрозами. Оспаривая его слова, Карно воскликнул, подразумевая Сен-Жюста и Робеспьера: «Вы смехотворные диктаторы!» На следующий день после битвы при Флерюсе между обоими противниками произошло еще более серьезное объяснение. Вернувшись из армии, Сен-Жюст упрекал Карно в том, что он, не посоветовавшись с Сен-Жюстом, приказал Пишегрю взять 15 тыс. человек пехоты и 1500 кавалерии из армии Журдана. «Бессмысленная мера, — сказал он, — которая привела бы к поражению при Флерюсе, если бы была осуществлена» Присутствовавший при этом споре Левассер (из департамента Сарты) утверждает, что объяснение имело очень бурный характер и постепенно перешло в общую ссору. Билло и Колло снова назвали Робеспьера диктатором. Вмешательство Колло объясняется, несомненно, тем Парижа, комитет секции «Недлимости». Не подлежит сомнению, что этот арест вызвал горячие прения в Комитете в начале мессидора, когда Робеспьер добивался его санкции (7 мессидора). В действительности, члены этого революционного Комитета были уличены самим председателем их секции, обвинявшим их в мошенничествах. Робеспьер имел основание думать, что его коллеги, защищавшие этих мошенников, действовали по указанию его врагов.

После 15 мессидора Робеспьер уже не появлялся более в Комитете. С этого момента до 9 термидора он дал только пять подписей, за которыми к нему, без сомнения, приходили на дом. Он был оскорблен и обвинен в диктаторских замыслах своими коллегами, в то время как ему угрожал кинжал убийц. Еще 12 мессидора национальный агент Пейн представил в Комитет общественной безопасности протокол допроса одного аристократа по имени Рувьер, который проник в дом Дюпле, вооруженный ножом, перочинным ножиком и бритвой

(Нац. Арх. F⁷ 3822). Сердце Робеспьера было полно горечи. Каждый день вероломные журналисты искажали его слова или осыпали его преувеличенными похвалами еще более опасными, чем критика. Так, редактор «Газеты Горы», передавая речь, произнесенную Робеспьером 3 мессидора в Якобинском клубе, присоединил к ней следующие комментарии: «Каждое слово оратора стоит целой фразы, каждая фраза — целой речи, столько смысла и энергии заключается во всем, что он говорит».

Робеспьер укрылся в Якобинском клубе, — последнем своем оплоте против врагов. 13 мессидора он сообщил клубу, что утратил всякий авторитет в правительстве: «В Лондоне меня выставляют перед французской армией диктатором, ту же клевету повторяют и в Париже. Вы содрогнулись бы, если бы я сказал вам, в каком месте! В Лондоне говорят, что во Франции провоцируют покушения на убийство, чтобы окружить меня личной гвардией. Здесь утверждают, говоря о Рено, что это романтическая история, и что я гильотировал ее любовника. Если бы меня принудили отказаться от части возложенных на меня обязанностей, за мной осталось бы все же звание народного представителя, и я объявил бы войну не на жизнь, а на смерть всем тиранам и заговорщикам». Догадался ли Робеспьер, что его коллеги по Комитету воспользуются его отсутствием, чтобы потребовать у Конвента его замещения? Готовился ли он к дебатам, которые должны были произойти в тот же день? Хотел ли он вынудить к открытой атаке всех этих Вадье, Амаров, Билло, Колло? В таком случае он сделал неверный расчет, так как все они притворились, что ничего не слышали, и их протезе, все эти Фуше и Талльены имели время воздействовать на колеблющихся членов Конвента и запугать их, распространяя слух, что Робеспьер требовал их казни и что он один ответственен за кровь, стекавшую потоками с помоста гильотины.

Именно теперь и была эпоха великого террора. С 23 прериала по 8 термидора революционный трибунал вынес 1 285 смертных и только 278 оправдательных приговоров, между тем как за предшествовавшие 45 дней было вынесено 577 смертных и 182 оправдательных приговора. Несмотря на это, тюрьмы наполнялись быстрее, чем освобождались. К 23 прериала в Париже было 7 321 заключенных в тюрьмах, к 10 термидора — 7 800. Приговоры быстро следовали один за другим. Нередко к одному и тому же делу привлекали обвиняемых,

которые совершенно не знали друг друга Шпионы в тюрьмах, подслушав какие-нибудь неосторожные слова, составляли наобум списки мнимых заговорщиков. Головы падали с плеч, как спелые плоды: были гильотинированы члены бывших магистратов Парижа и Тулузы, выразившие в свое время протест против отмены парламентов, всего 31 человек, жители Вердена, слишком радушно принявшие пруссаков в 1792 г.— в числе 35, Лавуазье и крупные откупщики «народные кровопийцы» — в числе 28; Адмираль, Сесиль Рено и еще 52 человека, возведенные на эшафот в красных рубашках, как убийцы; заговорщики Бисетры — в два приема, по 37 и 36 человек; 17 жителей Коссады, носившие траур по Людовику XVI; заговорщики Люксембургской тюрьмы в числе 156 человек. Фуке-Тенвилль хотел, чтобы последних судили в один прием, на огромном помосте, воздвигнутом в зале заседания, но Комитет заставил разделить их на две группы

Общественная совесть возмутилась против этой оргии убийств. Прошло то время, когда толпа спешила к месту казни, как на спектакль. Теперь лавки закрывались при приближении зловещих телег с осужденными, катившихся по мостовой. Пришлось переменить место гильотины, удалив ее к решетке тронной залы. Общественное настроение — отвращение к крови — было, несомненно, лучшим козырем в игре противников Робеспьера. Они использовали отсрочку, которую дал им Робеспьер. В тишине они подвели миру под революционное правительство. Одна Парижская секция, секция Горы, решила 1 мессидора открыть список, в который внесли бы свои имена все те, кто принял конституцию 1793 г. Этот список быстро собрал 2 тыс. подписей. Ловкий маневр, чтобы потребовать прекращения террора путем введения в действие конституции. 11 мессидора секция извинилась перед Конвентом, заявив, что она была введена в заблуждение интриганами.

Новые «снисходительные» извлекли, конечно, большую пользу из непосредственно следовавших друг за другом побед. Чтобы отпраздновать эти победы, на улицах были организованы братские обеды: богачи и бедняки приносили свои припасы и проявляли свое товарищеское отношение, говоря друг другу «ты». Быстрый успех этих братаний обеспокоил Коммуну и правительство. «Далеки от нас, — сказал 27 мессидора Пейан, — все эти попытки сближения со сторонниками деспотизма! Далека от нас та система,

посредством которой нас хотят убедить, что в республике уже нет врагов!» Барер объявил на следующий день о новой хитрости аристократов. Эти так называемые братские обеды были, по его мнению, лишь «преждевременной амнистией». Аристократы восклицали, чокаясь с санкюлотами: «Наши армии всюду одерживают победы, нам остается только заключить мир, жить добрыми друзьями и отменить это революционное правительство, которое наводит такой ужас».

Но как можно было сохранить революционное правительство, противостоять напору «снисходительных» и обманутых ими, опиравшихся на общественное мнение, если Комитеты были по-прежнему разделены, и Робеспьер продолжал свое противодействие у якобинцев? Слух о внутренних распрях между членами правительства распространился даже в провинциях и встревожил депутатов (письма Ришо 27 прериаля, Жилле — 23 мессидора, Бо — 3 термидора и т. д.). Энгран, бывший проездом в Париже, в ответ на уговоры Рюампа принять участие в заговоре против Робеспьера с негодованием отказался и предсказал, что за низвержением Робеспьера последует низвержение революционного правительства и самой республики. Члены Комитета общественного спасения разделяли мнение Энграна. В конце мессидора, несомненно под влиянием Барера, они пытались сблизиться с Робеспьером. Барер несколько раз заявлял о необходимости сохранения террора. 9 мессидора он угрожал обманутым: «Народные представители, соблюдающие народные интересы и свою собственную безопасность, сумеют использовать внешние победы для уничтожения незаконных коалиций и преступных заговоров внутри страны, организованных кучкой людей, которые свою личную усталость принимают за усталость всего народа и свою запятнанную совесть за народную совесть». 16 мессидора, добившись голосования декрета об истреблении неприятельских гарнизонов в Конде, Валансьене, Кенуа, Ландреси, если они не сдадутся в течение 24 часов после требования о капитуляции, Барер с энтузиазмом восхвалял террор и предостерегал против преждевременной снисходительности: «Примиритесь с ними (внутренними врагами) сегодня, они завтра же нападут на вас и безжалостно вас уничтожат. Нет, нет, пусть враги погибнут! Я уже говорил однажды, что не возвращаются только мертвецы».

Робеспьер разделял мнение Барера. Он также думал,

что террор должен продолжаться до тех пор, пока имущества контрреволюционеров не будут распределены между бедняками, и пока не будут созданы и упрочены гражданские учреждения, план которых подготовил Сен-Жюст. 23 мессидора он добился исключения Дюбуа-Крансе из Якобинского клуба и приглашения Фуше явиться для оправданий. Фуше не повиновался этому постановлению и 26 мессидора был в свою очередь исключен из клуба. Комитеты не только отказались поддержать исключенных членов клуба, но даже проявили по отношению к ним определенную враждебность. 26 мессидора Дюбуа-Крансе был отозван из своей командировки в Бретань. Что же касается Фуше, который 25 мессидора добился постановления Конвента, предписывавшего Комитетам представить в кратчайший срок доклад о его командировке, то он тщетно ожидал этого доклада.

4 и 5 термидора оба Комитета собрались на торжественное заседание. Чтобы засвидетельствовать в решительном акте свою твердую волю продолжать террор и довести его до его социальных последствий, они создали, наконец, четыре народных комиссии, оставшиеся до сих пор спудом, но необходимые для проведения вантозских законов о рассортировании подозрительных и распределении их имуществ. Постановление было подписано Барером 4 термидора. По словам Лекуантра, они хотели помириться таким путем с триумvirатом. Робеспьер, действительно, явился на следующий день на заседание. Произошло объяснение. Сен-Жюст доказал, что только агенты неприятеля могли выставлять Робеспьера диктатором, так как в его распоряжении не было ни армии, ни финансов, ни администрации. Давид поддержал Сен-Жюста. Билло сказал Робеспьеру: «Мы твои друзья, мы всегда шли вместе с тобою». Чтобы ликвидировать предубеждение Комитета общественной безопасности, решили передать в его распоряжение бюро административной помощи, созданное при Комитете общественного спасения. Сен-Жюст был уполномочен обоими Комитетами представить Конвенту доклад о политическом положении, с поручением защищать революционное правительство. Билло и Колло рекомендовали ему все же не говорить о Высшем Существо.

В тот же вечер Барер, обрадованный тем, что ему удалось вернуть согласие, заявил в Конвенте, что только недоброжелатели могли распространить слухи о разделении и раздорах в правительстве и об изменении

революционных принципов. Он рассказал, что в предшествующие дни был задержан порох, предназначавшийся для армии, прорваны кузнечные мехи, сделана попытка нападения на тюрьму в Бисетре, умножились случаи саботажа, и угрожающе закончил: «Но меры, принятые вчера обоими Комитетами для осуждения в кратчайший срок всех врагов народа, задержанных во всей республике, приведены в действие и возвратят нации ту безопасность, которой ее беспрестанно хотят лишить, то величественное спокойствие, которое является признаком силы укрепившейся республики!»

На следующий день Кутон ответил ему в Якобинском клубе, прославляя «пылких» и энергичных, способных к величайшим жертвам для отечества людей», входивших в состав Комитетов. «Если между отдельными лицами и бывали разногласия, их никогда не было в отношении принципов». И Кутон приписывал происхождение туч, которые хотел рассеять, окружавшей правителей среде. Он надеялся, что Конвент вскоре уничтожит «пять или шесть маленьких человеческих фигур, руки которых полны богатств республики и вызывают отвращение, так как обгажены кровью невинных, которых они умертвили». Вместе с тем он пожаловался на то, что в северную армию отправили несколько рот парижских канониров и выражал опасения по поводу Марсовой школы. Но Леба его успокоил.

Тем не менее приходится думать, что в обоих враждебных лагерях не все сложили оружие и приняли лозунги Барера и Кутона. Начальник военного бюро Сижас беспрестанно обвинял в Якобинском клубе комиссара, военных передвижений Пилля, принимавшего, по его словам, аристократов на службу, восстанавливавшего в должности подозрительных генералов, удалившего из Парижа канониров и окружавшего свои действия тайной. Пилль был ставленником Карно. Слова Сижаса нашли отклик. 6 термидора у дверей Конвента кричали: «Надо повторить 31 мая!» На следующий день Барер похвалил Робеспьера за то, что он осуждал в Якобинском клубе эти мятежные крики. Но это не помешало якобинцам представить Конвенту в тот же день петицию с обвинением Пилля и мнимых «снисходительных», намеревавшихся истребить патриотов. Они потребовали суда над изменниками и мошенниками и неким Мажанти, который потребовал, в целях осмеяния декрета о Высшем Существо, смертной казни для всякого, кто осквернит имя

божества божбой. Следовало ли Комитетам, чтобы удовлетворить якобинцев, отозвать Пилля и выдать головы продажных депутатов, смерти которых Кутон и Робеспьер беспрестанно требовали в течение двух месяцев? На том же заседании 7 термидора Дюбуа-Крансе представил свои оправдания и предложил Робеспьеру признаться в своем заблуждении. Конвент постановил, чтобы Комитеты представили доклад о действиях Робеспьера в течение трех дней. Робеспьер принужден был, таким образом, выйти из Якобинского клуба, чтобы объяснить-ся перед Собранием.

Присоединился ли Робеспьер во время торжественного заседания 5 термидора к программе примирения, сформулированной Барером и, по-видимому, принятой Сен-Жюстом и Кутонем? Позволительно в этом сомневаться. Все его жалобы оказались недостаточными. Он хотел вырвать руководство войной из рук Карно, не выполнившего декрет 7 прернала, запрещавший брать в плен англичан и ганноверцев, и окружившего себя техническим советом, состоявшим из аристократов. Подобно Сижасу, он видел в удалении части канониров из Парижа хитрый маневр, направленный против Коммуны и его сторонника Анрио. Он не простил Комитету общественной безопасности, так же как и Билло и Колло, их постоянного покровительства этим Фуше и Талльенам. В последнее время на улицах кричали об аресте Робеспьера, и Комитет не нашел нужным вмешаться. Из доклада директора полиции Фаро, Робеспьер только что узнал, что Амар и Вуллан навестили 5 термидора в тюрьме заключенных жирондистских депутатов и задали им ряд вопросов: «Не задерживают ли вашу корреспонденцию? Не отказывают ли вам во всех удовольствиях — в кофе, сиропе, шоколаде, фруктах? Признают ли здесь ваше достоинство?» Назовите нам, дорогие товарищи, тех, кто унизил национальное представительство. Они будут наказаны. Комитет учинит над ними суд». Отдав приказ о применении к депутатам более снисходительного обращения, Амар и Вуллан впоследствии спохватились и сохранили по отношению к ним прежний режим, но Робеспьер подозревал, что его противники из партии Горы и Болота, которые до сих пор его поддерживали, готовы были вступить в соглашение. И это еще в большей степени, чем дело Дюбуа-Крансе, заставило его нарушить молчание.

8 термидора, не сговорившись предварительно ни с Сен-Жюстом, ни с Кутонем, которые, несомненно, его

отговорили бы, Робеспьер попытался добиться непосредственно от самого Конвента реализации всей своей программы. Выразив в длинной и страстной речи протест против клеветы, изображавшей его диктатором, питающим злые умыслы против Собрания, он приписал своим противникам, террористам, превратившимся в «снисходительных», все эксцессы гильотины: «Разве это мы заключили патриотов в темницы и содействовали распространению террора? Это сделали чудовища, которых мы обвинили!» Он подтвердил необходимость революционного правительства, но оговорился, что оно должно поражать быстро и беспощадно одних лишь заговорщиков. А его клеветники, называвшие себя «снисходительными», на деле же бывшие просто мошенниками, разрушали авторитет революционного правительства в общественном мнении, подвергая преследованиям мирных людей, чтобы получить возможность покровительствовать аристократам. «Революционный трибунал сделали ненавистным, чтобы подготовить его упразднение». Затем он смело напал на Комитет общественной безопасности и его служащих, эту «шайку мошенников, которым покровительствуют Амар и Жаго». Он упрекал Вадье за дело *Екатерины Тео* и требовал, чтобы подозрительный Комитет был не только переизбран, но и подчинен Комитету общественного спасения. Робеспьер не остановился на этом. Комитет общественного спасения тоже следовало очистить. Он не сумел добиться выполнения декрета об английских военнопленных, сеял раздоры между генералами, покровительствовал военной аристократии, которая стояла за Карно. И Барер, несмотря на сделанные им за последнее время попытки к примирению, не был пощажён: «Вам много говорят о наших победах с академической легковесностью, которая заставляет думать, что они не стоили нашим героям ни крови, ни трудов. Если бы о победах говорили с меньшей помпой, они показались бы более великими». Дипломатическая часть, которой руководил Барер, находилась в совершенном пренебрежении. Агенты, получавшие командировки за границу, были изменниками. Робеспьер порицал, кроме того, Камбона за его жалкую, расточительную, мелочную и хищную финансовую систему. Декрет о пожизненных рентах вызвал сильное и справедливое недовольство. Робеспьер заключил свою речь вызовом шайке мошенников, добившихся власти.

Эта речь произвела настолько сильное впечатление, что

сам Лекуантр, один из обвиненных Робеспьером мошенников, потребовал ее отпечатания. Барер поддержал это требование, и оно было вотировано, несмотря на протест Бурдона из департамента Уазы. По предложению Кутона, было постановлено разослать ее по всем секциям. Означало ли это победу Робеспьера? Его противники спохватились. Вадье попытался дать объяснения по делу Екатерины Тео. Камбон страстно вмешался в дебаты: «Прежде чем быть опозоренным, я обращусь ко всей Франции!» Он обвинял Робеспьера в том, что он парализует Конвент. Пылкость его речи возбудила мужество Билло, потребовавшего, чтобы речь Робеспьера, до разослания ее по Коммунам, была отдана на рассмотрение Комитетов. «Если справедливо, что мы не пользуемся свободой слова, я лучше предпочту, чтобы мой труд послужил престолом для честолюбца, чем сделаться, благодаря своему молчанию, сообщником его злодеяний». Он коснулся чувствительного места. Панис предложил Робеспьеру и Кутону назвать депутатов, которых они обвиняли. Робеспьер отказался ответить и этим погубил себя. Все, кто мог себя в чем-нибудь упрекнуть, почувствовали себя под угрозой. Бантаболь и Шарлье потребовали отмены декрета об отпечатании речи Робеспьера. Барер, почувствовав перемену ветра, повернул свой флюгер. Он упрекнул Робеспьера за то, что последний отсутствовал на заседаниях Комитета, иначе он не написал бы свою речь. Конвент решил не рассылать его речь по Коммунам. Робеспьер уже не имел за собой большинства. Он бросил свой щит.

Правда, в тот же вечер Робеспьер, явившийся в Якобинский клуб, чтобы прочесть свою речь, был встречен бесконечными овациями. Его противники, Колло и Билло, пытавшиеся ему отвечать, были заглушены свистками и должны были покинуть клуб под крики: «Заговорщики, на гильотину!» Но якобинцы приняли только решение поставить «заговор» в первую очередь своих дебатов. Робеспьер не хотел повторения 31 мая. Несмотря на свою неудачу, он надеялся вернуть на свою сторону большинство Конвента. Он хотел удержать борьбу на парламентской почве. Он не предвидел, что ему уже не удастся более говорить в Собрании.

Члены Комитетов растерялись. Вернувшись ночью из Якобинского клуба, Билло и Колло устроили Сен-Жюсту бурную сцену, но весь результат обсуждения, продолжавшегося до самого рассвета, свелся к составлению Барером

прокламации, которая предостерегала от влияния некоторых людей и честолюбия военных вождей, имена которых не были названы.

Решение явилось со стороны продажных проконсулов, которым Робеспьер угрожал в течение двух месяцев и которые знали, что его победа повлечет за собой их гибель. Талльен получил от своей любовницы, привлеченной к суду революционного трибунала, безумное письмо. Вместе с Фуше он предпринял ряд попыток привлечь на свою сторону Болото. Сначала отвергнутые Паланом Шампо, Буасси д'Англа, Дюран-Майаном, которые не доверяли раскаянию террористов, они приняли на себя такие обязательства, что их третья попытка все же увенчалась успехом. Болото выдало Робеспьера под условием, что кровожадные монтаньяры помогут ему отменить террор. Еще до открытия заседания были приняты при участии председателя Собрания Колло д'Эрбуа все меры к тому, чтобы заглушить голоса Робеспьера и его друзей.

Когда Сен-Жюст в самом начале заседания хотел прочесть подготовленную им искусную речь, в которой слагал всю вину на Билло, Колло и Карно, Талльен горячо перебил его, обвинив в том, что он изолировал себя от Комитета, поскольку говорил от собственного имени: «Я требую — сказал он под аплодисменты, повторившиеся три раза, — чтобы завеса была полностью разодрана». Билло рассказал о вчерашнем заседании в Якобинском клубе и угрожал Собранию новым 31 мая, которое закончится его избиением. Он обвинял Робеспьера в покровительстве эбертистам, дантонистам, дворянам, мошенникам, в преследовании патриотов, в составлении декрета 22 прериала, словом — в образе действий тирана. «Да погибнут тираны!» повторял за ним хор. Робеспьер хотел ответить. Колло отказал ему в слове, которое передал Талльену. Талльен, размахивая кинжалом перед новым Кромвелем, громил окружающих его Верресов¹ и требовал ареста их креатур. Были вотированы аресты Анрио, Буланже, Дюфресса, Дюма, Барер провел отмену должности командующего национальной гвардией. Новая попытка заговорить со стороны Робеспьера была заглушена звоном колокольчика в руках Тюрио, занявшего председательское место после Колло. Луше и Лозо

¹ Веррес — римский проконсул, разоривший своими грабежами и злоупотреблениями Сицилию. Против него выступил Цицерон.

потребовали ареста «властителя». Робеспьер младший предложил разделить участь своего старшего брата. Было постановлено арестовать кроме обоих Робеспьеров, Сен-Жюста и Кутона. Леба потребовал чести фигурировать в проскрипционном списке. Его желание было удовлетворено. «Республика погибла,— сказал Робеспьер спускаясь к решетке,— разбойники торжествуют».

Было пять часов вечера. Но положение оставалось еще невыясненным. По собственному почину Коммуна и Анрио объявили восстание, приказали закрыть заставы, пробить тревогу, ударить в набат, созвали секции, предложили им послать своих канониров к Городской думе и поклясться в том, что они будут защищать свободу и отечество. В половине шестого, не слушая никаких увещаний, храбрый Анрио с кучкой жандармов попытался освободить арестованных депутатов. Стараясь пробиться в двери помещения Комитета общественной безопасности, в котором находились арестованные депутаты, он был сразу окружен и связан на глазах у тех, кого хотел освободить. Этот прискорбный инцидент определил дальнейший ход событий. Робеспьер и его друзья решили, что восстание, лишившееся своего вождя, не имеет никаких шансов на успех. С этого момента они возложили всю свою надежду на революционный трибунал и, когда их развели по разным тюрьмам, они уже покорились своей судьбе.

Но восстание разрасталось с часу на час. Канониры секций собрались со своими орудиями на Гревской площади. Гражданские и революционные комитеты восточных и южных рабочих секций и центральных секций ремесленников принесли присягу. Якобинцы собрались и установили связь с Коммуной. К 8 часам вечера энергичный Коффингаль с частью канониров направился к Конвенту, освободил Анрио и увлек за собою даже гвардию Собрания. Он мог бы закончить борьбу, легко захватив членов Комитетов, которые растерялись и обратились в бегство. «Граждане,— восклицал председательствовавший Колло,— настал момент умереть на своем посту!» Но Коффингаль не довершил своей победы. Он ограничился тем, что с триумфом увел Анрио в думу.

Конвент облегченно вздохнул. Он поспешил уполномочить Барраса доставить ему вооруженную силу, и Баррас, с помощью шести других депутатов, собрал умеренные секции. Призванные своими эмиссарами, купцы секции Ломбарда, банкиры секции Ле Пеллетье, ажиотеры Пале-Рояля, богатые буржуа западных секций — сбежались

к Конвенту. К ним присоединились последние остатки эбертизма и дантонизма, вызванные обоими Бурдонами, Талльеном, Ровером и Фрероном. Но понадобилось время, чтобы собрать эти рассеянные и разрозненные силы. В ожидании Барер провозгласил вне закона мошенников Коммуны и всех, кто не подчинился отданным Комитетами приказам об аресте. Он рассчитывал, что эта грозная мера напугает колеблющихся и парализует восстание. Он не ошибся.

После выступления Коффингаля восстание приостановилось. Коммуна хотела, по-видимому, передать руководство восстанием осужденным депутатам. Но освобожденные один за другим администраторами полиции депутаты не торопились действовать. Робеспьер старший сначала отказался перейти в здание Коммуны. Кутон хотел остаться в тюрьме и вышел из нее лишь после полуночи. Один лишь Робеспьер младший сразу отправился на заседание Коммуны и обратился к ней с воззванием. Когда пришло известие о провозглашении осужденных депутатов вне закона, Робеспьер старший последовал примеру своего брата. Он заседал вместе с другими депутатами в Исполнительном комитете, созданном Коммуной. Леба отправил письмо командиру Саблонским лагерем. Робеспьер подписал воззвание к секции Пик. Муниципальные чиновники были посланы в секции, чтобы привлечь их на сторону Коммуны. Наконец, было принято решение арестовать главных членов Комитетов. Но была уже поздняя ночь. Утомленные тщетным ожиданием, распространяемые кроме того агентами Барраса канониры и национальные гвардейцы постепенно разошлись. Приходилось думать скорее о защите, чем о нападении. Чтобы предотвратить измену, Коммуна приказала в полночь осветить фасад Городской думы.

Баррас колебался приступить к решительным действиям. К двум часам утра он, наконец, решился. Один предатель сообщил ему пароль, данный Анрио. Войска Конвента выступили двумя колоннами. Левая колонна, во главе с Леонардом Бурдоном, увеличенная батальоном секции Гравилье, неожиданно проникла, благодаря паролю под крики: «Да здравствует Робеспьер!» в самую залу, в которой заседал Исполнительный комитет. Робеспьер и Кутон составляли воззвание к армиям. Робеспьер младший бросился в окно, его подняли со сломанным бедром. Леба застрелился из пистолета. Робеспьер старший пытался последовать его примеру и раздробил

себе нижнюю челюсть. Все оставшиеся в живых, в числе 22 человек, были преданы на следующий день смертной казни после установления их личности. 11 термидора гильотинировали таким же упрощенным способом 70 членов Коммуны.

Парижское население даже в простонародных кварталах оказало, по-видимому, незначительную поддержку Коммуне. Ремесленники жаловались на дороговизну жизни. Рабочие оружейных заводов находились в течение нескольких дней в сильном волнении. Коммуна объявила 5 термидора максимум поденной платы, вызвавшей общее недовольство всех поденных рабочих. В самое утро 9 термидора каменщики и каменотесы секции Единства обсуждали вопрос о прекращении работы, и эта секция, склонявшаяся прежде к эбертизму, открыто стала на сторону Конвента. К четырем часам пополудни на Гревской площади собралась толпа рабочих, требовавших изменения максимума. К 8 часам Коммуна выпустила воззвание, в котором слагала ответственность за установленную плату на Барера, «переходившего» поочередно из партии в партию и установившего максимум поденной платы, чтобы предать рабочих голодной смерти». Но это воззвание не рассеяло предубеждений, и когда муниципальных чиновников вели к месту казни, их провожали криками: «К черту максимум!»

Трагическая ирония! Робеспьер и его партия погибли главным образом из-за того, что хотели использовать террор для нового переустройства собственности. Республика, построенная на принципе равенства, без богатых и бедных, которую они мечтали основать путем применения вантозских законов, была обречена вместе с ними на гибель. Несознательные санкюлоты вскоре пожалели о максимуме. Они потребовали его восстановления, но тщетно.

В данный момент всю важность победы кровожадных террористов, объединившихся с Болотом, могла понять только та просвещенная часть мелкой буржуазии и ремесленников, которую Робеспьер призвал к управлению и которая наполняла многочисленные клубы и органы революционной администрации. Она испытывала глубокую скорбь. Эта скорбь проникла даже в показания гермидорианцев. Тибодо, будущий префект империи, сообщает, что власти его департамента сначала задержали его воззвание о событиях 9 термидора. Ленъело 21 термидора писал Комитету из Лавалья, что злой гений

тирана еще жив: «и это изумительно, но он еще не уничтожен. Все вожди народных обществ были за Робеспьера». В Невере лица, прибывшие из Парижа и объявившие о падении Робеспьера, были немедленно заключены в тюрьму. В Аррасе и Ниме, когда пришло известие об аресте Робеспьера, клубы предложили вооружиться и поспешить ему на помощь. Многие патриоты с отчаяния окончили жизнь самоубийством (в Париже — гравер Моклер, в Ниме — судья Будон и т. д.).

Но 'термидорианцы располагали теперь террором по своему усмотрению. Они освободили из заключения своих сторонников и посадили в тюрьмы сторонников Робеспьера. Заложники реакции, которой освободили путь, они пошли дальше, чем сами хотели. Многие из них раскаялись к концу своей жизни в своем участии в перевороте 9 термидора. В лице Робеспьера они задержали на целое столетие создание демократической республики.

Порожденная войной и ее лишениями, принявшая силою обстоятельств форму противного ее принципам террора, эта республика, несмотря на свои чудеса, была по существу чистой случайностью. Опираясь на все более суживающееся основание, она осталась непонятной даже теми, кого хотела приобщить к своей жизни. Понадобился пылкий мистицизм ее основателей, их сверхчеловеческая энергия, чтобы продлить ее существование до победы над внешним неприятелем. Нельзя изгладить в течение нескольких месяцев следы двадцати столетий монархии и рабства. Даже самые суровые законы неспособны сразу переменить человеческую природу и социальный строй. Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст, желавшие продлить диктатуру до создания гражданских учреждений и ниспровержения власти богатых, хорошо это понимали. Они могли бы добиться успеха, если бы имели в своих руках всю полноту диктаторской власти. Но непримиримость Робеспьера, который порвал отношения со своими коллегами как раз в тот момент, когда они пошли на уступки, оказалась достаточной, чтобы разрушить висевшее в воздухе здание. Показательный пример границ человеческой воли в борьбе с неблагоприятными обстоятельствами!